Научный Татарстан

Гуманитарные науки

Казань 2012

Научный рецензируемый журнал
Учредитель – Академия наук Республики Татарстан

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 29 октября 2009 года. Регистрационный номер ПИ № ФС77-37866

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки)

Главный редактор – президент АН РТ, академик ***А.М. Мазгаров***

Заместитель главного редактора – директор Института истории АН РТ, академик АН РТ ***Р.С. Хакимов***

Выпускающий редактор, ответственный секретарь – главный редактор издательства «Фэн» АН РТ, кандидат исторических наук ***Б.Л. Хамидуллин***

Редакционная коллегия:

Багаутдинов Ф.Н., доктор юридических наук (Казань),
Бальдауф Ингеборг, доктор исторических наук, профессор (Берлин),
Васильев Д.Д., кандидат исторических наук, профессор (Москва),
Вашари Иштван, доктор исторических наук, профессор (Будапешт),
Ганиев Ф.А., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Девлет Надир, доктор исторических наук, профессор (Стамбул),
Загидуллин И.К., доктор исторических наук, доцент (Казань),
Кляшторный С.Г., кандидат исторических наук, профессор (Санкт-Петербург),
Миннуллин К.М., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Мухаметшин Р.М., доктор политических наук, профессор (Казань),
Мухаметшина Р.Ф., доктор педагогических наук, профессор (Казань),
Саликов М.С., доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург),
Трепавлов В.В., доктор исторических наук, профессор (Москва),
Фаткудинов З.М., доктор юридических наук, профессор (Казань),
Хайрутдинов Р.Р., кандидат исторических наук, доцент (Казань),
Хасанова Г.М., кандидат филологических наук (Казань),
Хузин Ф.Ш., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Шамильоглу Юлай, доктор исторических наук, профессор (Мадисон).

Адрес редакции:

420111, Казань, ул. Баумана, 20
Телефоны:
Гл. редактор – 292-40-34
Зам. гл. редактора – 292-84-82
Ответ. секретарь – 292-15-64
E-mail: anrt@rambler.ru
(для редакции «НТ»)

Редакторы:
А.Г. Аксенова, В.П. Лащенова
Технический редактор *В.Н. Галкина*
Переводчик *Д.К. Вахитова*
Компьютерная верстка
В.В. Калинин

Подписано в печать 05.06.2012.
Формат 70x108 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 15,0. Усл. печ. л. 21,0.
Тираж 500 экз.
Заказ 03-12/02-2.

Отпечатано в типографии «Логос».
420108, г.Казань, ул.Портовая, 25 а
Тел.: (843) 231-05-46, 231-05-61
Факс (843) 231-08-71
E-mail: citlogos@mail.ru
www. logos-press.ru

© Коллектив авторов, 2012
© Издательство «Фэн» АН РТ, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

7 ***Хакимов Р.С.*** Евразия: история будущего (отрывки)

ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

25 ***Кабирова А.Ш., Бушуев А.С.*** Власть и общество в Татарстане: проблемы взаимоотношений в трудовой сфере в период Великой Отечественной войны

ИСТОРИЯ

41 ***Ахсанов К.Г.*** Внутриполитическая ситуация в Османской империи в начале Балканской войны по материалам татарских журналистов

48 ***Бушуев А.С.*** Демографические тренды в молодежной среде Татарстана в 1985–2005 гг.

55 ***Денисов Д.Н.*** Проблема сосуществования православных и мусульманских храмов в градостроительном пространстве Южного Урала (XVIII – начало XX вв.)

61 ***Исхаков Р.Р.*** Дохристианские верования в системе религиозности татар-кряшен в XIX в.: архаичные культы

74 ***Кляшторный С.Г.*** Основные этапы политогенеза у древних и средневековых кочевников Центральной Азии

85 ***Мухамадеева Л.А.*** Политика ТАССР «По слиянию кряшен с основной массой татарского населения» в 1920-е гг. (по материалам периодической печати)

94 ***Мухамадеев А.Р.*** Тюркское обычное право в судопроизводстве Волжской Болгарии: постановка вопроса

101 ***Роднов М.И.*** История Татарстана в трудах Руфа Игнатьева

117 ***Ханипова И.И.*** Беспризорность детей в ТАССР в 1930-е гг.

ФИЛОЛОГИЯ

126 ***Ахметзянов М.И.*** О татарских рукописных книгах

147 ***Ахметзянов М.И.*** О научно-исследовательских экспедициях сотрудников ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ в 2011 г.

154 ***Вахитова Д.К.*** Инвективная лексика в творчестве М.Магдеева

159 ***Каюмова Г.И.*** Талантливый драматург нашего времени

164 ***Сайфуллина Ф.С.*** Возвращаясь к трудам великих (к 175-летию академика В.В. Радлова)

171 ***Михаэль Фридерих***. Габдулла Тукай (1886–1913) – высокочтимый поэт на службе татарской нации и советского социализма (отрывки)

188 ***Улемнова О.Л.*** П.М.Дульский, П.Е.Корнилов – первые искусствоведы Татарстана

196 ***Юсупов Ф.Ю.*** В.В. Радлов – основоположник Российской тюркологической науки.

211 Хронологический перечень трудов В.В. Радлова и литературы о нем. (Составитель Ф.Ю. Юсупов)

НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ

223 ***Хабутдинов А.Ю.*** Рецензия на V том «Истории башкирского народа»

230 ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

CONTENTS

HISTORICAL LEGAL ASPECTS OF STATE FORMATION

7 ***Khakimov R.S.*** Eurasia: History of the future (fragments)

IN COMMERATION OF THE GREAT VICTORY

25 ***Kabirova A.Sh., Bushuev A.S.*** Power and society in Tatarstan: relationship problems in the sphere of labour during the Great Patriotic War

HISTORY

41 ***Akhsanov K.G.*** The internal political situation in the Ottoman Empire at the beginning of the Balkan War on the materials of Tatar journalists

48 ***Bushuev A.S.*** Demographic trends among young people in Tatarstan in 1985-2005

55 ***Denisov D.N.*** The problem of coexistence of Orthodox and Muslim temples in urban space of the Southern Urals (XVIII – the beginning of the XX century)

61 ***Iskhakov R.R.*** Pre-Christian beliefs in the system of religiousness of the Tatars-Kryashens in the XIX century: archaic cult

74 ***Klyashtorny S.G.*** The main stages of politogenesis of the ancient and medieval nomads of Central Asia

85 ***Mukhamadeeva L.A.*** The policy of Tatarstan «in merging of Kryashens with the bulk of Tatar population» in 1920 (on the basis of periodicals)

94 ***Mukhamadeev A.R.*** Turkic customary law in the proceedings of the Volga Bulgaria: formulation of the problem

101 ***Rodnov M.I.*** The history of Tatarstan in the works of Ruf Ignatiev

117 ***Khanipova I.I.*** Homeless children in Tatarstan in the 1930-s

PHILOLOGY

126 ***Akhmetzyanov M.I.*** Tatar manuscripts

147 ***Akhmetzyanov M.I.*** Research expeditions of the employees of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of Tatarstan in 2011

154 ***Vakhitova D.K.*** Invective units in the works of M.Magdeev

159 ***Kayumova G.I.*** Talented playwright of our time

164 ***Saifulina F.S.*** Returning to the works of the greatest (to the anniversary of the academician Radlov V.V.)

171 ***Michael Friderich.*** Gabdoullah Tukay (1886–1913) – highly honoured poet at the service of the Tatar nation and the Soviet socialism (fragments)

188 ***Ulemnova O.L.*** P.M. Dulsky, P.E. Kornilov – the first art critics of Tatarstan

196 ***Yusupov F.Yu.*** Radlov V.V. is the founder of Russian Turkological Science

211 Chronological list of works of Radlov V.V. and literature about him. (Originator Yusupov F.Yu.)

NEW BOOKS. REVIEWS

223 ***Khabutdinov A.Yu.*** Review of volume V of «The history of the Bashkir people»

230 ACTIVITY CHRONICLE OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES

УДК 321; 323

ЕВРАЗИЯ: ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО*
(отрывки)

***Р.С. Хакимов**, академик, доктор исторических наук*

«Когда было сотворено голубое небо»

Корни татарской этничности восходят к Первому Тюркскому каганату, основанному в 551 году. Конечно, гунны (хунны) оставили заметный след во всей тюркской культуре, а потому многие вещи уходят корнями в более раннюю эпоху, но Тюркский каганат удобен для анализа по ряду причин: во-первых, там проявились черты, характерные для всех кочевых народов, при этом мировоззрение тюрков можно рассматривать как достаточно универсальную модель для всей Евразии; во-вторых, по этому периоду имеется достаточное количество источников; в-третьих, все современные тюркоязычные народы выводят свое происхождение именно от Тюркского каганата, а потому можно проследить как общее, так и особенное в тюркских народах.

Во главе государства гуннов стоял шаньюй, которого официально титуловали «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной прославленный, великий гуннский шаньюй». Глава гуннов утром выходил из ставки и совершал поклонения восходящему солнцу, а вечером – луне. У гуннов существовал культ деревьев. В 682 г. состоялась албанская миссия во главе с епископом Исраэлем в столицу гуннов на Кавказе, о чем свидетельствует армянский летописец Мовзес Каганкатваци. Для нас представляют интерес упоминания о языческой вере гуннов и реформе религии. «В период религиозной реформы в стране гуннов была уничтожена одна из главных святынь – священная дубовая роща. Из ствола самого высокого священного дерева мастера изготовили высокохудожественной работы крест, который установили вблизи дворца великого князя Алп Алитвера», – пишет Л.Гмыря[1]. Как дубовая роща, так и крест, изготовленный из дерева, символизировали в древние времена Солнце в качестве божества.

Тюрки Центральной Азии и Сибири в VI–VIII вв. также поклонялись не только Солнцу и Луне, но и высоким деревьям. Махмуд Кашгарский сокрушался о тюрках – «неверных», которые словом «Тенгри» называли «большие деревья». «Еще один обычай, – пишет С.Г.Кляшторный, – общий для гуннов и древнеуйгурских племен, заслуживает упоминания – и те, и другие почитали громовые удары и молнию и приносили жертвы на место, куда молния ударила»[2]. Эти представления зафиксировал Ибн-Фадлан, прибывший в Булгарское государство в 922 г.: «...Если молния ударит в дом, то они не приближаются к нему и оставляют его таким, какой он есть, и [также] все, что в нем [находится], – человек и имущество и все прочее, – пока не уничтожит его время. И они говорят: “Этот дом [тех], на ком лежит гнев”»[3]. Мировое дерево, священная роща, молния считались божественными знаками не только у поволжских народов, но и в других частях света**. Если молния символизировала

---

* Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. – 2011, №№ 1, 2, 3, 4; 2012, № 1.

** В «Ригведе» создатель мира Тваштар вырезал вселенную из дерева. В Индии каждая деревня имеет свое дерево, к которому относятся как к человеческому существу. В Татарстане многие марийцы молятся на деревья. См.: Т.Л. Молотова. Марийцы-язычники Татарстана // Форум «Идель–Алтай». – Казань, 2009.

отцовское начало, то дерево было материнским символом – плодоносное, родовое начало.

Любопытно, что до принятия христианства в Киевской Руси молились Перуну, богу грома и молнии, о чем писал в VI в. Прокопий Кессарийский: «Считают, что один из богов – создатель молнии – ... есть единый владыка всего, и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных»[4]. По славянской мифологии, Перун мечет каменные стрелы, отчего образуется гроза. С принятием православия функция громовержца была перенесена на Илью-Пророка.

По византийским источникам, священным деревом Перуна был дуб. Культ деревьев в России сохранялся в некоторых местах вплоть до XIX века. «В священных рощах нельзя было не только вырубать живые деревья, но и рубить на дрова сухостой и бурелом – все должно было сгнивать на месте, внутри самой рощи. На ветки священных деревьев в качестве приношений крестьяне вешали платки, ленты, куски холста, полотенца с просьбами об избавлении от болезни или в благодарность за излечение»[5]. Отметим весьма существенный момент, демонстрирующий исключительную живучесть древних традиций. Церковь не могла справиться с прежними обычаями, а потому нередко сами богослужения совершались в рощах. В Духовном регламенте 1721 года говорится: «...Попы с народом молебствуют пред дубом, и ветви онаго дуба поп народу роздает на благословение... и сим... ведут людей в явное и постыдное идолослужение».

Особенно прочно эта традиция сохранилась у финно-угорских народов. До революции они совмещали православие со своими верованиями, а сегодня просто вернулись к прежней религии и вновь начали почитать березовые рощи. В Биляре и сегодня можно увидеть деревья, обвешанные лентами, при этом особенно почитаются деревья, в которые ударила молния.

В случае с поклонением деревьям вряд ли нужно пытаться искать какие-то заимствования, практически у всех народов мира встречается нечто подобное, точно так же, как поклонение солнцу, земле, воде, всем формам устойчивой материи. Несмотря на последующие религиозные и мировоззренческие наслоения, ряд тем, связанных с деревом, землей, водой, солнцем, луной, остались в качестве символов и проявляются по сей день в разной форме, и не только в художественной. Возможно, татарская традиция сажать деревья на кладбище является наследием древнего культа дерева. Мы не очень задумываемся над тем, что означает новогодняя елка, когда ее наряжаем, но это реальный след древнего культа дерева. Несмотря на то что традиция наряжать рождественскую елку пришла от христиан, тем не менее, и мусульмане охотно ставят елки, поскольку в их подсознании остались ассоциации со священным деревом.

Лес, деревья всегда будут сохранять свою притягательность. Возможно, сегодня это больше выражается в экологической терминологии, но в основе лежит то же самое древнее чувство, о котором хорошо сказал знаменитый философ Сенека: «Когда ты вступаешь в лес со старыми и необычайно высокими деревьями, в котором сплетения ветвей и веток закрывают вид неба, разве величавость такого леса, тишина местности, чудесная тенистость этого свободного, образованного чашей купола не пробуждает в тебе веры в высшее существо?»[6].

Среди персонажей татарских сказок один из самых любимых – это Шурале. Он не похож на другие сказочные персонажи в мировом фольклоре. Шурале нельзя назвать злодеем, хотя он и «не праведник святой». По словам Габдуллы Тукая, Шурале – дитя природы, он убивает людей щекоткой, заставляя хохотать. При этом Шурале довольно наивен, его нетрудно обмануть, что и происходит в конце сюжета сказки – дровосек по имени «Вгодуминувшем» за-

ставляет «лесного барана» потрудиться, засунув пальцы в щель на толстом бревне. Прищемив пальцы, Шурале, остается ни с чем.

В этой сказке лес несет в себе сакральный смысл как напоминание о древнем культе дерева. Дровосек символизирует сознание человека, избавившегося от старых традиций божественного почитания леса. Он способен «обмануть» подсознание в образе Шурале, оставив его в символическом «В году минувшем». В образе Шурале выразилась «демоническая» сторона самого человека, которую он должен постоянно преодолевать. Шурале не дьявол, не черт, а выражение человеческих страстей, темной стороны души. Это далеко не уникальное явление. Карл Юнг в работе «Об архетипах коллективного бессознательного» пишет: «Многие первобытные племена считают, что человек имеет помимо собственной еще и “лесную душу”. И что эта душа лесная воплощена в диком животном или в дереве (друиды), с которыми тот или иной человек имеет некоторую психическую идентичность»[7]. Дерево в примитивном обществе находится с человеком в жестких отношениях, наподобие родительской власти. Дровосек в татарской сказке преодолевает возврат к инфантильности благодаря своей хитрости, т.е. сознанию, которое становится выше первобытных страхов.

Культ дерева, видимо, был древнее, чем собственно тенгрианство, приблизившееся вплотную к монотеизму. У гуннов, древних тюрков, дунайских болгар существовал единый пантеон божеств. Макрокосм делился на Верхний, Средний и Нижний миры. Эта структура была обозначена в древних руническихписьменах: «Когда было сотворено (или возникло) вверху голубое небо (и) внизу темная (бурая) земля, между обоими были сотворены сыны человеческие (т.е, люди)», – записано на памятнике в честь Кюль-тегина[8]. На верхнем уровне в качестве высшего божества пребывает Тенгри – наиболее универсальное божество, источник энергии нашего мира. Он распределяет сроки жизни, он дарует каганам мудрость и власть, наказывает согрешивших против каганов. Рядом с Тенгри богиня Умай – символ плодородия. Умай, как и Тенгри, – женское, родительское начало, определяющее продолжение рода. Она почитается не менее, чем Тенгри. На земле аналогом Тенгри и Умай выступали каган со своей женой.

Атрибуты Верхнего мира – Солнце и Луна. В рунических надписях читаем:

«Занялась заря,
Потом осветилась земля,
Потом взошло солнце,
Надо всем засиял Свет!»[9].

«Свет» в данном тексте, видимо, относится к чему-то высшему, т.е. духовному. Солнце – универсальное божество у многих народов мира. Солнце символизирует жизненную силу, бессмертное начало, неугасимость жизни.

На всем Востоке солнце играло роль верховного божества. В Древнем Египте культ солнца особенно ярко проявился при Аменхотепе IV, который остальных богов объединил в образе Солнца. Но и Европа не была чужда этого символа, а с принятием христианства солярные знаки были вплетены в новый контекст. В частности, крест является типичным солярным знаком. Греческий, или квадратный, крест (crux quadrata) «использовался с доисторических времен в самых разных значениях – как символ бога солнца...»[10]. В раннем христианстве греческий крест символизировал Христа.

Латинский длинный крест, с которого был снят распятый Христос, имеет также название крест Жизни. «Обычно крест изготавливают из необработанного дерева, но иногда его покрывают золотом, что символизирует славу, или красными пятнами (кровь Христа) на зеленом (Древо Жизни)»[11]. Один из вариантов этого креста (трефовый) изображается с листьями клевера. Как видим, крест соединил в себе солярный знак с культом дерева. Как дерево, так

и солнце символизируют рождение и жизнь, включая возрождение.

Солнце во всем мире наиболее часто встречающийся символ высшего божества. До того как Господь предстал как идея, абсолют, «Свет», он выражался в культе Солнца. Но сама символика и тот смысл, который в нем заключен, не ушли из жизни вместе с господством монотеизма в лице христианства или ислама. Христианство включило солярную символику в христианские атрибуты, а ислам для большинства тюркских народов стал органическим продолжением тенгрианства. В татарской традиции Тенгри стал синонимом Аллаха, чему способствовал и сам Коран, в котором часто звучит обращение к образу солнца.

В татарских деревнях (у кряшен и мишарей) до сегодняшнего дня сохранился праздник Нардуган. Одно из объяснений этимологии слова нардуган сводится к монгольскому *нар* 'солнце' и татарскому *туган* 'рожденный'[12]. Поскольку праздник начинается с зимнего солнцестояния, то естественно предположить его связь с культом Солнца. То, что у татар часто его называют 'шайтан туе' (свадьба дьявола), надо отнести к позднейшему влиянию ислама, пытавшемуся его искоренить из жизни.

Нардуган «представлял собой ритуал, относившийся к магии плодородия. Об этом ярко свидетельствует народная поговорка: "Нардуганга басмасан, житен булмый" (если не пойдешь на Нардуган, не будет урожая льна)»[13]. Нардуган сопровождался переодеванием и последующими плясками. Мужчины наряжались женщинами, пачкали себе лицо сажей до неузнаваемости, в прежние времена надевали на голову череп коня. «Нардуганский дед, держа в правой руке солому, а левую, заложив за спину, подходил к нардуганской бабке движением, которое называлось "борынгы тыпырдау" ("старинная дробь") и отдавал ей половину соломы. Затем оба, взявшись за руки и прыгая вверх, подходили к хозяевам и отдавали им обратно солому. После этого, пляшущие тем же движением "борынгы тыпырдау" отходят друг от друга и снова сходятся»[14]. Хождение по домам, различные танцы и гадания заканчивались вечером разжиганием костров в каждом дворе или иногда одного большого костра. «Для этого в середину костра втыкали шест с надетым на него колесом (солярный знак), которое поджигали, или надевали на шест горящую солому... Разжигались нардуганские костры в древности "древесным огнем", полученным от трения»[15]. Далее следовало исполнение различных песен, плясок и хороводов, которые продолжались всю ночь. Заметим, что и здесь выделялись притопывающие движения: "берле тыпырдау", "борынгы тыпырдау", "акцентлы тыпырдау". Автор статьи комментирует: «Крещеные татары верили, что лучшее исполнение на Нардугане плясок, игр и хороводов позволит им угодить духу шайтана, а он, в свою очередь, позаботится о хорошем урожае конопли и льна»[16]. Конечно же, все эти игры, пляски есть форма поклонения солнцу, на что указывает колесо, огонь костра. Нардуган был связан с плодородием и не имел отношения к дьяволу. У индейцев существуют точно такие же танцы с устойчивыми и мощными притопываниями пятками о землю ("босой ногой мы должны теперь бить о землю")[17]. У марийцев все танцы проходят с ярко выраженным притопыванием, что указывает на его отношение к плодородию. Кстати, "древесный огонь", получаемый трением, широко распространенный обычай у всех народов, который несет не только магическое, но и сексуальное значение. В случае с Нардуганом на это же указывает и характер девичьих гаданий о суженом, предстоящем замужестве.

Излишне говорить, насколько широко солнце и солярные символы вошли в нашу жизнь и воспроизводятся в той или иной форме в литературе и искусстве, ритуалах, языке, сравнениях. У всех народов короли, монархи носили и носят короны как символ солнца. В наши дни солнце в основном сохранилось как поэтический образ, но древние

верования на бессознательном уровне продолжают жить в нас. В татарских деревнях солярные знаки присутствуют в виде характерных узоров на воротах, окнах чердаков домов, в виде вышивки на тюбетейках и т.д.[18]. Архаика всегда лежит в основе последующих наслоений цивилизации и Солнце неизбежно находит свое место в культуре.

Средний мир у тюрков назывался «Земля-Вода». В орхонских руническихтекстах названы три главных божества – Тенгри («Небо»), Умай и Ыдук Йер-Суб («Священная Земля-Вода»). В среднем мире живут люди, для которых земля и вода являются не менее значимыми, чем солнце. В разговорной речи татар и в настоящее время малую родину принято называть «жирсу»[19].

Письменные источники сообщают, что тюрки «поют гимны земле». Среди татар сохранился праздник под названием «вынос семян», который проходит перед севом. В ходе ритуала участники приговаривают:

Отец земли – рыжая борода,
Мать земли – красивая госпожа,
Дай полноту вершине,
Дай крепость корням.
Дай богатство миру,
а в миру и нам дай!
Начнем моление, поднимем руки,
солнце, будь свидетелем![20]

Плодородие земли, ее способность кормить людей делали ее в глазах человека аналогом матери. В русской традиции существовал заговор при сборе лекарственных растений:

Гой, земля еси сырая,
Земля матерая,
Матерь нам еси родная!
Всех еси нас породила,
Воспоила и вскормила
И угодьем наделила;
Ради нас, своих детей,
Зелий еси народила...[21]

Очевидна ассоциативная связь родной матери и матушки-земли. В греческой мифологии Антей сохраняет свою исполинскую силу только благодаря соприкосновению с матерью-землей. В России церковным постановлением мужчине запрещалось лежать ничком на земле, поскольку этот поступок рассматривался как блуд с землей. В церковном уставе записано: «Если же отца и мать лаял или бил, или на земле, лежа ниц, как на жене, играл, 15 дней епитимии». Об этом же говорится и в исповедальной формуле: «Согрешил, ниц лежа на земли... глумом подобие блуду сотворил»[22]. Связь с родной землей овеяна многочисленными легендами.

Не меньшую роль в мировосприятии человека играла вода, которая нередко была связана с солнцем, которое выходило из моря или реки и туда же заходило. Поклонялись не только рекам, но и озерам, ручьям. По татарской традиции у родников назначались свидания, родники особо охранялись, за ними присматривали, посвящали им песни.

Для Поволжья особую роль играла Идель (Волга). Она всегда символизировала родину. Герой эпоса Идегей обращается к Идель-Волге со словами:

«Здравствуй, Идиль, Отчизна-Дом!
Мир да будет в Доме родном!
Здесь, в этом доме, мой отец
Счастлив стал, как жених и зять.
Выйдя замуж, здесь моя мать
Стала невесткой, стала женой.
Здравствуй, Идиль, мой Дом родной!
Здесь, где мое началось бытие.
...
О, мой Дом, желанный мой Дом
Между Идилем и Яиком!
О, мой Дом, где птицы звенят,
Радостно ржание жеребят,
О, мой Дом, что хлебом богат,
Дом, где дни мои были светлы,
О, города Ибрагим и Ашлы
Меж городами Казан и Булгар!
Славный Дом моих предков-татар!»[23]

Но прежде чем стать символом родины, Идель была просто источником жизни, рекой-кормилицей. В то же время Идель полна демонических сил,

враждебных человеку. По представлениям чувашей, Волга служит обиталищем злобной нечисти, особенно водяного духа Вуташа (у марийцев – Вадыша). В народных чувашских песнях она жестокая, своенравная и коварная стихия. В тюркских и финно-угорских сказаниях, пишет В.В.Трепавлов, «управы на нее, как правило, не находится. В русском же фольклоре имеется любопытная трансформация популярного сюжета о наказании реки. Царь Иван Васильевич при походе на Казань в 1552 г. за буйство и волнение во время переправы его войск приказал высечь Волгу, после чего она присмирела»[24].

Связь с Волгой как родиной оставалась сильнейшим мотивом во все времена и для всех поволжских народов. В январе 1555 г. в Москву доставили грамоту мирзы Арсланова, в которой он извещал царя Ивана IV о смене власти в Орде: «А дядя мой Исмаиль князем учинился, а мне Волга досталась... Волга нам матерью учинилась, а лес нам отцом учинился»[25]. Появлением в письме мирзы темы леса известный специалист по Ногайской и в целом Золотой Орде В.В.Трепавлов несколько смущен. Он пишет: «Пока трудно объяснить, каким образом это чуждое для степных кочевников понятие проникло в мифологизированное сознание ногаев»[26]. Дело в том, что тема леса ниоткуда не проникала, она хранилась в сознании изначально еще со времен гуннов и древних тюрков. Это архетип, связанный с культом дерева, присущ как людям «леса», т.е. финским народам, так и кочевникам.

Совпадение в русском языке выражения «Волга-матушка» с татарским «Ана Идел» могло быть заимствованием, поскольку русские пришли на уже сложившуюся мифологическую почву, но могло это выражение возникнуть и самостоятельно по аналогии с Доном, Днепром и другими реками, хотя Дон был «батюшкой», а не «матушкой». Важнее другое, у татар и русских, как и у других поволжских народов, существовал архетип, о котором В.В.Трепавлов, подводя итоги своему исследованию, пишет: «Исторические источники, памятники устного творчества и литературные произведения показывают, что своеобразный культ Волги традиционен для них. Ее место и роль в культуре, в том числе в сакральной топографии, сводятся к следующим позициям.

Во-первых, река являлась мифологическим антропоморфным персонажем, который находится в родственных отношениях с другими потоками и водоемами, вступал с ними в союзы или конфликты.

Во-вторых, она выступала в качестве компонента мифологизированной картины мира, проявляя себя в текстах то как ориентир и стержень мирового пространства, то как рубеж между различными (часто враждебными друг другу) мирами...

В-третьих, Волга в эпической истории предстает как важный элемент изначального, постхаосного мира, заселяемого предками. В этой ипостаси она со временем превращается в обозначение страны и становится в народном сознании символом родины»[27]. В.В.Трепавлов в своем исследовании отразил не только все ипостаси реки как сакрального объекта, но и ступени, которые проходит сознание, поднимаясь от архаического уровня, т.е. родительского начала, до осознания реки как родины.

У Сибгата Хакима есть одно весьма бесхитростное стихотворение под названием «Мы с Волги, из Казани»:

Спросите нас: – Откуда вы?
– Мы с Волги, из Казани,
Поит нас волжская вода,
Мы хлеб растим, пасем стада,
Качаем нефть, грузим суда
В свободном Татарстане.

Это стихотворение часто встречается в путеводителях по Казани, на рекламных щитах, его декламируют со сцены, иногда добавляя новые строфы. Его популярность связана с архетипом о воде, Волге как родине, поэтому оно

никого не оставляет равнодушным. В народе говорят «Ил көче – Идел көче» («Сила страны – сила Волги»).

В пантеоне древнетюркских богов есть божества рангом ниже, чем Тенгри и Умай, это Йол-тенгри – «Бог путей на пегом коне» и «Бог путей на вороном коне». В «Книге гаданий» говорится:

«Я – бог судеб на вороном [коне]!
То, что у тебя сломано, я соединяю!
То, что у тебя разорвано, я связываю!
*Я – устроитель эля**!*
Да будет [эль] благополучен!»[28]

В современном татарском языке сохранилась фраза жиренэ житкеру (довести до земли), т.е. «довести дело до совершенства». Видимо, эти боги «Йол-тенгри» были исполнителями воли верховного божества Тенгри. То, что «бог судеб» на коне, очень естественно, ведь жизнь кочевника не может быть вне коня. Эти мифы составляют символы, которые не были изобретены сознательно, они отражали природу бытия, они не потеряли значения и сегодня, о чем будет сказано ниже. А сейчас рассмотрим вопрос этнического происхождения в качестве системообразующего фактора этничности.

Герой как символ трансформации

В тюркской мифологии большое место занимают различные животные и птицы, особенно выделяется волчица как прародительница тюркского народа. У казанских татар популярны легенды и сказки о Белом Волке. В одной легенде говорится, что в прежние времена некий кочевой народ заблудился в поросших лесом горах и был окружен врагами. Спас этот народ от гибели и взял под свое покровительство Белый Волк, который тайными тропами вывел людей из окружения[29]. Обо всем этом существует специальная литература, мы же здесь остановимся на более конкретном вопросе – происхождении предков татар, причем в героический период, когда были преодолены основные инстинкты, а жизнь тюрков приобрела разнообразные государственные формы.

В татарских легендах отношение к этническому происхождению выражается по-разному. Одним из известных преданий является легенда об Алыпбатыре[30]. Хотя это одна из древнейших татарских легенд, но речь идет в ней о событиях довольно поздних, скорее всего, относящихся ко времени распада Второго Тюркского каганата.

О татарах обычно пишут, относя к монгольской эпохе, но следует отметить, что они много раньше имели свою государственность. Когда татары оказались в орбите более сильного тюркского государства, они уже играли существенную роль во взаимоотношениях тюрков с китайской империей. В VIII в. татары упоминаются в источниках как союз племен. В Терхинской надписи сообщается, что «когда писались эти письмена – о мой хан! – то присутствовали именитые моего Небесного хана восьмиплеменные татары, семнадцать аз'ских буюруков, сенгуны и тысячный отряд из (народа) тонгра, уйгурский народ вместе с моими тегинами» (753 г.). Иначе говоря, татары уже были в составе каганата. Последующая запись уточняет, что Элетмиш Бильге-каган (видимо в 742 г.) «опять подчинил и восьмиплеменных татар», а чуть ниже утверждается, что «в год Свиньи (747 г.), трехплеменные карлуки и девятиплемённые татары... почтительно просили стать ханом»[31]. Татары изначально были одним из активных исторических субъектов, участвовавших в формировании тюркского народа.

Порой татары могли иметь самоназвание одного из своих племен, как, например, кимаки, основавшие в X веке самостоятельный Кимакский каганат[32], и сыгравшие выдающуюся роль в истории. Древние летописцы хорошо знали территорию татарских племен и обоб-

* Эль – государство.

щенно ее называли «Татарской степью». Она находилась между Ганьсу и Восточным Туркестаном.

Упомянем еще один существенный исторический факт. Гунны (в значительной части тюркоязычные), затем тюрки рано освоили территорию между Волгой и Уралом. Когда Истеми-каган в 558 г. завершил покорение Поволжья и Приуралья, там уже жили тюркские племена – наследники западных гуннов. Такова общая ситуация эпохи, в которую происходили события бесхитростного сюжета о герое Алпе.

Итак, по легенде у пророка Ноя было три сына и среди них Яфес (Иафет), – так начинается рассказ. В свою очередь, у Яфеса также было три сына: Гази, Тюрок и Алп. Они были красивыми и сильными, но со временем повздорили, дело дошло до войны между Гази и Тюрком. Эта борьба закончилась победой Тюрка, который, тем не менее, решил покинуть родные места и ушел на север, где осел у большой реки.

Алп был богатырем, мог сдвигать горы, одной рукой поднимал лошадь*. Однажды он выехал в дальние страны, заблудился и не смог найти дорогу назад. Так он вышел к реке и встретил племя, говорившее на похожем языке. Он подобрал себе жену и остался с этим народом. У Алпа родилось два сына, он не знал, как их назвать. Неожиданно надвинулись тучи, похолодало и дети расплакались. Алп пытался их успокоить, а дети продолжали плакать. Тогда Алп догадался, что они плачут неспроста. Видимо, им надо дать имена, решил он[33]. Алп посоветовался с женой и одного назвали «Болгар», а другого «Буртас». Дети Алпа выросли такими же богатырями и впоследствии основали два города. От двух сыновей возникли два народа, которые вначале говорили на одном языке, а затем их говоры начали отдаляться.

Таков сюжет вкратце. Очевидно, что в нем излагается этническое происхождение современного татарского народа, где в качестве предков фигурируют Тюрок, Болгар, Буртас.

Трудно идентифицировать легендарного Алпа с исторической личностью, поскольку в письменных источниках Алп мог означать просто богатырь или же титул. Имя князя северокавказских гуннов 60-х гг. VII в. Мовзес Каганкатваци называет Алп Илетвер (т.е. «герой-эльтебер»). По своему званию правитель страны гуннов Алп Илетвер занимал третью ступень в иерархии каганата после кагана и его наследника[34]. О том, что Алп занимал довольно высокое положение в тюркской иерархии, говорит сохранившаяся в Северо-Западной Монголии надпись, которая гласит: «[Я], Алп Сол [из рода с этими тамгами]. Я, Тюпеш Алп Сол, [это] написал. Я пребывал [тогда] здоровым [невредимым] (вариант: я сидел тогда эсэном)»[35]. С.Г.Кляшторный датирует эту надпись второй половиной VIII–IX в. «Однако одна из тамг, – пишет он, – входящих в состав надписи, типологически аналогична одной из трех Каганских тамг уйгурской династии, зарегистрированной на памятнике Баян-чору (Элетмиш-кагану, 747–759 гг.) в Могон Шине-усу»[36]. Очевидно, во времена, к которым относятся события легенды об Алпе, шло активное формирование из разных тюркских племен новых государств, в частности Волжской Булгарии.

Волжская Булгария занимает особое место в самосознании татар в связи с его добровольным принятием ислама в 922 году. Позже город Булгары стал первой ставкой Бату-хана как столицы Улуса Джучи, что отразилось не только в облике города, но и судьбе народа. Булгарское наследие сказалось во времена Узбек-хана, который ввел в

---

* Рассказчик добавляет любопытные детали, видимо, для придания большей достоверности легенде. Когда Алп шел по дороге в его лапти забивалась пыль или грязь после дождя, он время от времени стряхивал обувь и на этом месте образовывались холмы. Так, утверждает рассказчик, появились холмы около деревни Матаки (Алькеевский район Татарстана).

Золотой Орде ислам как государственную религию. Булгарская тема не может объяснить всей глубины истории происхождения татар, но она занимает особое место в связи с принятие ислама в X веке.

На булгарской теме происходит немалой спекуляций. В советский период постановлением ЦК КПСС от 1944 г. было запрещено изучение Золотой Орды и татарских ханств, а всю историческую мысль татар переориентировали на булгарское происхождение. Этот идеологический конструктивизм сохранился как наследие в так называемом движении «булгаристов», которое постоянно обращается к органам власти с предложением переименовать татар в булгар. Их настойчивость носит политический характер. Искусственность этой позиции слишком очевидна, чтобы ее анализировать. Достаточно сказать, что «булгаристский» подход фактически отметает весь общетюркский период, что возможно только при намеренном искажении истории. Это раздвоение сознания «булгаристов» между фактической татарской культурой и самоназванием «булгар» несет в себе следы «социальной шизофрении». То, что у татар никогда не существовало раздвоения сознания по поводу своего происхождения, хорошо иллюстрирует легенда об Алпе, в которой и тюрки, и булгары, и буртасы одинаково являются составными частями нынешних татар.

Вообще, с этнонимом (вплоть до новейшего времени) следует обращаться очень осторожно, поскольку этническое самосознание не совпадало с самоназванием, а часто было привязано к территории, рекам, героическим личностям. Например, в некоторых источниках Улус Джучи в XIV в. и позднее называли «Узбеково государство», «Узбекский улус», «Узбекистан»[37]. На этом основании было бы неправильно называть татар узбеками.

Начинать с булгар нашу историю – заведомо ее ограничивать одним, притом не самым ранним периодом, в то время как предыстория начинается, по крайней мере, с III в. до н.э. Например, на территории современного Татарстана г.Тетюши, расположенный как раз напротив г.Булгар, был основан в качестве форпоста в период Первого Тюркского каганата, скорее всего, в год завоевания Истеми-каганом Поволжья (558/559 гг.). Затем в VII в. в Тетюшах появились угры и только в IX в. появляются булгары. Иначе говоря, до появления булгар и основания Булгарского государства предки татар прошли историю в несколько сот лет. Конечно, до Тюркского каганата на территории нынешнего Татарстана побывали гунны и среди них, естественно, булгары, но они не создавали государственные образования, а потому Тюркский каганат был началом государственности предков татар на Волге.

Город Булгар постоянно фигурирует в преданиях, фольклоре, литературе и, конечно же, это связано с проникновением ислама, а затем его принятием в качестве официальной религии в 922 г. В народном сознании Булгары сохранились как собственная «Мекка», место паломничества, овеянное легендами, в частности, о трех сахабах (сподвижниках Пророка Мухаммеда), которые приехали для наставления северной земли на путь истинный. Это событие, видимо, на самом деле произошло, поскольку остались письменные свидетельства и имена сахабов, но для нас в данном случае интереснее проанализировать легенды, а не письменные свидетельства.

Существует довольно распространенная в прошлом легенда о выздоровлении тяжелобольной дочери хана[38]. Ее многие врачи пытались вылечить от паралича, но никому это не удавалось. И вот тогда позвали трех арабов-мусульман (имеется в виду сахабов), которые попросили принести листья молодой березы, но была зима и не было возможности удовлетворить их просьбу. Тогда один из сахабов по имени Зубаир ибн Джагда сказал, что они найдут нужные листья, но с условием, что по-

сле выздоровления дочери хана, народ примет исламскую веру. Хан согласился. Один из сахабов воткнул свой посох в землю, другие стали молиться и палка превратилась в дерево, она выросла до потолка, на ее ветвях проросли молодые листья. Дочь хана отвели в баню и там пропарили свежим веником, после чего она выздоровела. Хан принял ислам, а его визирь Бураж весь народ обратил в мусульман. Сахабы построили мечеть. Впоследствии двое из сахабов уехали в Медину, а один из них по имени Ханзала остался в Булгарах и через некоторое время умер.

В другой легенде под названием «Святой человек» повествуется о болезни булгарского падишаха и его жены[39]. Святой человек им поставил условие принятия ислама, после чего обещал их вылечить. Падишах и жена приняли ислам и были вылечены. Вместе с ними и государство приняло ислам. Об этом узнал падишах Хазарии и пошел войной на Болгар. Святой человек посоветовал не бояться его и стойко сражаться. После поражения хазарский падишах сказал, что он видел больших людей, которые, оседлав летучих коней, победили его воинов, на что святой человек заметил, что это были войска, посланные Аллахом на подмогу. Святого человека звали «Биляр», впоследствии стали называть «Болгар», – так заканчивается легенда.

Из этих легенд можно сделать ряд выводов. Первое, что бросается в глаза – это болезнь в одном случае дочери, а во втором – правителя Булгарского государства и его жены. Учитывая, что правитель ассоциируется со своим народом, то, надо полагать, в этих легендах речь идет о болезни самого народа, пребывающего в невежестве (т.е. в язычестве). Ислам приводит к выздоровлению. При этом любопытная деталь, связанная с посохом, прорастающим березовыми листьями. Если вспомнить, что до этого тюрки поклонялись деревьям, то становится понятной эта символика. Сахабы даже зимой из простой палки смогли вырастить молодую березу, т.е. они по силе оказываются выше язычников, а потому способны очистить народ от болезней, что и происходит в бане.

Принятие ислама стало эпохальным событием, изменившим всю культуру народа, а вслед за этим Булгарское государство смогло избавиться от подчинения Хазарскому каганату. В то же время в этой теме звучал и другой мотив – принятие ислама добровольно, а значит продолжение собственных этнических традиций. Язычество среди предков татар носило иной характер, нежели в Аравии, с ним не было необходимости воевать, тем более Тенгри как объект поклонения легко переходил в Аллаха, что и фиксировали позднейшие документы, в которых Тенгри и Аллах пишутся как синонимы.

Тема принятия и верности исламу остается одной из центральных в татарском фольклоре и литературе. Жизнь постоянно подвергала испытанию приверженность исламу. Вначале это было связано с преодолением языческих традиций, затем, в период Золотой Орды, с утверждением ислама как государственной религии*. После присоединения Казанского ханства к русскому государству эта тема приобретает характер борьбы с христианизацией. Наконец, с XIX в. наступает время реформирования ислама – принципиально новый этап в истории татар. При этом народная и богословская мысль постоянно возвращается ко времени принятия ислама как событию поворотному в судьбе народа.

Наиболее значительным произведением домонгольского периода была поэма Кул Гали «Сказание о Йусуфе», представляющая оригинальную обработку библейского сюжета о Йосифе и его братьях. Начинается поэма с весьма загадочного обращения Йусуфа к отцу:

---

* При Узбек-хане мурзы, не пожелавшие принять ислам, были казнены.

«Блеск солнца и луны увидел я во сне,
Одиннадцати звезд свет видел
в вышине,
И все они земной поклон отдали мне.
Таков мой сон. Его ты истолкуй
теперь».

В конце поэмы Йусуф возвращается к способности толкования снов как божественному дару. Сон в те века воспринимался как божественный глас и вестник грядущих событий. Поэма содержит ряд символических персонажей и сюжетов, требующих разгадки. Очевидно, солнце, луна, звезды, их свет, блеск – все это божественные признаки, поэтому не вызывает сомнений, что основная тема поэмы связана с верой. Но прежде хотелось бы отметить момент, который касается темы этничности. В начале поэмы упоминается дерево с двенадцатью ветвями по числу братьев. Затем Кул Гали возвращается к этому образу, который для него не менее важен, чем сам ислам. Конечно, это символ двенадцати колен народа. Не только у еврейского, но и у многих других народов проблема этнического единства была ключевой.

В качестве подтверждения (отвлекаясь от поэмы Кул Гали) обратимся к древнему баиту о «Сак и Сок» – братьях, проклятых матерью за шалости. Братья превратились в птиц и улетели в дремучий лес. По поверьям татар, до восхода солнца братья должны были слететься, тогда рассвет снимал с них чары:

Забрезжит рассвет, станет светло, –
мы друг от друга далеко,
Прокричит «Сак» один из нас,
другой отвечает «Сок».

С заходом солнца начинаем
мы перекликаться,
Лихая судьба предписана нам,
от нее не уйти.

Наши возгласы «Сак и Сок»
не поймут, не догадаются,
Из людей превратились в птиц,
печальной стала наша жизнь[40].

В символике древнего мышления птицы связывались с душами людей. Об умершем человеке и сегодня говорят, что его душа улетела на небеса. Лес всегда был олицетворением язычества, прошлых верований, связанных с культом дерева. В одном из вариантов баита прямо говорится:

Энкяй[*] *прокляла, влетели мы в лес,*
Повалился дуб – сердечко сжалось.

Здесь уже повествуется не просто о «лесе», а конкретном дубе, что в мифологическом сознании может ассоциироваться с родовыми корнями. В мифологии солнце, рассвет играют роль высшего божества, а луч света зарождает новую жизнь, которую и должны увидеть братья Сак и Сок с восходом солнца. Таким образом, можно сделать заключение, что баит о «Сак и Сок» является аллегорическим изложением возникших противоречий между прежней верой и исламом. «Сак» и «Сок» символизируют те роды, которые не приняли ислам и остались в языческом «лесу», за что были отторгнуты матерью-землей:

Вскормила своим молоком,
проклятье сними, энкяй,
Прощение нам дашь ты в Судный день.

Проклятие матери, вскормившей дитя своим молоком, – самое сильное, оно неотвратимо. Ментальность татар это проклятие (чисто доисламское) не одобряет, считает его не соответствующим предписаниям Аллаха. Поэтому и сама мать горюет о своем проклятии, но прощение всем будет только в Судный день.

Любопытен мотив проклятия. О нем упоминается вскользь.

Из-за железной стрелы бранилась энкяй,
Из-за пустяка бранилась энкяй.

---

[*] Энкяй – ласкательное обращение к матери.

У тюрков существовала военно-административная организация союза «десяти стрел» – «он ок бодун», иначе говоря, под «железной стрелой» в баите могло подразумеваться отколовшееся племя. В данном случае для нас важно указать на сложность трансформации языческого сознания в исламское, а в том, что баит говорит именно об этом, нет сомнений:

Эткяй[*] наставлял:
«Пусть останутся (они) дома».
Прокляла (нас) энкяй:
«Пусть станут Сак и Сок».

Дует ветер со стороны кыблы[**],
Лишила нас жизни в людском
обличье энкяй.

Ясно, что «ветер», дующий со стороны Мекки воспринимался сказителями баита как животворящий, несущий обновление. Точно также преподносится «дуновение ветра» в мифологии других народов мира. И в «Сказании о Йусуфе» именно «рассветный ветерок» Йакубу приносит первую весть о Йусуфе: «О ветер-ветерок, ты слаще всех услад... Весть о Йусуфе ты несешь ко мне теперь». Получить весть о Йусуфе тождественно принятию ислама, чьи истоки в той стороне, где происходят события поэмы.

Баит о «Сак и Сок» приближает нас к пониманию атмосферы этнического сознания татар периода перехода от язычества к исламу, когда было подвергнуто испытанию единство народа. Для Кул Гали, жившего этими проблемами, предмет единства, причем в истинной вере, был ключевым.

Тема этнического «дерева» с двенадцатью ветвями, с которого начинается поэма Кул Гали, тесно связана с понятием матери как в физическом, так и символическом смыслах. Йусуф рано потерял родную мать, а затем был предан братьями и разлучен с отцом – главой рода. Но основная трагедия заключается именно в потере матери, которая не только символ плодородия, но и единства со своим племенем. Ее потеря в символическом смысле равносильна потере родины, поэтому Йусуф становится скитальцем. Он рыдает на могиле матери:

«О мать моя Рахиль, – Йусуф
стенал навзрыд, –
Взгляни же на меня, на боль моих обид:
Запродан в рабство я и братьями
забыт,
Я вольным прежде был и стал
рабом теперь».

Тема скитальца будет неоднократно звучать в татарской литературе. Один из самых глубоких поэтов XX в. Дэрдменд взял себе псевдоним, который можно перевести как «печальный», «страдающий», «ищущий». Он писал:

Ерак диңгездә ул кышлар кичергән,
Чит илләрдән гариб моңнар китергән.

В дальних морях он пережил зимы,
Из далеких стран принес
печальные мелодии[41].

«Гариб моңнар» не имеет однозначного перевода и толкования. В слове «гариб» выражены страдания и печаль, странность и уродство, а в сочетании с «моңнар» (мелодии, напевы) он становится недосягаемым для рационального объяснения. Странничество есть символ страстного томления, не знающего покоя, не находящего утерянную мать, т.е. родину[42]. Естественно, Дэрдменд искал потерянную родину не в буквальном (он ее никогда не покидал), а символическом смысле, он искал духовную «родину»:

«Тәнрем!» диде – агачка табынды,
Чәчәклек гоман кулды –
чуплеккә абынды!

---

[*] Эткяй – ласкательное обращение к отцу.
[**] Кыбла – направление на Каабу в Мекке.

Воскликнул «Тенгри!», оперся
на дерево,
Подумал, что цветник –
споткнулся о мусор!

Для Дэрдменда опора на родовое или в ментальности татар «мировое дерево» не дало надежды, ибо цветник оказался кучей мусора. Стихотворение было написано в самую горячую пору поиска обновления ислама, начатое джадидами. Старые ценности оказались мусором и цветы надо было искать в обновлении, поиске новых ориентиров. Отсюда и странничество.

Эта же тема пронзительно звучит у классика татарской литературы Габдуллы Тукая, который, опять-таки ощущает себя на родной земле скитальцем, а потому его саз звучит надломлено – «уйнар гарип сазым минем». Лейтмотивом проходит через все творчество Тукая горечь: «Продали!» – продали в детстве на базаре, затем издатели, друзья, ишаны:

Сколько я ни тосковал бы
в рощах родины моей,
Все деревья там увяли,
жизни в них нельзя вдохнуть.

Мать моя лежит в могиле.
О страдалица моя,
Миру чуждому зачем ты
человека родила?

С той поры, как мы расстались,
стража грозная любви
Сына твоего от двери
каждой яростно гнала.

Рощи родины, деревья, которые увяли, опять нас возвращают к старым доисламским символам. Разочарованный жизнью поэт мыслями оказывается в другом мире, более архаичном, чем настоящий, поэтому он стремится к истокам – к земле, матери, могиле. Его любовь к женщинам не удерживает в этом мире, он не видит смысла в продолжении рода, он потерял опору, т.е. мать и родину-мать, в данном случае в одном лице, поэтому его воля к жизни замещается волей к смерти. Он взывает о помощи, обращаясь к матери, т.е. к своим истокам:

Всех сердец теплей и мягче
надмогильный камень твой.
Самой сладостной и горькой
омочу его слезой[43].

Надмогильный камень может быть теплым только в одном случае, если он символизирует все самое дорогое – твои корни, твой народ, которому ты отдал все творчество, а вместе с этим и жизнь. Поэта уже ничто не удерживает в этом мире, а та, которая была способна сделать осмысленной продолжение жизни, ждет в потустороннем мире. Солнце-божество (Тенгри) больше не сияет:

Каршыма чыкма, кояш, син, канлы тап!
Ак кәфендәй син җәелмә өскә, таң.

Не выходи мне на встречу солнце,
ты, кровавое пятно!
Не стелись как белый саван, заря[44].

Для Тукая заря – символ возрождения жизни (поскольку Солнце заново рождается) – воспринимается, как саван. Его возрождение может быть после смерти:

Когда же, скажи мне,
мой бедный народ,
Весна твоя, день твой
цветущий придет!

Тогда ли, когда я умру и потом,
Быть может, воскресну,
но в мире ином?!

Скиталец Тукай может найти успокоение только в будущей жизни, которая подтвердила его внутренние ощущения – он стал символом нации.

У Кул Гали тема скитальничества, поиска истинного пути для своего народа, обретения высшей духовности

является сквозной. Проданный в рабство, Йусуф вспоминает в Египте «родовое дерево» и расспрашивает заезжего купца:

«И если ты, – сказал Йусуф, –
оттуда шел,
Ты видел древо там –
его ветвистый ствол,
Взглянул ли на него –
он кроной был тяжел, –
Двенадцать ли ветвей
на нем растет теперь?».

Путешественник ему отвечает:

«Пророк Йакуб – тот ствол,
одиннадцать ветвей –
Одиннадцать при нем
живущих сыновей.
Двенадцатый Йусуф исчез.
Его злодей –
Свирепый волк заел, –
так говорят теперь».

Йусуф не мстит братьям. Для него важнее сохранение единства рода. В Библии и Коране эти события связаны с евреями, но для Кул Гали, естественно, важно было все это перенести не только на почву ислама, но и связать с этническими корнями. При этом читателю не мешает то обстоятельство, что события происходят в Ханаане и Египте, а язык поэмы отличается от народного. Споры вокруг языка Кул Гали не столь уж существенны с этнической точки зрения[45]. Даже Тукай не сразу перешел на тот язык, который сегодня принято называть литературным. Он закрепляется только вместе с распространением зрелых произведений Тукая, Дэрдменда, Сагита Рамиева и др. Для читателя поэмы была понятна структура образов Кул Гали. Именно этим объясняется исключительная популярность поэмы, не забытой даже в XX в. Поэма Кул Гали уходит на второй план только с появлением романов, новелл, рассказов, способных старые архетипы перевести на современный язык.

Для Йусуфа обретение потерянной семьи не самоцель, он и после встречи с отцом и братьями продолжает искать свою родину и удаляется в город Эмин, название которого можно перевести как «безопасный», «мирный». Место было выбрано у истоков реки и в городе поселились только правоверные. Здесь мы опять оказываемся во власти архетипов. Река – символ жизни, а город – это обретение родины или точнее матери-родины, ведь Йусуф рано потерял свою кровную мать, а также оказался на чужбине, он скиталец.

В архаичном мышлении роль города выполняет само племя. Поэтому город Эмин здесь выступает в нескольких значениях. Он символ не просто обретения родины, но ее обновления, поскольку Эмин – город праведников, т.е. это истинная родина, причем не земная, а вышний град. В христианстве существует тема Иерусалима, как вышнего града, в противопоставлении «блуднице» Риму. У Кул Гали Эмин – воображаемый город, но в татарском сознании легко возникает образ Булгара – «святой земли». Не случайно в древнем баите «Шахри-Булгар» посещение города Булгар приравнивается к хаджу:

Муджавиры Шахри-Булгара встречают, принимают,*
Кто идет с искренней верой, счастлив посещением хаджа.

Из Астрахани, Омска, Томска идут хаджи, собравшись,
Когда собираются здесь хаджи, все вокруг сияет[46].

Не имеет значения, что среди священнослужителей принято хаджи называть только того, кто посещает Мекку. Народ судит по-своему, для него Булгар был и остается святой землей, а паломничество к руинам города – малым хад-

* Муджавир – кладбищенский сторож.

жем. Кстати, Булгар даже в русских летописях назывался «Великий Булгар». Под этим имелось в виду не размеры (Биляр был много больше), а его святость, а в русских летописях города крайне редко удостаивались такого эпитета.

Для читателей поэмы Кул Гали события, конечно же, связывались со знакомыми родными краями. Для них Ханаан, Египет, Нил были чуждым миром, никак не связанным с их бытием, но ход мыслей поэта был родным.

Йусуф у Кул Гали подчеркнуто несет черты пророчества и на протяжении всей поэмы повторяется его сравнение со светом: «ясный лик его сиял», «лучится его лик», «как солнце, излучал он несказанный свет» и т.д. Очевидно, что здесь имеется в виду «Свет» как святость, как духовность, как знание истины. Поэтому окружающие, проникаясь его красотой, становятся правоверными. Это наполнило Йусуфа гордыней. Но вот они вошли в град, где все были красивее его, люди были умны, горды, смелы. Йусуф перестал любоваться собой, пытаясь смирить гордыню, и просил прощения у создателя.

И помощь в сей же миг ему
всевышний дал –
Велел он, чтоб Йусуф красивым
снова стал,
И тайную красу в нем
с явной сочетал, –
«Воспрянь и не горюй!» –
он повелел теперь[47].

Создатель повелел соединить внутреннюю красоту с внешней и для этого Йусуф проходит ритуал очищения или точнее сказать обновления в водах Нила. В реке к нему приплывает повелитель рыб – сом, предлагая свои услуги.

На соме стоя, он омылся в тот же миг,
И стал в тысячу раз лучистей его лик.

На мифологическом языке рыба (как и дуновение ветра)* является символом обновления и возрождения, тем более вода также воспринимается подсознанием как источник жизни. После этого ритуала очищения Йусуфа «столб света до небес сверкал вокруг».

Значительное место занимает в поэме тема любви Зулейхи и Йусуфа, но важна не сама любовная интрига, а следование предписаниям ислама и только в таком качестве продолжение рода. Преодоление страстных желаний (З.Фрейд сказал бы либидо), перевод их в духовное русло, важный этап в истории любого народа. Не способная сдержать свои чувства Зулейха, вначале была язычницей, к тому же замужней.

И, пав перед божком,
она клялась навзрыд,
Что страсть ее совсем
последних сил лишит
И что не в силах скрыть
она своих обид,
И безысходный плач ее крушил теперь.

Молитву сотворил тогда
Йусуф-пророк,
И вдребезги разбит был
рухнувший божок,
И промысел творца ему
признать предрек:
«Возвестник и пророк,
велик Йусуф теперь!»[48]

Естественно, Зулейха становится правоверной, но Йусуф отвергает ее любовь по моральным соображениям, чтобы избежать прелюбодейства. Зулейха в конце концов лишается мужа и красоты, но за правоверность Господь вернул ей молодость и красоту. Йусуф и Зулейха поженились и родили детей, а значит, продолжился род.

Любовь Йусуфа и Зулейхи символизирует преодоление архетипа животной (сексуальной) страсти. Это довольно типично. То, что отличает поэму Кул Гали, – это опять-таки обращение к исламу, который позволяет обуздать страсти.

* Многообразие образов, несущих один смысл, характерно для мифологии.

«Сказание о Йусуфе» завершается довольно странным рассказом о перезахоронении Йусуфа. Такой эпизод, как и сюжет о городе Эмине, в Коране отсутствует. В Коране история об Иосифе завершается приездом его отца Иакова и братьев в Египет. В суре «Иосиф» сказано: «Он посадил на высокий трон родителей своих*, которые пали ниц пред ним. Отец мой, – сказал он, – вот объяснение сна, виденного мной прежде; Бог обратил его в действительность; Он был благ ко мне, когда вывел меня из темницы и когда привел вас ко мне из степи, после того как Сатана разлучил меня с моими братьями. Господь мой полон благости, когда хочет этого; Он всеведущ и премудр. Господи, Ты дал мне власть и научил меня истолкованию происшествий» [12: 101]. В рассказе о Иосифе толкование снов является важной сюжетной канвой. Умение Иосифа толковать сны, в частности о семи жирных коровах, съеденных тощими, и семи колосьях, предупредило наступление в стране голода, что изменило к нему отношение царя Египта. Коран неоднократно обращает внимание на значение аллегорий, иносказаний, снов: «Бог говорит с людьми притчами, чтобы они размыслили» [14:25]. Если говорить научным языком, то Коран обращает внимание на важность бессознательного и его раскрытие через сны.

У Кул Гали появляется новый эпизод, которого нет в Коране. После отъезда Йусуфа в Эмин и его смерти, в Египте начинается мор, нужда и недород. Правитель страны посылает к сыну Йусуфа Мусалиму гонца с просьбой дать гроб отца. Дело чуть было не дошло до войны, но родня посоветовала отдать гроб, который был заново погребен в Египте, но очень странным образом:

И, к Мусалиму добр, Рейян
был справедлив;
Захоронил он гроб, под воду опустив,
И стал Египет вновь обилен
и счастлив, –
В обеих странах все рослоцвело теперь[49].

Таким образом гроб пребывал в воде сорок лет. По требованию Мусы (Моисея) гроб был извлечен из-под воды и был доставлен в Ханаан к могиле отца. Этот сюжет чисто мифологический и довольно сложен для интерпретации. На первый взгляд, повторные перезахоронения гроба выглядят довольно нелогичными, тем более его местоположение оказывается под водой. Но это на первый взгляд. Если вернуться к теме воды в мифологии, то она однозначно связывается с рождением и, естественно, с аллегорической матерью. Тюркский бог Ыдук Йер-Суб («Священная Земля-Вода») не оставляет альтернатив для толкования. Тем более и в Коране многократно обыгрывается тема моря, воды, рек, дождя и грома. Рай в Коране представлен в виде садов, орошаемых водами. Море, река – символ рождения, тем более, что города строили у водоемов и жизнь связывали с водой. Город Эммин, согласно Кул Гали, был основан у истоков реки. Захоронение гроба с Йусуфом могло означать второе его «рождение» в Египте, как проповедника ислама. Благополучие Египта связывается в поэме с принятием ислама и здесь Йусуф выступает в качестве символа трансформации мировоззрения народа. Иначе говоря, Йусуф в поэме выступает как мусульманский герой, а любой герой – это символ трансформации.

(Продолжение следует)

* Имеются в виду отец и мачеха.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История татар с древнейших времен. Т.I. Народы степной Евразии в древности. – Казань. 2002. – С. 285.

[2] История татар... Т.I. – С. 267.

[3] История татар с древнейших времен. Т.II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань, 2006. – С.735.

[4] См.: Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. – М., 2010. – С. 21. У гуннов и древних тюрков также приносили в жертву животных.

[5] Там же. – С. 69.

[6] Сенека Луций. Нравственные письма к Луцилию. – М., 1977.

[7] Юнг К.Г. Архетип и символ. – М., 1991. – С. 14.

[8] История татар... Т.I. ... – С. 410.

[9] Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб., 2006. – С. 282.

[10] Энциклопедия символов. – М. – СПб., 2007. – С.119.

[11] Там же. – С. 123.

[12] См.: Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – М., 1981. – С. 61.

[13] Бикбулатов К.М. Нардуганский цикл традиционных танцев татар-кряшен... – С. 58.

[14] Бикбулатов К.М. Нардуганский цикл... – С. 57.

[15] Там же. – С. 63.

[16] Там же. – С. 59.

[17] См.: Карл Густав Юнг. Символы трансформации... – С. 506.

[18] См.: Фуад Валеев. Татарский народный орнамент. – Казань, 2002. – С. 198, 200, 210, 262, 286.

[19] См.: Гамирзян Давлетшин. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа. – Казань, 2004. – С. 23.

[20] Тартарика. Этнография. – Казань – М., 2008. – С. 767.

[21] Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т.I. – М., 1994. – С.145.

[22] Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 2. – М., 1994. – С. 70.

[23] Идегей. Татарский народный эпос. – Казань, 1990. – С. 128.

[24] Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. – Казань, 2011. – С.183.

[25] Цит. по: Трепавлов В.В. Тюркские народы... – С. 193.

[26] Трепавлов В.В. Ана Идель = Волга-Матушка// Там же.

[27] Трепавлов В.В. Тюркские народы... – С. 203.

[28] Кляшторный С.Г. Памятники... – С. 285.

[29] См.: Тартарика. Этнография... – С. 735.

[30] См.: Борынгы татар әдәбияте. – Казан, 1963. – Б. 23–25.

[31] Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. – СПб, 2010. – С. 43–44.

[32] См. История татар... Т. I... – С. 351.

[33] Клод Леви-Стросс приводит миф племен, проживающих на севере США, где есть такие строки: «Поскольку малыш безостановочно плакал, новоявленный “отец”, дабы успокоить его, решил дать “сыну” имя». (См.: Клод Леви-Строс. Мифологики: человек голый. – М., 2007. – С. 28.)

[34] См.: История татар... Т. I... – С. 265, 282.

[35] Кляшторный С.Г. Памятники... – С. 122.

[36] Там же. – С. 123.

[37] См.: Трепавлов В.В. Тюркские народы... – С. 175.

[38] См.: Борынгы татар әдәбияте. – Казан, 1963. – Б. 29–31.

[39] См.: Борынгы татар әдәбияте. – Казан, 1963. – С. 31– 32.

[40] Татарский эпос: баиты. – Казань, 2005. – С. 234.

[41] Дәрдмәнд. Исә җилләр. – Казан, 1980. – С.175.

[42] См.: Карл Юнг. Символы трансформации... – С. 337.

[43] Габдулла Тукай. Избранное. – М., 1974. – С. 164.

[44] Габдулла Тукай. Сайланма әсәрләр. – Казан, 1968. – С.309.

[45] Н.Хисамов пишет: «Важнейший определитель национальной принадлежности памятника – язык – также увязывается с Поволжьем, для которого не была чужда огузо-кыпчакская смесь». См. Н.Ш.Хисамов. Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул 'Али. – Казань, 2004. – С. 19.

[46] Татарский эпос: баиты... – С. 237.

[47] Кул Гали. Сказание о Йусуфе. – Казань, 1985. – С. 85.

[48] Кул Гали. Сказание о Йусуфе. – Казань, 1985. – С. 114.

[49] Кул Гали. Сказание о Йусуфе... – С. 242.

Аннотация

В отрывке евразийство рассматривается с точки зрения этничности татар, корни которой восходят к Первому Тюркскому каганату. Анализуются верования тюркских, финно-угорских народов, а также дохристианские религиозные традиции в Киевской Руси, выражающиеся, в частности, в поклонении деревьям.

От культа деревьев автор переходит к тенгрианству, которое вплотную приблизилось к монотеизму. На примере рунических текстов он раскрывает сакральный смысл таких символов, как Солнце и Луна, который подтверждается традициями, сохранившимися у кряшен и мишарей (праздник Нардуган).

Кроме того, в статье уделяется значительное внимание тюркской мифологии и вопросам изменения самосознания татар в связи с принятием ислама в 922 г.

Ключевые слова: евразийство, Первый Тюркский каганат, верования, дохристианские религиозные традиции, культ деревьев, тенгрианство, Нардуган, тюркская мифология, ислам.

Summary

In the article Eurasianism is considered in terms of ethnicity of the Tatars, whose roots date back to the First Turkic khanate. The author of the article analyzes the beliefs of Turkic, Finno-Ugric peoples, as well as pre-Christian religious tradition in Kievan Rus, expressed in particular in the worship of trees.

From the cult of trees, the author proceeds to Tengrianism, which came close to monotheism. On the example of the runic texts, he reveals the sacred meaning of such symbols as the Sun and the Moon, which is confirmed by the traditions, preserved by Kryashens and Mishars (holiday Nardugan).

In addition, the article pays considerable attention to the mythology of the Turkic and Tatar self-change with the adoption of Islam in 922.

Key words: Eurasianism, the first Turkic Khanate, beliefs, pre-Christian religious tradition, the cult of trees, Tengrianism, Nardugan, Turkic mythology, Islam.

УДК 94(470.41):331.1 “1941/1945”

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ТАТАРСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ТРУДОВОЙ СФЕРЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

***А.Ш. Кабирова**, кандидат исторических наук;*
***А.С.Бушуев**, кандидат исторических наук*

Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием для всего советского народа. Много невзгод и лишений пришлось преодолеть людям, прежде чем ожесточенная борьба с фашистами завершилась полным разгромом врага. Призыв «Все для фронта! Все для Победы!» являлся в дни войны определяющим. Миллионы мужчин были мобилизованы в действующую армию. Они с оружием в руках защищали нашу Родину в боевых сражениях. Оставшиеся в тылу их родные и близкие своим самоотверженным трудом, путем крайнего напряжения сил и человеческих возможностей, создавали мобильную военную экономику.

Война внесла серьезные изменения в трудовую политику. По-новому пришлось решать вопросы изыскания и вовлечения в промышленность и аграрное хозяйство рабочих кадров, стимулирования их трудового участия в производстве необходимой оборонной продукции. В данной статье мы предлагаем рассмотреть эти и другие аспекты взаимоотношений властных структур и населения в трудовой сфере на материалах Татарстана.

Перестройка народного хозяйства страны на военный лад началась сразу после объявления войны и осуществлялась в плановом порядке. Уже 30 июля 1941 г. Совет Народных Комиссаров СССР утвердил мобилизационный план на III квартал 1941 г. – первый план военного времени. В нем предусматривалось увеличение выпуска оборонной продукции на 26% по сравнению с квартальным планом мирного времени[1]. 16 августа 1941 г. был одобрен военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. для районов Поволжья, Урала, Западной Сибири и т.д.[2] В соответствии с этой обширной программой были определены основные направления развития экономики, связанные с необходимостью переориентирования ее на нужды фронта, создания на востоке новых промышленных баз, дальнейшего наращивания производства вооружения и боеприпасов.

В Татарской АССР наряду с другими восточными регионами ставшей важной тыловой базой страны, вопросы создания экономического фундамента для разгрома врага также являлись приоритетными. В кратчайшие сроки работа всего народнохозяйственного комплекса республики была перестроена. Предприятия, выпускавшие гражданские изделия – фабрики «Спартак», кинопленки, льнокомбинат, мехкомбинат, заводы пишущих машин, автогаражного обрудования, искусственных кож, кетгутный, авиационный и др. – переключились на выпуск военной продукции.

Необходимой частью перестройки общественного производства в во-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №12-11-16012а/В/2012.

енный период явилось перебазирование промышленных предприятий из зоны боевых действий в глубокий тыл. По решению Политбюро 24 июня 1941 г. был образован Совет по эвакуации, председателем которого был назначен (с 3 июля 1941 г.) Н.М. Шверник. Только во второй половине 1941 г. на Восток было вывезено оборудование более 2,5 тысяч промышленных предприятий[3]. Татарская АССР приняла и разместила на своей территории свыше 70 из них[4]. В том числе – крупнейшие в стране Московский авиационный, Ленинградский авиационный, Ленинградский металлообрабатывающий, Московский часовой заводы, Киевский завод зубоврачебных боров, стеклозаводы из Ленинградской и Орловской областей, ленто-ткацкие и плетельные фабрики из Москвы, Кунцева, Клина, Ногинска, Гомельский кондитерский комбинат «Спартак» и мн. др.[5]

Главной проблемой всех промышленных предприятий в начальный период войны стало обеспечение их рабочей силой. Мобилизация в армию большого количества квалифицированных кадров буквально обескровливала предприятия. Число ушедших на фронт рабочих и служащих достигало 60–70%[6]. Перебазирование существенного числа эвакуированных предприятий в тыл страны еще более усугубляло проблему. Создавшееся в начальный период войны катастрофическое положение с кадрами следовало решать в срочном порядке.

Однако только своими силами обеспечить наполнение предприятий республики кадрами не представлялось возможным. Для того чтобы в полной мере оценить ситуацию, рассмотрим основные демографические характеристики накануне войны. Согласно переписи 1939 г. в Татарстане проживало 2 млн. 914,2 тыс. человек[7], из них 614,3 тыс. или 21,1% составляло городское, а 2299,9 тыс. или 78,9% – сельское население. Но за предвоенные годы в демографической структуре общества произошли значительные изменения. Не останавливаясь подробно на их причинах[8], кратко заметим, что этому способствовали: во-первых, активно осуществлявшаяся в стране модернизация, обусловленная становлением военно-промышленного комплекса, и связанные с этим бурная переселенческая политика и практика оргнабора рабочей силы[9]; во-вторых, неорганизованный отлив (миграция) населения, особенно из сельских районов республики накануне войны, в связи с низкой урожайностью в отдельных местностях ТАССР; в-третьих, спровоцированные массовыми репрессиями конца 1930-х гг. так называемые «чистки» населения. Все это приводило к прибытию в республику граждан из других местностей и оттоку собственного населения. Например, только за 1940 год в города республики прибыло 99,3 тыс. и выбыло 93,8 тыс. человек[10]. В сельские районы на постоянное место жительства из других регионов прибыло 83,8 тыс., но выбыло оттуда 163,4 тыс. человек[11] (по некоторым данным – даже 191157 тыс. человек)[12].

Таким образом, накануне войны в Татарстане наметилась явная тенденция к сокращению численности как всего населения в целом, так и коренных жителей республики. В целом, по единовременному учету, на 1 января 1941 г. в республике числилось 2760,2 тыс. жителей, т.е. по сравнению с 1939 г. уменьшение составило фактически 154 тыс. человек[13]. Вполне очевидно, что сокращение наличного состава населения создавало дополнительные трудности и сложности с изысканием трудовых ресурсов, а, учитывая мобилизационные мероприятия в связи с началом военных действий, вообще ставила под угрозу срыва выполнение запланированных производственных объемов.

С целью решения указанных проблем, возникавших практически во всех регионах страны, 30 июня 1941 г. при Совете Народных Комиссаров СССР был образован специальный Комитет по учету и распределению рабочей силы, который должен был в нелегких

военных условиях стать центром координации работы по обеспечению трудовыми резервами. Структурное подразделение данного Комитета было создано и в Татарстане. В его задачи входили: учет неработающего населения, мобилизация трудоспособных, маневрирование трудовыми ресурсами, направление их на оборонные объекты.

Функционирование такой организации в республике было тем более необходимо, что с началом войны население Татарстана существенно увеличилось. 27 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О порядке вывода и размещения людских контингентов и ценного имущества», а 5 июля 1941 г. – постановление «О порядке эвакуации населения в военное время», согласно которым огромные массы людей в связи с вражеской оккупацией перемещались из центральных и западных территорий в более безопасные места в тыл страны. Татарстан также принял большое количество эвакуированных. Руководил их размещением созданный 9 июля 1941 г. при Совете Народных Комиссаров ТАССР Совет по эвакуации[14]. В ноябре 1941 г. его руководителем был назначен заместитель председателя СНК ТАССР З.В. Тинчурин.

Первоначально решением Центрального совета по эвакуации наша республика должна была разместить 165 тыс. человек[15]. Но в действительности эти цифры неоднократно менялись. Несколько раз Татарстану приходилось дополнительно принимать тех граждан, которых не смогли устроить другие города. Так, в Казань прибыло свыше 300 семей работников НКВД УССР и других учреждений, имевших направление в г. Куйбышев; большое количество эвакуированных, изначально предполагавшихся разместить в городах Ульяновске и Свердловске. Подтверждением тому является сохранившаяся в Национальном архиве республики телеграмма коллегии Народного комиссариата путей сообщения в СНК ТАССР от 23 июля 1941 г., директивно требовавшая: «Находящиеся в пределах дороги 2 эшелона по 60 вагонов назначением в Ульяновск, 2 эшелона по 90 вагонов назначением в Свердловск и 2 эшелона по 101 вагону назначением в Омск с эваконаселением разгрузить в пределах ТАССР»[16].

Первые эвакуированные прибыли в республику уже в июле 1941 г.[17] В этой связи в июле-августе 1941 г. состоялись специальные заседания бюро Татарского обкома ВКП(б), на которых обсуждались вопросы по приему, питанию и трудоустройству вновь прибывших. Прирост населения в городах и сельской местности, особенно в первый период войны, был весьма значителен. Достаточно сказать, что к середине августа 1941 г. в республику прибыло 163 тыс. человек[18], а к весне 1942 г. – 266 тыс. человек[19]. В современный период историографии последняя цифра была скорректирована, т.к. введенные в научный оборот новые архивные источники свидетельствуют о том, что число эвакуированных в республику граждан было выше: согласно официальным данным, уже на 15 января 1942 г. здесь было размещено 273532 человека[20]. Исследовательские изыскания Е.К. Кривоножкиной, скрупулезно изучившей статистические материалы по отдельным эвакопунктам ТАССР, позволяют говорить о регистрации в республике на февраль 1943 г. даже 278943 человек[21].

Как правило, квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников, прибывших с эвакуированными промышленными предприятиями, размещали в городах. Об этом свидетельствует тот факт, что население одной только Казани к весне 1942 г. выросло с 401 тыс. до 515 тыс. человек[22]. Оставшихся распределили по районам ТАССР.

Несомненно, эвакуированные в республику граждане в существенной степени помогли закрыть образовавшуюся в народном хозяйстве республики брешь в составе рабочей силы. Однако стратегическое решение кадрового вопроса властные структуры видели в из-

менении форм и способов осуществления трудовой политики в экстремальных условиях военного времени, в связи с чем существовавшая на тот период в советском государстве нормативно-правовая база в области трудовых отношений была в значительной мере переработана.

Начало этому процессу положили принятые в СССР чрезвычайные законы, предусматривавшие изменение режима труда и высвобождение дополнительного рабочего времени. Здесь уместно напомнить, что процесс регулирования трудовых отношений начался еще в довоенное время. Уже 26 июня 1940 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР был осуществлен переход на восьмичасовой рабочий день и семидневную рабочую неделю, под угрозой уголовной ответственности запрещался самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений. Вводилась уголовная ответственность не только за самовольный уход, но и за прогулы, опоздания[23]. Отсутствие экономических стимулов к труду руководство страны пыталось компенсировать репрессивными мерами.

Позже «драконовские меры» в сфере трудового законодательства еще более ужесточились. Указом от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» Президиум Верховного Совета СССР предоставлял директорам предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли право устанавливать с разрешения СНК СССР обязательные сверхурочные работы продолжительностью от одного до трех часов в день с оплатой в полуторном размере. Очередные и дополнительные отпуска отменялись, они были заменены денежной компенсацией, которая переводилась в сберегательные кассы в качестве замороженных на время войны вкладов[24]. Реализация данного Указа позволила увеличить количество рабочих дней в 1941 г. до 284,31 против 269,81 в 1940 г., а праздничных и выходных, наоборот, сократить с 63,98 до 50,90 соответственно[25].

Источниками трудовых резервов в республике являлось так называемое трудоспособное население. Первоначально его возрастные границы были определены в пределах от 16 до 55 лет (для мужчин) и до 45 лет (для женщин), для колхозников – на 5 лет больше[26]. Но в действительности государство поощряло приход на производство граждан и более старшего, а затем и более юного возраста. В последующем руководящие органы страны в законодательном порядке закрепили расширение границ официально признаваемого трудоспособным населения. Например, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 сентября 1942 г. возрастной ценз для женщин, привлекаемых к трудовой мобилизации, был увеличен до 50 лет[27], а постановлением СНК СССР «Об организации на предприятиях индивидуального и бригадного ученичества» от 21 мая 1942 г. разрешалось принимать на производство лиц, достигших 14-летнего возраста[28].

В основной своей массе в промышленность республики вовлекались женщины, подростки, лица пенсионного возраста. В начальный период войны широко практиковался добровольный приход граждан на предприятия, актуализировались лозунги «За себя и за своего товарища», «В тылу как на фронте». Только в первые два дня войны на Бондюжский завод пришли более 200 домохозяек, на Казанский меховой комбинат за июнь-август 1941 г. поступило более 606 женщин, около 200 пенсионеров. Большое значение стала иметь система надомничества. В июне 1941 г. свое желание помочь производству на дому выразили более 300 человек, подав соответствующие заявления[29].

Вместе с тем государство не могло полагаться только на сознательность граждан и довольствоваться исключительно их доброй волей в решении кадрового вопроса. Новые Указы советского правительства регламентировали формы привлечения граждан в обще-

ственное производство и способы возмещения потерь рабочего времени.

23 июля 1941 г. СНК СССР утвердил постановление «О предоставлении Совнаркомам республик и краевым (областным) исполкомам права переводить рабочих и служащих на другую работу», позволявшее перераспределять рабочую силу в интересах развития военного производства[30].

26 декабря 1941 г. рабочие и служащие оборонной промышленности были переведены на положение мобилизованных и закреплены для постоянной работы за предприятиями, на которых они работали. В необходимых случаях указанные рабочие подлежали обязательной эвакуации. Самовольно ушедшие с производства и «злостные прогульщики» считались «дезертирами трудового фронта» и наказывались исправительно-трудовыми работами в лагерях и колониях на срок от 5 до 8 лет. Если в результате допущенной халатности на предприятии происходили крупные аварии, то виновные приговаривались к расстрелу. Эти дела рассматривались Военными трибуналами[31].

Кроме того, в целях обеспечения рабочей силой важнейших предприятий и строек военной промышленности и других отраслей народного хозяйства, работавших на нужды обороны, 13 февраля 1942 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и в строительстве». Согласно этому документу мобилизация признавалась безусловно необходимой. Уклонявшиеся от нее лица привлекались к уголовной ответственности – к принудительным работам по месту жительства на срок до одного года[32].

Как видим, мобилизация и мобилизационный набор стали основными формами вовлечения граждан в народное хозяйство в военный период. В целом, за первое полугодие 1942 г. по стране благодаря принятым мерам было мобилизовано около 1,5 миллиона новых рабочих[33]. Только по городу Казани к маю 1942 г. в промышленность влилось 5,5 тысяч человек, а за все время войны – около 15 тысяч[34]. Всего в республиканской промышленности, по подсчетам З.И. Гильманова, было занято 115574 рабочих[35].

Однако, судя по архивным документам, при организации трудовых мобилизаций руководители предприятий сталкивались с целым рядом проблем. В частности, определенные трудности при формировании необходимого контингента рабочих в республиканской промышленности создавали местные районные военные комиссариаты. Желая в срок отчитаться о мобилизации людей на фронт, они в нарушение действующих приказов и указаний, призывали в Красную Армию рабочих военной промышленности, состоящих на специальном учете, на которых действовала бронь. Например, Молотовским райвоенкоматом в мае 1942 г. незаконно были отобраны приписные свидетельства у рабочих завода № 387 А.М. Титова и М.Н. Леонтьева при проверке документов на рынке. Несмотря на разъяснения о том, что они временно освобождены от мобилизации, документы рабочим не были возвращены.

Или другой факт: Сталинский райвоенкомат отобрал документы у рабочего, столяра 7 разряда А.Н. Буханова, признанного не пригодным к военной службе по состоянию здоровья. Но на очередном медицинском освидетельствовании эта ситуация была пересмотрена в пользу военного ведомства и Буханова зачислили в команду, хотя он по своей профессии и квалификации подлежал бронированию[36]. Понятно, что произвол и своеволие работников военкоматов нарушали нормальную работу предприятий, вызывая необходимость терять время и силы, отстаивая интересы производства.

Не всегда целесообразность и здравый смысл при проведении трудовых мобилизационных кампаний являлись приоритетом и в работе высших руководящих инстанций. Так, в апреле

1942 г. директор завода № 22 Окулов сообщал в Татарский обком ВКП(б) о том, что предприятию недостает 3200 рабочих и просил ходатайствовать перед правительством республики о проведении мобилизации рабочей силы. При этом республиканское Управление трудовых резервов обязало администрацию завода снять с производства 139 учеников ремесленного училища, находящихся на практике, и передать их заводу №16. Причем ранее подобный маневр уже был осуществлен в отношении 58 учеников[37]. Казалось бы, в случае, когда заводу № 22 недоставало своих собственных рабочих, не следовало переводить на другое место работы молодых людей, только что получивших навыки самостоятельной производственной работы именно на данном предприятии!

Существенные ошибки допускала и администрация предприятий, не принимавшая должных мер для привлечения на производство специфического контингента, такого, как женщины с детьми и не желавшая организовывать для их работы надлежащих условий, например, через открытие дополнительных детских учреждений. В этом отношении показательна ситуация, в которой оказалось руководство завода № 22 в 1942 г. Испытывая большую потребность в квалифицированной рабочей силе, администрация предприятия отказалась в свое время от привлечения на завод женщин из числа местного населения, считая эту меру неоправданно затратной, и обратилось в соответствующие инстанции с просьбой покрыть дефицит рабочей силы из внешних источников. Государственный Комитет Обороны (ГКО) спустил разнарядку о мобилизации на завод 3 тыс. человек из местного населения. Фактически же на предприятие пришло только 360 человек. Предполагалось также, что 2,5 тыс. человек прибудет из Краснодара, но фактически приехало 800 человек, причем в большинстве своем женщины с детьми. В итоге руководство предприятий все равно вынуждено было соответствующим образом решать вопрос с созданием детских яслей и садов, чтобы удовлетворить потребности в рабочих кадрах[38]. Как видим, в данном случае недальновидная политика руководства завода создала предприятию дополнительные сложности. Если бы на заводе сразу озаботились организацией детских учреждений, возможно, тогда и помощь Москвы не потребовалась бы.

Однако даже положительное решение кадрового вопроса само по себе еще не являлось залогом успешной работы промышленных предприятий. Необходимо было так организовать труд людей, чтобы обеспечить необходимые для фронта производственные объемы. Методы стимулирования рабочих были разными. Первоначально превалировали формы морального поощрения. О лучших производственниках сообщалось в газетах, их портреты вывешивались на Доски почета, выпускались агитационные плакаты, отчетные трудовые листки и т.п. Широкое распространение получили инициированные властями различные формы социалистического соревнования, движения двух-трех и более сотников, многостаночников, совмещающих несколько профессий и т.д. Во многих случаях это действительно срабатывало. По всей республике «гремели» имена зачинательницы движения двухсотников в Татарстане, закройщицы юфти Казанского комбината «Спартак» Н. Хабибуллиной, пятисотницы М. Юсуповой, шестисотниц Бикмуллиной, Сайфутдиновой, тысячников Ф. Абдрахманова, С. Хидиятуллина и др. В некоторой степени применялись и меры материального характера: перевыполняющие нормы выработки получали большую заработную плату, поощрялись талонами на приобретение товаров первой необходимости: отреза на платье, ботинок, костюма, верхнего пальто и т.д.

Но доминирующими все же в военное время являлись принудительные методы. Принятые в стране нормативно-правовые акты, направленные на укрепление дисциплины и порядка в произ-

водственной сфере, предоставляли администрациям заводов и фабрик большие полномочия, в связи с чем так называемые трудовые репрессии на предприятиях стали обычной практикой.

Особенно суровые меры применялись по отношению к рабочим, нарушившим основные положения Указа Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. Уже к 23 февраля 1942 г. в производстве Военного трибунала войск НКВД ТАССР находилось 176 дел[39]. Судя по архивным источникам количество нарушителей и дезертиров в течение военных лет в республике было разным. В 1942 г. отмечается некоторое сокращение дел, в 1943 г. – имеет место небольшой подъем, в 1944 г. снова наблюдается количественное уменьшение дел. Например, в течение двух кварталов 1944 г. в производстве Военного трибунала ТАССР находилось только 4659 дел на дезертиров, тогда как за этот же период 1941 г. были заведены и переданы в судебные органы дела на 11552 нарушителей трудовой дисциплины[40].

Рабочие в основном наказывались за опоздания, преждевременный уход с предприятий, сон на работе, явку в нетрезвом виде, отказ от выполнения сверхсрочных заданий и т.п.

Сокращение дел на нарушителей трудовой дисциплины, на наш взгляд, можно объяснить несколькими обстоятельствами, причем как объективного, так и субъективного свойства: во-первых, усиливалась патриотическая составляющая, лозунг «в труде, как в бою» становился для рабочих приоритетным; во-вторых, дирекция предприятий при напряженном графике работы не всегда находила время на разбирательство каждого конкретного случая и не хотела «подставлять» себя (напомним, за каждый «срыв» руководитель учреждения нес личную ответственность); в-третьих, ключевую роль играл так называемый человеческий фактор, когда директора некоторых предприятий шли навстречу рабочим и не предавали огласке даже ставшие известными им факты.

Еще более остро, чем в промышленности и на транспорте, кадровый вопрос стоял в сельскохозяйственном производстве Татарстана, игравшем важную роль в деле обеспечения продовольственными и сырьевыми ресурсами нужд страны и армии. По оценкам специалистов, количество сельского трудоспособного населения в нашем регионе за годы войны сократилось более чем на одну треть[41], при этом доля нетрудоспособных – возросла. Достаточно сказать, что если в 1940 г. в колхозах Татарстана насчитывалось 1712 тыс. человек всего наличного населения, из них трудоспособные в колхозах составляли 717,2 тыс. человек (41,9%), то к 1944 г. общее количество населения уменьшилось до 1415 тыс. человек, но доля трудоспособных сократилась гораздо более значительно, достигнув 461,6 тыс. человек (32,6% ко всему наличному населению на этот отрезок времени). Только в 1945 г. наблюдается некоторое увеличение и общего количества населения, и числа трудоспособных в колхозном производстве республики (соответственно, 1437 тыс. и 510,2 тыс. человек), но довоенного уровня рассматриваемые показатели так и не достигли[42].

К этому следует добавить, что, к сожалению, даже имевшееся в наличии сельское население не могло быть использовано в аграрном производстве в полной мере, т.к. именно жители сельской местности служили основным источником восполнения рабочей силы для республиканских предприятий и подлежали мобилизациям в промышленность, согласно спущенным сверху разнарядкам. Также сельчане служили «резервуаром людских ресурсов» для пополнения системы государственных трудовых резервов. Они же, как правило, привлекались для выполнения неотложных работ оборонного характера. Конечно, в определенной степени аграрное хозяйство выручали эвакуированные, размещенные в колхозах и совхозах республики, но этого явно было недостаточно. В итоге ру-

ководящие органы вынужденно прибегали к уже апробированным методам, вовлекая в сельское хозяйство ранее незанятое в колхозном строительстве население. Вся тяжесть сельскохозяйственных работ лежала на плечах женщин-домохозяек, престарелых колхозников и подростков.

Основным средством активизации человеческого потенциала являлись методы убеждения: в колхозах, совхозах и МТС проводились митинги, периодическая печать регулярно освещала наиболее яркие примеры патриотических начинаний тружеников села. В частности, центральная республиканская газета «Красная Татария» сообщала своим читателям о почине колхозницы артели «Кзыл Метески» Казанбашской МТС Ахметовой, которая проводив мужа на фронт, вернулась на работу в качестве трактористки[43]. Ее примеру последовали Анна Уланова, Екатерина Прокофьева из колхоза им. «12 лет Октября» Высокогорского района, Нурия Загретдинова из артели им. Орджоникидзе Первомайского района и другие[44].

Не отставали от взрослых и школьники. Детский труд особенно широко использовался на прополке, сенокосе, молотьбе, уборке урожая и т.д., в связи с чем учебный год во многих сельских школах начинался позже положенного. Более того, в ноябре 1941 г. Татарский обком ВКП(б) принял специальное постановление об организации обязательного обучения учащихся сельскохозяйственным профессиям для оказания организованной помощи рабочей силой колхозам и совхозам. Согласно документу, оно вводилось в 6–10 классах сельских средних школ, 8–10 классах городских средних школ, на всех курсах техникумов и вузов[45].

Широко тиражировался и популяризировался в республике передовой опыт работы пожилых колхозников. Так, в докладной записке, посланной на имя секретаря обкома ВКП(б) из Альметьевского района Татарстана, отмечалось, что уже в июле 1941 г. число работников колхоза «Зай» пополнили 49 пенсионеров, «Ярыш» – 37, «Ирек» – 35, им. Ворошилова – 23 человека[46]. В Акташском районе на работу в поле вышел даже 85-летний Фома Белоногов из сельхозартели «Красная горка», заявив при этом: «Пока у меня есть силы, без дела сидеть не могу»[47]. По официальным данным, удельный вес трудодней, которые вырабатывали в колхозах престарелые граждане, составлял от 7 до 9% к общему количеству выработанных трудодней[48].

В результате вовлечения в аграрное производство домохозяек, пожилых колхозников и подростков в некоторых хозяйствах республики на уборочных работах в 1941 г. участвовало даже большее количество людей, чем на сельхозработах до начала войны. В колхозе «Ворошиловец» Заинского района до войны на работу выходили 140–150 человек, с начала войны стали выходить 350–400 человек, в колхозе «Уныш иген» того же района число работающих увеличилось со 100 до 150 человек. В Ципьинском районе республики в 1941 г. на сельскохозяйственные работы вышли 345 пожилых колхозников и колхозниц, не принимавших участия в аграрном производстве в предыдущем году[49]. Причем большинство из них показывали образцы самоотверженности при выполнении плановых заданий.

Правда, наряду с высоким патриотическим подъемом в республике были отмечены и случаи недовольства тех, кто не мог осилить жесткий режим военного времени. В докладных записках правоохранительных органов зафиксированы такие высказывания колхозников, как, например: «Я не стальной, чтобы ночью работать, мне нужно отдохнуть», или «Что вы ко мне пристаете, я вам под козырек не взял»[50] и др. Каждый подобный случай являлся предметом специального разбирательства. А замеченные в нарушении производственной дисциплины сельчане карались по всей строгости закона. По состоянию на 15 октября 1941 г., за отказ от трудовой повинности на уборке

урожая в колхозах и совхозах республики к уголовной ответственности было привлечено 57 человек. Из них судами были рассмотрены дела на 39 человек. Меры наказания были определены достаточно строгие: 5 лет лишения свободы – на 11 чел., 4 года – на 7 чел., 3 года – на 4 чел., 2 года – на 10 чел., 1,5 года – на 2 чел., 1 год – на 3 чел, 1 год исправительно-трудовых работ – на 1 чел., 1 год условно – на 1 человека[51].

В целом, жесткая организация труда в аграрном производстве и применение методов силового давления на людей приносили определенные результаты. К 1943 г. число сельчан, не выработавших обязательного минимума трудодней, сократилось по сравнению с довоенным уровнем на одну треть, число выработавших от 300 до 400 трудодней увеличилось вдвое, а свыше 400 – в три раза[52].

Конкретные цифровые показатели приводятся в работе Е.Г. Кривоножкиной. Она указывает, что в 1942 г. не выработали обязательного минимума трудодней 48056 колхозников, в 1943 г. – 44005 человек, что составляло соответственно 9,3% и 9,5% к числу всех трудоспособных в хозяйствах республики[53]. Но, согласно нашим подсчетам, в отдельных районах статистика нарушений трудовой дисциплины была еще выше. Например, в Дрожжановском районе Татарстана в 1942 г. из 13395 трудоспособных колхозников не выработали положенной нормы 2024 человека, в 1943 г. – уже 4554 человека, что в процентных значениях выражалось как 15% и 34%[54].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что применяемые по отношению к аграриям чрезвычайно-репрессивные меры во многих районах не могли решить проблему дефицита рабочей силы, особенно в период проведения таких масштабных сельскохозяйственных кампаний, как сев или уборка урожая. В таких случаях руководящие органы республики привлекали на помощь колхозам и совхозам трудоспособное население городов. Так, осенью 1941 г. коллектив Казанского мехкомбината выступил с обращением ко всем фабрикам и заводам Казани восстановить традицию шефства города над селом и вовремя, без потерь, собрать военный урожай. В августе 1941 г. из Казани на поля колхозов и совхозов выехали около 6 тыс. человек[55]. К примеру, завод «Серп и молот» установил шефство над колхозом «Алга» Дубъязского района, валяльно-обувная фабрика – над Арской МТС, льнокомбинат и шорная фабрика – над рядом колхозов Билярского района и т.д.[56]

Желая придать этому процессу более организованный и централизованный характер, в сентябре 1941 г. СНК ТАССР своим специальным постановлением ввел на сельхозработы трудовую повинность для всего трудоспособного населения городов, городских поселков и сельских поселений, включая учащихся. По существу, именно эта новая форма привлечения граждан республики на общественные работы стала первым по времени проявлением военизированного, мобилизационного подхода к решению кадрового вопроса.

В апреле 1942 г. обязательный порядок организации помощи сельскому хозяйству был законодательно закреплен в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» и Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы или самовольный уход мобилизованных с работы». По данным Российского государственного архива социально-политической истории в Москве, общее количество привлеченных для работы в колхозах и совхозах ТАССР учащихся, служащих и рабочих в период сельскохозяйственной кампании 1942 г. составило 45 тысяч человек[57].

Главное отличие трудовой повинности от государственных централизован-

ных мобилизаций заключалось в сезонном характере этих работ. Как правило, метод повинности применялся при заготовке топлива, на очистке железных дорог от снега, в жилищном строительстве. Подобным же принудительным образом организовывались гужевые работы в период осенне-зимних лесозаготовок, в железнодорожном строительстве и т.д. В частности, в июле 1941 г. на строительство дороги Казань-Бугульма было направлено 100 колхозников и 20 подвод из Арского района, 40 колхозников и 10 подвод – из Атнинского и т.д.[58] В общей сложности, на данном строительстве было задействовано 17 тыс. колхозников и 7 тысяч подвод[59]. В феврале 1942 г. специальным постановлением ГКО народному комиссариату внутренних дел во главе с Л.П. Берия было поручено строительство железнодорожной линии Свияжск – Ульяновск, которая должна была пройти через территорию Буинского района Татарстана. При выполнении этих работ тоже был использован метод трудовой повинности.

Применение различных видов трудповинности настолько прочно вошло в практику деятельности местных руководящих органов, что возникла необходимость в их официальной регламентации. 10 августа 1942 г. Совнарком СССР своим постановлением «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» окончательно узаконил возможность ее применения. По данному документу разрешалось привлечение населения на срок до двух месяцев с целью выполнения временных, неотложных оборонных работ. После обнародования официальных указов о легитимности применения трудовой повинности, эта мера получила еще большее распространение.

Особая страница в истории Татарстана военных лет – это сооружение Волжского оборонительного рубежа. Возведение его запомнилось жителям республики как наиболее массовые, одновременно героические и поистине каторжные работы. Здесь применялись все формы привлечения населения: и мобилизация, и трудовая повинность. Решение о начале строительства было принято Государственным Комитетом Обороны осенью 1941 г. в связи со стратегической обстановкой на фронте. Исключительно опасное положение, создавшееся под Москвой, потребовало подготовки территории на случай распространения военных действий с целью недопущения продвижения противника в тыл страны.

По схеме трасса рубежа протяженностью около 350 километров должна была пройти по землям трех автономных республик – Татарской, Марийской и Чувашской. На территории нашей республики оборонительные сооружения располагались полукольцом вокруг Казани и проходили от деревни Покровское на берегу р. Волги через станцию Урмары, райцентр Кайбицы, райцентр Апастово к г. Куйбышеву[60].

Мобилизация на работы началась в октябре 1941 г. по распоряжению Казанского городского комитета обороны. В первую очередь привлекались жители Казани и тех районов, по территории которых проходил «Казанский обвод»: Больше-Тарханского, Апастовского, Кайбицкого, Буинского, Тетюшского. Затем начали использовать труд колхозников близлежащих к строительству районов. Всего мобилизационные наряды были разосланы по 28 районам Татарстана, причем задания устанавливались разные. Например, Буинский район должен был выполнить наряд на 10 тыс. человек, Кайбицкий – на 9300. Более удаленные от строительства районы предоставляли меньшее количество людей: Балтасинский – 3 тыс. человек, Ципьинский – 2 тыс., Высокогорский – тоже 2 тыс.[61] Казань по плану должна была дать строительству 65 тыс. человек: были задействованы студенты, рабочие промышленных предприятий, школы ФЗО.

Но реальная картина отличалась от той, что наметили вышестоящие органы. Спущенные сверху наряды не всегда и не везде выполнялись в полном

объеме. Достаточно сказать, что только по Казани объем недопоставок рабочей силы составлял более 50%. К 11 ноября на работы прибыло лишь 31,5 тысяч человек, среди которых были инвалиды, больные, калеки, беременные[62]. Аналогичное положение наблюдалось и по районам Татарстана. Основной причиной недопоставок рабочей силы была несбалансированность действий между руководством строительства и представителями районных администраций. Зачастую необходимое количество рабочих рук колхозы выделить были просто не в состоянии в силу того, что иначе некому было бы завершать осенние полевые работы. Например, в Буинском районе при наличии всего 13931 трудоспособных человек 10 тысяч подлежали мобилизации. После обращения в Татарский обком ВКП(б) объем наряда был пересмотрен в сторону уменьшения. В итоге Буинский район поставил на строительство «Казанского обвода» только 6128 человек. Те же обстоятельства были учтены и при снижении объема поставки людей по Кайбицкому району – с 9300 до 6 тысяч[63].

Но даже по сниженным нарядам набрать необходимое на строительство число людей было сложно. К тому же условия, в которых работали и жили прибывшие, были чрезвычайно тяжелые. Не хватало продовольствия, изнашивались одежда и обувь, не было в достаточном количестве строительных инструментов[64]. Многие не выдерживали физически изнуряющего труда и, несмотря на угрозу уголовного наказания за дезертирство, все же предпочитали бегство. Кроме того, организации и учреждения иногда практиковали отзыв рабочих с рубежа без замены их новыми трудовыми резервами. Только благодаря запрету на такого рода действия для администраций предприятий и проведению дополнительной мобилизации контингент работающих был восстановлен. К 15 декабря 1941 г. на строительстве удалось сосредоточить 108 тыс. человек[65]. Это – максимальное число задействованной по Татарстану рабочей силы за весь период работ. В целом, сооружение «Казанского обвода» было завершено через четыре месяца, протяженность воздвигнутого рубежа составила 331 километр[66]. Но в памяти мобилизованных на его строительство еще долго сохранялась обида на власти, не сумевших должным образом организовать нормальные социально-бытовые условия, питание и проживание присланных на работы граждан[67].

Анализируя формы и виды трудовых мобилизаций, отдельно следует остановиться на вопросе об их дифференциации. В зависимости от привлечения рабочей силы из внутренних или внешних источников, трудовые мобилизации подразделялись по территориальному признаку на внутрирегиональные и межрегиональные. Руководящими инстанциями в централизованном порядке на места спускались плановые задания, определявшие количество людей, подлежащих мобилизации, сроки ее проведения, места назначения.

Так, в соответствии с указаниями вышестоящих органов население Татарской АССР направлялось для работы на торфоразработки, в шахты, на лесозаготовки и т.п. Например, на торфоразработки в Горьковскую, Ивановскую и Московскую области из ТАССР были мобилизованы 6454 человека, на Дулевские торфоразработки – 300 человек[68]. Почти 20 бригад из татарских девушек и женщин работали на Туголесских торфяных предприятиях, недалеко от Москвы[69]. Жители республики также были отправлены на угольные шахты, сталинградское предприятие стройматериалов, златоустовский завод и другие предприятия. В общей сложности, количество людей, подлежащих общей мобилизации по Татарской АССР, включая торфоразработчиков, в 1943 г. составляло 26336 человек[70].

При этом сам Татарстан остро нуждался в дополнительной рабочей силе. Проведение межрегиональной мобилизации вызывало большое недоумение среди населения. Но на резонный вопрос: «Зачем вывозить людей, ког-

да есть потребность на ввоз рабочей силы?» – ответа никто не давал. Аналогичная ситуация с перераспределением рабочей силы наблюдалась не только в нашей республике, но и имела место в Башкирской АССР, Удмуртской АССР, уральских областях и многих других[71].

Эффективность такого рода шагов представляется сомнительной, т.к. далеко не всегда оправдывала усилия власти по передислокации людей на новое место жительства и работы. Например, явным просчетом со стороны руководящих органов страны обернулась мобилизация в среднюю полосу России среднеазиатских рабочих. В Татарскую АССР в связи с выполнением планов по межрегиональной мобилизации, в феврале 1943 г. тоже были завезены 1112 рабочих из Средней Азии (узбеков, таджиков, казахов и др.)[72]. В советской историографии этот факт всегда преподносился как пример укрепления дружбы народов, братской взаимопомощи союзных республик в работе тыла. Но обнаруженные в архивах документы, открывающие неприглядную картину реальной жизни мобилизованных, заставляют задуматься о том, насколько необходимы и оправданы были эти меры?

Уже через месяц пребывания среднеазиатских рабочих, на заводе им. В.И. Ленина, куда они изначально были определены, осталось всего 924 человека, 188 из них выбыло по различным причинам, в т.ч.: было передано другим заводам 14 человек, дезертировало с предприятия 53 человека, отправлено на родину по болезни 54 человека, мобилизовано в РККА – 36 человек и умерло 31 человек[73]. Особенно обращает на себя внимание большой процент заболевших и умерших рабочих. В отчетах местные власти сообщали, что прибывающие из Средней Азии люди в большинстве своем ослабленные, больные, непривычные к суровым климатическим условиям.

По прибытии ответственность за организацию размещения мобилизованных рабочих, их материально-бытовое обеспечение возлагалась на руководство предприятий, к которым они были прикреплены. Однако с сожалением приходится констатировать, что в большинстве случаев местная номенклатура оказалась не готова ни к трудовому, ни к социальному обустройству специфичного рабочего пополнения. Поэтому в массе своей неквалифицированные кадры были задействованы главным образом на подсобных и транспортных работах (чернорабочими на заводах, на погрузке и выгрузке лесоматериалов и т.п.).

Условия проживания и питания рабочих также оставляли желать много лучшего. Приезжие жили в полуподвальных бараках с двухъярусными нарами, иногда – без них, так что спать приходилось на голом полу. Питание «было организовано плохо и однообразно, в малом количестве»[74]. Отсутствие воспитательной работы, крайне неудовлетворительные бытовые условия порождали среди рабочих нездоровые настроения. Производительность труда была крайне низкой. Большинство работало только по принуждению. К концу 1943 г. неэффективность трудового использования данной группы рабочих стала вполне очевидной для центральных властей. Поэтому начиная с 1944 г. по указанию СНК СССР началась общая демобилизация рабочих из Средней Азии и отправка их на родину.

Подведем итоги: итак, развернувшаяся в годы Великой Отечественной войны масштабная мобилизация мужчин на фронт создала огромный дефицит рабочих кадров в тылу. Но необходимость оперативного наращивания экономического потенциала заставила руководство страны и республики искать эффективные пути и способы его преодоления. Для решения кадрового вопроса в советском государстве были задействованы все рычаги, имевшиеся в распоряжении органов. С одной стороны, широкое распространение получила практика апеллирования к сознательности людей, важности выполне-

ния ими гражданского долга – с этим связано использование формы добровольного вовлечения граждан в общественное производство. С другой стороны, в военный период были приняты специальные указы и постановления правительства, которые регламентировали формы и методы привлечения населения к труду, а также меру ответственности граждан за неисполнение законов военного времени. На наш взгляд, система этих чрезвычайных мер свидетельствовала о том, что властные структуры совершенно явно убеждению предпочитали методы принуждения. Так гораздо легче было организовать производство и обеспечить приток в народное хозяйство новых рабочих рук. Основными формами вовлечения трудовых резервов в годы войны являлись: мобилизация, мобилизационный набор, трудовая повинность. Добровольно-принудительный характер их проведения позволял пополнять общественное производство рабочей силой на плановой основе через административный ресурс.

В общей численности занятых в общественном производстве Татарстана заметно стали преобладать женщины и молодежь. Количество женщин на промышленных предприятиях республики возросло с 37132 человек (33, 1%) в 1941 г. до 83667 человек (53,8%) в 1944 г. В аграрном секторе Татарстана число женщин, задействованных в колхозном производстве, увеличилось с 666271 человека (54%) в 1940 г. до 987070 человек (80%) в 1944 г.[75]

Значительную часть новых рабочих рук обеспечивала допризывная молодежь. В 1942 г. практически на всех предприятиях Казани молодежь составляла около или более половины от наличного числа работающих[76]. Как уже упоминалось, в основном это была заслуга системы Государственных трудовых резервов, которая за 1940-1942 гг. возросла весьма значительно: количество ремесленных и железнодорожных училищ увеличилось с 6 до 14, а школ ФЗО – с 10 до 27. Ежегодно на протяжении всех военных лет эта система выпускала в Татарстане более 13 тысяч молодых квалифицированных рабочих по 53 различным специальностям. В совокупности за все время войны здесь для предприятий республиканской оборонной промышленности было подготовлено 49261 молодых рабочих[77].

Существенно возросло и количество детей и подростков, занятых в колхозах и совхозах республики. Тем более что специальное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» легитимировало привлечение в аграрный сектор детей уже с 12-летнего возраста[78].

В целом, оценивая государственную политику в области изыскания и использования трудовых резервов в республике в годы войны, следует подчеркнуть, что приоритетное значение для руководства Татарстана имело обеспечение рабочими кадрами промышленных предприятий и учреждений, нередко в ущерб другим отраслям народнохозяйственного комплекса. Мобилизационный подход позволял беспрепятственно выкачивать из деревни все новые и новые потоки людских ресурсов, что в итоге весьма негативно отразилось на общем состоянии сельского хозяйства. В условиях хронической нехватки рабочих рук сохранить объемы аграрного производства оказалось совершенно невозможно, в то время как валовая продукция промышленности только увеличивалась.

Это подтверждают и статистические итоговые показатели функционирования военной экономики Татарстана. За 1941–1945 гг. валовая продукция промышленности республики увеличилась почти в 2,2 раза, составив к 1945 г. 219%[79]. Преимущественное развитие получила крупная металлообрабатывающая и машиностроительная промышленность, удельный вес которой составил более 2/3 всей индустриальной продукции республики. Татарстан поставлял фронту свыше 600 наименований оружия, боеприпасов, снаря-

жения. Легкая промышленность производила для фронтовиков почти 200 наименований одежды, обуви, вещевого обмундирования. При этом аграрное хозяйство республики, по объективным обстоятельствам, не смогло ни за один год войны реализовать определенные для него объемы государственных поставок. И, тем не менее, сельчане Татарстана, благодаря невероятному напряжению сил и воли, смогли за военный период произвести и передать государству для продовольственного и сырьевого обеспечения фронта и тыла 131 млн. пудов хлеба, 39 млн. пудов картофеля и овощей, 56 млн. пудов мяса, 200 млн. литров молока и другой продукции[80].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Вознесенский Н.А.* Военная экономика в период Отечественной войны. – М., 1948. – С. 37.

[2] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. – М., 1957. – С. 707–712.

[3] Урал – фронту. – М., 1985. – С .45.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 91. Л. 42.

[5] Татария в период Великой Отечественной войны: Сб. документов и материалов. – Казань, 1963. – С. 59-61.

[6] ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 129. Л. 168.

[7] См. стат. сб.: Татарская АССР за 40 лет. – Казань, 1960. – С. 15; Народное хозяйство Татарской АССР к 50-летию со дня образования. – Казань, 1970. – С. 8; Республика Татарстан: 1920–2000. – Казань, 2001. – С. 40.

[8] Историко-демографическая характеристика населения Татарской АССР в предвоенные и военные годы стала предметом серьезного и глубокого исследования в целом ряде недавно вышедших трудов в виде кандидатских диссертаций, что освобождает нас от подробного рассмотрения данного вопроса. В этих работах основательно представлена динамика численности населения в городах и сельских районах республики: изучены миграционные процессы, переселенческая политика и т.д. См.: *Кривоножкина Е.Г.* Сельское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 2001; *Ханипова И.И.* Сельское население ТАССР в конце 1930-х – начале 1940-х гг.: социально-демографические аспекты: дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 2005; *Сакаев В.Т.* Городское население ТАССР в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические процессы: дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 2008.

[9] См.: ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 3. Д. 1599. Л. 17-18; Ф. 15. Оп. 4. Д. 1166. Л. 12, 18, 23.

[10] НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 13. Д. 141. Л. 80; *Тагиров И.Р.* Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). – Казань, 1999. – С. 319.

[11] *Кривоножкина Е.Г.* Указ. раб. – С. 35. Следует отметить, что Тагиров И.Р. указывает другую цифру прибывших в сельскую местность ТАССР, а именно – 54,1 тыс. человек. – См.: *Тагиров И.Р.* Указ. раб. – С. 319.

[12] НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 508. Л. 15.

[13] *Тагиров И.Р.* Указ раб. – С. 319; *Сакаев В.Т.* Указ раб. – С. 39.

[14] НА РТ. Ф. Р-128. Оп.1. Д. 3637. Л. 649.

[15] Татария в период Великой Отечественной войны (1941–1945): Сб. документов и материалов. – Казань, 1963. – С. 35.

[16] НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3638. Л. 49.

[17] Там же. Л. 18.

[18] НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3635. Л. 26.

[19] *Гильманов З.И.* Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны. – Казань, 1977. – С. 78.

[20] НА РТ. Ф.Р-1296. Оп.18. Д.508. Л.183.

[21] *Кривоножкина Е.Г.* Указ. раб. – С. 39.

[22] *Гильманов З.И.* Указ раб. – С. 78.

[23] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1967. – Т. 2. – С. 757–758.

[24] Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Великой Отечественной войны. – М., 1944. – С. 52.

[25] *Зинич М.С.* Будни военного лихолетья. Вып. 1. – М., 1994. – С. 68.

[26] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944. – М., 1945. – С. 149.

[27] Там же.

[28] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. – М., 1957. – С. 725; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд-е 9. Т. 7. – М., 1985. – С. 281-282.

[29] *Кабирова А.Ш.* Женщины Татарстана на фронте и в тылу. – Казань, 1995. – С. 22.

[30] Трудовое законодательство военного времени. – М., 1943. – С. 8-9.

[31] Правда. – 1941. – 27 декабря.

[32] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. – М., 1945. – С. 247 – 248.

[33] *Сухаревский Б.* Организаторская работа в тылу. – М., 1943. – С. 39.

[34] *Гильманов З.И.* Указ. раб. – С. 85.

[35] Там же. – С. 82.

[36] ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 586. Л. 112.

[37] Там же. Л. 87.

[38] ЦГА ИПД РТ. Ф. 840. Оп. 1. Д. 251. Л. 38.

[39] ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 472. Л. 38-39.

[40] Там же. Д. 147. Л. 1-7.

[41] Советская Татария. – 1975. – 25 марта.

[42] *Арутюнян Ю.В.* Указ раб. – С. 391; *Гильманов З.И.* Указ раб. – С. 171; *Кривоножкина Е.Г.* Указ. раб. – С. 276.

[43] Красная Татария. – 1941. – 29 июня.

[44] Правда. – 1941. – 27 июня.

[45] ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 105. Л. 2.

[46] ЦГА ИПД РТ. Ф. 273. Оп. 1. Д. 181. Л. 17.

[47] Маяк. – 1964. – 10 мая.

[48] *Теряева А.П.* Труд в колхозах во время Великой Отечественной войны. – М., 1947. – С. 18.

[49] ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 353. Л. 130.

[50] Там же. Д. 143. Л. 66.

[51] Там же. Д. 147. Л. 160.

[52] *Гильманов З.И.* Указ. раб. – С. 157-158.

[53] *Кривоножкина Е.Г.* Указ. раб. – С. 215.

[54] ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 698. Л. 20. Абсолютные значения высчитаны автором.

[55] *Гильманов З.И.* Указ. раб. – С. 137.

[56] *Вовченко Г.Л.* Труд женщин на промышленных предприятиях Татарии в годы Великой Отечественной войны //Тр. института / Казанский химико-технологический институт. – 1960. – Вып. 28. – С. 102.

[57] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 133. Л. 31–32.

[58] Красная Татария. – 1941. – 26 июля.

[59] *Тагиров И.Р.* Указ раб. – С. 329.

[60] *Иванчиков П.А.* Мобилизация населения Республики Татарстан на сооружение оборонительного рубежа «Казанский обвод» //Материалы науч.-практ. конф. «Московская и Сталинградская битвы – поворотные события Великой Отечественной войны». – Казань, 2007. – С. 83.

[61] Там же. – С. 86.

[62] *Сакаев В.Т.* Участие населения и органов власти Татарской АССР в строительстве Волжского оборонительного рубежа // Научный Татарстан. – 2010. – № 2. – С. 50, 52.

[63] *Иванчиков П.А.* Указ раб. – С. 88.

[64] ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 243. Л. 36-37.

[65] Там же. Д. 481. Лл. 5, 27.

[66] Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – Казань, 2009. – С. 152.

[67] ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 243. Л. 55-55 об.
[68] НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 515. Л. 164.
[69] Азат хатын. – 1974. – № 6. – С. 6-7.
[70] НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 515. Л. 166.
[71] *Палецких Н.П.* Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. – Челябинск, 1995. – С. 15.
[72] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 232. Л. 107.
[73] Там же.
[74] Там же. Л. 108.
[75] *Кабирова А.Ш.* Указ раб. – С. 21.
[76] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 181. Л. 55.
[77] ЦГА ИПД РТ. Ф. 4034. Оп. 26. Д. 199. Л. 5; *Калишенко Д.Ф.* Патриотизм трудовых резервов ТАССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 1950. – С.68; *Ханин Л.И.* Патриотический подвиг комсомольцев и молодежи Татарии в Великой Отечественной войне Советского Союза: дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 1966. – С. 84.
[78] Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938-1946 гг. – М., 1948. – С. 310–311.
[79] Татарстан в годы Великой Отечественной войны... – С. 174.
[80] Татарстан. Вехи истории. 1920-2010. – Казань, 2010. – С. 65.

Аннотация

Статья посвящена изучению законодательных актов властных структур в трудовой сфере в годы Великой Отечественной войны и формам их реализации в Татарстане. Автор отмечает особую злободневность и остроту кадрового вопроса в республике в начальный период войны, рассматривает степень участия государственных органов в его решении, анализирует формы трудового участия граждан в общественном производстве Татарстана в военный период.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Республика Татарстан, трудовая политика, нормативно-правовые акты в трудовой сфере, властные структуры, общественное производство, трудовая мобилизация, трудовая повинность.

Summary

The article is devoted to the investigation of legislative acts in the sphere of labour issued by government bodies during the Great Patriotic War and forms of their implementation in Tatarstan. The author notes that the issues of human resources in the Republic were especially acute and critical in the initial period of the war; considers the extent of participation of state organs in solving them; analyzes personal labour participation of citizens in Tatarstan's social production during the war.

Key words: Great Patriotic War, Republic of Tatarstan, labour policy, legal and regulatory acts in the sphere of labour, government bodies, social production, labour mobilization, labour duty.

УДК 94“19/...”

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ БАЛКАНСКОЙ ВОЙНЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ТАТАРСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

***К.Г. Ахсанов**, кандидат исторических наук*

Турецко-османская тема традиционно занимала одно из центральных мест на страницах татарских периодических изданий. Татарские газеты и журналы живо интересовались событиями, происходившими в Османской империи. При том следует отметить, что некоторые татарские журналисты и редакторы были так или иначе связаны с Турцией – учились там или имели родственные связи (Юсуф Акчура, Фатих Карими). События, связанные с общественно-политической жизнью Османской империи, находили живой отклик среди аудитории татарской печати. С воодушевлением была встречена младотурецкая революция 1908–1909 гг. С сочувствием к Турции писали татарские издания во время Триполитанской войны 1911–1912 гг., когда Италия начала военную кампанию с целью захвата последних османских владений в Африке – Триполитании и Киренаики (нынешняя Ливия). Но наибольший резонанс в татарской прессе вызвали события, связанные с Балканскими войнами 1912–1913 гг. Можно сказать, что начало Балканских войн буквально взорвало татарскую общественность. Катастрофические поражения турецких войск в первые недели войны и потеря почти всех европейских владений, за исключением нескольких осажденных городов – все это походило на полный крах некогда могущественнейшей Османской империи. Не ограничиваясь перепечатками и ссылками, некоторые, наиболее читаемые издания, направляют в район боевых действий своих корреспондентов. Но прибывшие в Турцию журналисты стали описывать не только военные действия. Они оказались в круговороте острой внутриполитической борьбы, которая шла в то время в Османской империи.

Наиболее полно ситуация в Османской империи периода Балканских войн отражена в книге Ф. Карими «Стамбульские письма» («Истанбул мәктүпләре»), которая написана на основе материалов для газеты «Вакыт», чьим корреспондентом в Стамбуле он был с ноября 1912 по март 1913 г. и для журнала «Шура». Вслед за Ф.Карими в ноябре 1912 г. в Стамбул в качестве корреспондента газеты «Йолдыз», направляется видный татарский драматург Г. Камал, который пробыл в Стамбуле с конца ноября 1912 по начало январь 1913 г.

Осенью 1912 г. Османская Турция переживала один из самых драматичных эпизодов своей истории. Тяжелые поражения первых дней балканской войны усугублялись крайне напряженной внутриполитической ситуацией в стране. Воспользовавшись поражением Османской империи в войне с Италией, политические противники младотурок (партии Иттихад ве тараки, или как их называли – «иттихадисты») совершили в июле 1912 г. переворот. Его возглавила созданная в ноябре 1911 г. партия «Хюрриет ве итиляф» («Свобода и согласие»), в которую вошли многие оппозиционные партии и группы. Новую партию поддерживали представители большинства национальных мень-

шинств, которым она обещала провести в жизнь принцип автономии национальных областей при сохранении политической целостности страны. В июле 1912 г. итиляфисты добились отставки правительства, поддерживаемого иттихадистами. Новый кабинет министров находился под контролем итиляфистов. В августе 1912 г. они добились и роспуска парламента, в котором большинство принадлежало иттихадистам. Затем была объявлена амнистия, распространившаяся и на реакционные элементы, совершившие преступления при режиме «зулюма». Младотурки, потерпев поражение, начали готовиться к борьбе в новых условиях. В августе 1912 г. они провели очередной съезд партии в Стамбуле, а затем их Центральный комитет перебрался в Салоники. 18 октября произошли большие перемены и в Стамбуле. Кабинет министров ушел в отставку, а новое правительство возглавил ставленник итиляфистов Кямиль-паша. Итиляфисты воспользовались военной ситуацией, чтобы обрушить репрессии на своих политических противников. Были арестованы многие активные деятели иттихадистов [1, с.376].

Политическое противостояние в Стамбуле давало знать о себе уже на подступах к османской столице. Еще будучи в пути Ф.Карими нанес визит османскому консулу в Одессе. На вопрос журналиста об аресте видных деятелей младотурецкого движения – Махмуд Шавкет-паши, Джавид-бея, Джахид-бея – на вопрос, в чем заключается их вина, консул ответил: «Что сказать, эфендим (мой господин), они, потопившие всю нашу страну, уничтожившие все что можно, они свели все на нет. Они – мятежники, смутьяны. Они только и знали, как все испортить. Если бы после того как все испортили, отошли бы в сторону и передали власть другим, как хорошо бы было, но так не поступили. Все держали в своих руках, и пять-десять человек хотели править страной, как им заблагорассудится. Знаете, как много в нашей стране разных наций, всех задели за живое... вот результат перед Вами, эфендим», – сказал он [3, с.15]. Пройдет чуть больше месяца и этот дипломат возьмет свои слова обратно.

Уже в Стамбуле Ф. Карими отмечает, что здесь сейчас две самые важные темы: «Одна – начало переговоров о мире. Вторая – аресты и заключение под стражу членов партии «Иттихад ве таракки» (Единство и прогресс). Ф. Карими сообщает о том, что арестованы крупные государственные деятели: министры, помощники министров, депутаты, партийные функционеры. Некоторые представители бывшего руководства страны сумели бежать за границу. На расспросы журналиста, в чем же вина младотурок, следовал ответ, совпадающий с официальной на тот момент точкой зрения: «Эфендим, разве не видишь, что свалилось на наши головы? Все это злодеяние иттихадистов, несколько человек, захватив в свои руки власть, перевернули страну с ног на голову. С одной стороны, настроили против себя всех христиан, живущих в стране, с другой – остудили любовь Европы к нам... Они – причина всего нашего нынешнего состояния». Рассуждая о причинах столь жесткого отношения новых властей к младотуркам, Ф.Карими приходит к выводу, что нынешним властям после заключения мира придется ответить за все (поражение и потерю огромных территорий). И на протестной волне вновь будут востребованы младотурки, которые обязательно попытаются вернуть себе власть, что, впрочем, и произошло спустя несколько месяцев.

В записях Ф. Карими острое внутриполитическое противостояние видится одной из главных проблем Турции: «Многие здесь признают, что самая главная причина сегодняшней катастрофы Турции заключается в межпартийных распрях, турецкое войско победили не болгары, а междоусобицы. Наиболее образованные слои общества хорошо это понимают. Однако настолько увлечены межпартийными разногла-

сиями, что, например: если сейчас станет ясно, что Иттихад ве таракки, придя к власти, выдворит все вражеские войска за пределы страны, то противостоящая ей партия категорически не будет довольна, и чтобы спастись от преследований иттихадистов, предпочтет, чтобы Турция была захвачена балканскими славянами» [3, с.33]. Конечно, в этих рассуждениях есть крайность, вытекающая из личных симпатий автора к младотуркам, которых он называет «самыми способными, талантливыми, и самоотверженными людьми, истинными защитниками родины» [3, с.33]. Стремление турок свалить всю вину на иттихадистов, по мнению Ф. Карими, исходит от отсутствия у них объективной информации, а также от доверия к словам «сладкоголосых» греков и армян. «Иттихадисты стремились установить в Турции турецкую власть. В чем-то, в частности, поторопившись, совершили ошибки, но цели их были верны. Однако итиляфисты со товарищи греками и арнаутами (албанцами) показали свое «мастерство»: они стали главной причиной сокращения или даже уничтожения османской власти в Европе. Бедные чистосердечные турки сейчас хвалят арнаутов и ругают иттихадистов» [3, с.34].

Одним из важных аспектов политической ситуации в конце 1912 г. являлся вопрос о форме правления Османской империи. Главнейшим итогом младотурецкой революции 1908–1909 гг. стало восстановление конституции 1876 г. и назначение правительства большинством депутатов меджлиса (парламента). И вот ставится под сомнение, пусть неофициально, на уровне слухов, сама необходимость выборного органа. «Было понятно, что правительство издаст постановление об увеличении числа членов «Шураи девлет» (по нашему – Сенат – Ф. К.) и назначении туда представителей немусульманских народов: армян, греков, евреев и др. Кроме того, среди народа распространилось следующее известие: поскольку в течение 4 лет от депутатов меджлиса не было никакой пользы и, по мнению народа, конституционное правление несовершенно, то правительство ликвидирует палату депутатов – меджлис – и оставит только вместо него Шураи девлет (Государственный совет). Сегодня правительство через газеты опровергает эту информацию. Таких намерений не было, это полностью выдуманное сообщение, – заявляет правительство. Однако здесь многие считают, что это сообщение не выглядит полностью безосновательным. Скорее всего, предполагается не явная ликвидация депутатского корпуса, а изменение его значения (сделать несколько шагов назад), и если на политической арене не станет «Иттихад ве таракки», то позже против такого шага вряд ли кто-либо выступит категорически против» [3, с.34–34]. Спустя месяц вопрос об отмене конституционных свобод и выборов в парламент также вызывает беспокойство Ф. Карими. Эти слухи упорно циркулировали в Стамбуле в декабре 1912 г.: «Вопрос об открытии или неоткрытии собрания представителей начинает занимать здесь внимание народа, и некоторые говорят, что якобы правительство после этого отменит конституционный режим. Чтобы пресечь эти слухи, во вчерашних газетах правительство опубликовало по этому поводу официальное сообщение. Правительство сообщает: Поскольку сейчас военное время, то нет возможности заниматься вопросом открытия собрания представителей, как только будет заключен мир, будут объявлены выборы и тотчас же откроется».

Будучи сам журналистом Ф.Карими уделяет немало места вопросу о свободе печати, а правильнее сказать, – об отсутствии таковой. «Нет сил не сказать и про это: говорящие правду турецкие газеты позакрывали. Те, что остались, подлизывающиеся к нынешним чиновникам, в общем пишут лишь в духе успокоения народа. Не говорят, что надо писать правду, пусть и нелюбимую народом, горькую. Не стараются сами формировать общественное мнение,

скорее всего считают для себя спокойным и удобным следовать настроению толпы. Поэтому общественное мнение не следует по известному и ясному пути... В сущности, в условиях чрезвычайного положения, для газет нет и возможности основательно писать, основательно рассказывать и, опираясь на свою информацию вести рассуждения. Поэтому не удивительно, что газеты не могут оторваться от настроения толпы и не могут выражать свои мысли и критику о делах правительства» [3, с.26]. Вышесказанное относится к лояльной властям печати, оппозиционные же издания были заблаговременно нейтрализованы: «Сейчас в Стамбуле у сторонников «Иттихад ве таркки» не осталось ни одной газеты. Совсем прервав работу, у газет «Танин» и «Хак» отобрали разрешение и опечатали типографии. Также наложили штраф двадцать лир ответственному редактору «Танин» и «Хак» за критику в адрес Назыйм паши. Выходившая ранее в Салониках газета «Иттихад ве таракки» под названием «Туран» после вступления туда греков хоть ненадолго и перестала выходить, но, получив от греческого правительства разрешение, снова стала печататься. Но ее не пропускают в Стамбул» [3, с.38–39]. По мнению Ф. Карими, турецкие газеты – особенно бросающееся в глаза – ущербное явление: «Ничего не пишется правдивым и истинным смыслом. Иттихадистские газеты писали хоть какую-то правду. Но сегодняшние все пишут только, чтобы успокоить толпу, запутать мысли, обмануть. Такое явление уже – преступление. Враг подошел к вратам столицы, со всех сторон окружил, заставил просить о мире. Турецкие газеты в настоящее время обсуждают постоянные победы турок...» [3, с.49].

К теме арестов младотурок Ф.Карими возвращается почти в каждой своей записи в ноябре и декабре 1912 г.: «Вот их всех собирают и запирают в тюрьму. Вот только в эти дни в имении рядом со Стамбулом одного из иттихадистов – египтянина, известного принца Саид-паши, – проведен обыск силами 150 конных полицейских и 200 пеших военных. Якобы там иттихадисты готовили оружие». При этом, несмотря на преследования, сообщает Ф. Карими, от имени Саид-паши продолжается раздача милостыни. «Достойное сожаления дело, в то время как Отечество находится на краю гибели, заключить в тюрьму или заставить бежать за границу ради спасения своей жизни людей самых избранных, деятельных, истинных защитников родины. В такое время все межпартийные распри должны были быть отброшены в сторону, все сыны отечества, сплотившись, должны были защищать родину. Здесь же все наоборот...» [3, с.38].

Ф.Карими посетил в тюрьме военного управления известного редактора Ахмед-бея Агаева. Приводит его слова: «Нас сюда (в тюрьму) привела верность и любовь к нации и отечеству. Правильны ли были наши усердия или ошибочны будет известно позже, правда станет очевидной». Критикуя нынешние турецкие власти, все же Ф. Карими отмечает очень даже приличные условия содержания заключенных: хорошее питание, просторные помещения и даже отсутствие решеток на окнах.

В то время как враг стоит у ворот столицы, пишет Ф. Карими, и, приставив к сердцу родины кинжал, диктует условия позорного мира, в темницу брошены самые талантливые и самоотверженные патриоты страны. Несомненно, что внешние враги и христиане внутри страны, желающие гибели Турции этому только рады. Ф.Карими сообщает, что на данный момент (20 нобяря 1912 г.) под арестом находилось 4–5 бывших министров, 5–6 бывших губернаторов, 30–40 бывших депутатов и очень много редакторов, писателей, ученых и просто достойных людей.

Не передать словами, пишет Ф. Карими, насколько межпартийные противоречия изнурили и утомили Турцию. От мала до велика все разделились на две партии: иттиляфистов и иттихадистов. Эта рознь проникла даже в армию

и, по всей видимости, стала одной из причин поражения в войне, так как расшатала дисциплину и воинские дружбу и сплоченность. Пришедшие к власти иттиляфисты принялись обвинять в поражении в войне прежнее правительство. Хотя истинная причина, по мнению, Ф.Карими в том, что новое руководство армии плохо себе представляло ситуацию в войсках, не знало или игнорировало планы своих предшественников.

Неоднократно в своих записях Ф. Карими называет иттихадистов истинными патриотами Турции, в то время как их оппонентов – иттиляфистов – связывает с влиянием зарубежных сил и влиятельных группировок инородцев внутри страны. В то же время он приводит слова и, скажем так, «объективных критиков» «Иттихад ве таркки», которые обвиняют руководство этой партии в ряде серьезных упущений, и в первую очередь в непоследовательной внешней политике. Не раз в записях Ф.Карими встречаются упоминания о ностальгии части турецкого общества по эпохе свергнутого младотурками султана Абдул Хамида II.: «Он ведь умел проводить предусмотрительную политику». «Свержение с трона султана Хамида было ошибкой». Ф. Карими отмечает, что более здравомыслящие говорят, что мы сами своей неумелой политикой заставили людей так мыслить.

Неудачи в новой Балканской войне ударили по престижу правительства Кямиль-паши. И после заключения перемирия ситуация начинает меняться, о чем и пишет в своих заметках Ф. Карими: «По мере продвижения вперед вопроса о мире смягчается дело членов партии «Иттихад ве таракки». Несколько дней назад со словами «оказывается невинно заключены под стражу» нескольких выпустили. Взяв залог, вчера выпустили еще 18 человек. Среди них Ахмед бей Агаев, бывший министр внутренних дел Хаджи Гадел бей, бывший министр просвещения Амрулла эфенди, бывший министр по делам вакуфов Хайри бей, несколько человек из бывших депутатов. В отношении остальных якобы проводятся проверка и расследование». Ф.Карими отмечает, что люди не поверили официальным сообщениям о том, что якобы младотурки хотят убить падишаха и военного министра [3, с.87]. Симпатии самого Ф. Карими, как уже ясно из предыдущего, на стороне младотурок: «Люди с самыми передовыми мыслями и защитники тюрок и мусульман – члены партии «Иттихад ве таракки», с брошенными им обвинениями в измене родине, вынуждены бежать за границу. Или же здесь заключены в тюрьмы» [3, с.92].

В это время в начале декабря 1912 г. в Стамбул прибывает в качестве корреспондента казанской газеты «Йолдыз» Галиаскар Камал. Как и Фатих Карими, по дороге он посетил турецкое консульство в Одессе и спросил консула: «Верны ли ваши слова, переданные корреспондентом одной газеты (имея в виду сообщение Ф.Карими) о младотурках? Вы и вправду говорили о том, что во всех бедах Турции виновны младотурки?», на что консул ответил: «Ничего в таком смысле я не говорил. Если не будем заниматься образованием и реформами, причиной нашей катастрофы станет невежество». По всей видимости, опытный дипломат почувствовал изменение политической ситуации в Стамбуле [4]. На пароходе, на котором плыл Г. Камал из Одессы в Стамбул, была еврейка фельдшерица из Петербурга, которая направлялась в Стамбул служить в «Хиляль Ахмар», ухаживать за ранеными [4], что неудивительно. В годы балканских войн сионисты пытались организовать помощь раненым солдатам Османской империи [2, с.730].

В своих сообщениях в газету «Йолдыз» Г.Камал уделяет политике, а точнее межпартийным столкновениям, гораздо меньше места, чем Ф.Карими. Г.Камала больше интересуют такие темы, как экономика, просвещение, быт и т д.

Падение авторитета ведущих партий привело к активизации партийно-

го строительства. Ф.Карими не без иронии пишет о тех, кто пытается, создав новую партию, обрести авторитет и влияние. В то же время, несмотря на необходимость единства общества перед лицом внешней угрозы, правительство, по мнению Ф. Карими, продолжает курс на дискредитацию младотурок: «Враждебные "Иттихад ве таракки" бульварные газеты, например "Галямдар", "Танзимат" каждый день пишут против "Иттихад ве таракки", позорят их, пишут то, что, как и прежде, сеет вражду среди людей. Так как главные члены нынешнего правительства против "Иттихад ве таракки", то на это, конечно же, закрывают глаза. Иначе, с точки зрения здоровья страны, не было бы поддержки ситуации, отравляющей сознание народа. Говорю: "не было бы поддержки"; поскольку из-за того что здесь чрезвычайное положение, ни одна из норм конституционности и свободы здесь не являются правилом, и, возможно, все делается с позволения и поддержки властей. Даже газеты печатаются под надзором цензуры» [3, с.110].

К концу 1912 г. политическая ситуация в Стамбуле накалялась, правительство теряло уже остатки своего авторитета, и, напротив, росло влияние младотурок. Возвращение из Триполитании захваченного итальянцами одного из лидеров «Иттихад ве таракки» Энвер бея стало важным событием, привлекшим внимание общественности и прессы. И Ф.Карими, и Г.Камал пытались встретиться с ним и взять интервью. Ф. Карими встретился с Энвером 14 декабря 1912 г. Ф. Карими не скрывает своего восхищения этой личностью: «при упоминании же имени проявившего большой героизм во время Турецкой революции и Триполитанской войны Энвер бея на лице всех турок проявляется гордость и надменность, каждый упоминает его имя с уважением, каждый хочет его увидеть и поблагодарить». Далее Ф. Карими пишет о возвращении Энвер бея из Триполитании в Стамбул: «Ему не устроили большой встречи. Так как по некоторым причинам полной информации не было, вернулся без шума. С другой стороны, по причине бедствий войны у каждого упал дух. Не время для восславлений и торжеств. По причине того что чести халифата и шестисотлетней державы нанесен очень тяжелый удар, каждый находится в трауре, если даже из глаз людей не текут слезы, их сердца кровоточат. Сердце каждого переполнено чувством мести. Зная все это, Энвер бей и сам бы не принял торжественной встречи» [3, с.143]. На встречу с Энвером Ф.Карими отправился вместе с руководителем «Тюрк юрду» Юсуф беем Акчурой. С первых же минут личного знакомства Энвер произвел очень хорошее впечатление. В основном Ф. Карими описывает ту часть беседы, в которой речь идет о пребывании Энвера в Триполитании во время войны с Италией. Во время беседы в комнате находились еще два офицера. Кроме того, за время пребывания Ф. Карими в доме, Энверу нанесли визит несколько человек, с кем-то разговаривал при журналистах, кого-то отвел в другую комнату и просил подождать. И наконец интересна концовка записи Ф. Карими об Энвере: «Чтобы не ставить в неудобное положение такую великую и уважаемую личность, как Энвер бей, не стал спрашивать его о таких вещах и писать о некоторых вещах, которые он говорил» [3, с.144]. Остается открытым вопрос, мог ли знать Ф. Карими о планах Энвер бея. Спустя несколько недель Энвер возглавит заговор, в результате которого правительство будет свергнуто, младотурки вернут власть и будут править Османской империей вплоть до 1918 г. По сути, Ф. Карими нанес визит не просто в дом к Энвер бею, а в один из штабов заговорщиков. И здесь можно сформулировать проблему, требующую дальнейшего исследования, насколько татарские журналисты были беспристрастными наблюдателями и насколько непосредственными участниками драматических событий последних лет существования Османской империи.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

1. *Петросян Ю. А.* Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. – М: Изд-во Эксмо, 2003. – 416 с.
2. *Финкель К.* История Османской империи: видение Османа. – М.: АСТ, 2010. – 829 с.

На татарском языке

1. *Кәрими Ф.* Истамбул мәктүпләре. – Оренбург, 1913. – 454 с.
2. «Йолдыз», 1912 г.

Аннотация

В данной статье представлена попытка анализа материалов татарских журналистов, работавших в Стамбуле в первые месяцы балканской войны (ноябрь – декабрь 1912 г.), касающиеся внутриполитической ситуации в Османской империи. В основном рассматриваются сообщения Ф.Карими в газету «Вакыт», позже опубликованные в виде книги «Истамбул Мэктублэре» (Стамбульские письма).

Ключевые слова: Аксанова, Османская империя, Балканская война, Младотурки, «Иттихад ве Таракки», иттихадисты, «Вакыт», Ф.Карими, Г.Камал, «Йолдыз», Энвер бей.

Summary

This paper presents an attempt to analyze the materials of Tatar journalists who worked in Istanbul in the early months of the Balkan War (November – December 1912) regarding the political situation in the Ottoman Empire. The messages of F.Karimi in the newspaper «Vakyt» are mainly considered which were later published in the book «Istanbul schools» (Istanbul letters).

Keywords: Aksanova, the Ottoman Empire, the Balkan War, Young Turks, «Ittihad ve Taraki» Ittihadists «Vakyt» F.Karimi, Kamal, «Yoldyz» Enver Bey.

УДК 94(470.41):314.1

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ТАТАРСТАНА В 1985–2005 гг.

***А.С. Бушуев**, кандидат исторических наук*

Молодежь представляет собой особую социально-демографическую группу, выделяемую на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и социально-психологических свойств, определяемых уровнем развития общества. Возрастными границами молодежи принято считать интервал от 16 до 29 лет включительно. Именно в этом возрасте происходит окончательное становление личности молодых людей, они, как правило, получают образование, начинают собственную трудовую деятельность, вступают в брак, адаптируясь и встраиваясь, таким образом, в существующие общественные структуры, становясь полноправными членами общества.

Многие факторы (явные и латентные), оказывающие влияние на формирование общероссийской демографической ситуации завтрашнего дня, закладываются уже сегодня в ее регионах. Одним из таких существенных факторов являются численность молодежи и ее динамика, ведь от этих показателей зависит и дальнейший уровень брачности, рождаемости и ряд других перспективных характеристик демографического и социально-экономического развития страны. Именно поэтому историко-демографический анализ молодежи является весьма актуальным.

В рамках данной статьи нас, прежде всего, будут интересовать ответы на такие вопросы: как менялась численность молодежи Татарстана в условиях масштабных социально-экономических, общественно-политических и социокультурных трансформаций последних 20 лет, был ли это стохастический процесс или же он имел характер закономерности, и если это так, то какие факторы оказывали на его динамику наиболее ощутимое воздействие, каковы тенденции его развития?

Для начала охарактеризуем общую динамику численности молодежи Республики Татарстан за период с 1985 по 2005 г. За этот 20-летний отрезок времени она диаметрально поменяла свою направленность. Так, если в 1985–1995 гг. шло неуклонное снижение числа молодых людей в возрасте 16–29 лет, то начиная с 1996 г. мы наблюдаем такой же неуклонный его рост, точнее – восстановление численности (см. рис. 1). Таким образом, в целях более детального анализа рассматриваемый 20-летний период может быть разделен на два этапа – сокращения численности молодежи (1985–1995 гг.) и роста (восстановления) численности молодежи (1995–2005 гг.).

Среднегодовые темпы роста числа молодежи на первом и втором этапах составили соответственно 0,980 и 1,020. Таким образом, простые подсчеты среднегодовых темпов изменения численности молодежи для обоих этапов показали, что они оказались сопоставимыми и составили по 2%. В абсолютном исчислении это выразилось в том, что за время первого этапа общая численность молодежи республики сократилась в 1,2 раза и к 1995 г. составила 712,4 вместо 855,2 тыс. человек в 1985 г. На втором этапе это сокращение почти полностью было восполнено, так как к 2005 г. число молодых людей достигло

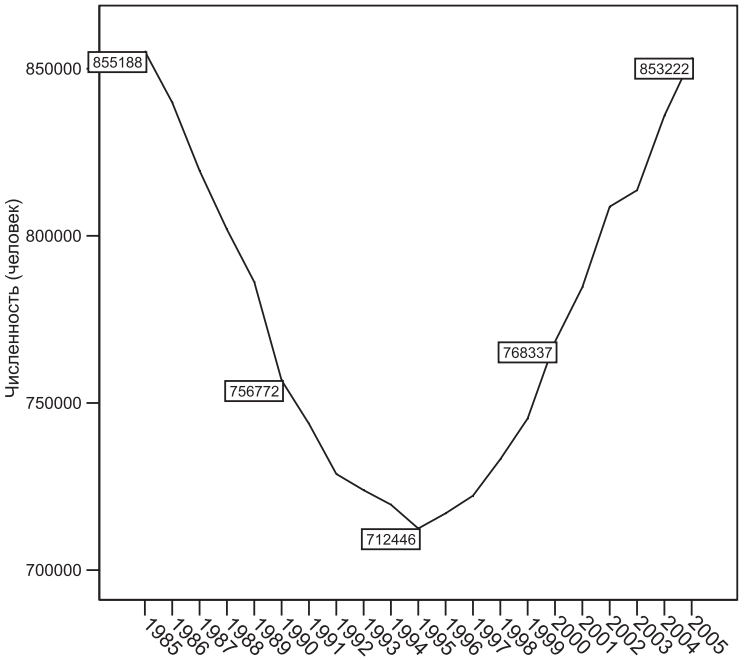

Рис. 1. Динамика численности молодежи Татарстана в 1985–2005 гг.*

853,2 тыс. человек, а если учесть данные 2006 г., то и вовсе 864,0 тыс. человек[1]. При этом темпы изменения численности молодежи не были одинаковыми и в рамках выделенных этапов (см. табл. 1).

До 1990 г. численность молодежи убывала в среднем быстрее на 1,5% в год, чем в 1990–1995 гг., причем более быстрое падение численности наблюдалось среди молодых мужчин. Из приведенных вычислений видно, что численность мужчин сокращалась быстрее численности женщин, а восстанавливалась медленнее. За счет этой тенденции на сегодняшний день мы имеем увеличение дисбаланса полов уже в молодом возрасте (см. рис. 2).

Соотношение численности молодых мужчин и женщин первоначально отличалось в пользу мужчин от такого соотношения в общей массе населения, где все эти годы преобладали женщины. До 1994 г. включительно (за исключением только 1990 г.), а также в 2000–2001 гг. молодые мужчины, хотя незначительно, преобладали над женщинами. Однако охарактеризованная выше тенденция более быстрого сокращения мужского населения привела к тому, что в 1995–1999 гг. и начиная с 2002 г. доля

* Составлено по: Письмо Территориального органа Федеральной службы гос. статистики по РТ от 28.07.2006 № 11/11-186 // Личный архив автора; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. – Т. 1. – Казань, 1990. – С. 15–20; Численность, состав и движение населения в РТ [1991]. – Казань, 1992. – С. 59; Численность, состав и движение населения в РТ. [1992]. – Казань, 1993. – С. 34; Численность, состав и движение населения в РТ. [1993]. – Казань, 1994. – С. 24; Численность, состав и движение населения в РТ. 1994. – Казань, 1995. – С. 22; Республика Татарстан. 1997: стат. сб. – Казань, 1998. – С. 14–16; Республика Татарстан. 1998: стат. сб. – Казань, 1999. – С. 14–16; Молодежь Татарстана: стат. сб. – Казань, 1999. – С. 3; Численность, состав и движение населения в РТ в 2000 г.: стат. сб. – Казань, 2001. – С. 14; Численность, состав и движение населения в РТ в 2001 г.: стат. сб. – Казань, 2002. – С. 12; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. – Т. 2. – М., 2004. – С. 161–163; Республика Татарстан. 2003: стат. сб. – Казань, 2004. – С. 13–15; Возрастно-половой состав населения РТ, городов с населением 100 тыс. чел. и более и внутригородских районов г. Казани на начало 2004 г. – Казань, 2004. – С. 36–39; Возрастно-половой состав населения РТ, городов с населением 100 тыс. чел. и более и внутригородских районов г. Казани на начало 2005 г. – Казань, 2005. – С. 3–6.

Таблица 1

Среднегодовые темпы прироста численности молодежи Татарстана в 1985–2005 гг. по полу по 5- и 10-летним периодам*

	Оба пола	Мужчины	Женщины
1985–1990 гг.	–0,030	–0,033	–0,027
1990–1995 гг.	–0,015	–0,015	–0,015
1985–1995 гг.	**–0,020**	**–0,021**	**–0,019**
1995–2000 гг.	0,019	0,021	0,017
2000–2005 гг.	0,026	0,020	0,033
1995–2005 гг.	**0,020**	**0,018**	**0,022**

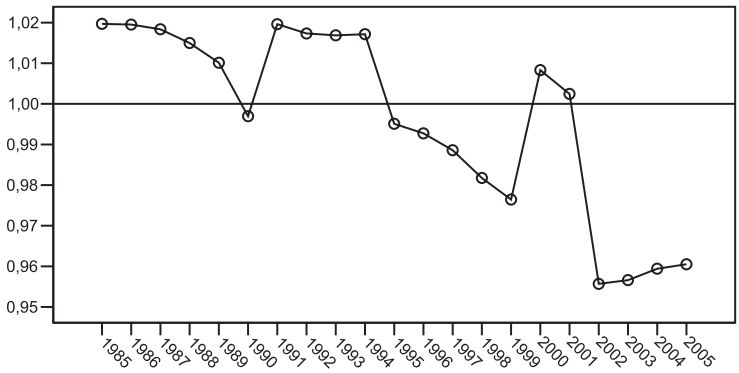

Рис. 2. Динамика изменения третичного соотношения полов в молодежной среде (16–29 лет) Татарстана в 1985–2005 гг.

женщин превышает долю мужчин среди молодежи республики[2].

На первый взгляд, это нормально и легко объясняется, например, тем, что на динамике численности в этом возрасте серьезно отражается механическое движение населения. Молодые люди уезжают для получения образования или на заработки за пределы республики (так как родители с большей легкостью отпускают в самостоятельное «плавание» юношей, нежели девушек), уходят служить в армию и т.д. Однако заставляют серьезно задуматься реальные причины такого преобладания.

Так, по данным официальной статистики, средний коэффициент смертности среди мужчин в возрасте 16–29 лет в 4 раза выше, чем аналогичный коэффициент у женщин (в молодом возрасте умирает 3,4 мужчин на 1000 человек населения, и только 0,8 женщин)[3]. Что ка-

* Подсчитано по: Письмо Территориального органа Федеральной службы гос. статистики по РТ от 28.07.2006 № 11/11-186 // Личный архив автора; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. – Т. 1. – Казань, 1990. – С. 15–20; Численность, состав и движение населения в РТ [1991]. – Казань, 1992. – С. 59; Численность, состав и движение населения в РТ. [1992]. – Казань, 1993. – С. 34; Численность, состав и движение населения в РТ. [1993]. – Казань, 1994. – С. 24; Численность, состав и движение населения в РТ. 1994. – Казань, 1995. – С. 22; Республика Татарстан. 1997: стат. сб. – Казань, 1998. – С. 14–16; Республика Татарстан. 1998: стат. сб. – Казань, 1999. – С. 14–16; Молодежь Татарстана: стат. сб. – Казань, 1999. – С. 3; Численность, состав и движение населения в РТ в 2000 г.: стат. сб. – Казань, 2001. – С. 14; Численность, состав и движение населения в РТ в 2001 г.: стат. сб. – Казань, 2002. – С. 12; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. – Т. 2. – М., 2004. – С. 161–163; Республика Татарстан. 2003: стат. сб. – Казань, 2004. – С. 13–15; Возрастно-половой состав населения РТ, городов с населением 100 тыс. чел. и более и внутригородских районов г. Казани на начало 2004 г. – Казань, 2004. – С. 36–39; Возрастно-половой состав населения РТ, городов с населением 100 тыс. чел. и более и внутригородских районов г. Казани на начало 2005 г. – Казань, 2005. – С. 3–6.

сается миграции молодежи (особенно лиц мужского пола), связанной с учебой в других регионах, то такая миграция объективно снижается именно во второй половине 1990-х гг., поскольку число вузов в республике и их филиалов ощутимо растет. Так, если в 1994/95 учебном году в республике было 16 государственных вузов и 3 филиала, а также 6 негосударственных вузов, то к началу 2000/01 учебного года в республике насчитывался 21 государственный вуз, 11 филиалов и 10 негосударственных вузов с 12 филиалами[4]. В 2002/03 учебном году еще больше: 22 государственных вуза и 16 филиалов, 8 негосударственных и 18 филиалов[5]. В этих условиях, очевидно, необходимость отъезда за пределы республики с целью получения образования существенно снижается. Таким образом, основной причиной сокращения доли мужчин в молодом возрасте является мужская сверхсмертность, а не миграционный отток, как могло показаться ранее.

Причины мужской сверхсмертности в молодом возрасте, безусловно, требуют специального изучения. Здесь лишь обозначим некоторые существенные, на наш взгляд, факторы молодежной мужской сверхсмертности в этот исторический период.

Не секрет, что конец 80-х – начало 90-х гг. XX века – это время кризиса существовавшей и господствовавшей долгие годы государственной коммунистической идеологии и общественно-политической системы государства. В этих сложных условиях работа с молодежью отличалась формализмом, зачастую молодежь оказывалась предоставлена сама себе. Как следствие, мы наблюдали усиление криминогенного влияния в молодежной среде[6]. Именно на этот этап приходится пик «уличной деятельности» молодежных группировок. В республике получил распространение так называемый «казанский феномен», который распространился во всех крупных и небольших городах[7]. В разборках между группировками, в уличных потасовках гибло определенное количество молодых людей, поэтому этот фактор нельзя сбрасывать со счетов при изучении мужской сверхсмертности.

Кроме того, существенным фактором молодежной сверхсмертности в 1990-е гг. становится процесс наркотизации молодежи, который хотя и затронул не только мужчин, но все же большее распространение получил именно среди них. Традиционным фактором мужской сверхсмертности в трудоспособном возрасте является и употребление алкогольных напитков в больших дозах, в том числе не соответствующих требованиям санитарно-гигиенических и технических норм. Таким образом, мы очертили круг предполагаемых причин мужской молодежной сверхсмертности в исследуемый период, который, хотя и не претендует на полноту, но может в достаточной мере объяснить динамику третичного соотношения полов.

Рассмотренные выше демографические изменения не были простым следствием аналогичного изменения общей численности населения республики, так как доля молодежи среди населения республики также менялась. Если в 1985 г. она составляла 24,4%, то в 1989 г. уже 21,6, а к 1996 г. и вовсе упала до 19,0%. Лишь начиная с 1997 г. доля молодежи среди населения республики постепенно возрастает и к 2004 г. восстанавливает уровень середины 80-х гг. XX века, составив 22,2%[8]. В целом мы видим, что число молодежи сокращалось до середины 1990-х гг. быстрее, чем общая численность населения республики, то есть молодежь острее реагировала на социальные потрясения переходного периода.

Этот демографический провал отчасти был вызван тем, что молодежь рассматриваемого периода появилась в семьях малочисленного поколения родителей 1956–1965 гг. рождения (это дети родителей военных лет). Ситуация начала меняться, когда 16-летнего возраста достигают дети, рожденные уже послевоенным поколением родителей (то есть родителей 1966 и последующих годов рождения).

Обозначенные выше особенности уже позволяют усомниться в стохастическом характере процесса изменения численности молодежи республики. Однако, чтобы убедиться в этом окончательно, мы предприняли изучение серийной корреляции (автокорреляции) в рассматриваемом динамическом ряду. Коэффициент автокорреляции оказался достаточно значимым и составил 0,835 при стандартной ошибке 0,199. Раздельное вычисление коэффициента автокорреляции для первого и второго выделенного нами этапа еще более подчеркнуло его значимость, так как абсолютное значение автокорреляции получилось равным 0,999 в обоих случаях. Таким образом, мы можем констатировать, что динамика численности молодежи в возрасте 16–29 лет в исследуемый период в республике не носит случайного характера. На это же указывает и поведение автокорреляционной функции (см. рис. 3).

Как видим, сначала значение автокорреляционной функции экспоненциально затухает, но с увеличением временного лага до 10 лет и более вновь возрастает. Это свидетельствует не только о нестохастическом характере процесса, но и о некоторой его цикличности. Для того чтобы выяснить периодичность процесса и ее размерность, необходимо собрать и проанализировать данные о численности молодежи за более длительный временной промежуток. Тем не менее уже на имеющемся материале можно сделать вывод о предстоящем новом витке сокращения числа молодых людей. Это вполне объяснимо и с логической точки зрения, ведь в ближайшие годы из молодого возраста выйдет многочисленное поколение 1980-х гг., а на замену ему в молодой возраст вступает малочисленное поколение периода 1990-х гг.

Говоря об изменении соотношения городской и сельской молодежи в республике, следует отметить значительный рост первой за рассматриваемый период. Ее доля в общей числен-

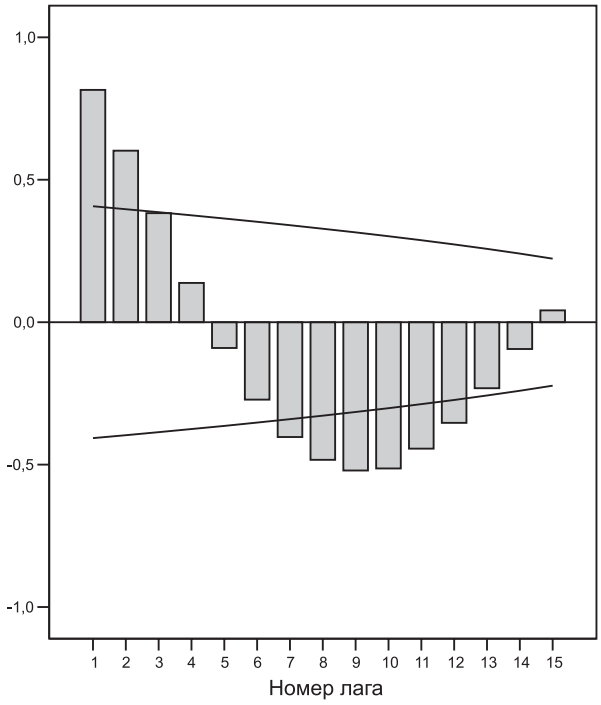

Рис. 3. Автокорреляционная функция динамики численности молодежи Татарстана в 1985–2005 гг.

ности молодежи республики увеличилась с 1985 по 2005 г. на 6,7%, причем наиболее резко соотношение городской и сельской молодежи менялось в 1985–1990 гг. (на 4,2%), 2001–2002 гг. (на 3,4%) (см. табл. 2). Если численность городской молодежи после сокращения в 1985–1995 гг. полностью восстановилась на втором этапе, то численность сельской молодежи так и не вернулась к начальному уровню. Незначительный рост числа сельской молодежи в 2000–2001 гг. сменился новым, еще большим ее сокращением. Это связано как с естественным процессом урбанизации в республике, развивающей промышленный потенциал, тенденцией общего миграционного потока в стране (от малых к большим населенным пунктам), так и с кризисными процессами последних лет на селе, ограниченностью серьезных перспектив для молодежи в сельской местности.

Таким образом, характеризуя динамику демографического развития молодежи Татарстана в период социальных и политических трансформаций 1985–2005 гг., следует отметить, что в этот период она носила во многом неслучайный характер. На ней отразились процессы, проходящие в молодежной среде, состояние общества в рассматриваемый период времени, а также процессы, проходившие в предшествующие исторические периоды. В частности, направленность динамики общей численности молодежи определялась такими факторами, как численность предшествующего поколения в фертильном возрасте, миграционные процессы и смертность. Последний фактор особенно сказался на изменении третичного соотно-

Таблица 2

Динамика соотношения городской и сельской молодежи Татарстана в 1985–2005 гг. (в%)*

Год	Доля городской молодежи	Доля сельской молодежи	Год	Доля городской молодежи	Доля сельской молодежи
1985	74,0	26,0	1996	76,2	23,8
1986	75,0	25,0	1997	76,6	23,4
1987	76,2	23,8	1998	77,0	23,0
1988	77,2	22,8	1999	77,8	22,2
1989	77,5	22,5	2000	77,5	22,5
1990	78,2	21,8	2001	77,2	22,8
1991	78,1	21,9	2002	80,6	19,4
1992	77,3	22,7	2003	80,6	19,4
1993	76,7	23,3	2004	80,6	19,4
1994	76,4	23,6	2005	80,7	19,3
1995	76,1	23,9			

* Подсчитано по: Письмо Территориального органа Федеральной службы гос. статистики по РТ от 28.07.2006 № 11/11-186 // Личный архив автора; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. – Т. 1. – Казань, 1990. – С. 15–20; Численность, состав и движение населения в РТ [1991]. – Казань, 1992. – С. 59; Численность, состав и движение населения в РТ. [1992]. – Казань, 1993. – С. 34; Численность, состав и движение населения в РТ. [1993]. – Казань, 1994. – С. 24; Численность, состав и движение населения в РТ. 1994. – Казань, 1995. – С. 22; Республика Татарстан. 1997: стат. сб. – Казань, 1998. – С. 14–16; Республика Татарстан. 1998. – Казань, 1999. – С. 14–16; Молодежь Татарстана. – Казань, 1999. – С. 3; Численность, состав и движение населения в РТ в 2000 г. – Казань, 2001. – С. 14; Численность, состав и движение населения в РТ в 2001 г. – Казань, 2002. – С. 12; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. – Т. 2. – М., 2004. – С. 161–163; Республика Татарстан, 2003. – Казань, 2004. – С. 13–15; Возрастно-половой состав населения РТ, городов с населением 100 тыс. чел. и более и внутригородских районов г. Казани на начало 2004 г. – Казань, 2004. – С. 36–39.

шения полов, определив резкое сокращение доли мужчин в общей массе молодого населения после 1994 г.

Молодежь республики за рассматриваемый период прошла два этапа – этап сокращения и этап роста (восстановления) численности. Основываясь на математико-статистических расчетах, а также на общей логике исторического развития, его тенденциях, можно предположить, что в ближайшее время нас ждет очередной цикл изменения численности молодежи республики, а возможно, и таких показателей, как третичное соотношение полов, городской и сельской молодежи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Численность, состав и движение населения в РТ в 2006 г.: стат. сб. – Казань, 2007. – С. 17.

[2] Подсчитано по: Письмо Территориального органа Федеральной службы гос. статистики по РТ от 28.07.2006 № 11/11-186 // Личный архив автора; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. – Т. 1. – Казань, 1990. – С. 15–20; Численность, состав и движение населения в РТ. [1991]. – Казань, 1992. – С. 59; Численность, состав и движение населения в РТ. [1992]. – Казань, 1993. – С. 34; Численность, состав и движение населения в РТ. [1993]. – Казань, 1994. – С. 24; Численность, состав и движение населения в РТ. 1994. – Казань, 1995. – С. 22; Республика Татарстан. 1997: стат. сб. – Казань, 1998. – С. 14–16; Республика Татарстан. 1998: стат. сб. – Казань, 1999. – С. 14–16; Молодежь Татарстана: стат. сб. – Казань, 1999. – С. 3; Численность, состав и движение населения в РТ в 2000 г.: стат. сб. – Казань, 2001. – С. 14; Численность, состав и движение населения в РТ в 2001 г.: стат. сб. – Казань, 2002. – С. 12; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. – Т. 2. – М., 2004. – С. 161–163; Республика Татарстан. 2003: стат. сб. – Казань, 2004. – С. 13–15; Возрастно-половой состав населения РТ, городов с населением 100 тыс. чел. и более и внутригородских районов г. Казани на начало 2004 г. – Казань, 2004. – С. 36–39.

[3] Республика Татарстан. 2003: стат. сб. – Казань, 2004. – С. 24.

[4] Там же. – С. 111.

[5] Там же.

[6] *Булатов Р.М.* «Казанские моталки»: особенности их асоциальной субкультуры // Криминологи о неформальных молодежных объединениях. – М., 1990. – С. 158–159.

[7] *Бушуев А.С.* Криминальная активность молодежи г. Набережные Челны в 1985–2005 гг. // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 4.

[8] Подсчитано по: Республика Татарстан. 1920–2000: стат. сб. – Казань, 2001. – С. 40; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. – Т. 1. – Казань, 1990. – С. 15–20; Республика Татарстан. 1997: стат. сб. – Казань, 1998. – С. 14–16; Возрастно-половой состав населения РТ, городов с населением 100 тыс. чел. и более и внутригородских районов г. Казани на начало 2004 г. – Казань, 2004. – С. 36–39.

Аннотация

В статье на основе анализа статистических данных проанализированы тенденции демографического развития молодежной когорты Республики Татарстан в 1985–2005 гг. Показано, как менялись численность и качественный состав молодежи Татарстана в условиях масштабных социально-экономических, общественно-политических и социокультурных трансформаций последних 20 лет.

Ключевые слова: молодежь, демографические процессы, возрастно-половой состав, третичное соотношение полов, Республика Татарстан

Summary

The author of the article analyzes the trends in the demographic development of the youth cohort of the Republic of Tatarstan in 1985–2005 based on the analysis of statistical data. The article represents how the number and quality of young people of Tatarstan varied in large-scale socio-economic, socio-political and socio-cultural transformations of the last 20 years.

Keywords: youth, demographic trends, age-sex composition, tertiary sex ratio, the Republic of Tatarstan.

УДК 26.009

ПРОБЛЕМА СОСУЩЕСТВОВАНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ И МУСУЛЬМАНСКИХ ХРАМОВ В ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮЖНОГО УРАЛА (XVIII – НАЧАЛО XX вв.)

***Д.Н. Денисов**, кандидат исторических наук*

Освоение Оренбургского края в 30–40-е гг. XVIII в. совпало с новым этапом государственно-церковной политики христианизации, началом массового крещения народов Среднего Поволжья. Однако на Южном Урале государство не могло в полную силу проводить ее из-за опасения башкирских восстаний, близости границы и слабости местной власти. Более того, оно было объективно заинтересовано в обеспечении добрососедских отношений, установлении экономических связей с народами Казахстана и Средней Азии, в привлечении татарских переселенцев для укрепления пограничной линии, хозяйственного освоения края и развития торговли, что вынуждало его идти на серьезные послабления в религиозной сфере. Не случайно привилегия, данная Оренбургу императрицей Анной Иоанновной 7 июня 1734 г., разрешала «в сем новом городе (...) Азиятским народам свободное содержание их вер, и Духовных персон и строение по своим законам» богослужебных зданий, если это не причиняло ущерба господствующей православной церкви[1]. В качестве меры насильственной христианизации по сенатскому указу от 19 ноября 1742 г. было запрещено строительство мечетей в Казанской, Сибирской, Астраханской и Воронежской губерниях, но его действие не было распространено на южноуральский регион[2]. Более того, именно Южный Урал в силу преобладающей доли мусульманского населения, удаленности от основных районов миссионерской деятельности православной церкви в Поволжье был избран своеобразным полигоном для проведения экспериментов, отработки новых моделей взаимодействия государства с исламскими институтами. По указу императрицы Екатерины II от 8 июля 1782 г. за казенный счет в 1785 г. была построена мечеть на оренбургском Меновом дворе, где уже существовала православная Захарие-Елизаветинская церковь. Такое близкое соседство было призвано создать комфортные условия для отправления религиозных обрядов всеми участниками приграничной торговли, завоевать симпатии мусульман, продемонстрировать веротерпимость, равное отношение православного государства к представителям различных конфессий.

Особенности колонизации Южного Урала, активное участие российских мусульман в торговле со своими единоверцами из стран Востока, привлечение их государством к охране границ обусловили достаточно раннее формирование мусульманских общин в городах Оренбургской губернии, их совместное проживание с христианами во многих казачьих поселениях. В период проведения политики насильственной христианизации указами от 22 июня 1744 г., 23 августа 1756 г. и другими были заложены ограничения на строительство мечетей в населенных пунктах, где имелись новокрещеные тата-

ры, для того, чтобы предотвратить их возвращение в ислам[3]. На Южном Урале православное духовенство в отдельных случаях пыталось расширить действие этих норм применительно к новым условиям.

Так, в 1833 г. троицкие мусульмане получили разрешение возвести в городе 2-ю соборную мечеть. Весной 1834 г. на место прибыли подрядчик с бригадой строителей, были завезены необходимые материалы и заложен фундамент. Эти приготовления вызвали беспокойство священнослужителей расположенного на расстоянии 80 саженей православного Свято-Троицкого собора. Через коменданта крепости протоирей Петр Бирюков добился у городничего временного запрета на производство строительных работ. Христианское духовенство высказало опасение «соблазна греховного и отвращения ревностным поклонникам провозглашения азана» для своей паствы из-за близкого соседства с мусульманским храмом. Кроме того, оно полагало, что в случае сооружения мечети все ближайшие дома перейдут в руки богатых татар, и со временем православный собор окажется в окружении одних мусульман. Доверенный мусульманской общины г. Троицка, бухарский караванный начальник Искандер Бабаджанов обратился к оренбургскому военному губернатору В.А. Перовскому с просьбой возобновить постройку разрешенной на законном основании мечети, поскольку вынужденный простой мог повлечь до 5 тысяч рублей убытков за один строительный сезон. После рассмотрения обстоятельств дела Оренбургское губернское правление (ОГП) констатировало, что российское законодательство устанавливает ограничения на возведение мечетей лишь в местах жительства новообращенных в православие, но не распространяет их на города, в которых мусульмане проживают совместно со «старорусскими» людьми, «непоколебимыми в христианстве». Строго следуя букве и духу высочайшего указа императрицы Екатерины II от 17 июня 1773 г. о терпимости всех вероисповеданий и о запрещении православным архиереям вмешиваться в дела других конфессий, оно высказалось в поддержку возобновления строительства мечети. Тем не менее, из-за бюрократической волокиты соответствующее предписание было доведено до сведения коменданта и городничего Троицка только в ноябре 1834 г., когда первый строительный сезон уже был сорван[4].

Впоследствии господствующая церковь все-таки получила действенный инструмент, который позволял учитывать ее интересы при решении вопроса о строительстве богослужебных зданий других конфессий вблизи православных храмов. На основании статьи 262 Устава строительного в редакции 1857 г. сооружение мечетей стало допускаться лишь там, где не могло «произойти соблазна в вере для живущих вместе с магометанами» не только новокрещеных татар, но и христиан вообще. При рассмотрении ходатайств о постройке мусульманских храмов в смешанных населенных пунктах губернские власти были обязаны предварительно согласовывать этот вопрос с местным епархиальным начальством[5]. Разумеется, такие новеллы входили в противоречие с официально провозглашенным принципом веротерпимости и неоднозначно воспринимались даже в самих правительственных кругах. По инициативе Министерства внутренних дел уже высочайшим указом от 6 января 1862 г. это положение было отменено, а разрешение строительства мечетей полностью перешло в компетенцию гражданских властей[6]. Впрочем, при поступлении сигналов от епархиального начальства они зачастую вносили коррективы в первоначальные планы размещения мусульманских храмов по соседству с домами христиан или церквами.

Стараниями идеолога православного самодержавия обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева по высочайшему повелению от 10 октября 1885 г. прежний порядок был восстановлен в полном объеме[7]. Дозволение на постройку

иноверческих храмов в населенных пунктах, где совместно проживали мусульмане и православные, вновь стало выдаваться только при наличии письменного заключения об отсутствии возражений со стороны местного епархиального начальства. Проблема усугублялась тем, что в законах не было четкого критерия, на каком именно расстоянии от христианских церквей должны располагаться мечети, что открывало возможности для ущемления религиозных прав мусульманского населения.

Так, например, с прокладкой в 1885–1890 гг. Самаро-Златоустовской железной дороги, облегчившей переселенческое движение из центральных районов страны на Южный Урал, стремительно сформировалась мусульманская община в городе Златоусте Уфимской губернии, которая в 1899 г. устроила в наемном помещении молитвенный дом. В 1902 г. ее члены возбудили ходатайство о разрешении постройки полноценной соборной мечети с образованием самостоятельного прихода. Для возведения храма был присмотрено дворовое место площадью 630 кв. саженей в центре города, на углу Большой и Малой Немецких улиц (ныне, соответственно, ул. Ленина и Октябрьской). В декабре 1903 г. уполномоченный мусульман, крестьянин Губайдулла Валитов заключил с его владельцем горным инженером В.И. Покровским предварительное соглашение о покупке земельного участка за 4000 руб., уплатив задаток в 200 руб. Предполагаемое место постройки мечети отстояло от Римско-католического костела на 160 саженей, а от ближайшей православной церкви Трех святителей – на 390. Тем не менее, на запрос Губернского правления епископ Уфимский и Мензелинский Климент (Верниковский) 12 июня 1903 г. за № 6767 сообщил, что не возражает против сооружения мечети только на окраине города тогда, как Большая Немецкая улица относилась к историческому центру Златоуста. Позицию епархиального начальства активно поддержал местный уездный исправник, который доносил, что «устройство тут мечети нежелательно в религиозных целях». Поэтому журнальным постановлением на 22 марта 1904 г. № 155 Уфимское губернское правление отклонило ходатайство мусульман. Златоустовской полиции было поручено объявить, что постройка мечети будет им разрешена только в том случае, «если место под нее будет приобретено на окраине, вдали от православных храмов»[8]. Технически это было сделать очень сложно, ведь городские окраины шли по утесам и косогорам Уреньгинского хребта, где большинство участков были маломерными, и потребовалось бы договариваться о покупке сразу с тремя-четырьмя владельцами.

Несмотря на отказ, доверенный Губайдулла Валитов продолжил настойчиво и умело отстаивать интересы златоустовской общины в государственных органах, приводя различные аргументы и апеллируя к закону в своих многочисленных прошениях и жалобах на имя уфимского губернатора от 9 марта, 4 мая, 19 августа 1904 г., 19 апреля и 5 мая 1906 г.[9]. Выяснилось, что главной причиной неудач было противодействие со стороны местного благочинного и настоятеля главного православного храма, протоиерея Николая Александровича Страхова. Церковно-приходское попечительство при Свято-Троицком соборе города Златоуста постановлением на 20 февраля 1903 г. наметило приобрести выбранный мусульманами участок на углу Большой и Малой Немецких улиц под постройку «богадельни для призрения стариков и стариц и домовой (...) церкви» при ней, однако запрошенная владельцем сумма в 4000 руб. оказалась слишком велика. Тогда Страхов предложил Валитову подарить земельный участок, намекая, что в этом случае он легко получит разрешение на постройку мечети в Уреньгинской части, по Большой или Малой Грамотушным улицам (ныне ул. В. Геппа), на беднейших окраинах, где проживала основная масса мусульман. Валитов ответил отказом, и дело застопорилось, поскольку епархиальное на-

чальство в своей позиции опиралось на донесения, получаемые от местного благочинного священника. Только либерализация государственной политики по отношению к неправославным конфессиям в годы Первой русской революции, связанная с изданием высочайшего указа об укреплении начал веротерпимости от 17 апреля 1905 г. и других законодательных актов, позволила златоустовским мусульманам реализовать их религиозные права. Указом Уфимского губернского правления от 25 октября 1907 г. № 5302 им, наконец, было разрешено возвести каменную соборную мечеть в городе Златоусте, на углу Большой и Малой Немецких улиц[10].

Известны и другие случаи, когда строительные планы православной и мусульманской общин входили в противоречие. Например, в 1898 г. татарская часть жителей поселка 2-го Зубочистенского Оренбургского уезда и губернии поставила вопрос о разрешении постройки 2-й соборной мечети на окраине, где специально для этого были приобретены 3 земельных участка общими размерами 40 на 50 саженей. Однако наряду с мусульманами, которые составляли большинство, в поселке постоянно проживали 10 русских семей в количестве 39 человек. По малочисленности они не имели собственного храма и были вынуждены посещать церковь, расположенную в 5 верстах в станице Татищевской. Поэтому на запрос Оренбургского губернского правления епархиальное начальство уведомило, что на выбранном участке «желательнее было бы видеть» православную «часовню», хотя оно не возражает против сооружения мечети в любом другом месте поселка. Со своей стороны, мусульмане заявили, что не собираются добровольно уступать землю, на покупку которой затратили 55 руб., тем более, что к месту строительства уже были свезены заготовленные ими лесоматериалы и камень общей стоимостью 1050 руб. К тому же, православные семьи вообще не проживали компактно в этом районе, а их дома были разбросаны по всему поселку. При наличии свободных площадей на окраинах не имело принципиального значения, где именно строить часовню, сбор средств на которую еще только начинался. С учетом этих обстоятельств 4 октября 1900 г. епархиальное начальство отказалось от своих первоначальных претензий. На основе его положительного заключения ОГП журнальным постановлением на 10 октября 1900 г. № 607 официально разрешило мусульманам начать возведение 2-й соборной мечети на выбранном участке земли[11].

При согласовании вопроса о строительстве мечетей в смешанных населенных пунктах епархиальные власти в отдельных случаях оговаривали, что они должны находиться на одной улице с православным храмом не ближе 100 саженей, а на другой улице – не ближе 50. Такое требование было установлено российским законодательством в отношении синагог и еврейских школ, но на практике применялось и к мусульманским богослужебным зданиям[12]. Например, подобные оговорки были сделаны при разрешении постройки 5-й соборной мечети г. Орска в 1909 г., 2-й соборной мечети поселка Линевского в 1911 г.[13] и т. д. Особое межведомственное совещание, проходившее 30 апреля – 16 мая 1914 г., официально распространило правила постройки еврейских синагог и молитвенных школ на вновь возводимые мечети в Российской империи[14].

Однако зачастую епархиальное начальство, основываясь на докладах местных благочинных священников и миссионеров, ограничивалось формальным заключением о том, что открытие нового мусульманского храма не приведет к соблазну для христиан. И даже в тех редких случаях, когда такая угроза реально существовала, оно не всегда использовало предоставленные ему исключительные права. Так, после издания высочайшего указа об укреплении начал веротерпимости от 17 апреля 1905 г. под влиянием му-

сульманской агитации из православия в ислам отпало большинство нагайбаков, проживавших в поселке Нежинском Оренбургского уезда и губернии. Хотя обязанностью епархиальных властей было возвращение старокрещеных татар в лоно православной церкви, отношением от 4 января 1907 г. за № 144 епископ Оренбургский и Уральский Иоаким (Левицкий) выразил согласие на постройку у них соборной мечети, которая расположилась всего в 25 саженях от домов христиан[15]. По-видимому, местная епархия просто решила не провоцировать конфликт между православной и мусульманской общинами, который мог бы расколоть жителей поселка и осложнить их совместное проживание.

Таким образом, законодательством Российской империи было закреплено исключительное положение православной церкви по отношению к другим конфессиям. В частности, в 1857–1862, 1885–1917 гг. разрешение на постройку мечетей в смешанных населенных пунктах выдавалось только при наличии письменного заключения местного епархиального начальства о том, что это не приведет к соблазну для проживающих совместно с мусульманами христиан. На практике обычно оговаривалось, что мечеть может находиться на одной улице с православным храмом не ближе 100 саженей, а на другой улице – не ближе 50. Однако отсутствие в законе четких правил на этот счет открывало возможности для ущемления религиозных прав мусульманского населения. Тем не менее, на Южном Урале епархиальные власти не проводили единую линию на сознательное ограничение или запрещение строительства мечетей. Все немногочисленные конфликты возникали на низовом уровне по инициативе отдельных священнослужителей, мнение которых формировало позицию руководства по каждому конкретному случаю. Их возражения против строительства мечетей, близкого соседства православных и мусульманских храмов были вызваны не только земельными спорами, но и стремлением к сохранению патриархального уклада жизни, имевшего глубокую религиозную основу, к межкультурной сегрегации, обособленности, различными фобиями по отношению к носителям иной духовной традиции, например, опасениями того, что ход православного богослужения будет нарушаться мусульманскими обрядами (провозглашением азана, похоронными процессиями и т.д.).

В современных условиях притока на Южный Урал мигрантов из мусульманских регионов России и Ближнего Зарубежья, возрождения традиционных религий особую актуальность приобретает обеспечение мирного сосуществования представителей двух крупнейших конфессий, преодоление межкультурного отчуждения и налаживание конструктивного диалога по вопросам, требующим их совместного участия. Решение этих задач невозможно без осмысления исторического опыта, как негативного, так и положительного.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – 1-е собр. – Т. IX. – № 6584.

[2] Там же. – № 8664.

[3] Там же. – Т. XII . – № 8978; Т. XIV. – № 10592

[4] Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 4. Д. 9779. Л. 44–45, 49–61 об.

[5] Устав строительный // Свод законов Российской империи. – Изд. 1857 г. – Т. XII. – Ч. 1. – Ст. 262.

[6] ПСЗ. – 2-е собр. – Т. XXXVII. – № 37834.

[7] *Загидуллин И.К.* Правила строительства мечетей, как элемент реализации религиозных прав мусульман Волго-Уральского региона в XIX веке // Ислам и мусульманская культура в Поволжье: история и современность. Очерки. – Казань: Мастер Лайн, 2002. – С. 273.

[8] Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-295. Оп. 6. Д. 591. Л. 2–7, 17–18, 19, 39–39 об., 46–47 об., 58–59, 69.

[9] Там же. Л. 48-49, 58-59, 73-73 об., 114–115, 118–118 об.

[10] ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 16521. Л. 22-22 об.

[11] ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4225. Л. 629–632 об.

[12] Устав строительный // Свод законов Российской империи. – Изд. 1900 г. – Т. XII. – Ч. 1. – Ст. 150.

[13] ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4237. Л. 429–429 об.; Д. 4239. Л. 299–299 об.

[14] *Загидуллин И.К.* Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – С. 82.

[15] ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4236. Л. 59–60.

Аннотация

В статье рассматриваются взаимоотношения православной церкви с мусульманскими общинами Южного Урала в XVIII – начале XX вв. по вопросам сооружения храмов в поликонфессиональных населенных пунктах. Автор прослеживает эволюцию законодательства Российской империи, согласно которому со второй половины XIX в. постройка мечетей в них стала разрешаться только с согласия епархиального начальства. Однако анализ практики приводит к выводу о том, что оно не использовало свои исключительные права для последовательного, сознательного ограничения строительства мечетей, а немногочисленные конфликты возникали по инициативе местного приходского духовенства, были связаны с земельными спорами и религиозными стереотипами.

Ключевые слова: ислам, православие, мусульмане, христиане, мечеть, церковь, Южный Урал.

Summary

The article deals with the relationship between the Orthodox Church and the Muslim communities of the South Urals in the XVIII – early XX century on the construction of temples in the poly-confessional settlements. The author traces the evolution of the legislation of the Russian Empire, under which the building of mosques in them has been solved only with the consent of the diocesan authorities since the second half of the XIX century. However, analysis of the practice leads to the conclusion that they did not use their exclusive rights for the consistent, deliberate restriction of construction of mosques. The few conflicts arose at the initiative of the local parish clergy and were linked to land disputes and religious stereotypes.

Keywords: Islam, Orthodox, Muslims, Christians, mosque, church, the Southern Urals.

УДК 23/29

ДОХРИСТИАНСКИЕ ВЕРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ ТАТАР-КРЯШЕН В XIX В.: АРХАИЧНЫЕ КУЛЬТЫ

***Р.Р. Исхаков**, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани*

Система религиозных верований является результатом сложных культурных и социальных процессов, протекавших внутри социума на протяжении длительного времени, включающих в себя религиозно-мифологические, мировоззренческие, психо-ментальные установки народа. Преломляясь через сознание, эти представления формировали целостную религиозную картину мира человека, жившего в несекуляризованном обществе, формируя определенные стереотипы, этические, культурные, природно-экологические нормы поведения в окружающем мире. Оценивая религиозные верования татар-кряшен (старокрещеных татар) в первой половине XIX в., можно отметить их сложный, синкретический характер. Комплекс их религиозных верований имел значительную вариативность, когда каждый элемент занимал «свое» важное место в мировосприятии и являлся результатом эволюции культурных представлений, прямого или опосредственного этнокультурного взаимодействия с представителями других народов Волго-Уральского региона.

При анализе традиционного комплекса религиозной обрядовости кряшен отмечается типологическая близость ее отдельных компонентов с соответствующими обрядами у других коренных народов региона, что связано с их общими социальными и культурными особенностями развития. Как совершенно справедливо отмечает известный удмуртский этнолог В.Е. Владыкин, «религиозно-мифологические системы народов Волго-Уральского региона..., в значительной степени представляют собою результат единства исторической судьбы, тесного и длительного этнокультурного взаимодействия, о чем свидетельствует их стадиально-типологическая близость, мощный общий пласт и многочисленные параллели: космологические и этиологические мифы, принципы построения религиозно-мифологической картины мира и основные ее структурообразующие компоненты»[1].

Сохранение традиционных основ народной религии (folk religion) у татар-кряшен, несмотря на продолжительный период взаимодействия с авраамическими верованиями (исламом, а впоследствии православным христианством) являлось формой рефлексии, направленной на сохранение своей самобытной культуры и идентичности. Монотеистические традиции, представленные в регионе, долгое время выступали в роли нивелирующих систем с «иной» системой культурных и религиозных координат, «конкретно-историческим»[2] взглядом на окружаю-

* Исследование поддержанно грантом Российского гуманитарного научного фонда (11-11-16006 а/В).

щий мир, восприятие которых означало смену важнейших жизненных установок, бытовых условий жизни, а часто и этнической идентичности. Напротив, традиционные верования, имевшие общую духовную и социальную основу у всех коренных нерусских народов Волго-Уралья, оперировавшие к конкретно-природному миросозерцанию, когда каждый элемент, включая обитателей сверхъестественного мира, являлся составной частью единого с человеком микро-макрокосма, с которым он постоянно вступал в открытый контакт, наиболее адекватно отвечал культурно-психологическим особенностям развития патриархального сельского общества кряшен.

Важным условием устойчивости древних форм религии у кряшен была их высокая адаптивность к окружающим культурным и социальным условиям. Традиционные религиозные верования являлись гибкими, пластичными, открытыми, не имеющими четко очерченных границ социокультурными системами, отличавшимися высокой толерантностью, не отказывавшие «в праве на гражданство» Богам и религиозным установкам других вероучений[3]. Благодаря этому традиционные верования сохраняли свое влияние среди народов региона, занимая важное место в их религиозной и празднично-обрядовой культуре и после официального принятия большинством представителей этих этносов (за исключением татар-мусульман и башкир) христианства. Фактически облекаясь во внешние формы монотеистической традиции, вбирая в себя некоторые ее символические стороны, народные верования продолжали оказывать значительное влияние на культурную жизнь большинства народов края, включая и кряшен.

Довольно часто этот симбиоз (внешней монотеистической традиции и внутреннего политеистического содержания) в этнографической литературе обозначается как «двоеверие». На наш взгляд, этот термин не совсем адекватно отражает реальное содержание религиозной культуры местных народов. В связи с этим можно согласиться с мнением чувашского историка-религиоведа Л.А. Таймасова, отмечающего условный характер этого обозначения, «так как истинная вера может быть только одна. Если верующие и называли в своих молитвах имена христианских или мусульманских божественных образов, то ассоциировали их со своими богами и духами. Переплетение в религиозной обрядовости ... народов элементов из разных вероучений свидетельствует не о двоеверии или многоверии, а о деформации мировоззрения, формировании синкретичной религиозности, при которой еще сохранялась традиционная основа прежних верований»[4]. Данный тезис вполне можно отнести и к характеристике религиозной ситуации среди кряшен в первой половине XIX в. Оценивая систему их верований в этот период можно отметить, что в ее основе лежали политеистические представления. Именно они продолжали формировать религиозное сознание кряшен, являлись важной составной частью их этноконфессиональной идентичности. Об этом может свидетельствовать широко распространенное внутри татарского общества (татар-мусульман и татар-кряшен) обозначение приверженцев традиционных религиозных ценностей и народной религии из числа старокрещеных татар – «таза», «чи», «чын кряшен» (чистый, сырой, настоящий кряшен).

Наряду с особенностями этнокультурного развития, сохранению этнических верований у кряшен способствовали исторические реалии складывания этой конфессиональной общности. Официальное принятие православия способствовало прерыванию у них процесса дальнейшей исламизации, приведшей у татар-мусульман к вытеснению и ассимиляции монотеистической традицией прежних религиозных верований, сохранившихся в народном сознании лишь в виде отдельных релик-

тов аграрного культа и мифологии. В то же время отсутствие последовательной христианско-просветительской деятельности со стороны РПЦ, развитой церковной инфраструктуры в местах их компактного проживания, наличия духовных пастырей знавших татарских язык, которые могли бы познакомить своих новых прихожан с внутренним содержанием православия привело к тому, что кряшены восприняли лишь внешние стороны православия, в первую очередь, ее праздничную обрядовость, оставаясь в душе последователями народной религии, коими были их предки до принятия христианства. Благодаря этим факторам и особенностям социальной организации их жизнедеятельности, у кряшен отмечается определенная консервация традиционного уклада жизни и религиозных представлений. Важную роль в этом сыграла и традиционная для татар джиенная структура организации сельской общины, создавшая у кряшен замкнутую, устойчивую модель культурно-религиозной автономии, практически не восприимчивую к внешним культурным экспансиям[5].

В основе традиционных верований татар-кряшен лежали уходившие корнями в глубокую древность архаичные тюркские религиозные представления. К наиболее древним пластам религиозной культуры кряшен можно отнести культы, связанные с почитанием природных стихий (огня, воды, земли) небесных тел, деревьев и животных.

Культ огня у кряшен. Почитание огня является одним из наиболее древних форм религиозной культуры у народов мира, появившегося еще в эпоху первобытнообщинного строя. У индоевропейцев этот культ приобрел характер особой религиозной системы с развитой обрядовостью, а у древних ираноязычных народов Передней, Средней Азии и Закавказья стал основой государственной религии – зороастризма. У древних тюрков культ огня также занимал важное место в системе верований, включался в общую систему религиозного ритуала. При анализе обрядов кряшен, связанных с почитанием огня, можно выделить много общих черт с древнетюркской традицией, говорящих об их генетической связи. Несмотря на значительную архаичность, культ огня был довольно широко распространен среди кряшен (в первую очередь, в Закамье) и бытовал у них вплоть до начала XX в.

К наиболее значимым обрядам (включающимся также в религиозный комплекс аграрного цикла) необходимо отнести обряд *«добывания нового (свежего) огня»*. Можно выделить несколько основных смысловых значений, вкладывавшихся кряшенами в этот обряд: 1) начало нового жизненного цикла человека; 2) очищение человека и окружающего его мира от нечистой силы и духов; 3) обновление мира.

В летнее время года, в день, назначенный для совершения этого религиозного действа, во всех домах селения водой заливался весь огонь[6]. Таким образом, вся деревня лишалась источника огня. Символически это означало не только уничтожение «старого» огня, но и всех негативных явлений в жизни человека, болезней и пр. Мужским полом внизу возвышенности («тау») прокапывался проход, через который должны были пройти все жители селения со своим скотом и птицей. Проход через «гору» символизировал очищение, начало нового цикла в жизни человека. После обряда «очищения», посредством трения двух пален, добывали «новый» огонь. В честь нового огня устраивалось общественное моление с кровавым жертвоприношением. Из мяса жертвенного животного (коровы) на новом огне варилась жертвенная каша, распределявшаяся между присутствующими. Новый огонь уносился всеми жителями деревни в свои жилища. Его пытались сохранить до следующего обряда добывания огня[7]. Схожий обряд – «*прохождение через земляные ворота*» – отмечается у молькеевских кряшен (Цивильский, Тетюшский, Свияжский уезды Казанской губ.). Во вре-

мя падежа скота устраивались стилизованные «земляные ворота», по краям которых разводили два больших костра. Все люди деревни вместе с домашним скотом, чтобы избавиться от болезни, должны были пройти через эти ворота, вдоль костров[8].

По всей видимости, первоначально данный комплекс обрядов имел четкий хронологический цикл проведения и включался в общий годовой религиозный календарь. Во второй половине XIX в., когда впервые был зафиксирован и описан этот культ у кряшен, в связи с тем что он потерял свое прежнее значение, его проведение уже не привязывалось к определенному времени (за исключением времени года). В этот период он совершался только во время стихийных бедствий (эпидемий, падежа скота и пр.). Считалось, что эти бедствия были связаны с тем, что прежний огонь стал «стар», в связи с чем требовалось добыть «новый», в соответствии со сложившийся обрядовой традицией[9]. У татар-мусульман этот обряд, под влиянием ислама, был практически вытеснен и проводился лишь во время экстремальных ситуаций в жизни сельской общины, в первую очередь эпизоотии (масштабных инфекционных заболеваний домашнего скота). Этнографический материал, относящийся к проведению этого обряда у татар-мусульман Заказанья, описанный К. Насыри[10], Н. Воробьевым (с. Малая Атня Арского р-на ТАССР)[11], В. Магницким (дер. Карамышево Чебоксарского у. Казанской губ.)[12] свидетельствует об их общей семантике[13]. При этом у татар-мусульман этот обряд потерял свое религиозное наполнение. В отличие от татар-кряшен татары-мусульмане не совершали молений и не приносили жертвы «новому» огню. Схожие обряды отмечаются в традиции других народов края – чуваш[14] и мордвы[15].

Как отмечалось выше, у кряшен стихия огня имела важное сакральное значение. Она считалась очистительной силой от злых духов и болезней (которые также рассматривались кряшенами как явления, связанные с деятельностью злых духов). Огонь как элемент обряда очищения от нечистой силы отмечается и у древних тюрков. В описании византийской дипломатической миссии в Западно-Тюркском каганате (568 г.) историк Минандр отмечает, что прежде чем посол Земарх Киликиец был допущен к кагану Истеми, он был вынужден пройти обряд очищения огнем от злых духов[16]. Похожие обряды имели место в религиозной практике жителей Улуса Джучи (Золотой Орды). Так, францисканский монах Иоан де Плано Карпини посетивший в XIII в. ставку хана Бату, замечает, что татары перед входом в чужие жилища обязательно проходят между двумя кострами[17]. Широко известен исторический факт об убийстве в Орде в 1246 г. русского князя Михаила Всеволодовича Черниговского, отказавшегося пройти ритуал поклонения и очищения огнем[18]. В XIX в. обряд «*очищения огнем*» продолжал бытовать и у старокрещеных татар. В весеннее время, обычно перед Пасхой, в каждом дворе из соломы разводился большой костер. Жители деревни прыгали через огонь приговаривая: «Чирем-чорым китсен» («пусть покинет меня всякая хворь»). У некоторых этот обряд выполнялся до восхода солнца и назывался «ут атлату» («перешагивание через огонь»)[19]. Новобрачные перед началом своей семейной жизни должны были также пройти через этот обряд – в повозке проскочить через костер. Для очищения скота от болезней, весной, во время первого выгона на пастбище, животных прогоняли через дым костров[20]. Символическое использования огня как защиты от нечистой силы прослеживается в обрядовом комплексе праздника зимнего солнцестояния («Нардуган»). Одним из элементов этого праздника было разведение костров на возвышенностях возле деревни[21].

К наиболее рудиментарным элементам почитания огня у кряшен можно отнести обряд «*жертвоприношения огню*» («ут туйдыру» – буквально досыта

накормить огонь), сводившийся к бросанию в огонь, на котором готовилась пища, в жертву домашнему очагу кусочков масла и выливанию в горящую печь пива при его варке[22]. Сакральное отношение к огню характеризовалось и целым рядом запретов. С огнем не разрешалось играть, осквернять, плевать, класть в него режущие металлические предметы.

При характеристике этого культа у кряшен нельзя обойти вниманием очевидные параллели его обрядовости с зороастризмом. По мнению английского исследователя М. Бойс, зороастризм является самой древней из мировых религий, оказавшей заметное влияние на развитие человеческой цивилизации[23]. Не вызывает сомнения влияние этого вероучения на конфессиональные воззрения древних тюрков, имевшие тесные культурные контакты с древнеиранскими государствами[24]. В комплексе обрядов (в обрядах «добывания нового огня» и «Нардуган»), связанных с почитанием огня у кряшен, можно выделить несколько символических основ занимавших ключевое место и в религиозном ритуале зороастризма – «очистительный» огонь и «гора». Необходимо отметить также семантико-семиотическую взаимосвязь праздника «Нардуган» у татар-кряшен («Нардыван» – у татар-мишарей, «Нартаван» – у чувашей) и древнеиранского религиозного праздника зимнего солнцестояния «Хоррамруз». Признавая важную роль зороастрийской религии в культе почитания огня у татар (кряшен и мишарей), на наш взгляд, не следует абсолютизировать ее влияние. В основе этого культа лежали древние религиозные представления самих тюркских народов.

В особый комплекс религиозных культов у кряшен можно отнести обряды, связанные с **почитанием воды**. Вода как символ жизни и очистительной силы занимал особое место в религиозно-мифологических воззрениях татар. Как у татар-кряшен, так и у татар-мусульман было широко распространено почитание «священных» ключей и родников, вода из которых наделялась особыми качествами – способностью исцелять болезни, отгонять злых духов и пр. Облекшись во внешние формы авраамических традиций, превратившись в мусульманские и христианские места поклонения, «священные» ключи продолжаются почитаться и современными татарами. Вода являлась важным элементом народной медицины, использовалась при заговорах от болезней и одержимости[25]. Вода выступала в роли магического оберега, защищающего от сглаза и воздействия злых духов. Для защиты от душ людей, ведших неправедную жизнь и подозревавшихся в колдовстве, становившихся, по поверьям кряшен, после смерти злыми духами («убырлы», «убырлы карчык») необходимо было вылить ночью на их могилу 40 ведер воды. Вода не позволяла убырлы выходить из могилы (в образе свиньи или собаки) и вредить живым людям. Кроме того, эти действия применялись во время бездождья, объяснявшегося деятельностью убырлы, «притягивавшего дождевые облака»[26]. Вера в защитные свойства воды от злых существ потустороннего мира подтверждается и расположением кладбищ у татар. Старинные татарские кладбища довольно часто находятся невдалеке от реки или оврага, бывшего когда-то водоемом. Таким образом татары ограждали себя от духов умерших, которые могли вредить живым[27]. Тесная взаимосвязь водной стихии с сверхъественеым у татар прослеживается и в образе мифологической реки, разделяющей два мира – потусторонний и земной. Во многих легендах и сказках герой («батыр») прежде чем попасть в сверхъественный мир должен преодолеть водное препятствие[28].

Одним из обрядов свадебного цикла у кряшен было совершение невестой жертвоприношения водной стихии (хозяйке воды). После свадьбы и вхождения в состав новой семьи невеста при первом посещении водного источника (ключа, реки, колодца и пр.) должна

была принести в дар воде рода серебряную монету[29]. У кряшен Мамадышского у. Казанской губ. существовала традиция при первом посещении водного источника приносить в жертву воде кусочки ткани или нити из одежды. Нарушение этого правила могло привести к болезни и смерти человека[30]. Жертву воде (соль, крупу, кусочки ткани) приносили и в случае, когда хотели избавиться от некоторых болезней. В частности, весной, во время половодья, устраивались общественные моления водной стихии, чтобы она унесла с собой чесотку[31]. Как в случае с огнем, в отношении водной стихии также существовали определенные запреты. Нельзя было плевать в воду, выкидывать в нее мусор, полоскать грязное белье в родниках и пр.

Космологические воззрения кряшен были тесно связаны с ранними формами религии, сводившимися к обожествлению небесных тел и связанных с ними природных стихий. Хотя эти культы у кряшен к XIX в. подверглись значительной деформации, во многом потеряли сакрально-религиозное наполнение и вошли в состав более развитых религиозных систем, отдельные ее компоненты на уровне символических основ религиозно-обрядовой культуры сохранялись в народном сознании.

Почитание солнца как символа жизни отмечается практически у всех народов мира. У кряшен следы этого культа четко прослеживаются во многих элементах материальной и духовной культуры. Можно отметить типичные как для татар-кряшен, так и татар-мусульман «сияния» на фронтонах домов, фигуры стилизованного солнечного знака на наличниках[32]. Важную информацию несет в себе национальный костюм кряшен. Преобладание белого и красного цвета (традиционные «солнечные» цвета), стилизованных солярных знаков в узоре костюма, использования украшений из серебряных монет (символ солнца) свидетельствует о важном религиозно-символическом значении солнца в их традиции. Широкое использование солярного образа отмечается в празднике «Нардуган» (использование образа солнца, солнечного коня при святочных играх, колец, серебряных монет, зеркал при гаданиях)[33]. По мнению исследователя татарских календарных праздников Д.Р. Шарафутдинова, «в основе идеологии и обрядового комплекса праздника Нардуган, проводившегося в дни зимнего солнцестояния, лежит идея поклонения солнечному божеству. Нардуган можно считать своеобразным преемником праздника хуннов, совершаемого в «девятой луне в день У» с жертвоприношениями небу и духам предков»[34].

Пережитки солярного культа отмечаются в традиции врачевания глазных болезней. При заболевании таким недугом кряшены давали обетную милостыню белой уткой (у татар-мусульман двумя серебряными монетами) говоря при этом: «Кояш тк се, кояш нк се зене яктылыгын зем бир» («отец солнца, мать солнца, дай и мне свое сияние»). Иногда обещали («ният бир ») по выздоровлении принести в жертву белую утку или курицу со словами: «О, отец солнца, о, мать солнца, если избавите от этой глазной хвори, принесу вам белую утку»[35]. У примешенских кряшен, при заболевании глаз, человек должен был принести в жертву солнечному светилу белую курицу. Мясо жертвенного животного обязательно полностью съедалось больным[36]. Сохранившиеся легенды и мифы, народный фольклор и отчасти топонимика позволяют сделать вывод о совершении кряшенами в прошлом жертвоприношений солнцу белого коня («акбузат»). В XIX в. под влиянием пищевых запретов православной церкви (запрещения употребления конины) эта традиция была полностью утеряна.

Наряду с солярным культом в XIX в. у кряшен сохранялись и некоторые религиозные пережитки **почитания луны и звезд**. Довольно широкое распространение среди старокрещеных татар имела легенда о бедной девушке (у казанских татар эта легенда известна под на-

званием «Ярлы Зөхрә» («Бедная Зухра»)), которая стоит на луне с коромыслом и ведрами с водой[37]. Сакральный образ луны, наделенный антропоморфными чертами, встречается в устном народном творчестве и фольклоре кряшен, в песнях, исполнявшихся девушками во время святочных гаданий во время праздника «Нардуган»[38]. По представлениям кряшен, небесное пространство было тесно связано с человеком и влияло на его жизнь. Звезды имели связь с душами живущих в мире людей. Падающая звезда символизировала закат жизни и смерть человека[39].

Народные верования кряшен имели тесную взаимосвязь с окружающим миром природы. Важнейшей идеологической и мировоззренческой основой этих религиозных систем было сохранение природно-экологического паритета между человеком и окружающим миром, позволявшего ему гармонично развиваться без нарушения хрупкого равновесия в природе. Для всех традиционных религий региона была характерна система запретов (табу). Нельзя было безнаказанно вырубать деревья, особенно считавшиеся покровителями рода, от которых происходил легендарный предок, «священные» рощи. Такие же запреты существовали в отношении животных. В самой религиозной культуре было заложено отрицание потребительской психологии. Человек мог брать у природы ровно столько, сколько ему было необходимо для существования. Нарушение этого отношения, ведшее в конечном итоге к разрушению экологической системы, т.е. среды обитания человека, рассматривалось как нарушение основополагающих устоев жизни и культурно-религиозных установок народа, неминуемо приводивших к ответной реакции со стороны природных систем и сверхъестественного мира – развитие эпидемиологических болезней, падежа скота, засухе, неурожаю.

Для народных верований старокрещеных татар была характерна тесная связь религиозного ритуала с природой. Как и у других народов региона, у кряшен в их традиционной религиозной системе отсутствовал институт храма – местом культа выступала окружающая природная среда. Моления, в зависимости от их функционального и сакрального значения, могли совершаться в открытом поле, возле водного источника, в лесу, возле священного дерева или рощи, возвышенности и пр.

В соответствии со сложившимися культурными представлениями, человек в патриархальном обществе воспринимал себя как неотделимую часть природно-экологической системы окружающего мира. С этими представлениями были тесно связаны наиболее древние формы религии – тотемизм, анимизм и эвгемеризм. Все эти элементы в той или иной мере можно выявить в религиозной традиции кряшен – в **культе деревьев и животных**.

Дерево является одним из ключевых образов традиционных религий тюркских народов (как впрочем, и всех народов уральской языковой группы). Он имеет очень древние корни. По всей видимости, этот культ сформировался еще в докочевой период жизни, когда ареалом их обитания была тайга в предгорьях Алтая. Являясь универсальным и важным символом религиозной мифологии, дерево выступало в роли центра мира и той вертикали, которая связывает землю с небом. Поэтому с деревом ассоциировались все наиболее важные процессы, происходящие в природе и обществе. В этом смысле дерево, гора и водная стихия, как бы взаимно дополняют друг друга – в их ведении находится вся «механика» мира[40].

В мифологии татар модель мира конструировалась и оформлялась вокруг образа «мирового дерева» («яфан агачы»). У старокрещеных татар образ «мирового дерева» был тесно связан с образом одиноко растущего священного дуба («тәре»), «дерева Тенгри», являвшегося неким связующим каналом с Верховным Божеством. В образе священного дуба отразились многие древнетюркские представления, связанные

с космическим «пупом земли», символом которого было «мировое дерево». Он выступал информационным звеном между тремя мирами: средним – человека, нижним – духов, верхним – божественным. Тесная связь священного дерева (персонифицированного микрообраза космического мироздания и Верховного Бога – создателя мира) являлась важнейшей основой древних религиозных воззрений тюрков. Дерево, особенно высокое (высокий густолиственный дуб), по представлению гуннов и сабир (сувар), считалось связующим средством с главным божеством Тенгриханом, жившем на небе, и почиталось как сам Тенгри. Все языческие обряды и жертвоприношения, посвященные Тенгрихану, совершались возле этого дерева – «Матери высоких деревьев». Тенгрихан и святое дерево были символами благополучия, безопасности страны. Святое дерево исцеляло больных, возвышало неимущих и нищих, сохраняло от засухи, питало растения и землю. Это дерево нельзя было безнаказанно трогать, рубить и отламывать от него ветки[41]. Данные запреты на протяжении многих веков сохранялись и в традиции старокрещеных татар. По наблюдениям П. Знаменского, у жителей дер. Большой Арняш Мамадышского у. Казанской губернии существовал священный дуб, являвшийся местом их поклонения. У этого дуба местные жители «совершают свои жертвоприношения и молятся перед ним об умножении скота, пчел, об урожае хлеба и проч., от этого дуб получил священное значение, и они верят, что если кто срубит этот дуб или сделает около него что-нибудь неприличное, у того руки и ноги отсохнут»[42]. В 1860-х гг. в этой деревни проживал один старик, считавшийся «полоумным». Жители соседнего селения Нижний Арняш видели причину болезни этого человека в его святотатственных действиях. Он самовольно срубил священный дуб и выжег его пень, являвшийся местом поклонения нижнеарняшевцев, чем нанес им страшное оскорбление. За это, по представлениям местных жителей, и лишил его Тенгри разума[43]. По замечаниям современников, в начале 1920-х гг. в ряде кряшенских селений Мамадышского у. Казанской губ., посреди полей можно было увидеть одиноко растущий вековой дуб. При необходимом аграрном освоении новых территорий, связанном с возросшими потребностями населения, кряшены, вырубая другие деревья, оставляли нетронутыми древние дубы, которые продолжали одиноко возвышаться среди возделываемых полей[44].

Культ деревьев у кряшен был тесно связан с культом предков. Не случайно особое место в пантеоне почитаемых деревьев у них занимала береза, считавшаяся «деревом мертвых». Как для татар-кряшен, так и для татар-мусульман было характерно высаживание на могилах умерших родственников молодые березовые саженцы (наряду с рябиной, вязом и тополем). Деревья, растущие на кладбище, нельзя было ломать, рубить, использовать для отопления домов[45]. Береза как сакральный символ широко использовался в похоронном обряде старокрещеных татар. Под голову умершего укладывали березовые листья, гроб с покойником переносился с помощью специальных березовых канатов и пр.[46]

Местом поклонения являлись одиноко растущие березы («ялгыз каен») и священные рощи, в которых, по поверьям кряшен, жили духи рода (кирәмәт). В отличие от татар-кряшен у татар-мусульман в XIX в. культ деревьев под влиянием ислама подвергся значительным изменениям. Древние места поклонения (священные рощи), благодаря деятельности мусульманского духовенства по искоренению «языческих заблуждений», стали ассоциироваться с «нечистыми местами», где водятся злые существа потустороннего мира. Так, местность внутри городища у Сорочьих Гор (Рыбно-Слободский р-н РТ) долгое время не распахивалась из-за суеверного страха. Ее старались обходить стороной, поскольку там «яв-

ляются запоздалым путникам разные чудовища и женщины-татарки в древних азиатских костюмах»[47].

Культ деревьев у старокрещеных татар имеет прямое отношение к древним тотемическим и анимическим представлениям предков татарского народа. В чем его древнее религиозное значение, исторические корни? Ответить на этот вопрос помогают материалы, относящиеся к религиозным воззрениям алтайцев (алтай-кижи) – одному из немногих народов, сохранивших традиционные основы древних религиозных представлений тюрков. Согласно их взглядам, у каждого человека в сверхъестественном мире существует его личное дерево. После смерти человека необходимо было посадить на его могиле деревце. Оно должно было восполнить реальный уход из жизни человека и способствовать возобновлению жизни в родовом мире. Каждую весну алтайцы устраивали «кормление» деревьев – брызгали молоком, кашей, к ветвям привязывали ленточки ткани[48]. Дерево сохраняло незримую связь с душой умершего человека и его родом, было в определенном смысле его «двойником» в живом мире, через которого предки могли общаться с прародителем, оказывать ему свое почтение и уважение. Эти представления отразились в традиции «именных деревьев». У кряшен (отчасти и татар-мусульман) существовал обряд наречения имени дереву. Обычно имя закреплялось за деревом в честь человека, который во время своей жизни ухаживал и следил за ним («Гурдәй агачы», «Тәмәй агачы» и т.д.). Кряшены верили, что пока будет существовать это дерево, люди будут помнить этого человека, его имя не исчезнет. С этими архаичными воззрениями связан и другой обряд, связанный с культом деревьев у кряшен. Довольно часто возле современных кряшенских селений, на обочине дорог можно увидеть одиноко растущее дерево, обвешенное кусочками разноцветных тканей и полотенец (ялама или дъәлама). На вопрос, с чем связан этот обычай, можно услышать примерно следующее: «Это делается (т.е. на дерево повязываются ленточки и полотенца) людьми, отправляющимися в дальнюю дорогу, чтобы путешествие было удачным, чтобы благополучно вернуться в родные края». При этом объяснить причины и корни этой традиции никто не может, ссылаются лишь на то, что этот обычай «достался нам от прадедов». На наш взгляд, этот обряд имеет прямое отношение к древним представлениям о связи дерева с родом человека, а в более широком смысле – с родным селением и краем. Дар дереву символизирует собой акт почитания предков, заключенных в этом образе, желание сохранить незримую связь с ними, получить их поддержку, что должно помочь человеку в конечном итоге вернуться к себе домой.

У кряшен выявляется тесная взаимосвязь культа почитания предков (рода) с культом животных. В XIX в. у них сохранялась субординированная система родовых связей, основанная на джииной организации общества, культурные и семейные связи с материнскими селениями и родами. Важным элементом принадлежности к роду являлся общий родовой знак – тамга, являвшаяся очень древней формой фиксации родства. В родовых тамгах кряшен четко прослеживается связь с тотемическими представлениями их предков. Так, можно выделить тамги рода «бүре» (волк), «тукран» (дятел), «аю» (медведь), «бака» (лягушка) и пр.[49] По всей видимости, у старокрещеных татар сохранялась и система табу, связанная с тотемизмом, – запрещалось убивать родовое животное. Схожие пережитки тотемизма можно наблюдать и у татар-мусульман. В частности, в Арском р-не Республики Татарстан среди местных татар существует поверье о том, что нельзя трогать лося. Убийство его считалось большим грехом. По словам местных жителей, дер. Пшангер свое название получила за то, что там убили лося (пши) и поэтому раньше ее жители пользовались дурной славой[50]. С отголоском зоолатрии у кряшен

был связан обычай вывешивать череп определенного животного на поле, возле дома или пчельника с целью защиты от сглаза и злых духов[51].

У старокрещеных татар отмечаются антропопатизские взгляды на окружающий мир, в соответствии с которыми животные наделялись не свойственными для них характеристиками. Как и духи сверхъестественного мира, животные по своему желанию могли помогать или вредить людям. У кряшен, как и у ряда финно-угорских народов региона (мордвы и удмуртов), существовало негативное отношение к голубям. Считалось, что голубь «нечистое» существо, стремящееся всячески вредить человеку. Во время пожара голуби таскают в огонь солому, тем самым увеличивая масштабы бедствия[52]. Кряшены наделяли сверхъестественными свойствами домашних собак. По их поверьям, собаки могли предсказывать будущее, отгонять своим лаем злых духов. Если человек, намеревающийся отправиться в дорогу, встречал на пути лающую собаку, это считалось плохим предзнаменованием. Необходимо было вернуться домой и, лишь помолясь, вновь направиться в путь[53]. Схожие представления имелись у волжских булгар. Как отмечал, арабский путешественник X в. Ибн-Фадлан булгары по лаю своих собак определяли удачный ли будет дорога[54]. Обожествление животных, придание им сверхъестественных способностей прослеживаются в целом ряде мифов и сказок татар-кряшен, отражающих древние религиозно-мифологические представления, связанные с культом животных[55].

Рассмотренный выше комплекс религиозных представлений, являвшихся рудиментарными пережитками ранних форм религии, у кряшен к XIX в. переживал период существенной культурно-религиозной трансформации. Многие элементы этих религиозных систем, не выдержав «конкуренции» с более поздними и развитыми комплексами верований, потеряли свое первоначальное значение и были включены в виде отдельных компонентов в их состав. Так, основные элементы религиозных культов, связанных с почитанием воды и земли, вошли в состав аграрных культов, культов хозяина / хозяйки воды (су иясе, су бабасы, су анасы), хозяина / хозяйки земли (җир иясе, ир анасы), культ деревьев – в состав культа духов типа кирәмәт, культ небесных тел – в состав культа Тенгри и пр. Эти древние формы верований во многом потеряли свое реальное религиозное наполнение, превратились в некотором роде в «пережитки» традиционной религиозной культуры, продолжая, впрочем, оставаться важными компонентами религиозно-мифологической картины мира старокрещеных татар. В то же время их архаичность и древние основы, глубокая вплетенность в ткань народного сознания позволили им сохранять определенную устойчивость в период масштабных культурных изменений в жизни кряшен, связанных с усилением влияния мировых религий и формированием новой конфессиональной идентичности. Эти архаичные представления оказались очень «живучими» и «пережили» многие более развитые и структурированные формы народной религии. На уровне обыденного народного сознания, в форме «суеверий», они продолжают бытовать и у современных татар-кряшен.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск, 1994. – С.64.

[2] *Салмин А.К.* Система религии чувашей. – СПб., 2007. – С.32.

[3] *Николаев Г.А.* Поликонфессиональная деревня Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века: «свои» и «чужие» // Чувашский гуманитарный вестник. – 2010. – № 5. – С.144.

[4] *Таймасов Л.А.* Христианское просвещение нерусских народов и этноконфессиональные процессы в Среднем Поволжье в последней четверти XVIII – начале XX века: дис. докт. ист. наук – Чебоксары, 2004. – С.97.

[5] *Макаров Г.М.* Перспективы развития традиционной культуры кряшен в современных условиях // Материалы науч.-практ. конф. «Этнические и конфессиональные традиции кряшен: история и современность». – Казань, 2001. – С.28.

[6] У татар-мусульман Казанской губ. во время этого обряда наряду с заливанием «старого» огня, практиковался вынос из домов и «старой» воды, которая затем выливалась (Насыри К. Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся мимо влияния на жизнь их суннитского магометанства // Записки Императорского Русского географического общества по отделу этнографии. – Т.6. – СПб., 1880. – С.264).

[7] *Гаврилов Б.* Описание кереметей крещеных татар Елабужского уезда (1882 г.) // ГАКО. Ф.237. Оп.74. Д.2170. Л.2 об.-3.

[8] Сочинение курсанта 1 курса трехгодичных Казанских кряшенских педагогических курсов «Моя деревня» (с. Молькеево Цивильского у. Казанской губ.) (1921 г.) // НА ЧГИГН. Отд.1. Ф. Н.В. Никольского. Ед. хр.309. Л.55.

[9] *Гаврилов Б.*Указ. соч. Л. 3 об.

[10] *Насыри К.* Указ. соч. С.264.

[11] Татары Среднего Поволжья и Приуралья / отв. ред. Н.И. Воробьев и Г.М. Хисамутдинов. – М., 1967. – С.355.

[12] *Магницкий В.* Материалы к объяснению старой чувашской веры собранные в некоторых местностях Казанской губернии. – Казань, 1881. – С.137.

[13] Основным отличием при совершении этого обряда у татар-мусульман было то, что проход через «ворота» осуществлялся перед уничтожением «старого» огня. Потеря первоначального порядка ритуальных действий у татар-мусульман, на наш взгляд, связана с деформацией их традиционной обрядовой культуры под влиянием ислама.

[14] См.: *Трофимов А.А.* Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура. – Чебоксары, 2009.

[15] *Мокшин Н.Ф.* Религиозные верования мордвы. – Саранск, 1968. – С.34.

[16] *Мокрынин В.П.* Дипломатическая практика в Западно-Тюркском каганате // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. – Фрунзе, 1975. – С.111.

[17] Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской империи (1207–1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления первого суверенного хана / сост. М.С. Гатин, Л.Ф. Абзалова, А.Г. Юрченко. – Казань, 2008. – С.245.

[18] Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора // Повести и сказания Древней Руси / отв. ред. Д.С. Лихачев. – СПб., 2001. – С.243–247.

[19] Татары Среднего Поволжья и Приуралья ... – С.357.

[20] *Шарифуллина Ф.Л.* Доисламские верования татар Волго-Уральского региона: традиция и современность // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. ст. Вып.2. – Казань, 2011. – С.90.

[21] Наряду с названием «Нардуган» кряшены использовали для обозначения этого праздника и другое название – «Шайтан туе» (Праздник дьявола). Считалось, что в этот день шайтан и другая нечистая сила освобождаются из заточения и имеют особую власть в реальном мире. В связи с этим огненная стихия выступала в роли защитного буфера от злых существ сверхъестественного мира.

[22] Татары Среднего Поволжья и Приуралья ... – С.357.

[23] *Бойс М.* Зароострийцы. Верования и обычаи. 4-е изд., испр. и доп. – СПб., 2003. – С.17.

[24] Известный татарский ученый-филолог М.З. Закиев на основе своих морфологических и историко-лингвистических изысканий выделяет следующие стадиальные этапы в развитии религиозных воззрений татар: зороастризм – тенгрианство – христианство – ислам, частично буддизм и иудаизм (Закиев М.З. Основные периоды развития конфессиональных воззрений предков современных татар // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. ст. Вып. 2. – Казань, 2011. – С.87).

[25] Интересно, что у татар-мусульман лечение водой от одержимости нечистой силой и болезней широко практиковалось представителями официального мусульманского духо-

венства. В частности, это отмечает в своих путевых записках Н.И. Ильминский: «В Старом Альметьеве есть старик, мулла Нигматулла, слывущий за святого ишана (т.е. человека, посвятившего себя служению Богу и соблюдающего непрестанную чистоту), обладающего даром исцеления болезней посредством молитвы. К этому старику обращаются не только татары (которые не знают, как и выразить свое к нему благоговение), но и русские. По словам болгарского священника, одна женщина его прихода страдала от змеи, которая приползала как будто бы во время сна. После всех напрасно испробованных над нею методов медицины, она обратилась к означенному ишану, и он, дав ей испить воды, над которой прочитал молитву, исцелил ее. Я слышал и других обращавшихся за тем же к ишану» (Отчет бакалавра Казанской духовной академии Н. Ильминского о путешествии по татарским селениям в августе-октябре 1849 г. // ОР РНБ. Ф.СПбДА. Оп.AI. Д.232. Л. 11 об.).

[26] *Степанова С.* Космогонические воззрения кряшен // НА ЧГИГН. Отд.1. Ф. Н.В. Никольского. Ед. хр.321. Л.105.

[27] *Шарифуллина Ф.Л.* Указ. соч. – С.90.

[28] См.: Татарские народные сказки. – Казань, 1986.

[29] Татары Среднего Поволжья и Приуралья ... – С.360.

[30] *Григорьев А.* Село Большие Савруши Елышевской волости Мамадышского уезда Казанской губернии // НА ЧГИГН. Отд.1. Ф.Н.В. Никольского. Ед. хр. 309. Л.235.

[31] *Степанова С.* Указ. соч. – Л.106.

[32] См.: *Мухаметшин Ю.Г.* Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры: середина XIX – начало XX в. – М., 1977.

[33] См.: *Апаков М.* Святочные игры у крещеных татар Казанской губернии. Материалы для этнографии. – Казань, 1877; Даулей Р. Святки у крещеных татар Мамадышского и Лаишевского уездов Казанской губернии. – Казань, 1903; Васильев М. Рождественские святки в крещено-татарской деревне // ИКЕ. – 1905. – №1. – С.16-20, № 2. – С.42-50.

[34] *Шарафутдинов Д.Р.* Из истории календарных праздников предков татарского народа // Эхо веков. – 2005 – №1. Режим доступа:www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2005_1 /13/13_ 2/&searched=1. Время последнего обращения: 24.02.2012.

[35] Татары Среднего Поволжья и Приуралья ... – С.359.

[36] *Степанова С.* Указ. соч. – Л.106.

[37] Осиротев, бедная «кряшенка» начала терпеть притеснения от злой мачехи. Однажды зимой она была вынуждена по ее поручению отправиться босиком к колодцу за водой. Пожалев бедную девушку месяц поднял ее к себе на небо, где она теперь стоит с коромыслом (Степанова С. Указ. соч. – Л.102).

[38] *Абрамова М.* Йозек салыну (или гадание) у кряшен // НА ЧГИГН. Отд.1. Ф.Н.В. Никольского. Ед. хр. 321. Л.123.

[39] *Степанова С.* Указ. соч. – Л.103.

[40] *Сагалаев А.М.* Алтай в зеркале мифа. – Новосибирск, 1992. – С.87.

[41] *Давлетшин Г.* Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа. – Казань, 2004. – С.37.

[42] *Знаменский П.* О крещеных татарах деревни «Большой Арняш» (Извлечение из дневника) // ЖМНП. – 1868. – Часть 137. – №3. – С.360.

[43] Там же. – С.363.

[44] *Григорьев А.* Указ. соч. Л.233.

[45] Такой же запрет существовал у татар-мусульман. Дрова с кладбища можно было использовать лишь для отопления здания мечети.

[46] Погребальный обычай кряшен дер. Дюртели-Субаш Мамадышского уезда Казанской губернии (1921 г.) // НА ЧГИГН. Отд.1. Ф. Н.В. Никольского. Ед. хр. 321. Л.90.

[47] *Шарифуллина Ф.*Л. Указ. соч. – С.91.

[48] *Сагалаев А.М.* Указ. соч. – С.92.

[49] Более подробно см.: Макаров Г.М. Тамги кряшен // Научный Татарстан. – 2011. – № 3. – С.229–236.

[50] Татары Среднего Поволжья и Приуралья ... – С.350.

[51] *Михайлов Е.* Крещеные татары села Альбаева Мамадышского уезда Казанской губернии (1921 г.) // НА ЧГИГН. Отд.1. Ф. Н.В. Никольского. Ед. хр. 321. Л.142 об.

[52] *Степанова С.* Указ. соч. Л.103.

[53] *Михайлов Е.* Указ. соч. Л.142.

[54] Ибн Фадлан о народах Восточной Европы // Из глубины столетий / составитель, вступительные статьи и комментарии Б.Л. Хамидуллина. – Казань, 2000. – С.80.

[55] См.: Сказки крещеных татар, переведенные на русский язык Н. Муравьевым (1877) // НА РТ. Ф.968. Оп.1. Д.35.

Список сокращений

ГАКО – Государственный архив Кировской области

НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан

НА ЧГИГН – Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук

ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки им. С. Щедрина

Аннотация

В статье дается анализ одного из составляющих элементов традиционной религиозно-мифологической картины мира татар-кряшен в XIX в. – архаичных культов, включавших в себя древнетюркские религиозные представления, связанные с почитанием природных стихий, небесных тел, культа растений и животных. Эти религиозные установки играли важную роль в мировосприятии кряшен, формировали у них определенные нормы поведения в окружающем мире, оказали существенное влияние на развитие их традиционной культуры.

Ключевые слова: этнография татар, история религиозности кряшен, традиционная культура, межконфессиональные отношения.

Summary

The article analyzes one of the constituent elements of the traditional religious and mythological picture of the world of Tatars- Kryashens in the XIX century – archaic cults that included ancient Turkic religious ideas associated with the worship of natural elements, the heavenly bodies, worship of plants and animals. These religious beliefs played an important role in the perception of the world by Kryashens, they formed certain rules of conduct in the world, had a significant influence on the development of their traditional culture.

Keywords: ethnography of the Tatars, the history of religion of Kryashens, traditional culture, interfaith relations.

УДК 94"04/14"

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПОЛИТОГЕНЕЗА У ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

***С.Г. Кляшторный**, кандидат исторических наук, профессор*
(Санкт-Петербург)

Территория степной и горно-степной Евразии простирается от Маньчжурии до Юго-Восточной Европы, от Прибайкалья до Гималаев. Лишь в недавнем прошлом эта часть Евразии стала рассматриваться не как отсталая периферия мира оседлых цивилизаций, а как самостоятельный культурно-исторический регион. Пока еще не вполне ясны начальные этапы формирования этнокультурного ландшафта степной Евразии, как, впрочем, и его географические границы, менявшиеся в зависимости от изменения климатических условий, от смены длительных периодов увлажненности степей не менее длительными засушливыми периодами. Очевидно только, что в эпоху бронзы (IV–II тыс. до н.э.) и, в особенности, в эпоху так называемых ранних кочевников или «скифскую эпоху» (I тыс. до н.э.) сложилось поразительное единообразие основных черт материальной культуры и изобразительного искусства всей евразийской степи, от Причерноморья до Ордоса. В IV–II вв. до н.э. скифское наследие, обогащенное эллинистическим влиянием полисов Понта Эвксинского и Греко-Бактрийского царства, было в разной степени освоено и по-разному переработано сарматами в Приуралье и юго-восточной Европе, тохарами-кушанами в Центральной Азии, гуннами во Внутренней Азии и Южной Сибири. Именно в эту эпоху на востоке евразийских степей, в соседстве с шестью китайскими царствами, объединенными в державу (230–221 гг. до н.э.) династией Цинь, обозначился тот тип политогенеза и тот тип кочевнического государственного образования, который в тридцатые годы XX в. сначала Олов Йанзе, а затем французский историк-востоковед Рене Груссе обозначили словами *степная империя*[1]. Сам Груссе, как и его предшественник, не вкладывал в это название какого-либо терминологического значения, обозначив им лишь географическое пространство, названное им «Великая степь», а также ландшафт, в котором возникли государства, созданные кочевыми народами Внутренней Азии. Поэтому следует определиться с термином *империя* применительно к такого рода государствам.

Не пытаясь универсализировать свой вариант определения, отметим, что понятие империи распространяется нами только на полиэтнические образования, созданные военной силой в ходе завоевания, управляемые военно-административными методами и распадающиеся после упадка политического могущества создателей империи. Анализ исторических ситуаций возникновения степных империй показывает, что завоевательный импульс был направлен не столько на расширение пастбищных территорий (это аномальный случай), сколько на подчинение территорий с иным хозяйственно-культурным типом. На первом этапе завоевания фактором, определяющим его цели, является консолидация степных племен под властью одной династии и одного племени. Затем возникают стремления, реализуе-

мые обычно в ходе военных акций, — поставить в зависимость от консолидированной военной мощи кочевников области и государства с более сложным устройством и более многообразной хозяйственной деятельностью. Такой баланс сил предполагает конечный итог — латентную или явную данническую зависимость или какие-либо иные формы непосредственно политического подчинения. Именно на этой стадии государства, созданные кочевыми племенами, преобразуются в империи[2].

Важнейшим фактором политогенеза у древних племенных сообществ Центральной Азии и Южной Сибири явилось их весьма раннее вхождение в сферу прямого или опосредствованного воздействия, социально более дифференцированной и уже урбанизированной цивилизации. Именно формирование в бассейнах Хуанхэ и Тарима во II—I тыс. до н. э. крупных цивилизационных очагов, сопровождавшееся исторически интенсивными по срокам процессами политогенеза, привело во второй половине I тыс. до н. э. к появлению в северной лесостепи и в горно-степной зоне, близкой или прилегающей к долинам названных рек, ранней степной государственности, весьма отличной от китайской. Государственности, с почти сразу же обозначившимися элементами имперской структуры.

Первоначально, в V—IV вв. до н. э., тенденция к интеграции в объединение имперского типа полилингвальной и полиэтничной массы скотоводческих племен определялась военными потенциями юэчжийского племенного союза, чье господство или военное преимущество было неоспоримым на пространстве от Восточного Притяньшанья и Горного Алтая до Ордоса. Но на рубеже III—II вв. до н. э., в ходе длительных и жестоких войн за власть над степью, военные приоритеты перешли к их северо-восточным соседям и прежним данникам, племенам сюнну (гуннам).

В эпоху сюнну простые единицы социального и квазиполитического устройства, обозначаемые в современной социальной антропологии термином *вождество*, трансформировались в то состояние, которое мы обозначаем термином *раннее государство*, а применительно к обозначенным месту и времени — термином *архаичная империя*, объединенная силой или угрозой силы и сама состоящая из раннегосударственных образований и вождеств.

Естественно, мы можем проследить этот процесс только в том виде, в каком он представлен летописцами той эпохи, историографами, чьи ментальные конструкции и подходы к отражению окружающего мира определялись иными, чем у нас, требованиями и параметрами.

Ранние рассказы о северных соседях Китая запечатлел в своих «Исторических записках» создатель нормативной китайской историографии Сыма Цянь (145—87 гг. до н. э.). Эти сюжеты изложены им отрывочно, несистематично, предельно кратко и ничем не напоминают обширные повествования Геродота о причерноморских скифах.

Кочевники, населявшие Центральную Азию в VII—VI вв. до н. э., именуются Сыма Цянем *жунами* и *ди*. Позднее их стали называть *ху*. В ту же эпоху в степях Внутренней Монголии, Южной Маньчжурии и в отрогах Большого Хингана жили *горные жуны* и *дунху* («восточные варвары»). Северные племена были постоянными участниками политической жизни древнекитайских царств, то сражаясь с ними, то вступая в коалиции воюющих друг с другом государств и получая за это вознаграждение.

Сыма Цянь ярко описывает их «варварский» образ жизни и общественное устройство. Жуны и дунху не были политически объединены, «все они были рассеяны по горным долинам, имели собственных вождей, и хотя нередко собиралось свыше ста племен жунов, они не сумели объединиться в одно целое»[3]. Источники отмечают у жунов и дунху посевы проса, но главным их занятием было скотоводство: «перехо-

дят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку. Питаются мясом, пьют кумыс, одежду делают из разноцветных шерстяных тканей... Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами. Наследственного преемствия у них нет. Каждое стойбище имеет своего начальника. От ста до тысячи юрт составляют общину... От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение... В каждом деле следуют мнению женщин, одни военные дела сами решают... Войну ставят важным делом»[4].

Трудно нарисовать более выразительную картину родоплеменного общества, еще не знавшего глубокого социального расслоения и насильственного авторитета. Китайский наблюдатель VII в. до н. э. отмечает, что у жунов «высшие сохраняют простоту в отношении низших, а низшие служат высшим [т. е. выборным старейшинам и вождям. — *С. К.*] руководствуясь искренностью и преданностью»[5]. Война и набег с целью захвата добычи — важная сторона их жизни. По словам китайского сановника VI в. до н. э., северные варвары «ценят богатства и с пренебрежением относятся к земле»; слово «богатство» объясняется здесь как «золото, яшма, полотно и шелк»[6].

Итак, в VII—V вв. до н. э. для кочевников степей и гор севернее Хуанхэ характерен тот тип социально-политического устройства, который в современной этнологии обозначается термином *вождество*.

Радикальное изменение общей ситуации в Центральной Азии произошло, согласно Сыма Цяню, в период «Воюющих царств» (403—221 гг. до н. э.). Вместо прежних жунов на севере появляются сильные объединения кочевых племен *юэчжей* и *сюнну*.

Юэчжи, могущественный племенной союз центральноазиатских кочевников, известен под этим именем только из китайских источников, описывающих события, происходившие в степи, по периметру северокитайских царств в IV—II вв. до н. э. Но к этому времени юэчжи уже были давними обитателями Внутренней Азии. Реальная власть юэчжийских вождей и расселение их племен распространялись тогда на большую часть Монголии, Джунгарию и Восточный Тянь-Шань, где они соседствовали с усунями, а также на Таримский бассейн. Они первыми создали в центральноазиатских степях архаичную кочевническую империю, во главе которой стоял единый правитель и которая располагала войском до ста тысяч конных воинов. Об этом периоде юэчжийской истории Сыма Цянь пишет: «В прежние времена юэчжи были могущественны и с презрением относились к сюнну»[7]. Более того, сюнну (гунны) находились в политической зависимости от юэчжей и посылали заложниками ко двору их правителя сыновей своего вождя[8].

В последние десятилетия III в. до н. э. союз гуннских племен испытал небывалую ломку традиционных отношений, завершившуюся возникновением у гуннов раннего государства. А в первой четверти II в. до н. э. гунны одержали окончательную победу над юэчжами и, в ходе последующих войн, унаследовали их империю[9].

Какое же общественное устройство было присуще гуннскому союзу племен?

Верхушку гуннского общества составляли четыре аристократических рода, связанных между собой брачными отношениями. Глава государства, *шаньюй*, мог быть только из рода Люаньди, самого знатного из четырех. Позднейшие источники упоминают и другие знатные роды. Очевидно, что иерархия родов и племен играла в гуннском общественном устройстве немалую роль, причем на низшей ступени находились покоренные племена, адаптированные в гуннскую родоплеменную систему. Ниже них были покоренные племена, не включенные в состав гуннских, и

они подвергались особенно безжалостной эксплуатации.

Устройство гуннского государства было столь же строго иерархично, как и их общественная структура. Держава гуннов, выросшая из эфемерного объединения жунских племен VI–V вв. до н. э., сложилась в борьбе не на жизнь, а на смерть с империей юэчжей и другими племенными союзами и соседними китайскими царствами. Основатели державы и их преемники видели свою главную цель в господстве над «всеми народами, натягивающими лук» (т. е. над кочевниками) и превосходстве над «людьми, живущими в земляных домах» (т. е. над оседлыми землепашцами); такое государство могло существовать только на военно-административных принципах.

Впрочем, по мнению Т. Барфилда, не следует преуменьшать сохраняющееся значение племенной аристократии, а саму гуннскую державу лучше обозначить термином «имперская конфедерация». Барфилд полагает, что для внутреннего развития кочевого общества государственные структуры не нужны, возникают они у кочевников только в результате воздействия внешних обстоятельств, исключительно для военного принуждения соседних оседлых государств к уплате дани (контрибуций) или открытию пограничных рынков[10]. Напротив, по мнению Е.И. Кычанова, государство гуннов, как и иные государства кочевников, возникло в результате внутренних процессов в самом кочевом обществе, процессов имущественного и классового расслоения, приведших к рождению государства со всеми его атрибутами[11].

Не вдаваясь в обсуждение различных оценок политического устройства древних и средневековых кочевых сообществ, я солидаризируюсь с уже высказанным в исследовательской литературе мнением, что «управленческие системы номадных империй как явление сложное и многогранное не могут быть описаны с помощью однозначных дефиниций»[12]. Вместе с тем мне представляется верным наблюдение Дж. Флетчера, считавшего, что «тенденция к империи» в раннегосударственных образованиях центральноазиатских кочевников проявлялась прежде всего во все возрастающей абсолютизации ханской власти и развитии жесткой военизированной структуры их административных и политических формирований[13].

Власть главы государства гуннов, шаньюй, была строго наследственной и освященной божественным авторитетом. Его называли «сыном Неба» и официально титуловали «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный, великий гуннский шаньюй». Властные полномочия шаньюя определялись его правами и функциями: а) правом распоряжаться всей территорией государства, всеми землями, принадлежавшими гуннам, и функцией охраны этой территории; б) правом объявления войны и заключения мира и функцией личного руководства войсками; в) правом концентрировать в своих руках все внешние сношения государства и функцией определения внешнеполитического курса; г) правом на жизнь и смерть каждого подданного и функцией верховного судьи. Вероятно, шаньюй был и средоточием сакральной власти; во всяком случае, все упомянутые источниками действия в защите и соблюдения культа исходили от шаньюя, который «утром выходил из ставки и совершал поклонения восходящему солнцу, а вечером совершал поклонение луне». Верховного владетеля окружала многочисленная группа помощников, советников и военачальников, однако решающее слово всегда оставалось за шаньюем, даже если он действовал вопреки единодушному мнению своего окружения.

Высшие после шаньюя лица в государстве — левый и правый (т. е. западный и восточный) «мудрые князья» были его сыновьями или ближайшими родственниками. Они управляли западными и восточными территориями империи и, одновременно, командовали левым и правым крыльями армии.

Ниже их стояли другие родичи шаньюя, управлявшие определенной территорией, — все они носили различные титулы и назывались «начальники над десятью тысячами всадников» (т. е. темниками). Их число было строго фиксировано — 24 высших военачальника, распределенных между левым и правым крыльями войска, западной и восточной частью империи. Тот или иной пост занимался в зависимости от степени родства с шаньюем. Темников назначал сам государь. Он же выделял подвластную каждому темнику территорию вместе с населением, проживающим на этой территории. Какое-либо перемещение племен без приказа шаньюя строго возбранялось.

Наибольшее значение имел не размер удела, а именно численность его населения, которой и определялись власть и военная сила темника; число в десять тысяч воинов, находившихся под его командой, было условным — Сыма Цянь замечает, что каждый из 24 начальников имел от десяти тысяч до нескольких тысяч войска.

В пределах своих владений темник, подобно шаньюю, назначал тысячников, сотников и десятников, наделял их землей с кочующим населением. Сместить и наказать темника мог только шаньюй. В свою очередь, темники участвовали в возведении шаньюя на престол, не имея, впрочем, права свободного выбора — власть переходила по наследственной системе, которая утратила свое значение лишь в период полного ослабления гуннского государства.

Основной повинностью всего мужского населения государства была военная служба. Каждый гунн считался воином, и малейшее уклонение от исполнения воинских обязанностей каралось смертью. Все мужчины с детства и до смерти были приписаны к строго определенному воинскому подразделению, и каждый сражался под командованием своего темника.

При Лаошан-шаньюе началось систематическое взимание податей, о размере и характере которых сведений нет. Трижды в год все начальники, как правило, выходцы из четырех аристократических родов, съезжались в ставку шаньюя для «принесения жертв предкам, Небу, Земле, духам людей и небесным духам», для обсуждения государственных дел и один раз, осенью, — «для подсчета и проверки количества людей и домашнего скота». Эти совещания были не столько каким-либо правительственным органом, сколько семейным советом родственников, — все их участники были родичами шаньюя.

Таким образом, правящий слой гуннской империи сложился из родоплеменной знати; отношения родства и свойства сохраняли решающее значение для определения социального положения и политической роли каждого, кто принадлежал к высшим слоям гуннского общества. В то же время вся эта знать выступала и как патриархальная верхушка племен, как их «естественные» вожди, кровно связанные с рядовыми соплеменниками.

Основу общественного влияния и политической силы знати составлял контроль над пастбищными землями, проявлявшийся в форме права распоряжаться перекочевками и тем самым распределять кормовые угодья между родами. Степень реализации права контроля целиком зависела от места того или иного знатного лица в военно-административной системе, что в свою очередь, определялось его местом в родоплеменной иерархии. Вся эта структура обладала достаточной устойчивостью, чтобы предопределить более трех веков существования гуннской империи и еще нескольких веков жизни мелких гуннских государств.

Подводя общий итог сделанным наблюдениям, мы можем констатировать:

1) Сообщества кочевых племен Центральной Азии VII—V вв. до н. э. по достаточно определенной характеристике современных им письменных источников не имели политической организации, выходящей за рамки родоплеменных институтов.

2) Коренные изменения в их среде произошли в IV—III вв. до н. э., когда сложилась новая надплеменная политическая организация — раннее государство, управляемое иерархически структурированной военноплеменной аристократией.

3) Возникшая тогда же имперская структура верховной власти предопределила глубокие социальные изменения не только внутри господствующей племенной группировки, но и в зависимых от них сообществах, где резко интенсифицировались процессы политогенеза. Эти процессы позднее нашли свое отражение и в унифицированной для всего центральноазиатского мира политической терминологии источников.

Насколько изменились структурные особенности степной империи на новом витке евразийской истории, в первой евразийской державе раннего средневековья — Тюркском каганате? На этот вопрос дают ответ рунические памятники тюрков, прежде всего орхонские и енисейские памятники.

Орхонским памятникам, как и другим произведениям средневековой историографии, была свойственна политическая тенденциозность, определяемая прежде всего общим социальным идеалом аристократической верхушки тюрков. Таким социальным идеалом выступает в надписях «вечный эль народа тюрков», т. е. созданная тюрками империя. Гарантом благополучия «вечного эля» был избранный Небом *каган*, а основным условием существования эля провозглашены верность кагану бегов и «всего народа».

Тюркский племенной союз (*тюрк кара камаг бодун*), состоявший из племен (*бод*) и родов (*огуш*), был политически организован в эль. Родоплеменная организация (*бодун*) и военно-административная организация (*эль*) взаимно дополняли друг друга, определяя плотность и прочность социальных связей. По терминологии одного из рунических памятников хан «держал эль и возглавлял бодун». Он осуществлял функции главы внутри своего собственного племенного союза (народа) по праву старшего в генеалогической иерархии и выступал в роли вождя, верховного судьи и верховного жреца. Вместе с тем, возглавляя эль, он выполнял функции военного руководителя, подчинявшего другие племена и страны, вынуждавшего их к уплате даней и податей.

В рунических памятниках имя кагана выступает как эпоним («в эле Бильге-кагана») и синоним («земля Капаган-кагана») названия государства. Ради «Тюркского эля» каган должен «приобретать (т. е. предпринимать завоевания) до полного изнеможения», ради народа тюрков он должен «не спать ночей, не сидеть без дела днем». Война и мир, битва и союз — все решается по воле кагана для благоденствия Тюркского эля. Военные и дипломатические прерогативы кагана абсолютны, но ими на исчерпываются все его функции. Надписи постоянно фиксируют конкретные действия кагана и тем определяют его место в системе управления. Так, каган: а) поселяет и переселяет побежденные племена, т. е. заново определяет их территорию; б) расселяет тюрков на завоеванной территории, распределяя земли между племенами; в) собирает, расселяет и «устраивает» тюрков в «стране Отюкен», т. е. на коренной территории народа тюрков; г) передает на определенных условиях часть земель в своей собственной стране каким-то группировкам иммигрантов (например, согдийцам и китайцам). Главным преступлением народа против кагана и «вечного эля» была провозглашена откочевка на другие земли, т. е. выход из-под каганской власти. Поэтому памятники полны предостережений и угроз против тех, кто замыслил откочевку, а к числу главных функций кагана отнесено «собирание» и «устроение» народа на подвластной кагану территории, т. е. создание политической организации, системы управления[14].

Каган опирался на племенную аристократию — бегов. Обращаясь с

надписями-манифестами к своим «слушателям» («слушайте хорошенько эту мою речь!» — требует Бильге-каган), тюркские каганы выделяют среди внимающих им два сословия — знать и народ. Стереотип обращения — *тюрк беглер бодун* «тюркские беги и народ». Наиболее резкое противопоставление знати и народа — в памятниках уйгурской эпохи: *атлыг* «именитые» и *игиль кара бодун* «простой народ». Беги были аристократией по крови, по праву происхождения из того рода, особый статус которого в делах правления считался неоспоримым, освященным традицией. Элитой аристократии по крови был в Тюркском эле род Ашина, в государстве уйгуров — род Яглакар. Вместе с несколькими другими знатными родами, иерархия которых была общеизвестна и общепризнанна, они составляли особое наиболее привилегированное сословие. Из них формировалась высшая имперская аристократия, правившая элем, — *айгучи* «советники», *апа таркан* «высшие командиры армии», девять «великих *буюруков*» (три «внешних» и шесть «внутренних»), составлявших верховную администрацию эля, другие военно-административные руководители государства[15].

Декларируемой обязанностью кагана и его окружения была забота о благосостоянии соплеменников. Во всех надписях каганов и их сподвижников настойчиво повторяется, что только каган с помощью своих родственников и свойственников способен «вскормить народ». В уцелевших фрагментах Бугутской надписи эта формула повторена трижды; про Мухан-кагана (553—572) сказано, что он «хорошо вскормил народ». Бильге-каган постоянно напоминает, что он «одел нагой народ», накормил «голодный народ», сделал богатым «бедный народ», благодаря ему «тюркский народ много приобрел», «ради тюркского народа» он и его младший брат Кюль-тегин «не сидели без дела днем и не спали ночью». Бильге Тоньюкук, айгучи трех каганов, напоминает о неустанных «приобретениях» ради тюркского народа осуществлявшихся Ильтериш-каганом и им самим, и сопровождает свои слова сентенцией: «Если бы у народа, имеющего кагана, тот оказался бы бездельником, то горе было бы у того народа!».

Несмотря на явное преобладание военных устремлений, в политических программах правителей Тюркского эля проглядываются и другие мотивы. Было и стремление к симбиотическим связям с иной цивилизацией и иными духовными ценностями, которыми она обладает. Уже четвертый тюркский каган, Таспар (572–581), свою главную заслугу видит в создании новой буддийской сангхи, т.е. в заимствовании и распространении буддизма в тюркской кочевой среде — вспомним санскритскую надпись на Бугутской стеле, начертанную, вероятно, индийским миссионером Чинагуптой. Десять лет Чинагупта и его ученики прожили при дворе Таспара, склонив его к принятию новой веры; но еще более, чем проповедь индийского монаха, Таспара побуждала к смене веры потребность в духовной связанности мировой империи, созданной дедом и отцом. Только жестокая междоусобная война и последующий распад единого эля остановили начавшуюся конверсию[16]. В двадцатые годы VIII в. после победоносной войны с Китаем, решившей проблему южных караванов, т.е. китайской платы за мир на северной границе, Бильге-каган (716–734) резко меняет политическую линию отца и дяди, Ильтериш-кагана (687–692) и Капаган-кагана (692–716). Он пишет в своей *apologia pro vita sua,* начертанной на посмертной стеле младшего брата: «Я связал свою жизнь и жизнь своего народа с народом табгач!». Внешним выражением смены курса Бильге избрал смену веры — он решил провозгласить государственной религией столь популярный тогда в Китае буддизм. Китаефильская политика встретила столь жестокое сопротивление элиты каганата, что Бильге вынужден был отказаться от своей идеи.

Минуло сорок лет, тюркскую династию уже сменила в ставке на Орхоне уйгурская династия, ее основатель Элетмиш Бильге-каган (747–759) избирает новое направление имперской экспансии — оазисные царства Восточного Туркестана[17]. И сын Элитмиша, Бёгю-каган (759–779) обращает свой народ в манихейство. Он не скрывает, что новый акт выбора веры свершен им в результате соглашения с городами- государствами Таримского бассейна, где влияние и власть были в руках согдийских манихейских конгрегаций.

Опыт заимствования и распространения чужой веры не был единственным путем создания общеимперской идеологии. Исследования последних лет именно в религиозно-мифологическом слое древнетюркской культуры выявили системные совпадения в столь отдаленных друг от друга регионах, как Северная Монголия, Кавказ и Дунайская Мадара[18].

Одна из надписей Мадарского святилища упоминает верховного бога праболгар, которого «хан и полководец» Омуртаг почтил жертвоприношениями. Имя бога — Тангра. Оно сразу вводит исследователя в мир древнейшей религии центральноазиатских кочевников, в мир орхонских тюрков. Но все же терминологического совпадения в имени верховного божества праболгар и древних тюрков недостаточно для более определенных выводов о степени их близости. Праболгарский пантеон из-за крайней скудости сведений о самих дунайских болгарах времен Первого Болгарского царства остается невыявленным и это обстоятельство заставляет обратиться к племенам праболгарского круга. Неожиданные и яркие сведения такого рода содержит источник, далекий от Дуная и Центральной Азии. В «Истории албан» Моисея Каланкатуйского (X в.) содержится текст «Жития епископа Исраэля», главы албанской христианской миссии, которая посетила в 682 г. «страну гуннов» в предгорной долине Дагестана. Здесь еще в VI в. группа тюркоязычных гунно-болгарских племен создала жизнестойкое государственное объединение, которое в VII в. Ананий Ширакаци именовал «царством гуннов». Автор «Жития», албанский клирик, не поскупился на яркие характеристики «дьявольских заблуждений и скверных дел» идолопоклонников, погруженных, как он пишет, «в языческую грязную религию». Именно из этих разоблачений становятся известны ценнейшие реалии, дающие представление о пантеоне, обрядах и обычаях праболгарских племен. Высшее божество пантеона — Тенгри-хан. Среди других — божество Земли-Воды (орхонское *Йер-Суб*), женское божество плодородия, которое албанский клирик, не чуждый классической образованности, называет Афродитой (орхонская *Умай*) «некие боги путей» (древнетюркские *Йол-тенгри*). Как очевидно, гунно-болгарский пантеон VII в. детально совпадает с пантеоном рунических текстов Монголии и Восточного Туркестана. Учитывая несомненное тождество гунно-болгарского и древнетюркского пантеонов и время миграции праболгарских племен (племенной суперсоюз *огуров*), оставивших свою центральноазиатскую прародину не позднее V в., возможно полагать, что та сложная религиозно-мифологическая система, которую мы называем «древнетюркской», сформировалась еще до середины I тыс. н.э. Но в эпоху существования Тюркского каганата эта система пережила существенную трансформацию — возникает политиризованный общеимперский культ каганской четы, «рожденной на Небе и поставленной Небом», культ кагана и его старшей жены, катун, ставшими земной ипостасью четы небесной — Тенгри и Умай, покровительствующей династии. И наряду со «священной пещерой предков», с ее ежегодными ритуалами и жертвоприношениями, появляются храмы каганов-предшественников, главным из которых в VI в. был храм основателя империи — Бумына. Именно после

моления в этом храме и «совета» с духом обожествленного кагана-предка Таспар, как о том упоминает Бугутская надпись, принимал важнейшие государственные решения и объявлял их как волю кагана-основателя.

Таким образом, рассмотрение свидетельств рунических памятников и сообщений иных источников позволило обратиться к проблеме сложения социально-культурных и идеологических представлений, существовавших накануне появления древнетюркской государственности внутри и за пределами центральноазиатской ойкумены. С рождением Тюркского эля унаследованная традиционная культура приобрела новые формы, в рамках которых появились качественно иные формы бытия и новые коммуникативные средства — седентеризация и урбанизация части населения, строительство городов в местах степных княжеских ставок, религиозные искания и, вершина достигнутого, — письменность, прошедшая путь от камнеписных стел до рукописей на бумаге, письменность, породившая в VIII—XIII вв. богатую и разнообразную литературную традицию. Все это позволяет охарактеризовать древнетюркскую цивилизацию Центральной Азии как систему, включавшую в себя наряду с архаичными и консервативными прогрессирующие и подвижные структуры, определившие сравнительно высокий, хотя и кратковременный, динамизм ее развития. Эта цивилизация была неотделима или, во всяком случае, генетически связана с Тюркским элем — первой евразийской империей, созданной кочевыми племенами Центральной Азии.

Литература

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитающих в Средней Азии в древние времена. Т. I. М; Л.: Изд-во «Наука», 1950.

Васютин С.А. Лики власти (к вопросу о природе власти в кочевых империях) // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ, 2005.

Ди Космо Н. Образование государства и периодизация истории Внутренней Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ, 2008.

Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского гос. университета, 2003.

Кляшторный С.Г. «Народ Аспаруха», гунны Кавказа и древнетюркский Олимп // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. Памяти члена-корреспондента РАН А.П. Новосельцева. М., 2000.

Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской рунической письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.

Кляшторный С.Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Пазырыкская узда. К предыстории гунно-юэчжийских войн // Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.

Крадин Н.Н. Империя Хунну, 2-е изд. М.: Изд. «Логос», 2002.

Крюков М.В. Восточный Туркестан в III в. до н. э. – VI в. н. э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. Под ред. С.Л. Тихвинского и Б.А. Литвинского. М., 1988.

Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Изд. «Восточная литература», 1997.

Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М.: Изд. «Наука», 1968.

Barfield T.J. The Perilous Frontier. Nomadic empires and China. Cambridge. Mass., 1992. Blackwell Publishers.

Di Cosmo N. Ancient China and its enemies. The rise of nomadic power in East Asian history. Cambridge University Press, 2002.

Fletcher J. The Mongolic ecological and social perspectives // Harvard Journal of Asiatic Studies. T. 46. 1986, № 1

Grousset R. L'empire des Steppes. Paris, 1939.

Janse O. L'empire des steppes et les relations entre l'Europe et l'Extrême-Orient dans l'Antiquit // Revue des Arts Asiatiques. Paris, 1935.

Klyashtornyj S.G. Customary Law in ancient Turkic states of Central Asia: the legal documents and practical regulations // Central Asian Law an Historical Overview. Topeka, University of Kansas, 2004.

Klyashtornyj S.G., Livshic V.A. The Sogdian inscription of Bugut revised // Acta Orientalia Hungarica. T. XXVI. 1972. Fasc. 1.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Janse O.* L'empire des Steppes et les relations entre l'Europe et l'Extrême-Orient dans l'Antiquité // Revue des Arts Asiatiques. Paris, 1935; Grousset R. L'empire des Steppes. Paris, 1939.

[2] Ср.: *Ди Космо Н.* Образование государства и периодизация истории Внутренней Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. – Улан-Удэ, 2008. – С. 188–208.

[3] *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1968. С. 39.

[4] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитающих в Средней Азии в древние времена. Том I. – М.– Л., 1950. – С. 142–143.

[5] *Таскин В.С.* Указ. соч. – С. 123.

[6] Там же.

[7] Цит. по: *Крюков М.В.* Восточный Туркестан в III в. до н. э. – VI в. н. э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории / Под ред. С.Л. Тихвинского и Б.А. Литвинского. – М., 1988. – С. 237.

[8] Подробнее см.: *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Пазырыкская узда. К предыстории гунно-юэчжийских войн // Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб., 2006. – С. 367–382.

[9] О ранних этапах формирования империи гуннов и их общественной и политической структуре см.: *Di Cosmo N.* Ancient China and its enemies. The rise of nomadic power in East Asian history. Cambridge University Press, 2002. P. 161–205; *Крадин Н.Н.* Империя Хунну. 2-е изд. – М., 2002. – С. 95–170.

[10] *Barfield T.J.* The perilous frontier. Nomadic empires and China. – Cambridge Mass., 1992. – P. 32–45.

[11] *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М., 1997. – С. 3, 6–37.

[12] *Васютин С.А.* Лики власти (к вопросу о природе власти в кочевых империях) // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. – Улан-Удэ, 2005. – С. 59.

[13] *Fletcher J.* The Mongolic ecological and social perspectives // Harvard Journal of Asiatic Studies. – T. 46. – 1986. – № 1. – P. 21.

[14] *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб., 2003. – С. 460 – 489.

[15] *Кляшторный С.Г.* Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 217–228; *Klyashtornyj S.G.* Customary Law in ancient Turkic states of Central Asia: the legal documents and practical regulations // Central Asian Law an Historical Overview. Topeka, University of Kansas. – 2004. – P. 13–39.

[16] *Klyashtornyj S.G., Livshic V.A.* The Sogdian inscription of Bugut revised // Acta Orientalia Hungarica. – T. XXVI. – 1972. – Fasc. 1. – P. 69–102.

[17] Подробнее см.: *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской рунической письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб., 2006. – С. 309–319.

[18] Последний сюжет подробнее рассмотрен мною в статье: *Кляшторный С.Г.* «Народ Аспаруха», гунны Кавказа и древнетюркский Олимп // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. Памяти члена-корреспондента РАН А.П. Новосельцева. – М., 2000. – С. 120–125.

Аннотация

В V–III вв. до н. э. в Центральной Азии впервые возник особый тип этнополитических формирований, надолго определивший характер политогенеза во всей горно-степной зоне евразийского пространства и существенным образом воздействовавший на политические, социальные и культурные процессы во всей остальной Евразии.

В рамках этих этнополитических формирований, не вполне адекватно именуемых «кочевыми государствами», впервые обозначились мощные тенденции к интеграции, поразному проявившие себя в различных сегментах степной Евразии. Там сложились характерные стереотипы взаимоотношений с миром оседлых земледельческих культур и государств, просуществовавшие около двух тысячелетий. Несколько условно возможно выделить три группы разных этнополитических формирований, в дальнейшем называемых мною «степными империями».

Ключевые слова: степная Евразия, политогенез, государство гуннов, Тюркский каганат, раннее государство, степная империя, тюркская руника.

Summary

A particular type of ethnopolitical formations emerged in Inner Asia in the V-III centuries B.C. which was to determine the form of politogenesis throughout the whole mountain and steppe zone of Eurasian Space and to have essential influence upon the political, social and cultural processes in the rest of Eurasia for a long time. In the context of these ethnopolitical formations, which are not adequately enough referred to as «nomadic states», some strong tendencies towards political integration became visible. These tendencies later developed in the diverse segments of steppe Eurasia. There appeared distinctive stereotypes of interrelations with the world of sedentary and agricultural societies and states, which existed for almost two thousand years. Three groups of these early ethnopolitical formations (the so-called «steppe empires») can be distinguished with a certain degree of probability. The earliest and the least examined was the Yueh-chih («Tocharian») Empire (V-III B.C.) Its political successor, which assimilated many structural peculiarities of the Tocharian Empire, became the steppe empire of Hsiung-nu (Asiatic Huns) (III B.C. – III A.D.).

Keywords: steppe Eurasia, politogenesis, Hsiung-nu state, Turkic kaghanate, early state, steppe empire, Turkic runes.

УДК 314 (091)

ПОЛИТИКА ТАССР «ПО СЛИЯНИЮ КРЯШЕН С ОСНОВНОЙ МАССОЙ ТАТАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ» в 1920-е гг. (по материалам периодической печати)

***Л.А. Мухамадеева**, кандидат исторических наук*

«Историк обязан передать события и факты независимо от того, добрые они или недобрые...».

Ш. Марджани

Изучение истории кряшен на сегодняшний день в большей степени остается подверженным научным стереотипам советского периода. Вместе с тем развитие самосознания кряшенского населения, их самостоятельные попытки найти свое место в истории требуют по-новому взглянуть на это явление. При этом необходимо уделять внимание не только вопросам их появления или культуры, но и другим проблемным, неизученным моментам их жизнедеятельности. В этом плане особый интерес вызывают 1920-е гг., когда после свержения царизма произошла небывалая общественно-политическая активизация кряшен.

Революционные события 1917 г. дали небывалый толчок консолидации и движению кряшен на территории Казанской губернии. Крещено-татарские школы, действовавшие и до революции, продолжали работать также успешно, а Центральная крещено-татарская школа, расположенная на Арском поле Казани (рядом с Ветеринарным институтом) в 1918 г. была переименована в Крещено-татарскую учительскую семинарию. Образовано было общество «Кряшен», члены которого, по мере возможности, решали «кряшенский» вопрос. В городах и селах губернии организовывались собрания и сходы кряшенского населения. В июне 1918 г. в Казани созывался всероссийский съезд кряшен, который по причине малочисленности делегированных представителей был признан совещанием. С 1919 по 1922 гг. при подотделе кряшен Казанского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов издается кряшенская газета «Кызыл алям» («Красное знамя»).

В 1920-е гг. кряшенское движение только укреплялось, кряшенский компонент появился и в государственных органах и учреждениях. При Народном комиссариате по делам национальностей был учрежден кряшенский отдел, открыт Кряшенский педагогический техникум, где также работали кряшенские курсы. Общественное движение кряшен нарастало. В те годы в Казани созывалась конференция кряшенской молодежи, в Челнинском кантоне конференция беспартийных кряшен и т.д.

Несмотря на это, определенную часть кряшенских активистов не устраивало такое положение дел, появились радикалы, выдвигающие лозунг «кряшены – отдельная нация».

Организованный в 1919 г. в Казани при губернском отделе национальностей подотдел кряшен, превращенный в феврале 1920 г. во всероссийский кряшенский отдел, с самого начала встает на путь обособления кряшен.

В 1920 г. в Казани проходит всероссийский съезд кряшен. Участники данного съезда, разделившиеся на два лагеря: сторонников культурно-политической автономии и сторонников сближения с татарами – так и не пришли к единому мнению.

В итоге областная конференция коммунистов-кряшен, прошедшая 19 марта 1921 г., высказалась против культурно-национальной автономии, как противоречащей программе Российской Коммунистической партии.

Подотдел кряшен, реорганизованный в кряшенскую коллегию, проводит сначала прежнюю линию за культурно-национальную автономию и с 1922 г., «видя неуспех этой идеи, переходит в другую крайность, выдвигая вопрос о механическом слиянии кряшен с татарами (путем слияния школ, объединения газет и т.д.)»[1].

В 1922 г. вопрос всесторонне изучался специальной комиссией, созданной Областкомом. Эта комиссия пришла к следующим выводам:

– принципиально слияние кряшен с татарами возможно, но оно не может быть проведено механически, путем постановлений;

– для безболезненного слияния необходимо начать подготовку в широких слоях кряшенского населения и переломить психологию трудовой кряшенской интеллигенции, обезвредив ее от влияния черносотенных идей и т.д.

Кряшенская секция при Областном комитете сплачивает коммунистов и комсомольцев-кряшен вокруг практических вопросов работы.

С момента этого решения можно считать, что официальными властями был взят курс, твердо определяющий, что кряшены – не отдельная нация[2].

С 1922 по 1929 гг. выходит еженедельная газета «Киняш» («Совет») – орган кряшенской секции Татарского обкома Всероссийской Коммунистической партии (большевиков), которая также поддерживала политику правительства по слиянию кряшен с основной массой татарского населения.

В декабре 1922 г. состоялся 3-й съезд Советов ТАССР. В рамках съезда 10 декабря было устроено совещание делегатов с участием администрации Кряшенского педагогического техникума. С докладом о работе среди кряшен с первых дней революции выступил Н.В. Петров. После обсуждения доклада и выступлений с мест, совещанием делегатов 3-го съезда Советов ТАССР и активных работников-кряшен участники совещания вынесли резолюцию. Совещание выражало полное удовлетворение работой кряшенских организаций – кряшкомсекцией, кряшенского педагогического техникума, кряшенского детдома. Как отмечено в резолюции, направление, взятое кряшенской секцией Областного комитета Российской Коммунистической партии (большевиков) (ОКА РКИ (б)), рассматривающее кряшен как обособленную, в силу исторических и бытовых условий, группу татар, признать правильным; характер работ, ведущихся среди кряшен, «удовлетворяющим чаяний трудовых кряшенских масс»[3].

Вместе с тем совещание констатировало наличие «провокации со стороны кряшенского духовенства, консервативной части интеллигенции, а также заблуждение определенных лиц, которые стояли в свое время за закрытие кряшенских организаций». В этом совещание усматривало «натравливание кряшен против коммунистической партии и Советской власти, желание оставить кряшен в темноте и заблуждении и поддержание в них через это вражды к мусульманскому населению»[4].

В связи с этим совещание обратилось ко всем партийным и советским органам и работникам с просьбой о всемерной поддержке и укреплении кряшенских организаций, которые имеют своей целью подготовку кряшенских масс к культурному сотрудничеству с общетатарской массой, уничтожающих существующий антагонизм между кряшенами и татарами на почве религиозных предрассудков. В деле устранения

антагонизма между кряшенами и татарами предполагалось использовать и усилия женской половины кряшен и татар. Совещание обратилось ко всем работникам из кряшен теснее сплотиться вокруг кряшкомсекции в приложении всех усилий для достижения поставленных ею задач[5].

В том же, 1922 г., правительство берет курс на реализацию татарского языка, затрагивающий все национальности республики. Из главнейших задач на данном пути лежали: приближение к татарским массам культурно-экономических пунктов данной реализации, подготовка новых кадров татар во всех областях советского строительства, владение татарским языком работниками учреждений, прием в различные учебные заведения преимущественно из татарской молодежи и т.д.

Курсы, организованные Центральной комиссией по реализации татарского языка при Центральном исполнительном комитете ТАССР, были открыты в октябре 1923 г. На них принимались мужчины и женщины старше 18 лет, курсанты на время учебы получали квартиру, стол, учебники и учебные пособия[6]. Это, как отмечала газета «Красная Татария», являлось одним из успехов программы по реализации татарского языка.

В республике с 1923 г. татарский язык вводился в учебные планы школ.

17 февраля 1923 г. в помещении Кряшенского педагогического техникума состоялась конференция учащихся Чувашского и Кряшенского педтехникумов. На конференции присутствовало более 100 человек, вступительное слово произнес Мухин. Из докладов представителей от учащихся выяснилось, что в Кряшенском педагогическом техникуме в 4-х группах состоит 79 слушателей и на курсах по реализации татарского языка 40 человек (всего 119 человек).

5 июля того же года в Казани открылись курсы по переподготовке учителей-кряшен. К 10 июля на курсы, рассчитанные на полтора-два месяца, приехало около 100 человек, но ожидалось увеличение числа курсистов, т.к. учителя продолжали выезжать с мест. В программу курсов ввели новые предметы: изучение татарской письменности, вопросы психологии и патологии детского возраста.

На открытии курсов собравшихся приветствовали: от Татарского центрального исполнительного комитета – Н.В. Петров, от Областного комитета – Н.С. Соловьев. После приветствий Петров сделал сообщение о значении реализации татарского языка и о задачах учителей-кряшен. Докладчик подробно осветил историю кряшен, обосновав неверность наименования их отдельной нацией. Остановился на фактах культурно-бытового гнета царского правительства в отношении кряшен и выявил необходимость перехода кряшен к татарскому языку и татарской письменности, как к предметам, близким для кряшен[7].

К сентябрю 1923 г. закончились занятия на педагогическом цикле курсов по реализации татарского языка. По кантонам разъехались 92 человека шкрабов-кряшен, готовых осенью приступить к занятиям по реализации татарского языка в школах крещенных татар. Из общего количества рабочих часов на изучение татарского языка было отведено 85 часов (32%). Ввиду новизны дела, много времени было уделено разработке вопроса методов преподавания татарского языка в кряшенских школах[8].

В мае 1924 г. при Кряшенском педагогическом техникуме и курсах по реализации татарского языка также открылись двухмесячные курсы по переподготовке школьных работников-кряшен с уклоном в сторону реализации татарского языка. Курсы были рассчитаны на 100 мест, на которые съехались 120 человек. Как выяснилось из анкет и бесед, приехавшие школьные работники больше всего интересовались реализацией татарского языка, расширением и углублением политических знаний и методами занятий по этим отраслям. Во многих кряшенских школах уже при-

ступили к изучению татарского языка и письменности. Практически все школы были обеспечены земельными участками от 300 квадратных саженей до 3-х десятин, которые обрабатывались населением, а в некоторых школах детьми под руководством учителей.

Одновременно с пополнением рядов культурных работников в татарских и кряшенских деревнях шла подготовка работников кооперации. 31 мая состоялось торжественное чествование выпускников кооперативных курсов, во время которого их приветствовали правительство Татарии и местные деятели кооперации.

На курсах занималось 20 человек, командированных кантонными комиссиями по реализации татарского языка. В подавляющем большинстве (18 человек) они являлись крестьянами. Курсанты подразделялись на татар (14 человек) и кряшен (6 человек); 18 мужчин и 2 женщины; по партийной принадлежности: коммунистов – 3, комсомольцев – 4, остальные – беспартийные.

Большинство курсантов были учителями. Им предлагались лекции по всем видам кооперации, по бухгалтерии, счетоводству, политической экономии и другим общественным наукам, по коммерческой арифметике, русскому и татарскому языкам и ряду других предметов. Курсанты пользовались бесплатным общежитием и столом, в последние месяцы получали денежное довольствие. Все 20 человек окончили курсы, 12 – со званием «инструкторов», 6 – «счетоводов», 2 – без обозначения специальности[9].

Как сообщала «Красная Татария» в начале июля на очередных летних курсах для прибывших из кантонов учителей читались лекции. Курсы состояли из трех секторов: для татар (150 человек), русских (95 человек) и национальных меньшинств (38 человек, среди которых – кряшены). Женщины составляли 25% курсантов. Учитывая разный состав учителей, по степени знаний, курсантов поделили на четыре группы. Молодежь составляла большинство курсантов.

Организаторы курсов надеялись, что при умелом руководстве и помощи в самообразовании можно поднять научно-педагогический уровень собравшихся, подготовить из них годных и полезных работников. Также большое количество лекций, поднятие самообразования позволяли от курсантов в целом ждать положительных результатов[10].

В июле 1924 г. состоялся Пленум Областного комитета Российского комитета партии (большевиков), на котором был заслушан доклад Н.С. Соловьева, посвященный национальным меньшинствам республики. Отдельный пункт касался работе среди кряшен.

По мнению Соловьева, работа среди крещеных татар должна быть направлена на подготовку условий к их ассимиляции с общетатарской массой, являющейся кратчайшим путем в деле культурного и экономического развития этой группы татарского населения. К этим условиям отнесены: «1) устранение антагонизма среди татар-христиан и татар-магометан, возникшего и внедренного веками на религиозной почве; 2) реализация татарской письменности как основного условия для культурного развития совместно с общетатарской массой; 3) освобождение крещеных татар из-под влияния клерикально-миссионерских элементов, путем широкой антирелигиозной пропаганды как против христианства, так и против магометанства»[11].

Секционный метод работы был признан докладчиком единственно правильным для деятельности среди крещеных татар. Принимая во внимание невозможность обслуживания крещеных татар литературой как татарской, так и русской, решено было принять меры к регулярному выпуску газеты «Киняш» на татарском языке со знакомым кряшенам кириллическим шрифтом[12].

В первой половине августа 1924 г. закончились курсы по переподготовке школьных работников-кряшен. Кур-

сы прошли 143 школьных работника, из которых 68 женщин. Наряду с общеобразовательными и педагогическим предметами в программу курсов был включен ряд новых для сельских учителей предметов. При курсах организованы кружки: политической грамоты, педагогический, женский, ленинизма, антирелигиозный, драматический и другие. В общей сложности, за время пребывания на курсах собравшиеся работали по 10 часов в день. В результате все курсанты получили достаточную подготовку для преподавания татарского языка в кряшенских школах первой степени.

При завершении занятий на курсах было проведено несколько конференций по интересующим курсантов вопросам. Особенно курсанты интересовались вопросом о постановке преподавания русского языка в кряшенских школах, в связи с переходом на татарский язык. Остававшаяся непонятной и волновавшая большинство учителей-кряшен история обособления кряшен от татар была освещена на общих собраниях, после которых представители учительства пришли к заключению, что объединение кряшен с основной татарской массой является единственно верным путем культурного и экономического развития кряшен.

В связи с реализацией в республике татарского языка на местах в 1924 г. был поднят вопрос возвращения населенным пунктам, где проживали крещеные татары, их исконных названий. Отмечалось, что в свое время переименования деревень с инородного на русский язык происходило с целью обрусения и навязывания православия местным нерусским народам, в том числе и кряшенам. Таких сел и деревень в Татарской Республике было много. В Мамадышском кантоне, например, деревни с чисто татарским названием имели официальные названия «Никифоровка», «Старая Максимовка», «Новая Максимовка» и т.п. Вместе с тем среди кряшенского населения, в неофициальных разговорах, сохранялись и старые их наименования, т.е. фактически деревни имели два названия – одно в государственном делопроизводстве, другое – в обиходе самих сельских жителей. В кантонные исполкомы потянулись ходоки, выражающие общественное мнение с желанием уничтожить царские названия кряшенских деревень[13].

В рамках деятельности по антирелигиозной пропаганде в периодической печати шло освещение истории насильственной христианизации народов Среднего Поволжья и попыток возвращения их в свою религию. В те дни на страницах местных газет М.Корбут, например, писал, что крещеные татары, чуваши, черемисы и вотяки многие десятилетия посещали еженедельные базары с основной мыслью и желанием – как и когда можно избавиться от «русской веры». Многие принимали крещение лишь для того, чтобы избавиться от рекрутчины. Но в последнее столетие их волновала возможность официального возвращения к религии предков. «Ибо крещеные, – писал Корбут, – например, татары, уже неофициально давно поснимали с себя кресты, иконы из передних углов, начали брить головы и носить тюбетейки. А вот официально-то и архиерей с губернатором Казани, и поп с приставом и со стражниками, считали их в своих списках православными». Всех активистов и подбивавших на то, чтобы подавать челобитные о разрешении им перейти к вероисповеданию предков (чувашам, черемисам и др. – в язычество, татарам – в мусульманство) духовные и светские власти жестоко наказывали. Этих людей арестовывали, пытали, морили в тюрьмах, выселяли в далекие края[14]. Остальные статьи были примерно такого же содержания.

19 февраля 1927 г. исполнилось 5 лет существования Кряшенского педагогического техникума. К тому времени в техникуме обучалось 193 человека, из которых 156 кряшен, 9 татар, и 27 русских (принимались только лица, владеющие татарским языком) и

1 нацмен. По социальному составу учащиеся на 90% были из крестьян; партийный состав: 112 комсомольцев, 56 пионеров.

Этот педагогический техникум являлся единственным учебным заведением для кряшенского населения ТАССР, которого по республике насчитывалось к тому времени более 100 тысяч. Сложность стоящих перед техникумом задач определялась тем, что он, являясь единственным учебным заведением кряшен, должен был одновременно готовить работников как по педагогической, так и по общественно-политической линии, кадров, серьезно разбирающихся в партийной и национальной политике, работе в деревенских условиях.

По утверждению газеты «Красная Татария», основная задача педагогического техникума сводилась к сближению кряшен с татарами, которая проводилась путем реализации татарской письменности среди кряшен. Эта работа была сопряжена с большими трудностями, требовала наибольшей гибкости и осторожности. Вместе с тем эту задачу техникум решал неплохо, закончившие его специалисты часто становились деятельными проводниками политики сближения кряшен с татарами. Все выпускники работали в пределах ТАССР[15].

Как уже говорилось, вопрос слияния кряшен с общей татарской массой был четко поставлен еще в 1922 г. Как констатировали источники массовой информации тех лет, в течение 5–6 лет после этого кряшенское население в данном деле достигло значительных успехов. Учительство в своем большинстве усвоило татарский алфавит, что дало возможность обучать кряшенскую молодежь татарской письменности и создать слой учащихся-кряшен в татарских школах повышенного типа. Служащие из кряшен, также в своем большинстве, в сравнительно короткий срок ликвидировали неграмотность, используя татарский алфавит; в деревнях создался слой активистов, читающих татарскую литературу.

Однако основная кряшенская масса старый татарский (арабский) алфавит не усвоила. Причинами этого назывались такие отталкивающие факторы, как сложность этого алфавита, его чрезвычайная отсталость в техническом отношении и «религиозное происхождение». Кряшены с болезненной чувствительностью воспринимали агитацию за арабский алфавит и долгое время не могли смириться с необходимостью его изучения.

В результате в апреле 1926 г. возникает общество «Яналиф» («Новый алфавит»), выступающее за перевод татарской письменности на латинскую графику. С 1927 г. яналиф становится официальным алфавитом татарского языка.

Кряшены, проявлявшие активность не только в Казани, в мае 1927 года проводят конференцию беспартийных кряшен в селе Бурда Челнинского кантона. На повестке дня стояли вопросы, связанные с политикой партии среди крестьянства, и политико-просветительская работа среди женщин. В одном из пунктов резолюции конференции отмечено желание крещеных татар перейти на латинизированный шрифт (яналиф). Высказано пожелание об увеличении формата и тиража газеты «Киняш» и отмечена недостаточность сети изб-читален[16].

В итоге движение за переход на латинский алфавит и скорое разрешение вопроса в пользу яналифа заметно ускоряло приобщение кряшен к татарской культуре, т.к. техническое совершенство латинского алфавита и его несвязанность с религиозным учением создали явно благоприятные условия для разрешения кряшенского вопроса. Кряшены получили возможность вместе со всем татарским населением изучать яналиф и вместе пользоваться новой татарской литературой, напечатанной на яналифе. Через татарскую литературу открывалась перспек-

тива воспитания кряшен вместе с татарской массой «в интернациональном духе»[17].

Разрешение вопроса в такой плоскости, разумеется, обусловливало окончательное аннулирование и кряшенской письменности. Как известно, письменность крещеных татар (письменность миссионера Н.И. Ильминского) была создана в целях внедрения среди кряшенского населения православия, для русификации кряшен. Отныне ставилось непреодолимое препятствие для существования газет и печатания книг для кряшен на привычной им кириллице. Прекращалось издание книг с использованием письменности Ильминского, а с начала 1930 года кряшенская газета «Киняш» «сливалась» с другими татарскими газетами.

Перспектива окончательного слияния кряшен с основной массой татарского населения не снимала на тот период кряшенский вопрос. Напротив, возлагала на все партийные, советские и другие организации очень большие задачи в этом направлении. Как отмечал Г.Беляев в 1929 г., «в работе среди кряшен было необходимо изначально иметь в виду их обособленность от остального татарского населения; обособленность быта, долгое нахождение их между двумя культурами и наличие в некоторых ситуациях религиозного фанатизма (христианства) и русофильства, также основанного на религиозной почве»[18].

В конце 20-х гг. XX в. задачи социалистической реконструкции сельского хозяйства непосредственно связывали с вопросом поднятия культурного уровня широких крестьянских масс. Было признано, что без овладения грамотой, новой техникой, поднять сельское хозяйство на новый уровень невозможно. В условиях Татарской Республики это дело считалось имеющим еще большее значение. В связи с практическим разрешением вопроса в целом в ТАССР был поставлен вопрос политико-просветительной и культурной работы среди кряшенского населения, т.к. проблема была признана острой.

Отмечалось, что перед кряшенским населением, в продолжении столетий оторванным от своей национальной культуры стоят крупнейшие задачи в области освоения и восприятия культуры татарской, на основе сближения и слияния кряшен с основным татарским населением и, наконец, полное искоренение искусственно созданной обособленности между кряшенами и татарами. Первым практическим разрешением этих вопросов признано изучение кряшенским населением татарского алфавита, что само по себе означало приближение кряшен к татарской культуре и поднятие их культурного уровня, что в дальнейшем обусловливало неотставание крещеных татар от общего роста страны.

Проблема изжития обособленности кряшен, окончательное их воссоединение с татарами требовала значительного внимания к себе и со стороны средств массовой информации. На газеты и журналы возлагалась особая роль в популяризации взаимоуважения этих двух групп населения. Всякая татарская газета и журнал должны были дойти до каждой кряшенской деревни и найти своего читателя. Найти читателя в данном случае, можно было, лишь проводя усиленную работу по внедрению яналифа. Была поставлена задача, чтобы к концу 1929 года не осталось неграмотного на яналифе ни одного крещеного татарина. Еще одним важным вопросом была организация среди кряшен движения сельских корреспондентов. Газета «Киняш» к тому моменту имела довольно значительное количество селькоров. Задачей татарских газет ставилось привлечение их к себе, влить в общую армию селькоров, грамотно построить их работу и руководить ими[19].

Таким образом, можно констатировать, что официальные власти ТАССР последовательно и четко проводили политику слияния кряшен с татарами. В ходе проведенных мероприятий, ука-

занных выше, у основной части кряшенского населения наметилось заметное изменение сознания в сторону консолидации с татарами: «большинство кряшенского учительства отказалось от своих прежних взглядов, в психологии трудовых кряшенских масс создан известный перелом за сближение с татарскими массами»[20]. На наш взгляд, важнейшую роль в этом сыграли политика реализации татарского языка и переход республики на использование латинского шрифта. В итоге мы знаем, чем все это закончилось. В годы сталинских репрессий 30-х гг., во время очередной переписи населения, кряшены были переписаны татарами.

Данная статья была подготовлена на основе материалов средств массовой печати и отражает общественное мнение того времени. Это было сделано сознательно, в целях сведения к минимуму искажение истории кряшен того времени и субъективной оценки. Актуальность проблемы проверена временем: как и в 1920-е гг., кряшены сегодня представляют конкретное общественно-политическое течение в республике и являются носителями особой культуры. Однозначные, однобокие мнения и суждения некоторых исследователей в данном вопросе могут привести только к неправильной трактовке фактов и событий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Красная Татария. – № 274 (2351). – 1925. – 4 декабря.
[2] Там же.
[3] *Кальченко В.* Среди кряшен // Известия ТатЦИК. – 1922. – № 289 (884). – 17 декабря.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Красная Татария. – 1924. – № 111. – 14 сентября.
[7] Курсы по переподготовке учителей кряшен // Известия ТатЦИК. – 1923. – № 149 (244). – 10 июля.
[8] Известия ТатЦИК. – 1923. – № 197 (292). – 6 сентября.
[9] Красная Татария. – 1924. – № 27. – 5 июня.
[10] Красная Татария. – 1924. – № 49. – 4 июля.
[11] *Соловьев Н.С.* Доклад // Красная Татария. – 1924. – № 57. – 13 июля.
[12] Там же.
[13] Красная Татария. – 1924. – № 77. – 6 августа.
[14] Красная Татария. – 1924. – № 49. – 4 июля.
[15] Красная Татария. – 1927. – № 42 (2715). – 20 февраля.
[16] Красная Татария. – 1927. – № 120 (2793). – 28 мая.
[17] *Беляев Г.* Кряшены сдают в архив письменность Ильминского // Красная Татария. – 1929. – № 290 (3567). – 20 декабря.
[18] Там же.
[19] *Беляев Г.* Кряшены сдают в архив письменность Ильминского // Красная Татария. – 1929. – № 290 (3567). – 20 декабря.
[20] Красная Татария. – № 274 (2351). – 1925. – 4 декабря.

Аннотация

Статья посвящена малоизученной теме – истории кряшен 1920-х годов. Анализируется деятельность кряшенских организаций (в том числе представленных в государственных органах), образовательных учреждений, печатных органов и т.д. и их видение решения «кряшенского вопроса». Показаны роль и усилия официальных властей республики в устранении антагонизма между татарами-мусульманами и татарами-христианами, реализации среди кряшен татарского языка и письменности. В целом автор по материалам периодической печати восстановливает хронологию событий того периода, касающуюся политики ТАССР по отношению к «кряшенскому вопросу».

Ключевые слова: кряшены, крещеные татары, кряшенский вопрос, Кряшенский педагогический техникум, «Киняш», «Кызыл Алям», «Красная Татария», «Известия ТатЦИК», Н.В. Петров, Н.С. Соловьев, Мухин, Г.Беляев, М.Корбут, Н.И. Ильминский, «Яналиф».

Summary

The article is devoted to the little-known subject – the history of Kryashens of the 1920s. The activity Kryashen organizations (including those represented in government agencies), educational institutions, publications and etc. and their vision of solving the «Kryashen issue» are analyzed in the article. The role and efforts of the authorities of the republic in the elimination of the antagonism between Tatars-Muslims and Tatars-Christians, the implementation of the Tatar language and literature among Kryashens are shown. In general, the author based on the periodical press regains a chronology of the events of the period related to the policy of Tatarstan in relation to «Kryashen issue».

Keywords: Kryashens, baptized Tatars, Kryashen question, Kryashen Teachers College, «Kinyash», «Kizil Alam», «Red Tartary», «Proceedings of the TatTsIK», N.V. Petrov, N.S. Soloviev, Mukhin, G.Belyaev, M.Korbut, N.I. Ilminsky, «Yanalif».

УДК 342(4/9)

ТЮРКСКОЕ ОБЫЧНОЕ ПРАВО В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

***А.Р. Мухамадеев**, кандидат исторических наук*

О состоянии права в Волжской Болгарии историки упоминают лишь короткими фразами о применении норм обычного права языческими булгарами и наличии мусульманских судей, после принятия ислама. Описание правовых взаимоотношений (семейных, наследственных, налоговых, уголовно-правовых и т.д.) среди волжских болгар ограничивалось емкими высказываниями из свидетельств арабских авторов. В исторической литературе, как правило, об этом говорилось лишь общими фразами. Например, констатировалось что «в Булгарии были не только богословы, но и юристы, историки, философы, медики»[1]. Касаясь государственного и социально-политического устройства Волжской Болгарии, исследователи приходили к выводу, что крупные феодалы имели поместья, укрепленные замки и дружины. Они осуществляли свою власть через государственный аппарат, ведавший казной, сбором пошлин и податей, судопроизводством и т.д[2]. В последние годы татарские исследователи все же пытались внести некоторую ясность в общественно-правовую историю Волжской Болгарии, среди которых можно назвать Г.Давлетшина, И.Измайлова, П.Казакова и Ф.Хузина.

Судебных органов как особых учреждений в Волжской Болгарии, как и в других раннесредневековых обществах, не существовало. Судебные функции выполняли органы власти и управления в центре и на местах. Суд не являлся отдельным институтом, судили князья, представители родовой аристократии, ханской администрации, служители культа, или же специально избранные для этих целей уважаемые в обществе люди. Судопроизводство производилось по нормам и правилам обычного права булгар, основанного на многовековых традициях тюркских народов. Трудно сомневаться и в том, что у волжских булгар как обособленной конфедерации племен сложилась своя судебная система с местными и вышестоящими судами.

Отсутствие прямых свидетельств о судах и судьях, принципах судопроизводства и судоговорения по обычному праву волжских булгар вынуждают нас обратиться к сведениям о состоянии правосудия родственных волжским булгарам народов – хазар, гуннов, дунайских болгар и т.д., а также этнографическому и фольклорному материалу казанских татар и чувашей. При этом факт вхождения Волжской Болгарии в правовое поле Хазарского каганата (отношения сюзеренитета-вассалитета) позволяет нам, в некоторой мере, отнести источники по общественно-правовым взаимоотношениям хазар к прямым источникам по истории права булгар.

С.С. Бобчев, изучавший историю права дунайских болгар, определил обычай как самое раннее народное законодательство, автором которого одновременно являются все и никто. Обычай в древнеболгарском обществе являлся основой для принятия решений по всем спорным вопросам, «он был внушен еще первым судьям, которые в то же время были и первыми «законодателями» обычных норм, как и первые исполнители народных решений и приговоров. Эти судьи – выдающиеся люди общества, жрецы, кня-

зья. Они творили суд под открытым небом... решение их одобрялось всеми присутствующими. Общество своим присутствием и одобрением придавало силу решению, которое делалось обычаем и законом. Молчаливое согласие народа придавало санкцию обычному праву и законодательству. Сила юридического обычая коренилась в народном сознании, что – так добро и справедливо»[3].

Из вопросов болгар к римскому папе Николаю I видно, что спорно-судебные дела среди дунайских болгар во второй половине IX века, несмотря на усилившееся влияние христианства, в подавляющем большинстве случаев разрешались на основе обычного права. При разрешении юридических вопросов они придерживались древнего обычая, например, при клятвах ставили перед собой меч и клялись им[4].

Влиятельный придворный при Омеядских халифах в Испании Хасдаи ибн-Шафрут в письме к хазарскому кагану Иосифу (около 960 г.) испытывал неподдельный интерес к судебной системе этой страны: «чинит ли он (царь) сам суд или же поставляет судей...»[5]. Несомненно, Хазарский каганат был правовым государством, что отражалось и на его системе правосудия. Ал-Мукаддаси писал о хазарах: «их царь же – еврей; он имеет законы и судей мусульманских, еврейских, христианских и языческих». Жители государства могли обратиться за защитой своих нарушенных прав в любой суд исходя из своих этнических принадлежностей и религиозных мировоззрений. Волжские булгары, будучи зависимыми от власти кагана, также имели возможность по своему усмотрению выбирать удобную им форму правосудия, основанную на шариатских нормах или же языческих принципах. Вероятно, такое положение дел длилось до разгрома Хазарского каганата и уничтожения его государственной системы.

В целом религиозная терпимость тюрков и монголов была отмечена многими исследователями. С древнейших времен многие изгнанники за религиозные убеждения находили убежище у тюрков, в VII веке приют предоставляли уйгуры. Хазарский каганат стал своего рода символом толерантности, где мирно и успешно сосуществовали язычество, христианство, мусульманство и даже иудаизм. Судебная система каганата была организована с учетом потребностей и особенностей всех религий и этносов. Ученым это обстоятельство трудно было не заметить. Ориенталист Григорьев, например, так охарактеризовал хазарское государство: «Держава хазарская славилась правосудием и веротерпимостью, и гонимые за веру стекались в нее отовсюду»[6].

Роль судьи в большинстве случаев вполне могли взять на себя жрецы, наподобие чувашских юмзя. В старину жреческие обязанности отправлял юмзя со своими помощниками. Без юмзи не обходились и частные жертвоприношения. Такие события в жизни, как рождение, бракосочетание, похороны и поминки, другие важные события, происходили непременно при участии юмзи. Н.В. Никольский говорит о том, как чуваши охотно обращались к ним за советами. По наблюдениям Г.Ф. Миллера, занимавшегося этнографическими исследованиями в XVIII веке, чувашских «юммаз», черемисских «мушан», вотяцких «тонов» «по справедливости можно почесть за начальников их суетной и самовольно вымышленной жертвы; ибо все зависит от их повеления, где и когда, и каким образом службу служить...»[7].

Судам у древних тюрков уделялось особое внимание и к ним нередко привлекались многие члены общества. Пословица из словаря «Дивани лугат аттюрк» гласит: «Уры копса огуш аклышур, йагы келсэ имрэм тебрэшур», что можно перевести как «Возникнет спор – соберется род, придет враг – встанет весь народ»[8]. Сход всех членов общины для решения спорных вопросов, как способ осуществления правосудия у древних тюрков, по своей сути, был одним из самых демократичных и справедливых. Решения принимались большинством голосов, что могло гарантировать их исполнение.

К компетенции сходов (сельских и волостных) у чувашей относился довольно широкий круг вопросов. Сход разрешал многие проблемы, касающиеся семьи, личности и общества чувашей. Например, воровство, засеивание чужого участка требовали удовлетворения у виновника. В случае упорства с его стороны старосте приходилось созывать сход. Общими усилиями виновника «принуждали удовлетворить потерпевшего»[9]. Эти сходы вполне можно отождествить с общественными судами у чувашей, решающими меру и степень наказания за преступления, упомянутые Каховским[10].

Ибн Фадлан сообщал о гузах: «Когда кто-нибудь из них просит в чем-либо совета у своего главаря, он говорит ему: «Господи! Что я сделаю в таком-то и таком-то деле?». Дела у них решаются советом между ними. Однако, когда они сойдутся на чем-либо и решатся на это, приходит затем самый ничтожный из них и самый жалкий и отменяет то, на чем они уже сошлись»[11]. Из сказанного видно, что при возникновении спорных вопросов гузы, в первую очередь, как к судьям обращались к своим «главарям», т.е. знатным сородичам. Судья обращается к верховному богу Тенгри и просит у него помощи в разрешении дела по справедливости, на основе древних тюркских обычаев. Собирается совет (сход) с судебными полномочиями, имеющий своей целью разобрать возникшую конкретную проблему. Однако решения, принятые в пользу одной из сторон, далеко не всегда удовлетворяют другую сторону. Слова ибн Фадлана о том, что решения «совета» может отменить «самый ничтожный и самый жалкий», не следует понимать дословно, т.к. для правоверного араба не могло существовать другого правосудия, как на основе шариата, а судья должен был быть истинным мусульманином (кади).

В организации судопроизводства этого периода в целом еще отчетливо проступают архаичные черты. Судебный процесс в древних обществах носил ярко выраженный состязательный характер. Судебное разбирательство, где обе стороны (истец и ответчик) обладали равными правами, начиналось только по инициативе истца. Судопроизводство было устным и гласным. Значительную роль в системе доказательств играли ордалии («суд божий») и тесно связанные с ними присяга (клятва) и жребий. Нередко на практике существовал и судебный поединок, о чем упоминали средневековые арабские авторы, например, у русов.

В лироэпическом сказании общетюркского характера «Кузы-курпяч и Баян-сылу» герой прижимает горячий курмац (жаренные в котле пшеница или ячмень) к груди матери. Мать, не выдержав боли, была вынуждена рассказать Кузы правду о его нареченной. Описанный мотив имеется в подавляющем большинстве национальных версий, а также во многих нартских сказаниях. У.Б. Далгат считает, что подобные допрашивания могут быть сопоставлены с историческими данными: «Форма подобного допроса, запечатленная в эпосе, имеет свои исторические аналогии в древнеиранском праве судебных испытаний, так называемых ордалий; подобные испытания обвиняемого были зафиксированы и на Кавказе... Судебные испытания иранцев проводились огнем либо с помощью кипятка, из которого испытуемый должен был вынуть кольцо»[12].

При судебном разбирательстве, выявлении обстоятельств дела и виновных лиц привлекались очевидцы, свидетели, применялись вещественные доказательства. В VIII–IX вв., например, судебный процесс производился в Дунайской Болгарии, как и у салических франков, в суде присяжных, число которых, согласно «Закону судного людям», колебалось от 3-х до 11 человек[13]. Судя по некоторым источникам, у древних тюрков существовал и институт поручительства. В словаре М.Кашгари, например, записана пословица «Эл тутгынча от тут»[14], т.е. «Лучше возьми в руки огонь, чем поручительство (за кого-нибудь)». Кроме наличия ордалий, в данном случае, связанных с ог-

нем, пословица говорит о высокой ответственности того человека, который будет давать какие-либо гарантии за другого человека. И то и другое, как правило, использовалось при совершении правосудия. У Н.Исанбета эта поговорка в татарских вариантах записана как «Йөккә кергәнче утка кер» («Лучше войди в огонь, чем в обязательство (поручительство)» и «Кеше йөгенә кермә» («Не входи в чужое обязательство (поручительство)»[15].

Г.Ф. Миллер, участник Сибирской экспедиции Академии наук (1733–1743), указывает, что к присяге язычествующих чувашей в судах приводили следующим образом: «посолив и воткнув на нож кусок хлеба, йомся клал его в рот присягающему, который, съедая хлеб, говорил: «чтобы мне никогда этого не видать, если я лгу, или если я не исполню своего слова». Вступающим в военную службу вместо присяги давали посоленные куски хлеба концами двух палашей, сложенных крестообразно»[16]. Бытование этого обычая среди чувашей отмечено в произведениях и других этнографов. Его отголоски наблюдались еще и в начале XX века. Например, в некоторых чувашских селениях при раздорах, чтобы рассеять подозрения, обвиняемого заставляли держать топор (т.е. давать клятву) через спину лошади. По наблюдениям этнографов, при клятвах и присягах чуваши клялись священными и обожествленными для них предметами. Например, в доказательство справедливости своих слов чуваш клялся солнцем со словами: «да померкнет для меня солнце, если я лгу», «клянусь солнцем, не брал» и т.д.

Такие клятвы давались лишь в серьезных случаях в твердом убеждении, что карающая сила солнца накажет клятвопреступника. Обожествленное солнце представлялось чувашам, с одной стороны, как существо вредоносное, приносящее несчастья и уничтожающее жизнь, с другой – карателем всякого зла и лжи. По древнечувашскому обычаю, при спорах также клялись землей. Чтобы рассеять подозрения, обвиняемый ел (принимал в рот) землю. По поверьям чувашей, если виновный при произношении слов этой клятвы обманывал, то он становился черным, как земля, и через год умирал[17].

Интересен факт биения вора по голове дубиной и «бодание» железными крюками в ребра у дунайских болгар. Несмотря на то, что эти действия с первого взгляда и можно принять за казнь, они больше напоминают ордалии или даже пытки, чем окончательное наказание за содеянное. Ситуацию проясняет К. Иречек, который говорит: «Правосудие у них было варварское. Ежели ловили кого-нибудь в воровстве или грабеже, и тот не хотел добровольно сознаваться в преступлении, которое на него взводили, судья бил его палкой по голове, или так долго колол ему железным острием бедра, пока не вынуждал сознания»[18].

Однако, исходя из того, что били палкой до полного признания вины, не совсем понятно, речь идет об ордалиях, т.е. испытаниях на честность и правдивость подозреваемого, или все же о пытках человека действительно виновного (признанного виновным), но не желающего признать свою вину. Источники по Волжской Болгарии не сообщают о подобных процедурах. Вместе с тем некоторый свет на определение их предназначения могут пролить примеры из народного фольклора казанских татар. В собрании татарского фольклора Н.Исанбета мы встречаем следующие поговорки: «Таныган таяк ашаган», которую можно перевести как «Признал вину – значит, был бит палкой» или «Угры таяктан, саран карактан, комагай тамактан үлә», т.е. «Вор умирает (пострадает) от палки, жадный – от вора, прожорливый от голода». Другая татарская поговорка относительно судебных разбирательств, записанная в XIX веке К. Насыйри, гласит: «Башыңа төшәсе таякны үзең бел», т.е. «Помни о палке, угрожающей твоей голове». В первом случае, на наш взгляд, битье палкой больше принимает значение как способ наказания, во втором – больше как угрозы наказания или предстоящего испытания. Такие же испы-

тания ожидали человека, попавшегося в поле зрения или застигнутого вместе с вором: «Карак белән бергә тотылсаң, котылырмын димә» («Не думай, что избавишься от ответственности, если попадешься вместе с вором»)[19].

В начале IX века болгарский хан Крум (802–814 гг.) ввел новые законы, которые дошли до нас в полулегендарном состоянии в изложении византийского писателя X века Свида. Несмотря на отрывочность сведений Свиды, историки делают вывод, что новое законодательство было призвано укрепить и защитить феодальные порядки. Прежде всего, в законах Крума был установлен новый порядок рассмотрения судебных тяжб, сменивший существовавшую ранее систему ордалий и присяг. По закону Крума, человек, не сумевший доказать свою невиновность подлежал смертной казни, как лжесвидетель и клеветник. В целом законодательство Крума установило строгое наказание за кражу и укрывательство краденого[20].

Высшей судебной инстанцией являлся сам хан. Наличие высшей судебной власти в руках правителя болгар прослеживается в сообщениях, относящихся к дунайским болгарам второй половины IX века. Ал-Бекри сообщает, что «царь их... приказывает и запрещает (установленным) порядкам и церемониям, как оно привычно царям и вельможам»[21]. Учитывая, что до этого ал-Бекри говорил о многочисленных чиновниках и управляющих царя на местах, данный отрывок следует отнести к отношению болгарского правителя к правосудию в том числе.

Византийский посол Приск, четырежды лично видевший короля гуннов Атиллу, сообщал, что один раз он видел его в шатре сидящим в деревянном кресле, два раза в пирах в деревянном дворце, один раз он наблюдал гуннского правителя в роли судьи, выслушивающего, стоя на крыльце, речи тяжущихся сторон[22].

Высшая судебная власть в руках правителя Хазарии со временем трансформировалась и утвердилась в следующей форме – главным судьей страны являлся царь (каган-бек), соправитель кагана. Царь или бек хазарский пользовался большой властью в своей стране. Он решал вопросы войны и мира, предводительствовал на войне, повелевал зависимыми князьями, собирал дани и пошлины, судил и наказывал. В трудах ал-Истахри и ибн Хаукаля, наряду с общими с другими арабскими авторами сведениями (наличие семи судей из иудеев, мусульман, христиан, язычников и пр.), можно встретить более полную картину системы правосудия и интересные детали о правителе как о высшей судебной инстанции в государстве. Ибн Хаукаль, в частности, сообщал, что в Хазарии преобладают языческие обычаи, «судейство у них ведется по древним обычаям, которые отличаются от мусульманской религии и христианской, и иудейской»[23].

Как можно понять из сообщений ибн Хаукаля, суды были доступными для населения, независимо от вероисповедания и происхождения, к указанным семи судьям мог обратиться со спорным вопросом любой человек «из знати и простонародья». Далее автор пишет: «И никто не является со своей нуждой к самому царю, а приходят к этим [людям] и излагают свою нужду и что они предъявляют. А между этими людьми и царем есть посредники, через которых сообщают, что происходит, что появляется между ними (тяжущимися), и доводят до него, что будет у них, а он отвечает им при этом свое решение, что им делать»[24]. В сообщении имеется несколько интересных моментов. Во-первых, наличие при решении судебных дел некоего «посредника», через которого судьи доводили суть спорного дела царю и выносили свое решение на основании его вердикта. Должно быть, это было доверенное должностное лицо, через которое царь не только осуществлял, но и контролировал правосудие в государстве. Во-вторых, ибн Хаукаль относит деятельность «посыльного» не с отдельно взятой категорией судей (мусульманских, христианских, иудейских или языческих), а с судьями в целом. Налицо высшая судебная власть

царя в государстве в отношении всех существующих форм правосудия.

Впрочем, наиболее сложные и важные дела хазарский рассматривал и сам. Ибн Хаукаль приводит рассказ об одном судебном деле, решенном самим царем, в отношении некоего торговца, отправившего по делам сына «во Внутреннюю Булгарию». Он, описывая обстоятельства дела, не говорит, каким судом разбиралось дело о наследстве (шариатским, христианским или иным), однако мы видим, что хазарский царь, вступив в права верховного судьи, разрешил дело по обычному праву, напоминающему ордалии. Этот пример является подтверждением слов и самого ибн Хаукаля, который говорит, что судопроизводство у хазар ведется «по древним обычаям»[25].

Сообщения ибн-Фадлана о том, как булгарский царь разъезжал по публичным местам, а также исправно собирал дань с подданных, не оставляют сомнений, что его власть практически ничем не отличалась от власти правителя любого другого раннеклассового государства, которая, распространяясь на большую территорию, фактически сводилась к сбору дани и осуществлению судебных функций. Отголосками того, что высшей судебной инстанцией у волжских булгар являлся сам хан, являются примеры из народного фольклора. Легендарный Темень чувашской мифологии – великий полководец и премудрый правитель одновременно считался и верховным судьей – «умиротворял враждующих чувашей и судил справедливо»[26].

При объезде царем булгар своих подданных никто из тех, кто встречался ему на пути, не мог оставаться сидящим, а вставал и в знак почтения клал свою шапку под мышку. Надеть шапку и заниматься дальше своими делами он принимался только тогда, когда правитель проезжал его. Отголосок булгарского обычая держать шапку под мышкой при встрече с почитаемыми людьми Г.Давлетшин видит в сохранившейся татарской поговорке «Картлар сузен ишеткэндэ, буркенне куенына куй», т.е. «когда слушаешь слово дедов, возьми шапку под мышку»[27].

Источниковый материал относительно судов волжских и дунайских болгар, хазар, гуннов и др., дающих возможность проследить их судопроизводство, позволяет нам сказать следующее. Судебная система и принципы судопроизводства Волжской Болгарии были основаны на общетюркских принципах и правилах. Отсутствие свидетельств об исключительных явлениях судопроизводства волжских булгар (как, например, об уникальных видах наказания) может говорить лишь о том, что авторы источников (русские летописцы, арабские путешественники и т.д.) были знакомы с тюркской системой правосудия в целом. Возможно, волжским булгарам не было необходимости перекладывать на бумагу нормы обычного права, действующего практически у всех тюркских народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Материалы по истории Татарии. Вып.1 /Отв. ред. И.М. Климов/. – Казань: Таткнигоиздат, 1948. – С. 179.

[2] *Амирханов Р.М.* Тюрко-татарская философская мысль средневековья (13–14 вв.). – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. – С. 70.

[3] *Бобчев С.С.* Обычай и закон (Страницы из «Древнеболгарского права»). – Санктпетербургъ: Типография Императорской Академии наук, 1906. – С. 3.

[4] *Денисов П.В.* Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1969. – С. 83.

[5] *Гаркави А.Я.* Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. – С.-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1874. – С. 85, 115.

[6] Цит. по: *Мухамадеев А.Р.* Шариатская комиссия при Народном комиссариате юстиции ТАССР (начало 1920-х гг.). – Казань: Издательство ДУМ, 2009. – С. 48.

[7] Герард Фридрих Миллер. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемисъ, чуваш и вотяков. – Санкт-Петербург, 1791. – С.63.

[8] М. Кашгари сүзлегендәге мәкалләр һәм әйтемнәр // Борынгы татар фольклор мәсьәләләре. – Казан: СССР Фәннәр академиясе Казан филиалы, 1984.– С. 136.

[9] *Никольский Н.В.* Краткий конспект...– С. 64.

[10] *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1965 – С.440.

[11] *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы, комментарии. – Харьков: Изд-во ХГУ, 1956. – С. 125.

[12] *Урманчеев Ф.П.* Героический эпос татарского народа. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1984. – С. 176.

[13] История Болгарии. Т. I. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. – С. 64–65.

[14] М. Кашгари сүзлегендәге... – С. 137.

[15] Нәкый Исәнбәт. Т. III. Татар халык мәкалләре. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1967. – С. 373.

[16] *Денисов П.В.* Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей... – С. 84.

[17] *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш (Историко-этнографические очерки). Чувашское государственное издательство, 1959. – С. 13–14, 22.

[18] *Иречек К.* История булгар. – Варшава: Типография Михаила Земкевича, 1877. – С. 122.

[19] Нәкый Исәнбәт. Т. 3. Татар халык мәкалләре... – 368, 373, 374 б.

[20] История Болгарии... – С. 68.

[21] *Куник А., Розен В.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Часть 1. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1870. – С. 52.

[22] Иордан. О происхождении и деянии гетов (Getica) / Вступ. статья, пер., коммент. Е.Ч. Скржинский. – СПб.: Алетея, 2000. – С. 310 прим.

[23] Ибн Хаукаль «Китаб ал-масалик ва-мамалик» («Книга путей и государств»). Перевод и комментарии О.Большакова / История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань: Издательство «РухИЛ», 2006. – С. 747.

[24] Ибн Хаукаль «Книга путей и государств». Перевод и комментарии О.Большакова... – С. 747.

[25] Там же. – С. 747–748

[26] *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Ч.1. О жизни и борьбе народа с древнейших времен до XVI века. – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1983. – С. 23.

[27] *Давлетшин Г.* Устное народное творчество и литература в Булгарии / История татар... Т. II... – С. 575.

Аннотация

Автором статьи поставлена задача выявить основные принципы судопроизводства Волжской Болгарии доисламского периода. Судебно-спорные вопросы данного периода развития Волжской Болгарии разрешались на основе древнего тюркского обычного права и, по сути, соответствовали судопроизводству других тюркоязычных государств. Материал подкреплен сведениями о разрешении судебных исков и тяжб родственных булгарам народов, а также этнографическим материалом из жизни казанских татар и чувашей.

Ключевые слова: Волжская Булгария, Дунайская Болгария, Хазарский каганат, тюрки, обычное право, суд, клятва, ордалии, высшая судебная власть, казанские татары, чуваши.

Summary

The author of the article put the goal to identify the basic principles of justice of the Volga Bulgaria of the pre-Islamic period. Judicial and contentious issues of this period concerning the development of the Volga Bulgaria were resolved on the basis of the ancient Turkic customary law and, in fact, consistent with legal proceedings of other Turkic states. The material is supported by information on the resolution of lawsuits and claims related to Bulgars peoples, as well as ethnographic material from the life of the Kazan Tatars and Chuvash.

Keywords: Volga Bulgaria, Danube Bulgaria, Khazar Khanate, Turks, customary law, the court, an oath, ordeals, the highest judicial authority, Kazan Tatars, Chuvash.

УДК 94(4/9)

ИСТОРИЯ ТАТАРСТАНА В ТРУДАХ РУФА ИГНАТЬЕВА

***М.И. Роднов**, доктор исторических наук*

В историографии Южного Урала XIX в. особое место занимает Руф Гаврилович Игнатьев (1818–1886), яркий историк-краевед, оставивший огромное научное наследие[1]. Он происходил из дворян Бронницкого уезда Московской губернии. Отец – Гавриил Кузьмич Игнатьев (1770–1822), выходец из разночинцев, дослужился до VIII чина коллежского асессора и получил потомственное дворянство[2]. Женился Г.К. Игнатьев поздно, на вдове Варваре Сергеевне Навроцкой (урожденной Запольской), имевшей от первого брака двух сыновей. Руф Гаврилович был единственным ребенком в этом супружеском союзе, он рано потерял отца, а в конце 1839 г. скончалась и мать. Трое братьев: штабс-капитан Н.Н. Навроцкий, коллежский асессор С.Н. Навроцкий и писец 1-го разряда Р.Г. Игнатьев унаследовали два имения в Бронницком уезде Московской и Елабужском уезде Вятской губерний, билеты сохранной казны и разное движимое имущество[3].

Подмосковное бронницкое имение было поместьем Игнатьевых, а имение при деревне Баженовка (Самодуровка) Староятчинской волости Елабужского уезда Вятской губернии сначала «принадлежало помещику Петру Запольскому и перешло от него родной сестре – Варваре Сергеевой, бывшей в замужестве за Навроцким и Игнатьевым»[4]. Деревня Баженовка (Бажениха) ныне находится в пределах Удмуртии на самой границе с Татарстаном.

Образование Р.Г. Игнатьев получил в Москве в Лазаревском (армянском) институте восточных языков, который до 1835 г. имел просто статус благородного пансиона[5]. Еще при жизни матери Р.Г. Игнатьев в 1837 г. поступает на службу, но молодой человек с неплохим наследством интересовался историей и музыкой, а не карьерой чиновника. В течение двух лет он учился «в Парижской консерватории, во время директорства знаменитого тогда композитора Галеви, от которого имел диплом»[6]. Р.Г. Игнатьев служит на низших должностях в разных учреждениях Московской губернии, затем в Тверской, пока в 1848 г. он не оказывается на должности почтмейстера в одном из селений Новгородской губернии[7]. И древняя новгородская земля, насыщенная историческими памятниками, вызвала интерес Р.Г. Игнатьева, он с головой погрузился в старину, а изящный литературный стиль, огромное трудолюбие и чутье исследователя быстро привели к появлению результата в виде историко-краеведческих трудов.

Руф Гаврилович становится основным автором «Новгородских губернских ведомостей» и фактическим редактором газеты на протяжении ряда лет. С 16 апреля 1849 г., когда здесь публикуется его очерк «Мшага», и до 30 октября 1854 г., когда в «ведомостях» вышла статья «Бронницы», Р.Г. Игнатьев опубликовал десятки работ: от изданий исторических документов до больших историко-краеведческих статей, статистических описаний городов и селений Новгородской губернии, этнографических и даже художественных очерков, а также материалов первого в истории свода археологических памятников края. Например, в 1850 г. из 52 номе-

ров «Новгородских губернских ведомостей» в 22 выходили преимущественно весьма объемные статьи Р.Г. Игнатьева, почти в каждом втором. Помимо этого, Р.Г. Игнатьев сотрудничал с Императорским археологическим обществом, выпустил две книги по истории Великого Новгорода, в «Отечественных записках» А.А. Краевский готовился издавать его труды[8], он приобрел известность в научном мире[9], а в Новгороде вообще был практически единственным серьезным историком. Но в конце 1858 г. судьба Р.Г. Игнатьева трагически изменилась. Арестованный за недостачу казенных денег, он был отдан в рекруты и по этапу отправляется в далекую Уфу, где квартировал 10-й Оренбургский линейный батальон, затем он будет переведен в батальон № 2 того же Оренбургского полка[10], располагавшийся на пограничной линии.

Так на Южном Урале оказался этот самобытный историк-краевед. После «демобилизации» в 1858 г. он остается здесь жить, обосновавшись в Зауралье. В ноябре 1862 г. Игнатьев сообщал свой адрес: Оренбургская губерния, станция Тунгатарово, Ильтабановские золотые промыслы генерал-лейтенанта Жемчужникова и К°[11]. Большая башкирская деревня Тунгатарово – центр одноименной волости Троицкого уезда (совр. Учалинский район Башкортостана) – находилась в одном из основных районов золотодобычи. Скорее всего, Р.Г. Игнатьев проживал там в летние месяцы, в период «золотого промысла», а зимой, когда работы на приисках прекращались, находился в Верхнеуральске. В работе Р.Г. Игнатьева о Верхнеуральске[12] приведены наблюдения за климатом с 1859 по 1863 г., в том числе сведения о замерзании речек, протекавших через город. Из публикаций Р. Игнатьева также очевидно, что служба в компании Жемчужникова была связана с постоянными разъездами (в Мензелинск на ярмарку, в Уфу, Оренбург и т.д.).

На рубеже 1850–1860-х гг. краевед-историк прилагает огромные усилия, чтобы вернуться к любимому занятию историей. Он активно изучает местные источники, народный фольклор (в том числе зауральских тептярей), работает в архивах. В обстановке начинавшихся Великих реформ Р.Г. Игнатьев верно уловил актуальную тему – гласность, свобода печати, и в 1860–1861 гг. в столичной прессе выходят его статьи по этому вопросу[13]. Яркие работы Руфа Игнатьева заметили редакторы ведущих газет «Московские ведомости» (В. Корш, М. Щепкин) и «Голос» (А. Краевский), которые пригласили Игнатьева к сотрудничеству в качестве провинциального корреспондента.

И среди первых публикаций Р.Г. Игнатьева после многолетнего перерыва был рассказ (с историческим очерком) о знаменитой Мензелинской ярмарке[14]. Одна из крупнейших ярмарок России – Мензелинская – постоянно привлекала внимание журналистов и заметки о ней периодически появлялись в прессе[15]. Но Руф Гаврилович в описание современности добавляет экскурсы в прошлое Мензелинска.

С 1865 г. Р.Г. Игнатьев переезжает на жительство в Уфу, где сотрудничает с местным губернским статистическим комитетом и начинает активно публиковаться в «Уфимских губернских ведомостях» (ранее Оренбургские)[16]. В 1867 г. он пытался привлечь внимание общественности к необходимости публикации собрания сочинений П.И. Рычкова[17], но встретил критику из Казани от некоего Н.Б. на страницах «Справочного листка города Казани». Руф Гаврилович никогда не был «толстовцем» и непротивление злу не входило в круг его приоритетов. Игнатьев ответил жесткими возражениями, не поленившись издать в университетской типографии Казани восьмистраничную брошюру, не пощадив этого самого Н.Б.[18] Работа была дозволена цензурой 12 июня 1867 г., а по правилам того времени автор должен был лично представлять свой труд на суд уважаемым цензорам. Значит, Р.Г. Игнатьев летом 1867 г. посетил город Казань, был

в университете, оплатил заказ в типографии и, видимо, из своего кармана.

Впрочем, Руф Гаврилович вполне мог заезжать в пределы современного Татарстана и чаще. Дело в том, что из всех своих имений у него осталось только одно, унаследованное от матери, в Вятской губернии, куда проще всего можно было попасть через Елабугу. Старший из сводных братьев, Николай, умер бездетным и, видимо, в браке не состоял. Второй – Сергей Никанорович Навроцкий – жил в Москве, от двух жен у него было пятеро детей: Павел, Варвара (умерла молодой), Софья, Сергей и Михаил. С.Н. Навроцкий скончался к 1874 г., а его вдова Глафира Васильевна вторично вышла замуж за коллежского асессора Стефановского. Эти родственники Р.Г. Игнатьева – Г.В. Стефановская и четверо сводных племянников – являлись совладельцами вятского имения. Более того, Р.Г. Игнатьев до совершеннолетия племянников был опекуном их доли в вятском имении (до 1883 г.), почему это имение и сохранилось, его нельзя было продать до совершеннолетия совладельцев[19]. Руф Гаврилович поддерживал контакты с племянниками, переписывался с ними по поводу вятского имения, с общего согласия 19 августа 1884 г. был составлен выкупной акт на имение в Баженовке (156 крестьян, 608 дес. удобной земли)[20]. А деньги с поместья (по выкупному акту крестьяне обязывались вносить оброк в 1216 руб. в год)[21] часто для Р.Г. Игнатьева составляли основную часть доходов, так как человек он был, по воспоминаниям, совершенно непрактичным, «без средств».

По всей видимости, Р.Г. Игнатьев несколько раз посещал свое имение. Примерно с 1873 г. в «Вятских губернских ведомостях» выходит ряд его статей с «вятским» материалом, созданных по итогам поездок по южным уездам Вятской губернии[22]. Но заезжал ли он в Казань? Из Уфы летом удобнее было добираться до Елабуги пароходами, зимой – по гужевому тракту напрямую через Челны. Несмотря на большое число публикаций Р.Г. Игнатьева в уфимской и оренбургской прессе, вполне вероятно, казанское сообщество историков и краеведов могло не знать о его существовании. Местные исследователи замыкались в своих административных границах, что, впрочем, не редкость и сейчас. Например, в 1880 г. в Казани не получали ни одного номера «Уфимских губернских ведомостей»[23]. Уфимская пресса никого в Казани не интересовала. Известный казанский историк В.Н. Витевский впервые узнал о трудах Р.Г. Игнатьева лишь в 1873 г. и то после подсказки[24].

Тем временем в самом конце 1867 г. Уфимский губернский статистический комитет поручил Руфу Гавриловичу исследовать архивы Мензелинска, чтобы узнать о возникновении знаменитой ярмарки. Игнатьев прибыл к открытию ярмарки и результатом его поездки стала большая статья, вышедшая с некоторым опозданием весной 1868 г.[25] Автор создал яркое аналитическое описание ярмарки, которое прилагается, а в мензелинских архивах Р.Г. Игнатьев нашел самые ранние документы с 1710 г., но «как началась, почему и при каких условиях развилась мензелинская ярмарка» установить ему не удалось. В эти же годы Руф Гаврилович, видимо, обследовал долину реки Ик. В статье Н.А. Гурвича о возможности судоходства по этой реке указывается, что использованы сведения Игнатьева[26]. А в археологических статьях Р.Г. Игнатьева приводятся подробные описания «ногайских валов» и других памятников древности Мензелинского уезда[27], явно указывающие, что Руф Гаврилович объездил значительную часть современного восточного Татарстана.

В других работах Р.Г. Игнатьева встречаем мензелинский материал о кустарных промыслах[28], списки архиепископов и митрополитов казанских, управлявших краем[29], сведения о монастырях и всех церквах Мензелинского уезда на 1873 г. Например, информация о благочинии 4-го округа Мензелинского уезда начиналась так:

«45) *Соборная* [церковь] *Св. Николая Чудотворца*, в г. Мензелинске, каменная, с приделами Смоленской Божией Матери и Св. Феодосия Тотемского; построена в 1813 году на сбор, сделанный отставным унтер-офицером Матвеем Дмитриевым Ситниковым; он погребен при Соборе. Причта: протоиерей, он же благочинный, 2 священника, 2 дьякона и 6 причетников; жалованья и церковных домов нет; земли пашенной – 59 д. 1085 с.; лугов 114 дес. и леса 15 д. 2088 с., приписаны часовни в дер.: Старой Мазине, большом Игиме и Горах. Прихожане, кроме города, в дер.: Старой Мазине, Большом и Малом Тимиргане, хуторе Аннинском, Большом и Малом Игиме, Сарсас-горках, Ивке, Дыреевке, Верхних Юшадах, Коноваловке, Феновке, Ашпале, Новом Выселке, Канонерском, Болтаевой, Миловке, Гришиной, Полионовке, Камениковой, Доброхотовой, Максимовке и Новой Александровке, всего 1588 дв., 4556 м. 4923 ж. Училище с 1860 г., в 1869 г. было 21 мальч. Собор от г. Уфы в 160 в. В г. Мензелинске строится каменная церковь Св. Троицы с 2 приделами»[30]. В общем мензелинский материал весьма широко представлен в самых разных статьях Р.Г. Игнатьева. Историки и краеведы Татарстана найдут много любопытного в его трудах.

Кроме того, В.Н. Витевский сообщал о двух визитах Руфа Гавриловича в Казань. Первый раз «в июле 1875 г. Р.Г. [Игнатьев] был в Казани, но мне не удалось в то время увидеться с ним: я был в отпуску»[31]. Второй раз Р.Г. Игнатьев посетил Казань весной 1877 г.

По приглашению бывшего вятского губернатора В.И. Чарыкова, назначенного руководить Минской губернией, в мае 1877 г. Руф Гаврилович покидает Уфу[32] и, скорее всего, пароходами отправляется до Нижнего Новгорода, откуда по железной дороге можно было доехать до Москвы и Минска. В.Н. Витевский впоследствии вспоминал: «В мае 1877 г. Р. Г. проездом в Минск заезжал на короткое время и в Казань; был у покойного Н.И. Ильминского, у В.В. Радлова и навестил меня, – это была первая моя встреча с Р. Г. и, как потом оказалось, последняя; после того я уже не встречался с Р. Г., хотя переписка у нас с ним продолжалась до 1880 года. По окончании семейного обеда, к которому я пригласил Р. Г., он сел за фортепиано и сыграл несколько своих музыкальных произведений, а также мотивы башкирских и киргизских песен»[33]. Как видим, Игнатьев поддерживал контакты с многими видными деятелями из казанской интеллигенции.

А в конце лета того же 1877 г. в Казани состоялся четвертый археологический съезд, среди депутатов которого числился и «Игнатьев Руф Гаврилович, член археологического общества. От Уфимского и Тобольского губернских статистических комитетов», член-корреспондент общества в Уфе, член Московского археологического общества[34]. Но в протоколах нет упоминаний о выступлениях Игнатьева, нет его и среди участвовавших в дискуссии и разместившихся в гостинице. Он получил высокооплачиваемую должность в Минске, стал редактором «Минских губернских ведомостей», где сразу развернул поистине бурную деятельность[35]. Наверняка, поэтому Р.Г. Игнатьев и не стал участвовать в археологическом съезде, хотя был заявлен.

Кроме того, к этому времени Р.Г. Игнатьев отходит от занятий археологией, по устным свидетельствам современных археологов, видимо, он вступил в конфликт с археологическим «начальством». Возможную причину этой коллизии указывает новгородский историк Е.В. Торопова. После ареста и отдачи Игнатьева в рекруты в «1861 году выходит сводная статья о курганах и городищах Новгородской губернии за подписью члена Новгородского статистического комитета А.И. Кулжинского. Трудно найти современную научную статью, в историографической части которой нет ссылок на этого автора. Сопоставление текстов статей А.И. Кулжинского[36] с содержанием работ Р.Г. Игнатьева[37] показывает, что

они фактически идентичны, в них совпадает даже пунктуация. Из вышеизложенного следует, что А.И. Кулжинский предоставил в Русское археологическое общество под своим именем статью, содержание которой более чем на 90% совпадает с опубликованными материалами Р.Г. Игнатьева. В настоящее время не обнаружено никаких документов, позволяющих убедительно доказать, что А.И. Кулжинский совместно с Р.Г. Игнатьевым в начале 50-х гг. XIX в. занимался составлением археологической карты Новгородской губернии, что позволило бы объяснить столь значительные заимствования. Вопрос о его возможном соавторстве остается открытым»[38]. А историей и археологией прославленной новгородской земли интересовались тогда многие, в том числе и граф А.С. Уваров.

Можно предположить, что в такой обстановке Р.Г. Игнатьев не стал утруждать себя и представил рукопись «О первых заселениях Русских и о борьбе их с туземцами в Уфимской губернии», о которой вечером 13 августа 1877 г. в Казани на съезде во втором отделении по исторической географии и этнографии доложил Е.Е. Замысловский, профессор Петербургского историко-филологического института. Он дал резко негативную оценку: «Начну с тех двух рукописей, которыми едва ли можно будет воспользоваться»: «Г. Игнатьев в начале своей статьи говорит о том, что он руководствовался «Топографиею Оренбургской губернии» и «Оренбургскою историею» *Рычкова*, выписками из дел архивов бывших Оренбургской губернской и Уфимской и Исетской провинциальных канцелярий и местными преданиями в Уфимской губернии. Едва ли, однако, автор воспользовался материалами, на которые сам он указывает. Его статья бедна содержанием и не соответствует своему заглавию, так как большая часть ее занята разсказом о бунтах в пределах нынешней Уфимской губернии; источники не указаны, хронологические данные, или сомнительны, или не верны»[39].

При казанском археологическом съезде также действовала выставка, среди экспонатов которой значились «образцы Башкирских тканей, собранных Уфимской губернии в уездах: Белебейском, Мензелинском и Бирском. Коллекции собраны исправниками Уфимской губернии», первые 16 были доставлены из Белебеевского, остальные 40 из Бирского уездов. Отмечалось, что «представляемая коллекция Башкирских тканей собрана исправниками Уфимской губернии, по ходатайству члена корреспондента IV-го Археологического съезда Р.Г. Игнатьева». Но полицейские собирали образцы бесплатно и качество коллекции по отзыву современников получилось не очень впечатляющее[40].

В дальнейшем, вернувшись из Минска на Южный Урал в конце 1879 г., Руф Гаврилович Игнатьев проживал в Уфе и Оренбурге, создал очень много интересных работ по истории и этнографии, среди которых еще возможно есть исследования, связанные с территорией Татарстана. Так, В.Н. Витевский среди трудов Игнатьева упоминал «Описание села Набережных Челнов Мензелинского уезда, сел Нагайбака, Байков и Абдулина Бирского уезда, по поводу вопроса об образовании новых уездных городов»[41]. Умер Руф Гаврилович в Уфе 2 января 1886 года. В юбилейном издании Московского археологического общества в 1890 г. приведен некролог и на Р.Г. Игнатьева.

«Покойный не обладал громкими титулами, не щеголял общественным лоском, а еще менее материальными средствами. Вся жизнь Р.Г. протекла в тяжелых трудах, страданиях и лишениях, но резко выделяется он неустанными и безмездными научными трудами, известными нашему Обществу, которого он был одним из старейших членов (с 23 февраля 1865 г.). Р.Г. имел светлый ум, обладал подвижностью мысли и глубокими научными познаниями по истории, этнографии, археологии, археографии и был большой знаток в древней русской письменности, церковного

устава церковной и народной музыки, как вокальной, так и инструментальной (струнной и духовой), будучи отличным певцом и игроком на фортепиано, 1-й скрипке, флейте, кларнете и трубе. Подвизался и на литературном поприще, состоя корреспондентом многих газет, кроме сотрудничества в местных областных и губернских ведомостях, каковы: Уральские, Оренбургские, Уфимские, Тобольские, Минские, а в Оренбургских и Минских был даже редактором неоффициальной их части. Исследовать древность, описать факт, дать рецензию или критически обозреть известное событие или явление из местной жизни для Р.Г. было делом нетрудным, а иногда и моментальным. Кроме того, страстно любя музыку и пение, он часто писал партии и партитуры для хоров и оркестров»[42]. В некрологе указывалось, что «в течении своей жизни Р.Г. Игнатьев написал более 500 статей различного, но преимущественно ученого, содержания», хотя точные масштабы историко-культурного наследия Руфа Гавриловича лишь постепенно становятся известными.

В заключение приводим публикацию статьи Р.Г. Игнатьева «Мензелинская ярмарка», которая воспроизводится в орфографии первоисточника.

Приложение

МЕНЗЕЛИНСКАЯ ЯРМАРКА

(Р.Г. Игнатьев)

Около 15 января ярмарка у нас в Мензелинске окончилась; купечество и бесчисленные посетители ярмарки, – все это разъехалось и разошлось повсюду – и город, столь шумный во все это время, опустел; только еще несломанные покуда, за сильными холодами, временные лавки и балаганы свидетельствуют о бывшей торговой деятельности Мензелинска. После ярмарки Мензелинск, как справедливо замечает «Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год»: «опять погружается в безысходную истому, пока привычка не возьмет свое, и город вступил в свою прежнюю колею» (стр. 69). В самом деле, теперь большая часть домов заперта и наглухо заколочена; самые дома только для того и построены и для того существуют, что для ярмарки, а хозяева только и живут, что с доходов от постоя во время ярмарки, не заботясь даже о порядочном устройстве домов, потому что очень хорошо знают, что каков бы ни был дом, не только в жильцах не будет недостатка, а напротив того, им за квартиру, за каких нибудь 10–15 дней, заплатят, не торгуясь, столько, сколько не дает и не может дать дохода тот же самый дом в течение целого года. В особенности дороги квартиры на ярмарочной или соборной площади, где например трактиры и гостиницы за ярмарочное время платят по несколько сот рублей.

Ярмарка нынешнего года, как замечают, началась ранее нежели прежде; еще с осени прошедшего года многие из купцов озаботились заранее приобрести в Мензелинске места для лавок и балаганов, и здешняя Дума еще с октября начала уже получать просьбы и деньги от иногородних купцов. Ранее прежнего потянулись обозы и съехались торговцы, и хотя в декабре съехалось в Мензелинск не все торгующее здесь иногородное купечество, но однакоже, по численности съехавшихся на ярмарку торговцев, флаг поднят 26 декабря, и ярмарка началась, а ярмарочный Комитет, в это время еще не все раздавший ярмарочные места, имел уже за них в сборе до 14 000 руб. – Эти места после 1 января уже были розданы, и здесь собственно начался самый разгар ярмарки, по большому съезду торговцев и стечению народа. Не только торговая площадь, но и все улицы в городе приняли вполне ярмарочный вид, народ покрыл собою весь город.

Мензелинская ярмарка стоит наряду значительных ярмарок в России.

Но прежде нежели скажу о ярмарке, делаю краткий очерк самого г. Мензелинска.

Мензелинск, отстоящий на 271 $^1/_2$ вер. от губ. гор. Уфы, на Вятском тракте, при р. Мензеле и впадающем в нее ручье *Кучканке*, принадлежит к древним городам, он основан в конце XVI века под именем *острожка*. Это была одна из крепостей для защиты Камской линии, населенная стрельцами, детьми боярскими, пушкарями и Смоленскими дворянами (шляхтою), переведенными сюда после 1-го завоевания Смоленской области в 1655 г. и после совершенного закрепления его к России, по вечному миру с Польшею в 1668 г. Мензелинский острог, потом названный пригородком, принадлежал долго ведению казанских воевод, наместников и потом губернаторов, разоренный не раз в башкирские бунты и в пугачевщину, наконец в 1784 г. причислен к вновь открытому тогда Уфимскому наместничеству и сделан уездным городом. Впрочем, Мензелинск и до этого времени управлялся особыми воеводами, хотя и состоявшими в ведении казанских, и имел свой округ, обратившийся при открытии города в Мензелинский уезд. Потом в 1796 г. Уфимское Наместничество обращено в Оренбургскую губернию; а в 1865 г. г. Мензелинск, по разделении губернии на Оренбургскую и Уфимскую, причислен к Уфимской губернии.

Нынешние коренные жители, – потомки шляхты, обращенной в крестьян и стрельцов, сначала в конце XVII в. названных белопахатными казаками, а потом, в царствование Анны Иоанновны, солдатами. О Мензелинске найдется много интересных исторических сведений, начиная с здешних архивов, где сохранились дела с 1710 г., значит со времен Петра Великого; но за то нет нигде никаких сведений (по крайней мере покуда не оказывается таковых), о начале мензелинской ярмарки, при разборе мною, по поручению Статистического Комитета, здешних архивов. Впоследствии может быть что-нибудь и найдется, а было б очень интересно знать как началась, почему и при каких условиях развилась мензелинская ярмарка. Из дел архива бывшей мензелинской Городовой Ратуши 1797 г. однако же видно, что ярмарка тогда уже существовала и оборот ее по привозу простирается на 482 487 р. ассигнациями, а сбыту 276 998 р.

Мензелинск занимает пространство 171 дес. 554 саж. и расположен на ровном и частью на возвышенном и обрывистом месте; ручей Кучканка, протекая по глубокому рву, разделяет город на две неровные части; лежащая за ручьем, меньшая и беднейшая часть города, составляя как бы предместье города, называется «*слободою Кучканкой*». Г. Мензелинск разделяется по плану 1838 г. на 73 квартала, здесь проходят 12 улиц с проулками; некоторые из них имеют названия, другие не имеют никаких. В слободе Кучканке 3 улицы с 2 проулками. Кроме улиц, здесь еще 6 площадей, из которых 3 – за городом, как-то: *мытная, лесная и дровяная*. Зданий в г. Мензелинске считается: богослужебных: Николаевский собор, женский монастырь с церковью Тихвинской Божией матери, церковь св. Илии Пророка на бывшем кладбище, теперь уже вошедшем в черту города, да еще вновь здесь строится каменная церковь св. Троицы. Каменных домов казенных и общественных: больница, каменная красивой постройки, и присутственные места; церковных и монастырских 3, частных 5; деревянных: казенных 5, монастырских 1, общественных 2, частных 900, лавок на торговой или соборной площади и в разных местах, деревянных общественных, 38. Жителей в Мензелинске официально теперь считается обоего пола и всех сословий до 5080 ч., а по однодневному пересчислению, произведенному в 1865 г. Уфимским Статистическим Комитетом, – 4977 ч. о. п.

Торговля в Мензелинске, кроме ярмарки, самая незначительная; значительных капиталистов среди здешнего купечества нет; жители большею ча-

стию бедны и из низшего класса весьма немногие занимаются всякого рода промышленностью, хлебопашеством или ремеслами; ремесленники, проживающие здесь наиболее иногородные. Впрочем, здесь есть винокуренный завод Г. Янушкевича, могущий выкурить в год до 20 000 ведер полугара, 3 кожевенных завода, 10 кирпичных, 1 свечной и 1 паточный. Оборот всех их простирается на 8000 р.; произведения их, кроме кож, расходятся по городу, а кожи идут и в окрестности города, но более распродаются на базаре, который бывает здесь по вторникам.

Г. Мензелинск имеет за собою достаточное число земли и леса именно:

Пашни	– 7040 д.	–	2012 саж.
Сенокоса	– 9765	–	1115
Леса	– 15 256	–	275
Степи	– 51	–	1300
Солончаков	– 8	–	1136
Неудобной	– 64 739	–	1946

Земли здесь хороши и плодородны, но и они наиболее в кортоме у сторонних лиц, точно также и рыболовство в принадлежащих городу озерах, образовавшихся от весеннего разлива р. Камы, Мензелы и Ика. Эти реки весною взаимно соединяются у самого Мензелинска и этим разливом здесь недавно только стали пользоваться для сплава леса из окрестностей Мензелинска. Вокруг Мензелинска все благоприятствует труду, но Мензелинск, за весьма немногими исключениями, живет в надежде на ярмарку, от одной до другой. В самом деле, одна Городская Дума получает доходу с ярмарки более 15 000 р., а какие громадные цифры в общей сложности остаются за это время в руках домохозяев и проч.... Нетрудно понять, что мензелинские жители в какие нибудь 2 недели стараются – как бы обеспечить себя за целый год, впредь до новой ярмарки, хотя бы после и приходилось отдавать за бесценок земли и лес на сруб... Учебные заведения в Мензелинске: уездное и приходское училища и женское училище 2 класса.

Ярмарка главным образом помещается на соборной или базарной площади – она же и гостиннодворская, в обыкновенное, не ярмарочное, время. Здесь для ярмарки устраиваются временные деревянные лавки, лубяные балаганы, пристрои, навесы и коновязи для приводимых лошадей. Ярмарочные помещения устраиваются по подрядам, заключаемым в Городской Думе; лес и проч. после ярмарки, по сломке временных лавок, сдается подрядчиками ярмарочному Комитету в пользу города. В настоящую ярмарку подрядчиком, здешним мещанином Мельниковым, устроено было 582 лавки, балаганов и навесов и сверх того коновязей на пространстве 400 саж. Лавок было: в красной гуртовой линии 25, кожевенной, железной, сундучной и щетной линиях 30, в мелочной 50, в железной и сундучной мелочной линиях 30, красного товара в мелочной линии 110, разной мелочной торговли или мелочной линии 55, в мучном ряду 30, фарфоровой и медной посуды 35, шляпной и картузной 32, навесов 185. Кроме того, вне площади близ Думы и ярмарочного Комитета было 16 балаганов, где производилась торговля мелочным галантерейным товаром, продажа икон и картин всякого рода; в мелочной линии 9 балаганов было занято книжной торговлею. Лавки-балаганы отдавались, смотря по величине, за 4, 6, 7, 15, 25, 30, 37 и 45 р. – В доход города поступило 15 289 р. 15 к., несмотря на то, что некоторые лавки и проч. остались нерозданными.

Но одной площади недостаточно для ярмарки: экипажи, скот и лошади, торговля с возов и мелочная всякого рода с рогож, разместились по всем улицам. Улицы буквально запружены народом так, что в это время не только проезд, но и проход по улицам бывает затруднителен. Стечение народа – громадное, так, например, каждый день прибывают сюда окрестные жители для продажи с возов сельских произведений и для разных покупок; трудно и невозможно определить, сколько перебывает каждый день на ярмарке и сколько таким образом в продолжении целой

ярмарки. Полиция только знает о тех, которые сняли лавки, заняли квартиры и прописали паспорта.

Несмотря на громадное стечение народа, в ярмарку настоящего года, благодаря бдительности здешней полиции, не было никаких особенных случаев не только преступлений, но и нарушения общественного порядка. Ярмарочная площадь оказывается тесною от построек и стечения народа, представляя явную опастность от пожара, хотя, благодаря Бога, во время ярмарки пожаров не случалось, и мензелинские жители говорят: наш город Богом храним; но в случае пожара – тут все погибло: миллионы и люди; от стеснения на улицах самой пожарной команде нет возможности подать скорую помощь. Купцы откровенно говорят, что они, постоянно опасаясь пожара, менее привозят товара, нежели бы могли его привезти, между тем как Мензелинская ярмарка могла бы вполне служить перепутьем к Ирбитской. – Но теперь купечество всегда отправляет два товарных транспорта: один в Мензелинск, а другой в Ирбит; оставшийся товар от Мензелинской ярмарки идет в Бирск, Уфу, Стерлитамак, Златоуст и проч. Губернское начальство, обратив внимание на тесноту помещения Мензелинской ярмарки и могущую быть опасность от пожара, отвело теперь место для ярмарки за городом, обширное и совершенно безопасное для города, в случае пожара, и, как говорят, торгующее здесь купечество скоро намерено начать постройку постоянных, даже каменных, лавок, по примеру того, как это существует в Нижнем Новгороде.

Деятели Мензелинской ярмарки – иногородние купцы, наиболее казанские и елабужские, но кроме того – Москва, Петербург и всякий почти великороссийский город имеет здесь своих представителей, и все те, которые торгуют на Мензелинской ярмарке, точно также торгуют потом на Ирбитской. Среди иногороднего купечества теперь слышится мнение о необходимости переноса ярмарки из Мензелинска за 54 вер. в с. Набережные Челны, на р. Каме, где теперь существует самая значительная хлебная пристань; в особенности же это желание высказывают елабужские купцы, а они-то самые главные торговцы на Мензелинской ярмарке, сам город Елабуга всего только от Набережных Челнов в 19 ¾ в., летом по большому тракту, и 15 в. зимним путем, а Мензелинская ярмарка бывает зимою. Главные хлеботорговцы, сплавляющие хлеб с Челнинской пристани – те же елабужские купцы и казанские; то купечество желает, чтобы или Набережные, или находящееся от них в ½ версте село Мысовые Челны, были сделаны городом. Тогда, говорят они, мы все капиталисты сейчас же переходим в Челны Набережные или Мысовые, – это решительно все равно, и через 10–20 лет, особенно если перенести сюда и мензелинскую ярмарку, это будет один из богатых торговых городов, – другой Рыбинск или Самара.

Таково мнение елабужских купцов, в особенности главных из них по хлеботорговле и гуртовой торговле на Мензелинской ярмарке, каковы: Ушковы, Стахеевы и проч. Здесь я передаю подлинные их слова, слышанные мною от них самих, в бытность мою недавно в г. Елабуге.

С. Челны через пристань и пароходство имеет сношение с Петербургом, Нижним Новгородом, Рыбинском, Пермью и Астраханью; а через Астрахань и с Каспийским портом. Оба селения Челны находятся под самыми выгодными условиями – дешевизны камня, цоколя и строевого леса; ярмарка, если помещение ее делать таким же временным, как в Мензелинске, может быть устроена на самой Каме[42], так как эта ярмарка зимняя; кроме того в Мысовых и Набережных Челнах много места и для постоянных построек; затем переход из Челнов в Ирбит не представляет никакого затруднения, и купечество беспрепятственно может если бы ярмарка была в Мысовых или Набережных Челнах, отправлять уже не два, а один транспорт для здешней и Ирбит-

ской ярмарки. Мимо Челнов проходит тот же тракт от г. Уфы в Вятку, который идет мимо г. Мензелинска; от Уфы до Челнов есть пароходное сообщение.

В самом деле все, что высказывается иногородним купечеством о пользе обращения в город сел Челнов и переносе сюда ярмарки, – слишком важный вопрос, с которым сопряжена польза развития торговли. Вопрос этот достоин тщательного обсуждения. Слыша все эти мнения, я не мог по важности предмета не высказать их здесь, на страницах Уфимских Ведомостей; затем, сделав это невольное отступление, возвращаюсь к описанию Мензелинской ярмарки и оборотов ее в настоящем году.

Главные предметы торговли в здешней ярмарке: бумажные товары, распродаваемые гуртом и по мелочи, по официальным сведениям, с лишком на 1 500 000 р., потом шерстяные изделия, игольный товар, ленты, тесьма, запонки, шкуры, чай, сахар, бакалейный товар, шелковые материи, аптекарский и мускательный товар, прядильная бумага, стальные изделия, мед, воск, рыба, наиболее уральская и сибирская, и наконец – кубовая краска или индиго, в особенности раскупаемая не только на этой, но и на других ярмарках Мензелинского уезда, как-то: 9 мая на Никольской ярмарке в с. Набережных Челнах и прочих, потому что в Мензелинском уезде и в Вятской губернии около р. Камы находятся чуть ли не целые селения красильщиков холста и эти красильщики, особенно весною, ездят по соседним уездам для крашения холста. Торговля индиго большею частию гуртовая и занимает на Мензелинской ярмарке две большии линии лавок. Индиго и москательные товары наиболее идут сюда, в Мензелинск, с химических заводов Елабужских купцов Ушкова и Малютина. В настоящую ярмарку, впрочем, значительными торговцами по этой части были бугульминские купцы Сафронов и Михалев. Чай, сахар и бакалея доставляются наиболее из Кунгура, Перми, Тюмени, Казани, Москвы и Нижнего Новгорода, а так называемый красный товар, как-то: ситцы, материи и проч., равно сукна, исключительно идут из замосковных губерний. Стальные изделия – из Тулы и известной Павловской фабрики; щепной товар, занимающий 2 линии лавок, и мебель исключительно привозятся из Вятской губернии. Впрочем об оборотах на нынешней Мензелинской ярмарке, по привозу и сбыту, и на сколько осталось разного товара непроданным, прилагаю здесь ведомость, составленную из официальных сведений ярмарочного Комитета, из которых видно, что привезено было товаров на 3 999 946 р., продано на 3 020 282 р., осталось непроданным на 979 664 р., и что съезд на ярмарку разного звания лиц простирался до 9669 чел., т. е. таких, о которых полиции могло быть известно.

Ведомость

О товарах, бывших в привозе и продаже на Мензелинской ярмарке в 1867/68 г., и о приезде на ярмарку[42]

Название товаров	На какую сумму привезено товаров	На какую сумму продано	На какую сумму осталось не проданным
Кубовой краски	100 000	90 000	10 000
Разных аптекарских мускательных товаров	94 300	48 500	45 800
Галантерейных товаров	40 000	30 000	10 000
Игольного товара, лент, тесьмы, запонок, шкуры и проч. товара	200 000	185 000	15 000
Церковных и медных изделий	25 800	22 200	3600
Шорных и сыромятных изделий	18 740	12 300	6440

Название товаров	На какую сумму привезено товаров	На какую сумму продано	На какую сумму осталось не проданным
Шляпных и кошомных товаров	4700	2845	1855
Икон и прочего Вязниковского товара	2574	1523	1051
Книг разного содержания (пропущенных цензурою)	1232	821	411
Фруктовых и бакалейных товаров	97 754	62 523	35 231
Чая	675 231	362 121	313 110
Сахара	342 372	231 141	111 231
Итого	**1 602 703**	**1 048 974**	**553 729**
Разных фабричных изделий			
Сукон панских	54 645	33 232	21 413
Сукон верблюжьих	14 800	12 740	2060
Разных шерстяных изделий	96 742	63 420	33 322
Бумажных товаров гуртовых мелочных	1 285 749 171 972	1 162 514 135 200	123 235 40 452
Позументов и других золотых, серебрянных и апликовых вещей в татарском вкусе	18 454	12 302	6152
Полотнянного товара	10 642	6420	4222
Шёлка в сырце	1900	1300	600
Бумаги прядильной	99 874	74 720	25 254
Итого	**1 945 408**	**1 648 288**	**297 120**
Мехов разного рода: выделанных			
Беличьих	8000	7000	1000
Сурковых	4500	2500	2000
Лисьих	16 000	13 000	3000
Норковых	2800	1200	1600
Заячьих	1500	800	700
Мерлушковых	2900	1500	1400
Собольих, бобровых, енотовых и прочих	30 000	15 000	15 000
Шуб овчинных	5800	2800	3000
Итого	**71 500**	**43 800**	**27 700**
Сырых кож и овчин.			
Куниц	2900	1900	1000
Лисицы	3950	2720	1230
Зайца	10 795	10 000	795
Волчьих, медвежьих и мелкого зверя	3900	2000	1900
Овчин и козловых	35 000	24 000	11 000
Конских и яловых кож	60 000	50 000	10 000
Кожевенных изделий	6500	4000	2500
Сафьяновых изделий	15 000	12 000	3000
Шапочного и картузного товара	9940	7500	2440
Итого	**147 985**	**114 120**	**33 865**
Заводских изделий			
Медных	1500	1000	500
Стальных тульских и павловских	14 200	10 200	4000

Название товаров	На какую сумму привезено товаров	На какую сумму продано	На какую сумму осталось не проданным
Железных	11 000	9000	2000
Чугунных	5200	3200	2000
Сундуков, подносов и прочего	2300	1300	1000
Фарфора и хрусталя	49 000	29 000	20 000
Книг татарских	400	250	150
Шерсти верблюжьей	2600	1600	1000
Ковров войлоков и армячины	1900	1000	900
Простого табаку	9700	7000	2700
Мыла и свеч	5500	3500	2000
Мёду и воску	29 600	25 000	4600
Сала	1500	900	600
Масла коровьего	5900	4900	1000
Рыбы разных сортов	30 000	20 000	10 000
Льна и конопли	4800	3000	1800
Разной мебели	2250	1250	1000
Крестьянского изделия, дровней, кулей и прочего	5600	5000	600
Хлеба разного рода	10 000	9000	1000
Крупчатой муки	9900	7000	2900
Лошадей	20 000	15 000	5000
Экипажей	9500	7000	2500
Итого	**232 350**	**165 100**	**67 250**
Всего	**3 999 946**	**3 020 282**	**979 664**

Съезд на Мензелинскую ярмарку лиц разного звания торгующих и неторгующих:

Дворян – 42
Купцов 1 гильдии – 20
2 гильдии – 315
Торгующих по свидетельствам – 500
Иностранцев – 5
Купеческих приказчиков – 250
Другого звания лиц – 8537
Итого – 9669

Но, до какой степени вообще верны цифры всех ярмарок – ручаться нельзя, потому что торговля дело частное, которое ни частный человек, ни официальная власть не могут контролировать, и потому должно полагаться на слова торговцев. Но торговцам, как они и сами говорят, одному нужно по своим домашним соображениям сказать более о своих оборотах, другому – менее, так что лишь весьма немногие из торговцев дают полиции точную, откровенную цифру. Пишущий это, т.е. я сам, убедился наконец уже в этом на опыте, три года стараясь ознакомиться с торговлею нашей губернии, и поэтому полагаю, что обороты Мензелинской ярмарки и по привозу, и по сбыту в действительности значительнее того, чем они являются в официальных цифрах. Официальные цифры верны в одном – какого товара более и какого менее привозится и сбывается.

В нынешнюю ярмарку лавки расположены были на торговой площади в следующем порядке: около собора в два ряда – щепная линия и фарфоровая, потом отсюда линия: шапочная, гуртовая, шорная и сапожная, шапочная мелочная, стальная, игольная, чайная, вязниковские – гуртовая и мелочная, шубная и мелочная, в том числе продажа табаку, и наиболее простого, который сюда привозится из Симбирской и Саратовской губерний, особенно же из немецких колоний последней. Во 2-й линии были здешние по-

стоянные лавки или гостинный двор, а затем – временно устроенные линии: шапочная и шляпная, мелочная, тульских и медных вещей, москательная, пушная гуртовая, бакалейная, красного товара и сукон гуртовая и мелочная линии и бухарские; торговцы здесь исключительно казанские татары; здесь продаются халаты, материи, чай и сахар и частию бакалеи. На площади в домах было до 10 трактиров и гостинниц даже и с нумерами для приезжающих; лучшими могли назваться известного в Уфе содержателя гостиницы, купца Сахарова, и потом купца Вдовина. Цены и в лучших, и в самых посредственных гостиницах были на все двойные, хоть бы в той же гостинице Сахарова в сравнении с уфимскими ценами на те же самые предметы; но содержатели гостиниц говорят, что им иначе и нельзя здесь торговать, начиная с того, что они заплатили по несколько сот рублей за одну квартиру, кроме издержек приезда и проч.; надо же на чем-нибудь выручить – и выручали... В двух гостиницах были музыка, играли евреи на цимбалах с аккомпанементом скрипок, кларнета и виолончели; впрочем играли не одни евреи, были между ними и русские, преимущественно мальчики. Эти импровизированные оркестры конкурировали между собой, начиная с переманки артистов, и дело доходило в этом случае между антрепренерами оркестров до полицейского разбирательства... Между гостиницами была одна – бухарская – в мусульманском вкусе, без продажи вина; здесь только был чай и приготовлялось кушанье в татарском вкусе; была и своя музыка, и свои песни, и татарские заунывные мелодии раздавались до узаконенного часа закрытия гостиниц. На ярмарке не было комедиантов, но был один артист-спекулянт, устроивший балаган для стрельбы в цель; за вход платилось по 10 коп., а за выстрел из пистолета или духового ружья – по 60 к.; артист предлагал пари от 1 до 10 руб., цель назначалась самая микроскопическая, а оружие должно было быть его же, а отнюдь не самого посетителя... Охотников до прицельной стрельбы и до пари нашлось мало, а артист-спекулянт остался в накладе.

Мензелинская ярмарка по посетителям своим носит характер азиатский: здесь наиболее на всяком шагу, на улице и в домах встречаем татар и башкир, ими наполнены тесно дома, по несколько человек в маленькой комнате. Они большею частию приезжают сюда возчиками товаров, для мелочного торга и продажи, или просто так, из любопытства, посмотреть ярмарку. Мы конечно это говорим не о татарах купцах, из которых немало капиталистов и оптовых торговцев, не говорим этого и о бывающих здесь бухарцах и иногда персиянах. Татары бедного класса здесь являются в высшей степени экономными; зная хорошо, что по дороговизне квартир здесь во время ярмарки за всякий уголок в доме надо, смотря по времени, платить десятки рублей, так что во время ярмарки хозяин отказывает и годовому жильцу, или тот должен платить особо за время ярмарки, а за то, чтобы поставить на сутки лошадь на дворе с санями, надо отдать 2 и 3 целковых, татары собираются артелями и располагаются по несколько человек в одной комнатке, следуя вполне русской пословице – «в тесноте люди живут, и теснота не обида». – Духота, шум, гам, вечный чад и угар от десятка самоваров... Но цель достигнута, каждый татарин-постоялец, благодаря складчине, дешево отделался какимнибудь полтинником – и ярмарку видел... Кроме татар и башкир, на ярмарке увидите всех инородцев Уфимской и Вятской губерний; здесь просто смесь племен и наречий.

Большая часть сельских и вообще окрестных жителей, даже из Елабужского, Сарапульского и Бугульминского уездов, являются сюда за покупкою лошадей и в прежние годы этим начиналась ярмарка, но тогда, особенно лет десять и более того, торг лошадьми был значительнее, лошади были нужны для хозяев барок и судов, для коноводных

машин и бечевой; но явилось буксирное пароходство – и коноводные машины, и бечевая, и бурлачество на камских пристанях обратились в предания, и поэтому вообще продажа лошадей значительно уменьшилась на ярмарках. Не далее как в 1858 году, по официальным сведениям, продано лошадей на 110 000, а в нынешнюю Мензелинскую ярмарку только на 15 000 р.

Но во всем прочем Мензелинская ярмарка возрастает и будет возрастать, особенно если бы устранились препятствия, о которых заявляют торговцы, и к чему стремится губернское начальство, назначением нового и самого удобного помещения для ярмарки. Нельзя при этом еще раз не вспомнить о выгоде переноса ярмарки в с. Челны и устройстве там города, так много обещающего в будущем для процветания торговли нашей Уфимской губернии. Может быть когда-нибудь это все и осуществится на самом деле; голос народа мимо нейдет, потому что это Божий голос.

Многие из торговцев находят полезным, чтобы и самый срок продолжения ярмарки был долее, нежели он теперь, – пусть Мензелинская ярмарка, по их словам, продолжается целый месяц.

Вот и все, что могу сказать о Мензелинской ярмарке редакции Уфимских ведомостей; но я не оставлю впоследствии еще поговорить об этой ярмарке, по мере того как соберу о ней более положительные и точные факты.

20 января 1868 года[42].
(Уфимские губернские ведомости.
1868. 9, 16 марта)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Хусаинова Г.Т.* Игнатьев Руф Гаврилович // Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т. 3. З–К. Уфа, 2007. С. 127; *Зобов Ю.С.* Игнатьев Руф Гаврилович // Историки Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2003. С. 140–141; *Боже В.С., Виноградов Н.Б.* Игнатьев Руф Гаврилович // Челябинская область: энциклопедия. – Челябинск, 2004. – С. 547; и мн. др.

[2] Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. I. Дворянство жалованное и выслуженное. А–И / под ред. Л.М. Савелова. – М., 1914. – С. 659.

[3] РГИА. Ф. 577. Оп. 9. Д. 13. Л. 25 и об., 26, 28 и об.

[4] Там же. Л. 3 об., 5 об., 33.

[5] *Зиновьев А.* Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. – М., 1863. – С. 31, и др.

[6] Историческая записка о деятельности императорского московского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890. Приложения. С. 303; композитор Ф.Ж. Галеви (1799–1862, среди учеников Ш. Гуано, Ж. Бизе, К. Сен-Санс), о нем см., например: http://www.musicologie.org/Biographies/h/halevy.html; http: // www. appl-lachaise. net / appl / article.php3?id_article=2047.

[7] См.: *Зобов Ю.* Знаток древностей Башкирии // Сохраним выцветшие строки... Уфа, 1988. – С. 125–127.

[8] ОР РНБ. Ф. 391. Д. 396. Л. 1–2.

[9] Активность Р.Г. Игнатьева была замечена столичной прессой и его труды включались в указатели того времени, см. напр.: *Геннади Г.* Указатель географических, этнографических и статистических статей, помещенных в Губернских Ведомостях 1851 года // Вестник императорского русского географического общества / под ред. В.А. Милютина. 1852. Ч. 5, кн. 1. СПб., 1852. IV. Библиография. – С. 29–30.

[10] См.: *Зобов Ю.С.* Игнатьев Руф Гаврилович. – С. 140–141.

[11] ОР РНБ. Ф. 391. Д. 396. Л. 4 об.

[12] См.: *Игнатьев Р.* Г. Верхнеуральск. Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. – Уфа, б. г. Отдел первый.

[13] См.: *Бурмистрова Л.П.* «Губернские ведомости» как исторический источник эпохи падения крепостного права. (На материале Поволжья и Урала). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1968; *Она же.* Провинциальная газета в эпоху русских просветителей (Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840–1850 гг.). – Казань, 1985.

[14] Московские ведомости. 1861. 23 ноября.

[15] См., напр.: *М. К-шев*. Мензелинская ярмарка в 1859 году // Русский дневник (Санкт-Петербург). 1859. 11 марта.

[16] См.: *Роднов М.И.* Судьба редактора. Историко-документальная повесть. – Уфа, 2009 (полный текст книги на сайте «Роднов и его друзья»).

[17] См.: Оренбургские губернские ведомости. 1867. 18 февраля; Уфимские губернские ведомости. 1867. 29 апреля.

[18] *Игнатьев Руф.* Ответ господину Н. Б. о писателе Рычкове. [Казань, 1867]. С. 1–8. Автор благодарит казанского историка А.И. Ногманова, предоставившего текст этой работы, в РНБ, например, она утеряна.

[19] РГИА. Ф. 577. Оп. 9. Д. 13. Л. 29 об., 32, 40 об. и др.

[20] Там же. Л. 10, 13 об., 47 об.

[21] Там же. Л. 47 об.

[22] «Р.Г. Игнатьев в 1873 г. путешествовал по Елабужскому и Сарапульскому уездам для сбора статистических сведений, привез оттуда много материалов и часто печатался в “Губернских ведомостях”» (*Чудова Г.Ф.* В те далекие годы. – Киров, 1981. – С. 78–79).

[23] Казанский биржевой листок. 1881. 22 февраля.

[24] *Витевский В.* Вместо предисловия // *Игнатьев Р.* Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор // Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Т. XI, вып. 2. – Казань, 1893. – С. 147.

[25] Уфимские губернские ведомости. 1868. 9, 16 марта.

[26] Там же. 12 октября.

[27] См., напр.: *Игнатьев Р.* Ногайские валы в Уфимской губернии // Древности. Труды Московского Археологического общества / под ред. К. Гёрца. Т. II, вып. I–III. М., 1870. Материалы для археологического словаря. – С. 41–44.

[28] См.: *Игнатьев Р.Г., Гурвич Н.А.* Мелкие производства и ручной труд (В оглавлении: Мелкие производства и ручной труд. Добыча железа и рудничный промысел, *Гурвича и Игнатьева*) // Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии / под ред. Н.А. Гурвича. Часть I-я. – Уфа, 1873. – С. 143–150.

[29] См.: *Р.И.* II. Хронологический перечень. Лиц, стоявших во главе управления, духовного и гражданского, Оренбургским краем и Уфимской губернией, от построения г. Уфы, 1574 г., до настоящего времени (В оглавлении: Хронологический перечень лиц, состоявших в главе Управления Оренбургским краем до настоящего времени, его же, то есть Р.Г. Игнатьева) // Там же. Ч. II. – Уфа, 1873. – С. 19–27.

[30] См.: Сведения о церквах Уфимской губернии (в оглавлении: Сведения о церквах и приходах Уфим. губ. (из сведения Духовн. Консистории)) / *Составлены Р. Игнатьевым* // Там же. – С. 32–60.

[31] *Витевский В.* Указ. соч. – С. 149.

[32] *Роднов М.И.* Указ. соч. – С. 20–23.

[33] *Витевский В.* Указ. соч. – С. 150.

[34] Известия о занятиях четвертого археологического съезда в Казани. Казань, 1877. С. 6, 10; Труды четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Том первый. – Казань, 1884. С. XVII. Р.Г. Игнатьев участвовал в работе еще первого археологического съезда в 1869 г.

[35] См.: *Роднов М.И.* Указ. соч. С. 23–27; *Бондарчик В.К.* Основные этапы и тенденции в развитии дореволюционной белорусской этнографии. – М., 1964; др.

[36] См. также: *Кулжинский А.И.* Известия о курганах и городищах. VII. Курганы Новгородской губернии. [СПб]., 1860. А.И. Кулжинский являлся редактором «Новгородских губернских ведомостей» в марте – октябре 1853 г. и за подписью «Ред.» в № 34 от 22 августа вышли «Курганы Новгородской губернии. Статья 3».

[37] Курганы Новгородской губернии. Белозерский уезд. Статья 1 / составлено Р.Г. Игнатьевым // Новгородские губернские ведомости. 1853. 14, 21 марта. Опубликованные в конце 1853 г. в этой же газете анонимные «Курганы Новгородской губернии. Статья 4» (также как следующие статьи 5 и 6) в указателе Г.Н. Геннади отмечены под авторством Р. Игнатьева (*Геннади Г.Н.* Указатель географических, этнографических и статистических статей, помещенных в губернских ведомостях 1854 года // Вестник императорского русского географического общества. 1855. Ч. 14. [Кн. 3]. –СПб., 1855. – С. 19).

[38] *Торопова Е.В.* Памятники археологии Новгородской области: история изучения (XVIII – начало XX в.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 11. См. также: *Торопова Е.В.* Из истории археологического изучения Новгородской земли (Руф Гаврилович Игнатьев, 1819–1886) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы научной конференции (Новгород, 26–28 января 1999 г.). – Новгород, 1999. Вып. 13. С. 337–342; *Она же.* Большой знаток новгородских древностей // Чело. 1999. № 2. С. 75–77.

[39] Известия о занятиях четвертого археологического съезда в Казани. С. 150–151; см. также: Труды четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани, с 31 июля по 18 августа 1877 года. Том второй. Казань, 1891. Указатель личных и географических имен, встречающихся в I и II томах трудов IV археологического съезда. – С. 15.

[40] Указатель выставки при четвертом археологическом съезде. Казань, 1877. С. 83–84. Возможно, эта коллекция осталась в Казани: «Образцы тканей башкирского вкуса и изделия, собранные в различных селениях Белебеевского уезда Уфимской губернии» (Каталог выставки 1882 года Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. – Казань, 1882. – С. 49).

[41] *Витевский В.* Указ. соч. – С. 158.

[42] Историческая записка о деятельности императорского московского археологического общества за первые 25 лет существования. – С. 303.

Аннотация

Историк-краевед Р.Г. Игнатьев (1818–1886), начавший свою научную карьеру в Великом Новгороде, основные труды создал по истории Южного Урала, в Уфе и Оренбурге. Но во многих статьях он затрагивал историю Мензелинского уезда Уфимской губернии, сейчас территория Республики Татарстан. Он собрал уникальную информацию по экономике, археологии, историческому наследию Прикамья. Несколько раз Р.Г. Игнатьев посещал и Казань, где встречался с ведущими исследователями того времени – В.Н. Витевским, Н.И. Ильминским и др.

Ключевые слова: история, археология, экономика, этнология, Южный Урал, Татарстан, Великий Новгород, Прикамье.

Summary

Historian Ignatiev R.G. (1818–1886) began his scientific career in Veliky Novgorod and created his main works about the history of the Southern Urals, Ufa and Orenburg. However, in many articles he touched upon the history of Menzelinsk county of Ufa Province and now the Republic of Tatarstan. He collected the unique information about economics, archeology and historic heritage of the Kama area. Ignatiev R.G. visited Kazan a few times where he met the leading investigators of that time – Vitevsky V.N., Ilminsky N.I. and others.

Keywords: history, archeology, economics, ethnology, South Ural, Tatarstan, Veliky Novgorod, Pre Kama.

УДК 347.63

БЕСПРИЗОРНОСТЬ ДЕТЕЙ В ТАССР В 1930-е гг.

***И.И. Ханипова**, кандидат исторических наук*

В 1930-е гг., несмотря на официальное заявление государства о полной ликвидации массовой уличной беспризорности детей, присутствие на улицах беспризорных и безнадзорных детей было частым явлением. Различий между понятиями «беспризорный» и «безнадзорный» в рассматриваемый период практически не делали. В официальной документации фигурировало понятие детская беспризорность, объединявшее оба эти термина. С 1935 г. в сочетании с детской беспризорностью появляется и термин «безнадзорность» [1, с.130].

В этот период начинается второй этап в развитии детского сиротства и беспризорничества. Он связан со многими факторами – раскулачиванием и кулацкой ссылкой, административными и партийными чистками, репрессиями, переселением различных категорий граждан и др., что повлекло за собой массовую гибель людей и голод, отсутствие родительской опеки [2, с. 23]. На наш взгляд, весомую роль в распространении беспризорничества в Татарской республике сыграл голод начала 1930-х гг. Доказательством тому служат, в частности, участившиеся к 1933 г. факты подбрасывания детей в детские учреждения, нищенствование детей малолетнего возраста на улицах г. Казани.

В 1933 г. в связи с огромным наплывом беспризорных сеть детских домов, существовавшая в республике, была не в состоянии охватить всех детей. На протяжении 1933 г. по г. Казани дважды проводился сбор беспризорных детей, которых пристраивали в детдома или же сразу направляли на патронат по районам республики. Кроме того, в г. Казани было дополнительно организовано три временных детприемника, задача которых заключалась в оказании детям общественной помощи, адаптации в коллективе. В приемниках-распределителях дети могли находиться не более одного месяца. По истечении указанного срока их должны были направить в детское учреждение соответствующего типа, либо, если были живы родные, вернуть родителям или родственникам [СПиР, с.474]. После постановления 1935 г. к февралю 1940 г. через приемник-распределитель НКВД было пропущено более 10,5 тыс. детей (из них 3860 чел. стали беспризорными по причине смерти родителей, 3183 чел. – в силу тяжелых материальных условий). Кроме того, по приказу Наркома путей сообщения и Наркома просвещения РСФСР от 29 ноября 1933 г. «Об усилении работы по ликвидации детской беспризорности на железнодорожном транспорте» в 1934 г. в Казани, как и в ряде узловых станций страны, действовал вагоно-приемник для беспризорных.

В 1934 г. в ТАССР было 22 детских дома, из них 1 приемник-распределитель, 15 – для нормальных детей (школьного и дошкольного возраста), в т.ч. 1 для детей, страдающих венерическими заболеваниями. Для детей с отклонениями в физическом или психическом развитии («физически дефективных») предназначались 7 детских домов – 3 для глухонемых, 2 для слепых и 1 для умственно-отсталых детей. Однако принципы укомплектования часто не соблюдались и на протяжении 1930-х гг. в детских домах нормально-

го типа встречались дети с морально-дефективными отклонениями. Территориально 18 детских домов находились в районах республики и 4 – в г. Казани. По национальной принадлежности детей 4 детдома преимущественно были татарскими, 3 – русскими и 15 – смешанными.

К концу 1938 г. в Татарии функционировало 24 детских домов, в том числе 13 школьных, 4 дошкольных (один из которых – для глухонемых детей), 7 специальных (в том числе один с особым режимом). На 1 февраля 1940 г. в республике насчитывалось 25 детских домов, в том числе 17 нормального типа, 6 для дефективных детей и 2 специальных детдома.

Если на 1 сентября 1934 г. (а в 1935 г. на всесоюзном уровне было официально объявлено о том, что с детской беспризорностью в стране покончено) общая численность детей в детских домах ТАССР составляла 2328 детей, то к началу 1940 г. она достигла уже 3603 чел, значительно превышая численность детей по штату. На наш взгляд, резко возросшее количество детей сирот, беспризорных детей объясняется голодом, который испытали жители республики, особенно сельских районов, накануне Великой Отечественной войны [3; 4]. Увеличился приток беспризорных и безнадзорных детей в крупных районных центрах (Агрыз, Елабуга, Чистополь, Бугульма, Мамадыш). С улиц Казани только за 10 месяцев 1939 г. органами милиции ТАССР было изъято 2528 детей в возрасте 10–16 лет, из них 969 беспризорных, 1372 безнадзорных, 149 заблудившихся и 38 подкинутых родителями.

На бытовую и хозяйственную жизнь детдомов возлагались серьезные педагогические задачи: борьба с потребительской психологией воспитанников, с отсутствием привязанности и небрежным отношением к имуществу домов. Наиболее подходящими отраслями хозяйства считались те, в которых мог быть использован труд детей разных возрастов, в первую очередь огородничество, кролиководство, свиноводство [5, с. 59–60].

С целью улучшения материально-бытовых условий воспитанников в 1932–1933 гг. детские дома Татарии перешли на создание подсобных хозяйств. К октябрю 1935 г. поголовье лошадей в детских домах республики насчитывало 57 голов, коров – 69 голов, телят – 58 голов, свиней – 95 голов, овец – 141 голову. К концу 1930-х гг. при всех детдомах (за исключением Елабужского дошкольного, Мамадышского, Свияжского, Тетюшского, Ялкинского школьных детдомов) имелись свои подсобные хозяйства.

Одна из главных задач подсобного хозяйства при детдомах заключалась в улучшении питания. На протяжении тридцатых годов нормы питания детей в детских домах, как правило, были недостаточными. Продукты питания, потребляемые детьми, оставались низкокалорийными и крайне однообразными, не хватало жиров, белков. Пища готовилась невкусно. Так, материалы обследований ряда районных детдомов республики за 1931 г. показывают, что в мае 1931 г. в меню школьников входило: утром чай и 200 г хлеба. Вместо полагающейся нормы питания – хлеба 600 г, мяса 100 г, крупы 100 г, овощей 100 г, сахара 20 г, масла 20 г выдавалось хлеба белого и черного 548 г, мяса 54 г, овощей 610 г, крупы (риса) 61 г или песка 120 г. Жиры практически отсутствовали в рационе. Молоко выдавалось изредка. Чай дети получали один раз в день, так как не было отдельного котла для кипячения воды.

В меню дошкольников включалось: на завтрак чай с молоком, 20 г белого хлеба и сахар. На обед – суп мясной или молочная лапша и черный хлеб. В 4 часа – чай с хлебом и сахаром, на ужин – каша и хлеб. Всего хлеба – черного и белого – на день выдавалось 500 г, сахара 15 г, мяса 50 г, макарон 25–30 г, крупы (разной) 50 г, овощей 150 г, масла 5 г (не всегда), молока на всех детей детдома – 1–2 четверти вместо минимальной нормы. Меню

детского дома для подростков было таким: утром – чай с хлебом сахаром, на обед – суп или щи, на ужин – каша или лапша. Кипяток имелся в течение всего дня. На одного человека выдавалось круп разных 100–120 г, мяса 75 г, сахара 15–20, хлеба белого и черного 600 г, разных овощей до 300 г, жиров 10–15 г – не ежедневно. Детдом подростков нуждался как в улучшении питания, так и в пополнении оборудования и обмундирования, белья. Плохо обстояло дело с питанием в Елабужской детской областной школе слепых – на человека приходилось 400 г хлеба, изредка выдавались крупы, сладостей (сахара) не получали несколько месяцев. В Елабужской школе колхозной молодежи с февраля и в течение 1931 г. полностью отсутствовало снабжение мясом и жирами. На протяжении 1933 г. большинство детских домов республики недополучали продукты питания, либо снабжались только ржаной мукой и в недостаточном количестве.

В начале 1935 г. нормы продуктов питания на каждого ребенка районных детдомов, определенные Татвнуторгом, были значительно ниже норм центра. Но и они выполнялись не полностью. В 1936–1937 гг. воспитанники детдомов по-прежнему недополучали мясо, рыбу, масло, молоко. Так, в декабре 1936 г. меню Свияжского детдома слепых было однообразным: на завтрак – чай с белым хлебом, на обед – суп мясной и второе (мясное). В 4 часа – чай с хлебом, на ужин – картофельное пюре на маргарине. Фактически же два блюда на обед подавались далеко не всегда. Дети, находившиеся на патронате по линии наркоматов и сельских советов через колхозные кассы взаимопомощи, также недообеспечивались питанием, что вело к увеличению побегов детей и притока их в г. Казань.

Недопоставка или полное отсутствие поставки продуктов детдомам в 1940 г. вынуждало руководство районных детдомов покупать продукты на рынке, на что тоже катастрофически не хватало средств.

Практически во всех детских домах наблюдалась значительная нехватка белья как нательного, так и постельного (последнее, при наличии одеял и подушек, часто вовсе отсутствовало). Более половины имеющейся в наличии одежды и обуви требовали ремонта, были негодными к употреблению. Не хватало головных уборов, зимних пальто, валенок и ботинок. В некоторых детдомах у воспитанников совсем отсутствовала верхняя одежда и обувь.

Нужно отметить, что ограничения в питании, одежде, а также в возможностях приобретения товаров первой необходимости испытывали не только воспитанники детдомов, но и большая часть населения всей республики. Общий уровень обеспечения населения промышленными и продовольственными товарами в 1930-е гг. оставался невысоким. Многие деревенские жители также испытывали продовольственные трудности.

На протяжении 1930-х гг. не было построено ни одного стационарного здания для детских домов или специальных школ. Ни один из детских домов не был обеспечен достаточной жилой площадью. Как правило, помещения, занимаемые детскими домами, были старыми, ветхими, требовали ремонтных работ (как внутренних, так и наружных). Срочный капитальный ремонт был необходим зданиям Чистопольской и Бугульминской школ для глухонемых, Мамадышского, Бугульминского, Лаишевского, Мензелинского, Елабужского и Кокшанского школьных детдомов.

Ситуация с материально-бытовыми условиями детских домов к концу 1930-х гг. не изменилась. Столовые, уборные, умывальные комнаты оставались необорудованными. Часто дети проживали в холодных неотапливаемых помещениях. Из-за недостатка помещений дети были вынуждены спать в коридорах, столовых. Вместо положенной по санитарным нормам полезной площади на каждого ребенка – общей 10,9 кв.м. и спальни 3,5 кв.м, приходи-

лось общей площади 7 кв.м и спальни 2,5 кв.м.

Так, материалы обследований 1937 г. Чистопольского детского дома № 2 показали, что на двести человек имелось три здания – общежитие, столовая и клуб. Столовая находилась в антисанитарном состоянии – грязно на столах, на полу, на окнах, помещение было неуютным и имело казарменный вид. У детей для приема пищи не хватало ложек, вилок, кружек и тарелок. Антисанитария наблюдалась и в общежитии – клопы, грязь, теснота. На койках спали по 2 человека, постель не дезинфицировалась. Отсутствие стаканов, графинов с водой вынуждало детей пить сырую воду из-под крана. У детдомовцев не имелось в достаточном количестве зубных щеток и порошка.

В антисанитарном состоянии находился и Займищенский детдом. Здания к началу учебного года остались без ремонта, детям негде было расположиться, чтобы готовить уроки. Воспитанники ходили в грязной одежде, не имели мыла и зубного порошка, пили сырую воду. Кухонные работники не соблюдали санитарно-гигиенические требования.

Казанский детский дом № 1 по материалам обследования 1938 г. также находился в антисанитарном состоянии. Детдомовцы вынуждены были спать по двое, в столовой и спальнях грязно, на стенах пыль, двери расшатаны, на них отсутствуют ручки, окна в отдельных комнатах разбиты. В уборных грязь, на полу вода, дети босые умываются, а потом с грязными ногами ложатся в постель. Часто не бывало кипяченой воды, и дети пили сырую воду.

Санитарно-гигиеническое состояние Елабужского дошкольного детского дома в 1938–1939 гг. находилось на хорошем уровне. Тем не менее, недостаток жилых площадей приводил к тому, что около 30% детей вынуждены были спать по двое в одной кровати. Необходимые для расширения жилой площади 30–40 тыс. рублей, заложенные в смете 1939 г., Наркомфином и Наркомпросом были проигнорированы, деньги выделены только на текущий ремонт.

Материалы отчетов за 1939–1940 гг. показывают, что ситуация с антисанитарным состоянием ряда детских домов продолжала сохраняться. Следствием этого стало массовое заражение воспитанников педикулезом, чесоткой, трахомой и другими заразными заболеваниями.

В целом к 1940 г. детские дома ТАССР были перегружены, нормы вместимости не соблюдались. В целях повышения пропускной способности детских домов, детей старшего возраста, т.н. «переростков в возрасте от 14 лет», устраивали в школы фабричного обучения, на промышленное производство, в колхозы и совхозы для работы и обучения в производственных бригадах [СПиР, с.475]. Только в 1939 г. детдома необходимо было «разгрузить» – фактически определить на работу 190 детей, в результате к концу года было устроено 204 чел. В 1940 г. подлежало трудоустройству 300 воспитанников, в 1941 г. – еще 150 воспитанников детдомов.

Наряду с общеобразовательной деятельностью одним из главных направлений деятельности детских домов республики в 1930-х гг. было профессиональное обучение. Еще в январе 1931 г. Комиссия по вопросам ликвидации беспризорности указала на необходимость органичного слияния нормального школьного детдома со школой фабрично-заводского ученичества, школой колхозной молодежи. 5 мая 1931 г. Наркомпрос издал инструкцию о слиянии детдомов школьного типа со школами, а 26 мая совещание Деткомиссии союзных республик вынесло решение о прикреплении всех детских учреждений с 1 сентября 1931 г. к школам и через них и вместе с ними – к производствам[1], МТС, совхозам, колхозам и т.д. [5, с.24].

Дети младшего возраста приобретали навыки работы на уроках труда – учились не только так называемому «са-

мообслуживанию»: пришивать пуговицы и вешалки, ставить простую заплатку, но и подметать пол, проверять качество проделанной работы – правильно ли сложены дрова, истоплена печь, запряжена лошадь, а также участвовали в очередных дежурствах по детдому.

Воспитанники старших возрастов принимали участие в работе на сельскохозяйственных участках (уборке картофеля, чистке дорожек, работам на территории сада, обработке яблонь) и специально организованных мастерских (столярных, корзиночных, сапожных, трикотажных, швейных). Ребята осваивали такие виды специальностей, как столяр, швея, сапожник. По окончании двухгодичной программы воспитанники получали 3–4 разряд рабочего, что давало возможность начать самостоятельную трудовую жизнь. Так, воспитанники Мензелинского детдома закреплялись по мастерским с 12 лет, и ежедневное посещение мастерской было обязательным.

Обучая воспитанников, мастерские выпускали изделия главным образом на нужды самих детдомов. И только в тех случаях, когда отсутствовал материал, брали заказы из сырья заказчика. Среди создаваемой детдомовцами продукции перечисляются табуреты, шкафы, столы, тумбочки, этажерки, рамки для портретов (столярные изделия), нижнее белье, платья, кофточки, юбки, гимнастерки (швейная продукция), шарфы, шапки, варежки, свитера, гамаши, рейтузы (трикотажные изделия), сапоги, туфли, ботинки. Производился также ремонт обуви.

К сентябрю 1939 г. в 18 детских домах насчитывалось 44 мастерские. В их деятельности оставалось много организационных, финансово-материальных и даже методических трудностей. Из-за отсутствия двигателей срывалась механизация мастерских. Очень часто мастерские находились в неприспособленных для работы помещениях. Не имели достаточного количества оборудования, например, в швейных мастерских на группу в 20–25 человек было всего 3 машины. Не хватало инвентаря, необходимых материалов, сырья. Иногда при наличии хорошего оборудования отсутствовали опытные инструкторы и подготовленные преподаватели (например, в Новомирском, Мамадышском детдомах). Некоторые преподаватели-мастера недостаточно владели теорией мастерства, не умели передавать знания учащимся. Мероприятия, направленные на повышение качества подготовки инструкторов трудового обучения для детских домов республики не привели к улучшению постановки трудового обучения.

Контингент детей, находившихся в детских домах, особенно специальных, также оставлял желать лучшего. Среди воспитанников наблюдалось грубое нарушение дисциплины: ругань, курение табака, пение нецензурных песен, игра в деньги, вызывающее поведение по отношению к воспитателям. Встречались факты воровства и хулиганства. В детдомах трудновоспитуемых на стенах классов, комнат и на партах были нарисованы фашистские знаки, нецензурные слова. У некоторых детдомовцев имелись ножи. Бывали случаи, когда воспитанники на уроках слесарного мастерства изготовляли ключи, ножи, кинжалы и даже самодельное огнестрельное оружие.

Несмотря на столь нелегкие условия работы и участившуюся задержку зарплаты, отдельные педагоги и воспитатели предпринимали немало усилий, чтобы адаптировать детдомовцев к условиям обычной жизни. Честно и добросовестно относясь к своей работе, заботливо – к воспитанникам, они проводили дополнительные занятия с отстающими, стремились проявлять индивидуальный подход к каждому ребенку (Кураловский, Лаишевский, Тетюшский детдома). Гораздо чаще имели место непедагогические меры воспитания – грубое отношение к детям как со стороны воспитателей, так и со стороны обслуживающего и технического персонала, избиение детей. Это нередко приводило к побегам из детдомов,

тем самым сводя на нет процессы социализации беспризорных детей.

Педагогический состав детских домов, несмотря на проводившиеся курсы, был непрофессиональным. Комплектование кадрами было неудовлетворительным, педагогов не хватало, имела место текучесть педкадров – когда за год в группах отдельных детдомов сменялось по три-четыре воспитателя. И если педагоги в большинстве своем имели достаточное образование – специальное среднее, общее среднее и педагогический стаж, то воспитатели, как правило, имели либо среднее и неоконченное среднее, либо низшее образование. Недоукомплектованность детских домов соответствующими кадрами, низкая квалификация сказывались на постановке учебно-воспитательной работы в детских домах. На 1936 год в 22 детдомах республики по штатам должно было состоять 146 воспитателей (не хватало 31 чел.), 53 педагога (не хватало 32 чел.). Из 22 полагающихся по штатам заведующих детдомами в наличии имелось только 18 чел. По утверждению Штатной комиссии при Наркомфине РСФСР, штат детских домов на 1937 г. необходимо было увеличить в 1,5 раза. В 1938 г. учителей (только спецшкол) было 73 чел., воспитателей – 236 чел., в т.ч. 112 – в школьных детдомах, 63 – в спецшколах и 61 – в дошкольных детдомах. В 1939 г. в детдомах насчитывалось 232 воспитателя и 143 учителя. К 1 сентября 1939 – 1940 уч. г. в детдомах республики по-прежнему не хватало 65 педагогов и воспитателей.

Плохие материально-бытовые условия, нехватка еды, необеспеченность одеждой, обувью, не всегда корректное отношение воспитателей к детям, вызывали большую текучесть воспитанников, так называемую повторную беспризорность.

Своеобразной формой сокращения детской беспризорности в республике в 1930-е гг. стало так называемое патронирование[2] детей – перераспределение на воспитание в крестьянские семьи [6, с.100–102]. В 1934 г. в работе по линии патронирования участвовало 44 района ТАССР. Наилучшими по развертыванию работы стали Елабужский, Чистопольский, Бугульминский, Сармановский и Дубъязский.

Патронируемые подростки, достигнув 16-летнего возраста, автоматически становились членами колхоза. В случае, если воспитанник по достижении 16 лет не желал становиться членом колхоза, он из колхоза должен был быть отпущен. Труд детей, патронируемых в колхозах, должен быть связан только с обучением. Дети, достигшие 12 лет могли привлекаться к посильному сельскохозяйственному труду в пределах законодательных норм [6, с. 108]. Например, в 1935 г. патронируемые одного из районов республики привлекались к сбору огурцов, колосков, караульными на огородах, к работе в детских яслях. Некоторые патронируемые ребята заработали от 45 до 99 трудодней и получили по 22 фунта за трудодень (Чистопольский район), что характеризует добросовестное отношение колхозников к патронируемым.

На патронирование предусматривалось выделять ежемесячно 25 руб. (в 1933–1934 гг.), к 1937 г. сумма возросла до 36 руб. в месяц на человека. Согласно инструкции Детской комиссии при ВЦИК кассам взаимопомощи колхозов по проведению патронирования сирот в семьях колхозников, на кассы взаимопомощи колхозов возлагалось не только содержание детей-сирот, но и оказание помощи детям колхозников, временно испытавшим нужду. На 1935 год из резервного фонда СНК СССР дополнительно для помощи касс взаимопомощи предусматривалась доплата в 30 руб. на каждые 100 руб., расходуемые кассой на помощь сиротам и детям «временно впавших в нужду колхозников» [СПиР, с.476].

По Постановлению СНК ТАССР от 8 сентября 1935 г. «О распределении и порядке расходования 40 тыс. руб., отпущенных ТАССР из резервного фонда СНК СССР для помощи кассам общественной взаимопомощи колхозов на

содержание детей сирот и помощь детям временно впавших в нужду родителей», выделенные средства были распределены по районам республики. Например, в Теньковский (упразднен в 1958 г., территория передана в состав Верхнеуслонского и Камскоустьинского районов), Новошешминский районы направлено по 320 руб., в Агрызский, Красноборский (часть соврвременного Агрызского района), Мензелинский, Спасский, Таканышский (северная часть современного Мамадышского района) и др. – по 800 руб., в Аксубаевский, Бондюжский (современного Менделеевский район), Балтасинский, Арский и т.д. – по 1200 руб.

На 1939 г. контингент патронируемых по районам республики детей был утвержден Наркомфином в 1178 чел. Фактически же беспризорных, направленных на патронирование, насчитывалось 1759 чел. Выделяемой государством ежемесячной суммы было совершенно недостаточно для создания нормальных условий жизни. К тому же, патронатным пособием были охвачены только лишь 1138 детей, что тоже становилось одной из причин увеличения «повторного» беспризорничества.

Проверки показали необеспеченность патронируемых детей обмундированием, т.к. они не были включены в централизованную систему обеспечения. Торгующие же организации на местах, как правило, ничем не могли помочь из-за элементарных недопоставок товаров первой необходимости в сельские районы республики.

На 1 июня 1940 г. патронированных детей насчитывалось 1705 чел., из которых 67 до конца года подлежали снятию с патроната. Еще 896 детей нуждались в определении на патронат.

Согласно распоряжению Наркомпроса и Колхозцентра от 16 января 1930 г. №662510 «Об условиях передачи воспитанников детских учреждений в колхозы на патронирование» предполагалось, что в колхозы направляются здоровые, дисциплинированные дети и в добровольном порядке [6, с.108]. На практике же детдома часто стремились передать на воспитание колхозникам недисциплинированных или больных ребят (Чистопольский, Бугульминский детдома). Имели место случаи, когда, направляя детей на патронирование, отдельные РОНО совершенно не учитывали национальную принадлежность детей (Аксубаевский, Первомайский детдома). Некоторые заведующие РОНО передавали детей своим родственникам, родителям (Верхнеуслонский детдом).

Примером налаженной организованной работы стал Елабужский РИК, председатель которого проводил совещания при участии всего низового актива, а затем всем составом пленума ходили с демонстрацией в детдома. Представители колхозов разговаривали с детьми, выбирали ребят на воспитание в свои колхозы.

Обследования Комиссии Наркомпроса РСФСР и Деткомиссии показали, что количественно работа по патронированию в республике была удовлетворительной, а вот качественно далеко не всегда отвечала требованиям. Имели место случаи, когда воспитанники находились в хороших условиях, были прикреплены к школам и даже «обучались в 10-летках», жили на квартирах, нанятых колхозами в других селах, где имелись соответствующие школы (например, в д. Сентяк Елабужского р-на были устроены на обучение 6 чел. из соседней деревни). Но в большинстве случаев патронирование не всегда проходило на должном уровне. Материалы актов обследования патронируемых детей, сохранившиеся в фондах НА РТ показывают следующую картину. Дети, взятые колхозами из детских домов на патронат, часто голодали, не имели одежды, кровати и своего постельного белья. Вынуждены были жить в неотапливаемых, неприспособленных для жилья помещениях – пожарном сарае, клубном помещении, так как им долго не предоставляли квартиры или хозяева брали их к себе в дом на короткие сроки. Некоторые дети, взятые колхозами

на патронат, но неустроенные на квартиры, вынуждены были вести бродячий образ жизни, пускаться в бегство и возвращаться в детдом. Были случаи несвоевременного заключения договоров с отдельными колхозниками, вследствие чего дети вынуждены были кормиться по дворам (Бугульминский, Пестречинский районы).

Семьи, принимавшие детей на воспитание, также не всегда имели достаточно хорошие материально-бытовые условия и появление в доме еще одного «рта» ухудшало и без того бедственное положение. Тем более, как показывают акты обследования, зачастую положенные патронируемым ежемесячно деньги РОНО не выделялись. Например, девочка Яшанкина была принята на патронирование семьей из Арского района. Общий доход семьи, насчитывавшей восемь человек, вместе с пособием на девочку составлял 220 руб. на девять чел.

Материалы поступавших жалоб и актов сплошной проверки состояния патронируемых детей в 1940 г. показывают в основном неудовлетворительное материально-бытовое обеспечение. За неимением одежды и обуви многие дети не посещали школу, некоторые встали на путь безнадзорности и детской преступности. Для разрешения существующей ситуации необходимо было увеличить количество патронируемых детей до 2533 чел. и повысить патронатное пособие до 75 руб. в месяц.

В целом проблемы детской беспризорности к концу 1930-х гг. так и не были окончательно решены. Работа по выявлению беспризорных и безнадзорных детей в республике носила как кратковременный периодический, так и систематический характер. Главными задачами оставались вопросы снабжения детей продовольствием, одеждой и школьными (учебными) принадлежностями.

Источники

СПиР – Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» // Сборник постановлений и распоряжений СССР. – 1935. – № 32. – Ст. 252. – С. 473–477.

Литература

1. *Ханбекова А.Э.* Социально-демографические аспекты проблемы безнадзорности и беспризорности детей и подростков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2008. – №1(9). – С. 130–137.

2. *Славко А.А.* Государство и беспризорность в 1930-е годы: система функционирования детских домов // Вестник СамГУ. – 2009. – №1 (67). – С.23–27.

3. *Ханипова И.И.* Экономика потребления на селе в конце 30-х гг. XX в. // Известия Общества истории, этнографии и археологии. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – Т.1. – С. 155–162.

4. *Ханипова И.И.* Уровень жизни сельского населения ТАССР во второй половине 1930-х–начале 1940-х гг. // Региональные социально-экономические программы стабилизации и развития АПК: сб. ст. Всероссийской науч.-прак. конф. – Пенза, 2006. – С. 90–93.

5. *Утевский Б.С.* Детский дом / Под ред. Я.А. Перель, А.А. Любимова. – М.-Л.: Наркомпрос РСФСР, 1932. – 64 с.

6. *Утевский Б.С.* Борьба с детской беспризорностью / Под ред. Я.А. Перель и А.А. Любимова. – М.-Л.: Наркомпрос РСФСР, 1932. – 148 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] На наш взгляд, производственное обучение на фабриках и заводах был связано с проводившейся политикой индустриализации, так как государство нуждалось в дополнительных источниках рабочей силы.

[2] Речь идет о патронировании детей старше 4 лет через органы Наркомпроса. Патронирование детей в возрасте до 4 лет осуществлялось через органы Наркомздрава.

Аннотация

В статье на основе комплексного анализа неопубликованных источников из фондов НА РТ рассмотрена одна из важных проблем социальной истории ТАССР 1930-х гг. – массовая детская беспризорность. Особое внимание уделено росту беспризорности детей как последствие голода 1932–1933 гг. и голода конца 1930-х гг. Показан также образ жизни беспризорников предвоенных лет.

Ключевые слова: голод, бедность, детская беспризорность, безнадзорность, приемник-распределитель, детский дом, патронирование.

Summary

The article, based on the complex analysis of unpublished originals, touches upon one of the basic problems of social history of TASSR in the thirties of the XX century – child's dereliction. Special attention is paid to its growth, as a result of hunger in 1932–33 and at the end of the thirties; and to the way of living of homeless children during the prewar period.

Keywords: hunger, poverty, homeless, child neglect, adopter-distributor, orphanage, patronage.

УДК 002.2

О ТАТАРСКИХ РУКОПИСНЫХ КНИГАХ*

***М.И. Ахметзянов**, доктор филологических наук*

1. К истории археографического сбора татарских рукописей.

История татарских рукописных книг, видимо, начинается со дня возникновения письменности у предков татарского народа, участвовавших в образовании Первого и Второго Тюркских каганатов (679–745 гг.), – под названием токуз татар, отуз татар. Их этнонимы упоминаются на плитах эпитафийных текстов, поставленных в честь каганов Кюль-Тегина (умер в 731 г.) и Бильга кагана (погиб в 737 г.). Эти каганы восстановили государственность древних тюрков под названием «Второй Тюркский каганат» в войне с Китаем 721–723 гг.

Владыки этой тюркской державы оставили после себя письменные исторические повествования, начеканенные на крепких каменных плитах. Тексты написаны руническими буквами [Малов, 1959, с.108; Васильев, 1983, с.125; Жолдасбеков, Сарткожаулы, 2006, с.356; Айдаров, 1971, с.379; Древнетюркский словарь, 1969, с.676; История письма, 2002, с.400; Курбатов, 1960, 129 б.; Нуриева, 2007, 140 б.].

Руническое письмо древних тюрков в IX в. выпадает из оборота и культуры тюркских народов. Однако следы рунических знаков существуют в татарской культуре. Буквенные знаки рунического алфавита в виде так называемых «тамги» (т.е. знак, примета) сохранились в форме фамильных подписей для определения принадлежности к определенной фамилии; они накладывались на поверхности шкур животных, на инструменты и т.д.

В татарском языке долгие века понятие «письмо» обозначалось *битек* – записка, *битү* – писать. Даже во время археографических экспедиций в прошлом веке нам приходилось встречать на руках татарского населения обереги – называемые *бөти*. Бөти вкладывали в маленькие кожаные треугольные пакетики. Конечно, внутри этих пакетов не клали тексты из записок, исполненных на рунике, там были краткие записи молитв и выдержек из Корана. Однако название этих записок носит древнетюркское слово *«битек»*. Кстати, корень русского слова «писать» *пи* восходит к татарской лексеме *битү*.

Все эти надписи на руническом алфавите и культурные термины «ярлык», «сургуч» из татарского языка восходят к культуре древних тюрков. Рунические надписи древности никогда не были печатными, они употреблялись в быту как надписи на камне и металле, или на дереве, глине, шелке, написаны вручную.

Поэтому начало традиции рукописной книги у татар восходит к VI–VII вв. и продолжается поныне.

Во время археографических экспедиций с 1970-х гг. вместе с древними рукописями пришлось встречать у татарского населения поздние рукописные копии, сделанные даже во второй половине XX в. из религиозных, педагогических, литературных памятников XII–XIX вв. и позже.

---

* В статье сохранены авторская точка зрения на историю России и СССР, а также авторская стилистика.

Можно прийти к заключению, что потребность в рукописных книгах сохранялась еще до конца XX в. Таких духовных рукописей позднего происхождения мы десятками находили не только в Татарстане, но и у татарского населения Башкортостана, Оренбурга, Пензенской, Рязанской, Курганской, Марийской Республики и др. мест. Мы их собирали, приводили в порядок, подготавливали к описанию. Большинство из них – маленькие молитвенники, написанные на клочках бумаги на арабском языке, и сборники заклинаний от недугов, но немало сборников татарских баитов, сборники стихов поэтов, особенно Г.Тукая, путевые записи, памятные книжки со стихами, дневники и т.д.

Народ, наверное, никогда не был безразличным к татарским рукописным книгам и сохранял к ним интерес. К сожалению, в условиях российской действительности татарскому народу пришлось терпеть кровавые насилия властей вплоть до середины XX в. Здесь, прежде всего, преследовались культурные ценности татар – книги, печать, национальные праздники, религиозные учреждения, язык, памятники культуры – и прежде всего творцы культуры. Запрет на ознакомление с культурным наследием и отдельными архивами вновь начинает принимать форму действительности российских законов. Ограничения татарам доступа к высшему образованию обессилили татарскую гуманитарную науку.

Вследствие чего, вплоть до 1990-х гг., данное ограничение и послужило появлению почвы для негативных последствий в повседневной жизни.

По этой причине наука об истории татар отстала от мирового уровня на сто лет. Доступ к изучению рукописного наследия народа начинается лишь со второй половины XX в. К данной теме относятся вопросы археографического собирания и обработка собранного полевого материала; научное описание, текстологическая работа над рукописями, историко-аналитическая оценка письменных памятников, а также издание памятников в виде научно-популярной, далее в научно-критической форме. Вопрос стоит также о включении ценных художественных произведений в учебные пособия и истории литератур.

О наличии у татарского народа в средние века рукописных книг есть некоторые исторические материалы. В Поволжье в раннем средневековье (имеется в виду Нижнее и Среднее Поволжье до II в. нашей эры) стали возникать государственные объединения в основном скифов, сарматов, тюркских народов – гуннов, тюрков, хазар, булгар, кипчаков и татар. В основном из этих древних народов продолжают сохраняться лишь татары-мусульмане. Остальные уже к XVI в. представляли собою мертвые цивилизации. И культурное достояние этих народов изучается лишь археологами и историками (посредством древних арабо-персидских, греческих, армянских, грузинских, латинских, турецких, китайских рукописных источников). Разумеется, была письменность у хазар и булгар. Но от них лишь у последних сохранились ограниченное количество эпитафийных надписей на булгарском и арабском языках. Весьма убедительно, что булгарский язык не стал литературным. В Волжской Булгарии официальным языком религии, науки и литературы стали арабский и персидский языки. Большинство булгарских образованных по-восточному людей не работали для своей родной страны, а служили Караханидским, Афганским, Мешхедским династиям. Поэтому их имена (имеются в виду булгарские по происхождению ученые) известны в большинстве случаев по персидским источникам. Единственным булгарским ученым XI–XII вв., работавшим для своего народа, был Билярский кази (Якуб ибн Нугман), который написал книгу «Булгарская история» на арабском языке [Путешествие Абу Хамида аль-Гарнати, 1971, с.31]. Эта работа известна лишь по запискам арабского путешественника

Абу Хамида аль-Гарнати, который посещал г. Биляр в 1135–1136 годах.

Данный источник свидетельствует о том, что кази Булгара Якуб ибн Нугман не знает о приезде из Багдада посольства под руководством ибн Фадлана. В данной «Булгарской истории» принятие ислама связывают лишь с деятельностью купцов Средней Азии. Ученый кази, живший в начале XII в. в Биляре, не знает точной официальной даты принятия ислама в Булгарах. Это говорит только об отсутствии в Волжской Булгарии традиций исторической письменной и общественной культуры. Видимо, в то время в Булгарах господствовало мнение, что книги нужны только для религии и они должны быть только на арабском языке.

Золотая Орда под руководством Бату хана была создана татарскими мусульманами из Хорезма и земель Караханидов. Это они доставили в Поволжье книжную культуру тюркского мира. Там, в Караханидском эмирате, в начале XI в. шел процесс сложения тюркско-татарской литературы, и здесь во второй половине XI в. Юсуф Баласагуни приступил к написанию философско-этической поэмы «Кутадгу билиг» («Наука быть счастливым») и завершил ее в 1069 г. В это же время ученый филолог из Кашгара Махмуд Кашгари завершает в 1074 г. большой словарь тюркских наречий.

Возникновению тюркско-мусульманской культуры в Средней Азии содействовал покровитель мусульманских ученых (например, великого поэта Ф.Фирдоуси, Авиценны и др.) султан Караханидского государства Махмуд Газнави (967–1030). Его наставником был ученый из булгар Ходжа Ахмед аль-Булгари (XI в.).

В XII в. из городов Туркестана были известны произведения поэтов-суфиев Ахмеда Ясави, Сулеймана Бакыргани, Ахмеда Югнаки, в начале XIII в. в Хорезме творил поэт Кул Гали и др. Государство Золотой Орды в XIV в. создало условия для развития поэзии и прозы на татарском языке. Войны, писатели, поэты и строители, вышедшие из Средней Азии в Золотую Орду, принесли в эту новую страну произведения Юсуфа Баласагуни, Ахмеда Ясави, Сулеймана Бакыргани, Ахмеда Югнаки и Кул Гали. Центром тюркской культуры стала Золотая Орда. По мере укрепления основ ислама и роста численности мусульман в его столице г. Сарай аль-Джадид стал подыматься как центр мусульманской цивилизации. К середине XIV в. здесь выросли известные писатели и поэты Насретдин Рабгузи, Саиф Сараи, Кутб, Хорезми, Хайдар Хорезми, Махмуд Булгари и другие.

В Сарае аль Джадиди было знаменитое медресе «Нугмания», в котором с 1295 по 1395 г. учились, переписывали книги тысячи ученых, шакирдов. Дома города украшали мозаичные плитки, на которых наносились цветные изображения жителей Золотой Орды, виды природы, растительного и животного мира. Археологи находят также много цветных глазурных плит с написанными на них стихами на персидском языке.

Благоприятные условия сложения новых явлений культуры в Золотой Орде, где в очень кратком времени возникли, по неполным данным, более 150 мусульманских городов (с невиданными тогда в Европе дворцами, садами, караван-сараями, водопроводным снабжением, базарами, банями, крупными производственными мастерскими, где производили кирпичи, плитки, посуду, кузнечные изделия, чугун и др.), подготавливали возможности развития татарской национальной культуры, искусства и науки, тем самым стимулировали уважение книги, прививали навыки чтения книг у населения.

Золотая Орда дала сильный толчок развитию историческому, художественному и поэтическому мышлению всех групп татарского народа, вследствие чего после разгрома этого государства среднеазиатским завоевателем Аксак Тимуром на его развалинах быстро возникли новые развитые татарские госу-

дарства – Крымское, Казанское, Астраханское, Сибирское, Узбекское, Казахское, Шайбанское ханства и Большая Орда, Ногайская Орда, которых имелись города, государственная и налоговая системы, армия, границы, свои поэты и т.д.

В XV–XVI вв. в этих государствах жили и творили писатели и поэты Лутфи, Навои, Асан Кайгу, Досмамбет, Казтуган, Мухаммед Салих, Утямыш Хаджи, Раммаль Худжа, Сахиб Гарай хан, Мухаммедьяр, Умми Камал, Мухаммед-Амин хан, Кул Шариф и др. На эти события следует смотреть как на инерционное движение роста татарской литературы и связанной с ней книжной культурой. Почти во всех татарских государствах постзолотоордынского периода, согласно историческим источникам, имеются намеки о наличии библиотек рукописных книг, об ученых, о медресе [Трепавлов, 1999, с.35–38; Татар әдәбияты, 1984, с.546; Амирханов, 2010, с.15; Описи царского, 1960, с.17–44, 47–137].

В постзолотоордынских государствах не было специальных поощрительных форм развития литератур. Литература в государствах этого периода была независимой от государственных идеологий. Поэты, такие как Асан Кайсу, Мухаммедьяр, Лутфи, Умми Камал, особо не кланялись высоким особам. Они прямо могли высказаться о нежелательных деяниях правителей. Переписчики книг в постзолотоордынских татарских государствах продолжали опираться на достижения культур народов Востока. Например, через произведения Мухаммедьяра, Кул Шарифа, Мухаммед Амин хана, Атнаш Хафиза виден солидный спектр произведений авторов предыдущих эпох Ахмеда Ясави, Сулеймана Бакыргани, Гаттара, Лутфи, Асан Кайгу и др.

В Поволжье переписывались также прежде всего религиозные, научные, литературные труды авторов и творцов Средней Азии, Персии. Однако от времен Золотой Орды мало сохранилось рукописей национального происхождения. В недавно обнаруженном списке рукописей из библиотеки историка Ш.Марджани [Фәхреддин, 2010, 496–497 б.; Вахиди, 2004, 100–111 б.] и в других публикациях упоминается несколько названий рукописных книг данного периода.

Наличие поздних копий, сделанных в XVIII–XIX вв. с памятников XIII–XV вв., таких как «Кыйсса-и Йусуф» Кул Гали, «Наһҗел-фарадис» Махму бине Гали ас-Сараи, аль-Булгари, аль-Кардари, «Кисекбаш китабы» Гали, произведения Ахмеда Ясави, Сулеймана Бакыргани, «Дастане Җөмҗөмә» Хуссама Кятиба, «Кыйссасел-Әнбия» Рабгузи, также указывает на связь с автохтонными рукописями.

Бумагу для рукописей татарские переписчики, видимо, получали из Самарканда. Возможно, в период Золотой Орды производство бумаги было налажено и в Поволжье. В Золотой Орде, судя по материалам ханских ярлыков, бумагу получали и из Италии. Во второй половине XVI и XVII вв. писчую бумагу привозили персидские купцы. Например, у одного азиатского купца в 1620 г. среди привозных товаров отмечается наличие «6 пудов бумаги синей» [Источники, 1993, с.103].

Однако московские власти монополию импорта бумаги держали в своих руках. Ногайские мурзы во второй половине XVI в. просили от царя представить им «тысячи листов бумаги» [Трепавлов, 2001, с.577].

В самой России производство собственной бумаги налаживается только после 1716 г. на основе бывшей немецкой бумажной мануфактуры в Прибалтике г. Родергоф. Во второй половине XVIII в. (1789 г.) татарский купец Мухамметзян Рахимов открывает писчебумажную мануфактуру в Уржумском уезде. Фабрики писчей бумаги купцов Маматовых и Галиевой выпускали продукцию в 1812 г. в Уржумском уезде [История Татарии, 1937, с.232, 288–289].

Однако труды татарских переписчиков в 1552–1775 гг. регулярно преследовались воинственным православ-

ным духовенством и их приспешниками [Амирхан, 2010, с.15]. Поразительно то, что у татар мусульман сохранились не только религиозные мусульманские книги, но и светские. Например, помощник Оренбургского губернатора В.Татищева П.И.Рычков пользовался одним интересным татарским сочинением «Татарская история» из частной коллекции [Рычков, 1896, с.69]. Известно, что государственные чиновники строго следили за перечнем книг по истории татар.

Вследствие этих причин попал в фонды архива Москвы рукописный труд татарского историка XVIII в. Мустафы Мухамметова «Татарская история». В его истории описывался ход борьбы татар против насильственного крещения в 1680-х гг. [Очерки по истории, 1956, с.117]. Копии списков исторических сочинений среди татарского археографического материала доселе остаются неизвестными.

В XVIII в. в России несколько оживляется русская научная и просветительская жизнь. В 1703 г. в Петербурге стали издавать первую русскую газету «Ведомости».

В Петербурге в 1724 г. открывается Академия наук. Ученые академики стали изучать историю России, организовав научные экспедиции по районам страны.

В 1722 г. по указу Петра I вышло первое печатное издание на арабской графике, обращенное к народам Кавказа, о целях русского военного присутствия на Кавказе. Петр I для оправдания своей агрессии против Ирана пишет, что эта война ведется лишь для наказания разбойников, которые ограбили и убили русских купцов и мятежников из Лазики и Казикумука – будто они напали на г. Шемаху. Этот «Манифест», т.е. обращение Петра I к кавказским народам на литературном татарском языке своего времени, в науке признается первым печатным изданием арабографической книги в России.

Однако татарам печатать книги на арабской графике после этого случая не приходилось... Поэтому они продолжали умножать свои книжные запасы трудами переписчиков-каллиграфов.

После погромов на культурное наследие татар в течение 250 лет россияне ничуть не стали грамотными и богатыми книгами. Однако каждый мужчина-татарин за период такого жестокого культурного геноцида не забыл писать и читать на родном языке. Если обратиться только к татарскому книжному репертуару, то он способствовал сохранению в татарах понимания собственного национального достоинства. Для сохранения верности своим предкам-мусульманам татары нашли разные выходы и приемы. Например, когда в Казанском уезде не осталось возможности копирования книг даже в лесах, то они отправились далеко в Сибирь и там возле г. Тары сумели найти неизвестные им древние рукописи и их копировали.

История помнит такой случай с каллиграфом из с.Ташкичу (совр. Арский р-н РТ) Мухамметрахимом, сыном известного просветителя начала XVIII в. Рафика Курсави. Он в 1775 г. (Мухамметрахим) занимался копированием знаменитого в народе большого сборника приключенских рассказов под названием «Мәҗмугыль-хикәйәт» («Сборник рассказов») в с. Кызыл Камыш Тарского округа. В 2008 г. была обнаружена и вторая работа того же переписчика. Она представляла из себя большой фрагмент из труда татарского писателя начала XIV в. Насретдина Рабгузи «Кыйссасел-Әнбия» («История пророков») [Әхмәтҗанов, 2011, 33 б.; Мәрҗани, 1900, 127 б]. Данная рукопись также была копирована в Сибири. Татарские рукописные книги XVIII в. в основном копировались учителями медресе, учащимися шакирдами или более крупными учеными людьми мударрисами (директорами) медресе. О большинстве из них мы знаем лишь по данным, записанным в колофонах рукописей. Там обычно указываются имя переписчика и его отца, частенько год копирования, иногда название медресе или название села, адреса учебного места.

Однако история сохранила имена двух татарских каллиграфов с более подробными данными (сохранились также их родословные).

1. Габдраззак сын Алма абыза, пер. пол. XVIII в., на могильной плите этого каллиграфа из старого кладбища с. Служилая Ура Арского р-на Республики Татарстан, написано: знаменит тем, что скопировал 90 единиц Корана [Әхмәтҗанов, 2000, б.16].

2. Габденнасыйр сын Сабита аль-Альмани, имам и руководитель медресе с. Альмен (Курганская обл., Альменевский р-н), умер в 1841 г., в своей жизни копировал вручную двести двадцать три тома книг, начиная с 20-летнего возраста. В возрасте 95 лет он еще не пользовался очками, писал при свете лучины. Он в большинстве случаев копировал учебники медресе: арабская грамматика, литература, логика, исламское право и др. [Иргизов, 2000, с.11–12].

Данные по результатам обнаруженных в археографических экспедициях коллекций рукописных книг XVIII–XIX вв. позволяют сообщать о наличии личных библиотек у части татарских мулл, ученых и любителей словесности. Например, у руководителя восстания 1755 г. в Уфимском уезде Батырши после его гибели остались рукописные книги, которые теперь экспонируются на его родине – с. Старо-Балтачево [Разяпов, 2005].

Известный писатель Таджетдин Ялчыгулов (1768–1838), автор книги «Рисаләи Газизә» («Книга Газизы»), при написании опирается на десятки трудов разных авторов. Цитируемые факты в его текстах относятся к трудам писателей, живших в разных эпохах.

Библиотеки ученых татар, живших и творивших в XIX в., резко отличаются от их предшественников XVIII в. в первую очередь объемом книг. После увеличения количества печатных книг в наличии имелось много привозных книг, изданных в Сирии, Египте, Ливане, Бомбее, Стамбуле, Ташкенте, С.-Петербурге. Так, например, библиотека крупного деятеля суфизма Закира Камалова (1818–1893), пережив несколько потрясений, довольно сильно поредев, в конце концов была устроена в одном из хозяйственных помещений при его мечети (по ул. М.Вахитова г. Чистополь). Во время археографической экспедиции 5 июля 1984 г. довелось ознакомиться с остатками большой библиотеки. Она размещалась в двух книжных шкафах. Состояние книг было удовлетворительное. Выяснилось, что после смерти Закира Камалова его библиотека осталась в наследство его сыну Ибрагиму Закировичу Камалову, о чем свидетельствовали штамп его унаследования. Часть библиотеки сгорела при пожаре, случившемся в здании мечети. До 1984 г. с остатками библиотеки ознакомились сотрудники Академии наук СССР. В 1984 г. отобрали 11 рукописных книг XVIII–XIX вв. и 4 литоиздания. Эти материалы были размещены и описаны в Хранилище ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова [Ахметзянов, 2011, с.83–84]. В 1990-х гг. часть материалов библиотеки из Чистополя забрали родственники Камаловых: Р.У.Амирханов и Р.М.Амирханов – сотрудники ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова.

В 1984 г. в Казани была обнаружена часть библиотеки известного организатора производства мыла этого города Исмая (Исмагиля) Заманова (первая треть XIX в.). Из его библиотеки наследница князей Замановых Рабига ханум Заманова (1896–1991) передала на хранение 11 рукописей, которые содержали тексты произведений татарской литературы XVIII в. [Ахметзянов, 2011, ч.2, с.106, 119–121].

В октябре 1981 г. в Буинском районе Татарстана в с. Наратбаш была обнаружена библиотека мударриса знаменитого медресе «Нурия» г. Буинска Нургали бин Хасана аль-Буави. Книги складывали в деревянном свежесрубленном доме. Там насчитывалось примерно 400 книг. Рукописи отсутствовали. Было несколько литографических изданий, которые в том же году доставили в хранилище ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова. Библиотека уже до того года была со-

ртирована, так как в ней остались лишь книги на арабском языке (казанские, стамбульские и др. издания).

В с. Тюнтер Балтасинского района Республики Татарстан через посредство музыковеда Зайнап Хайруллиной (1916–2010) и Магсума Хусаенова (1910–1987) в 1980 г. обнаружили часть библиотеки знаменитого ишана Ишмухамеда Динмухамедова.

Данная библиотека в 1920–1930-х гг. была просмотрена сотрудниками библиотеки КГУ, и наиболее ценные рукописи и книги были увезены в Научную библиотеку университета. М.Хусаенов, сын кучера И.Динмухаметова, оставшуюся часть положил в мешках в укромное место и хранил.

Вывезенные в августе 1980 г. книги из библиотеки И.Динмухаметова были изучены, и рукописи зачислили в хранилище ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, 39 кол., д. №2579–2611 [Ахметзянов, 2011, ч. 1, с.149–156], а печатные книги как музейные редкости передали на хранение в музей народного поэта Г.Тукая (г. Казань). Среди рукописей этой коллекции особую ценность представляют две рукописи XVII в. (№2603, 2605). Одна из них (№2605) является трудом татарского астронома Камалетдина Трукмани, личного звездочета Джанибек хана (13...–1357/58).

В хранилище рукописей (кол.39) поступила часть библиотеки зятя Шигабуддина Марджани – Тагир Ильяси аль-Каени (1881–1933). Материалы Тагира Ильяси были подарены Отделу рукописей ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ [Ахметзянов, 2011, ч.2, 131–134].

Часть библиотеки известного просветителя, журналиста и редактора газеты «Йолдыз» Ахмет-Гади Максуди (1868–1941) поступила от его внучек. Среди его книг имелись и рукописные. Особенно ценным из книг коллекции А.Г.Максуди является сборник хадисов «Сахихел-Бохари», переписанный в 1203 г. Данная рукопись является наиболее древней датированной рукописью в хранилище ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова.

Коллекцию рукописей археографа Зайнаб Максудовой украшают ценные рукописные списки. Среди них самым уникальным является единственный список поэмы золотоордынского поэта XIV–XV вв. Лутфи «Гуль ва Науруз» («Гөл вә Науруз») татарского происхождения. В научном мире известно, что еще один список поэмы Лутфи хранится в фондах Британского музея.

Другой древний источник по истории татарской литературы известен под названием «Калила и Димна». Это произведение индийского происхождения уже в средние века было переведено на персидский и арабский языки. Татарский перевод этого сочинения сделан был уже в период Казанского ханства. Самый старый и хорошо сохранившийся список рукописи «Калилы и Димны» сохранился в библиотеке известной фамилии Апанаевых. От них в 1920-х гг. рукопись попала в руки Зайнап Максудовой, когда она служила в Академцентре у писателя и президента Академцентра Галимджана Ибрагимова. Зайнап ханум Максудова тогда для этого научного центра сдала много ценных исторических рукописей, судьба которых до сих пор не ясна.

Текст «Калилы и Димны» по списку древней рукописи подготовил к печати и издал доктор филологических наук Джамил Зайнуллин [Кәлилә вә Димнә, 1996].

Жительница Казани Рабига Заманова (1896–1991) хранила у себя часть библиотеки князей Замановых от XVIII в., которую она безвозмездно подарила в хранилище рукописей ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова. Среди ее рукописей сохранился редкий список татарской версии восточного дастана «Каһарман китабы», сравнительно в хорошей сохранности. В татарском репертуаре книг этот роман известен в нескольких версиях, одна из них в текстологической обработке была издана недавно в Казани [«Каһарман китабы» дастаны, 1998].

В конце XX в. научные центры получили коллекции рукописей из библиотеки руководителя Тюнтярского медре-

се Наджиба Тюнтари от казанского библиофила Шафигуллина Магзяна. Однако в них не обнаружены списки произведений татарской художественной литературы и тем более в большинстве случаев арабоязычные и персоязычные научные и религиозные книги.

Приход к власти в России большевиков в 1917 г. для судьбы многих цивилизованных народов в скором времени обернулся трагедией, и это относилось прежде всего к традиционным национальным культурам. Вождь новой власти, председатель Совета народных комиссаров, В.И.Ленин, уже в 1921 г. объявил войну против традиционной духовной культуры народов России своим приказом об уничтожении «религиозной и порнографической» литературы.

Татарская исламизированная литература, возникшая уже как часть интернациональной мусульманской культуры с начала X в. в трудах аль-Фараби, выраженная в арабографических рукописях, созданная в течение тысячелетней истории, была обречена законом Ленина и его исполнителями, коммунистами типа Сахибгирея Саидгалиева, на верную гибель. Шаг за шагом шла политика уничтожения духовных ценностей: сперва устроили террор против мусульманских духовных лиц и интеллигенции, обучавшихся в медресе, устроили голод в 1921/22 г., потом разрушили мечети и кладбища, объявили графику татарского языка контрреволюцией, потом заставили стариков-ученых рыть лопатами Беломорканал, потом отобрали землю у крестьян, превратив их самих в крепостных и т.д.

После такого нажима на народ силой уничтожали национальную арабскую письменность и внедрили сперва латиницу, а с 1940 г. – кириллицу.

Могильные плиты татарских кладбищ пошли под фундамент фирм и конюшен. На месте кладбищ поставили парки, стадионы, построили промышленные предприятия, больницы. Из татарских рукописных книг и печатного материала сделали сырье для производства бимета и топлива.

По свидетельству татарского писателя Сайфи Кудаша, «на пристань Белебея доставили горы татарских рукописей, для производства из них бимета (материал для покрытия крыш)[1]. Руководящие чиновники оправдывались тем, что советские заводы не должны простаивать, пролетариату нужна работа». Конечно, народ, лишенный права защищать себя, не мог выступить с протестом против подобных беззаконий, организованных наемниками Запада.

Таким образом, руками всероссийских большевиков и комсомольцев были уничтожены не менее трех миллионов рукописных книг и 30 миллионов единиц печатной продукции (книг, журналов, газет, документов, эпитафийных памятников).

Татарский народ сумел спасти до 1960-х гг. лишь мизерную частицу своего богатого письменного наследия. Но отчаявшись в период Брежневского застоя, многие татары стали сами уничтожать свои древние рукописи, думая, что даже эти оставшиеся крохи будут осквернены, и с конца 60-х гг. XX в. многие верующие тогда стали завещать свои дорогие книги класть под голову в могилы после их кончины. Однако коммунистическая партия в отношении духовного наследия всех народов держала ту же жестокую политику: на покупку ценных древних рукописей в научные хранилища у руководителей никогда деньги не находились. На экспедиционные расходы выдавали мизерные суммы, и тем самым другими хитрыми приманками устраивали уничтожение культурных ценностей.

Но, несмотря на угрозы, оскорбления, унижения, татарские археографы старались спасти дорогие материалы духовной культуры, которая является частью мировой цивилизации. Татарская археография научный и целенаправленный характер стала приобретать с 1910-х гг.

Первыми целенаправленными археографами были Саид Габдульманович Вахиди (1887–1938) и Науширван Ширияздановичч Яушев (1887–1917),

выпускники известных татарских медресе Казани («Мухаммадия») и Уфы («Галлия»). С.Вахиди, завершив учебу, отправился учительствовать в село и приступил к сбору и выявлению рукописных книг и документов в Казанской губернии [Әхмәтҗанов, 2009, 147–149 б.]. Он до конца своих дней был верен своему призванию – археографии. Около двух тысяч рукописей, собранных им, он в конце своей жизни сдал в Государственный музей Татарстана, а остальные отправил в Ленинград знаменитому русскому тюркологу Самойловичу, так как чувствовал угрозу со стороны ГПУ. Сейчас эти рукописи составляют основу рукописного фонда Петербургского отделения Института востоковедения. Часть материалов археографа С.Вахиди хранится в фондах Национального музея Республики Татарстан.

Археограф Науширван Яушев после завершения учебы в медресе «Галия» (1913 г.) из Уфы отбывает в Среднюю Азию, начинает интересоваться историей и культурой узбеков, казахов, туркменов и продолжает поиски древних письменных памятников в Восточном Туркестане. Здесь он находится в 1915–1917 гг. Самой большой его находкой стала рукопись «Алты шәһәр тарихы» («История шести городов»). Содержание этой книги было отпечатано в номерах журнала «Шура» (за 1916–1917 гг.) [Яушев Нәүширван, Шура, 1916, №16/18]. После его внезапной смерти в ноябре 1917 г. в татарской печати вышла заметка об оставшихся после его смерти древних рукописях в г. Ташкенте, судьба которых осталась неизвестной [Әхмәтҗанов, 2009, 167–169 б.].

В 1930–1940-х гг. наряду с Саидом Вахиди профессиональными археографами работали Сабир Алимов (1871–1938), педагог из Астрахани, и Вали Забиров (1899–1937), научный сотрудник АН СССР. Собранные ими археографические материалы посылались в г. Ленинград академику А.Н.Самойловичу, директору Института востоковедения АН СССР. В научной библиотеке КГУ сохранилась подлинная записка на татарском языке с сообщением о поступлении от Сабира Алимова посылки с древними татарскими рукописями [Забиров, 1935, с.269–282].

Жизнь и археографическую деятельность Сабира Алимова впервые в печати описал кандидат исторических наук З.Миннуллин, сотрудник Казанского федерального университета. Сведения о деятельности талантливого татарского археографа Вали Забирова до внимания общественности впервые также довел З.Миннуллин.

Первую свою долгую археографическую экспедицию Вали Забиров организовал в районы Заказанья Татарстана. В итоге им было собрано в то время 1203 рукописи, около 1000 документов и 1859 печатных книг на арабской графике. На другой год ученый районом поисков археографических материалов сделал Астрахань и Приуралье. В результате он собрал 200 рукописей и около 700 печатных книг.

Все свои находки, обнаруженные во время полевых поисков, Вали Забиров сдал в хранилище Института востоковедения АН СССР г. Ленинграда. В отличие от других татарских археографов-современников считал нужным своевременно информировать об итогах поисков научную общественность и публику.

Например, в декабре 1934 г. он сделал научный доклад, в котором сообщил о своих ценных находках на сессии АН СССР. Позже он опубликовал содержание этого доклада в виде статьи в научном сборнике.

Кроме сбора татарских рукописных книг археографами, в хранилище Научной библиотеки КГУ также были поступления рукописей из библиотек ученого духовенства. Например, исламский богослов и ученый Галимджан Баруди в 1920 г. сдал 940 рукописных книг из своей библиотеки в Восточную библиотеку, фонды которой в 1940 г. поступили в Научную библиотеку КГУ [Фәтхиев, 1986, 152–153 б.].

После физической расправы над татарскими археографами С.Вахиди, С.Алимовым, В.Забировым органами ЧК в СССР не осталось профессиональных татарских археографов. Однако еле-еле спаслись любители-археографы – драматург, поэт, литератор Наки Исанбет (1899–1992), Зайнап Максудова (1897–1980), Магзян Шафигуллин (1888–1975), Мирза Тарханов (1897–1984), Фарханас Баширова (из г. Касимова). Из их коллекции частично лишь собрания Ф.Башировой, З.Максудовой, М.Шафигуллина и М.Тарханова поступили в научные хранилища Казани. Судьба коллекции Н.Исанбета, количество рукописей которой превышает более 200 экз., после смерти писателя находится в неопределенном положении.

Активность археографов в Татарстане начинается с 1963 г. В этом году ученые из Казани (КГУ) кандидат исторических наук Ш.Ф.Мухамедьяров, этнограф Р.Г.Кашафетдинов, зав. сектором восточного отдела библиотеки КГУ Альберт Фатхи и аспирант КГУ Миркасым Усманов совершили археографическую экспедицию в Оренбургские края.

В 1964 г. ученые Миркасым Усманов и Абрар Каримуллин совершили археографическую экспедицию в Касимовский р-н Рязанской обл. и собрали 230 древних рукописей, полные комплекты журнала «Шура», «Аң» и десятки печатных изданий [Фәтхиев, 2007, 141–146 б.]. И в дальнейшем археографические экспедиции по сбору татарских и восточных рукописей учеными КГУ (М.А.Усманов, Р.Шайхиев, А.Фатхиев, З.Миннуллин) стали проводиться регулярно до настоящего времени.

В итоге университетские археографы во время экспедиций, проведенных в 1963–1992 гг., собрали более 9 тысяч единиц рукописей. Миркасым Усманов сам участвовал во всех археографических экспедициях, проведенных в 1963–1989-х гг. [Госманов, 1994, 39–43 б.]. Однако описание археографического материала, накопленного в КГУ, осуществляется медленно. Если в 1961 г. в Научной библиотеке КГУ насчитывалось 5568 рукописных книг, то к 1992 г. количество рукописей достигло более 15 тысяч. Археографические экспедиции при КГУ продолжают организовываться до последних лет ежегодно.

Археографические экспедиции в 1970–1990-х гг. также активно проводились в Институте языка, литературы и истории им. Галимджана Ибрагимова АН РТ. Активными участниками проведения этих экспедиций стали Ш.Абилов, М.Юсупов, К.Давлетшин, А.Шарипов, М.Ахметзянов, Р.Ахметов, Ф.Яхин, М.Гайнутдинов. Однако с начала 90-х гг. XX в. по 2011 г. в археографические экспедиции регулярно выезжает М.И.Ахметзянов, а с 2010 г. начали участвовать молодые исследователи А.Гайнутдинов и С.Галимов. Если в начале 1972 г. в коллекции древних рукописей ИЯЛИ насчитывалось 137 единиц, то к концу 2011 г. в хранилище ИЯЛИ количество рукописей насчитывалось 7500 единиц, а вместе с документами XVII–XIX вв. составляет около 9000 единиц [Әхмәтҗанов, 2005, 55 б.].

Национальная библиотека Республики Татарстан с 1992 г. ведет активную работу по поискам и сбору рукописных книг. В 1994 г. там насчитывалось уже около 300 рукописных книг. С 2011 г. археографы Казанского федерального университета и Национальной библиотеки экспедиции стали проводить совместно.

Археографические материалы скапливаются также и в фондах Национального музея Республики Татарстан. В частности, музей приобрел богатую архивную коллекцию из древних татарских рукописей археографа и текстолога Зайнап Максудовой. Данная коллекция предварительно описана. К сбору древних рукописных памятников музейного фонда активно приложила свои усилия научная сотрудница музея Рамзия Авзалина. В коллекции З.Максудовой хранятся более

200 рукописей, среди которых особенную ценность представляет уникальный список поэмы «Гуль ва Науруз» золотоордынского поэта XV в. Лутфи (1366–1466). Поэт в период потрясений Золотой Орды 1395 г. был угнан завоевателем Тимуром из Золотой Орды вместе с десятками тысяч татар в Среднюю Азию, но уже в 1411 г. вернулся и творил в Поволжье. В данной коллекции есть списки произведений поэтов и писателей, творчество которых менее известно в науке. Есть несколько списков «Кыйсса-и Йусуф» Кул Гали и т.д. В фондах музея хранится список поэмы татарского поэта XV в. из Азова Ахмади «Искандарнамэ». Точное количество рукописных книг Национального музея РТ неизвестно.

Национально-культурный центр Казани владеет также сотнями списков татарских рукописных книг, среди которых есть ранее принадлежавшие личной библиотеке ученого Шигабуддина Марджани и др.

Кроме Казани значительная коллекция татарских рукописей хранится при музее Булгарского заповедника.

Также в государственных музеях в Татарстане имеется несколько частных коллекций древних рукописей. Коллекции татарских рукописей, собранных на территории современных Республики Татарстан, Республики Башкортостан, Оренбургской, Челябинской областей, хранятся в Москве [Зайцев, 2006, с.157], Уфе [Булгаков, Галяутдинов, 2009], Тобольске, Ташкенте [Собрание, 1952–1987], Ереване, С.-Петербурге, кроме Института востоковедения [Дмитриева, 2002]. Они также имеются в Научной библиотеке Петербургского университета и в Публичной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина и в различных государственных архивах и музеях времен правления Романовых.

Рукописи-подлинники золотоордынского происхождения также сохранились в музеях и библиотеках Стамбула, библиотеке Сулеймания [Истамбул, 1483], Ватикана [Vaticano] и в др.

2. К истории каталогизации татарских рукописных книг.

В России до 1770-х гг. не было культурного заведения, где бы собирались татарские и восточно-мусульманские книги. Началом проявления интереса к татарским рукописным книгам было открытие в Казани в 1759 г. первой гимназии, где с 1769 г. по желанию общественности стали давать уроки татарского языка. Преподавателем предмета татарского языка назначили толмача (переводчика) Адмиралтейства Сагита Халфина (1732–1785).

И с этого года начинается интерес к татарским рукописным книгам, которые служили гимназистам в качестве учебников. В 1798 и 1799 гг. в Казань, для передачи в библиотеку единственной гимназии России за пределами столиц, доставили богатые библиотеки фельдмаршала Г.А.Потемкина (1739–1791) и Полянского (?). Они составили первоначальный и основной фонд университетской библиотеки и до 1806 г. находились в ведении библиотеки гимназии.

После объявления этой библиотеки университетской, фонды ее с каждым годом пополнялись за счет новых поступлений. В период деятельности по преподаванию татарского языка в университете в 1812–1829 гг. Ибрагима Хальфина (1778–1829) библиотека пополнялась также и восточными, и татарскими рукописями. Свидетельством тому являются текстологическая подготовка и издание памятников татарской литературы XVII вв. «Дафтари Чингизнаме» (1819 и 1822 гг.) и «Родословной тюрок» Абу-л-Гази (1825 г.).

Рукописи библиотеки Казанского университета в первой половине XIX в. еще долго лежали без описания. Каталогизация восточных книг этой библиотеки была связана с началом деятельности И.Ф.Готвальда (1813–1897) [Готвальд, 1854, № 2, 4; 1855, № 4; Артемьев, 1851; Бобровников] в Казанском университете. Он начал работать здесь с 1849 г., стал профессором арабского и персидского языков, а с 1850 г. стал

и библиотекарем, тогда же начал каталогизировать и завершил описание восточных рукописей в 1855 г. Его работа была издана в Казани под названием «Описание арабских рукописей, принадлежащих библиотеке Императорского Казанского университета» (1855 г.).

После завершения описания этого фонда его книги вместе с восточным факультетом Казанского университета были переданы в распоряжение руководителя С.-Петербургского университета. Ценная часть этой восточной коллекции была связана с татарской культурой. Например, единственный список путевых заметок Насреддина Мирзы, посетившего Индию по воле Московского правительства в середине XVII в., бесследно исчез после перевода библиотеки из Казани. Однако до сих пор сохранились рукописи, переписанные знаменитыми каллиграфами Казани первой половины XIX в. Мухаммед-Гали Махмудовым аль-Булгари (1824–1891), завершенных в 1839 г., и Губайдулла бине Калимулла аль-Булгари аль-Казани аль-Альдермеши (1785–1874) [Тагирджанов, 1962, с.43–46, 63, 87, 94] в разные годы.

Составители описания восточных рукописей С.-Петербургского университета (в том числе проф. А.Т. Тагирджанов (1907–1983)) и др. составили описи с технической стороны грамотно, однако данная форма описания обезличивает рукопись, превращает ее в «космического пришельца», тем самым грубо игнорируя ее право претендовать на культурное достояние татарского народа.

В дальнейшем подробное описание, возможно, будет источником нежелательных трений в обществе. В последней четверти XX в. часть татарских археографов старается избавиться от этой вредной формы. Они при определении конкретного адресата произведений (т.е. арабографических книг) стали обращать внимание на отражение в описях места конкретного выявления (имя, фамилия владельца и конкретный адрес выявления) и стараться, по возможности, комментировать сведения на колофонах рукописей. Этого принципа придерживаются археографы М.И.Ахметзянов и С.М.Гилязутдинов [Ахметзянов, 2000, № 3/4; 2001, № 3/4; Гилязутдинов, 2002].

Описание рукописного наследия в отношении первоисточников происходит в несколько этапов. Первый этап начинается с очищения выявленного материала от пыли, грязи, высохших дубовых листьев, ненужных посторонних клочков бумаг, не относящихся к основному материалу. Нормальная, хорошо сохранившаяся рукопись бывает в переплете. Переплет может быть картонный, обтянутый сверху кожаным покровом. С наружной стороны мастера тиснением на кожу наносили узоры – растительные, геометрические орнаменты. Подобные переплеты с кожаными натяжками, орнаментами, застежками имеют устоявшиеся традиции на всем мусульманском востоке. Несколько образцов их стандартов встречаются и в татарском археографическом материале. На наружной стороне переплета в маленьком рисунчатом круге часто помещается имя мастера переплетчика «з-сәххаф» – книжный мастер.

Большинство татарских рукописных книг переплетено в картонные или мягкие обложки. Иногда картонные переплеты обтягиваются сверху белым льняным полотном или разноцветным ситцевым материалом. Вот такие картонные и мягкие бумажные переплеты есть одна из основных черт татарской национальной рукописи.

Одной из главных особенностей является разношерстность по содержанию материалов. В татарских простых рукописных книгах даже форзацы испещрены разными записями (особенно даты мелких событий, рождений, сведения генеалогического характера, явления природы и т.д.).

Чернила для написания рукописей делали из дубовой коры (темно-коричневого цвета), из коры ольхи, черемухи, вишни, крапивы. Изредка ис-

пользовали сажу. Каллиграфы пользовались изредка китайской тушью.

В связи с появлением в России со второй половины XVIII в. чернил с использованием кислот татарские переписчики пользовались в своих занятиях и фабричными. Чернила, сделанные с кислотной смесью, со временем разъедают бумагу, что видно в довольно многих рукописях (на листах рукописей, написанных такими чернилами, со временем остаются на месте букв одни дырки).

Мастера-переписчики во всем старались держаться традиций древних каллиграфов. Прежде чем начать писать, они подготавливали трафареты, натянутые тамбурными нитями для нужного формата книги, потом на эти трафареты клали чистые листы бумаги, по бумаге водили руками, чтобы на ней трафаретные строчки из ниток оставили следы деформации. Переписчик, соблюдая следы деформации на каждом листе, писал определенное количество строк. На полях бумаги писались замечания, пропуски, исправления, дополнения. На нижней части листа с левой стороны записывалось первое слово с очередного листа, подобные записи в какой-то степени служили нумерациями листов. Эти слова указатели называют кустодами. Частенько на листках писали и порядковые номера страниц арабскими знаками. Изредка в заглавиях книг писались унваны с цветными растительными и геометрическими орнаментами. Эти элементы, а также подписи каллиграфов с указанием места и даты переписки по хиджре и григорианскому стилю и содержание текста, необходимое татарскому читателю, являются основными чертами татарской национальной рукописной книги.

История татарской рукописной книги и ее ценность освещены в монографическом исследовании доктора филологических наук М.И.Ахметзянова [Әхмәтҗанов, 2000]. У автора имеется немало научных статей по проблемам татарских рукописных книг [Әхмәтҗанов, 2001, № 9; 2004, № 4; 2005, 46–49 б.; 2006, 16–24 б.; 2206, № 2(29)].

3. Публикации и состояние текстологических работ над археографическими памятниками по истории татарской литературы.

Первым текстологом татарских рукописей является просветитель начала XIX в. Ибрагим Хальфин (1778–1829). Он текстологически изучил, исправил и составил словарик на забытые исторические термины одного из списков «Дафтари Чингиз-нама» – памятника татарской литературы XVII в. – и сделал из него учебное пособие для изучающих татарский язык студентов.

Вторым текстологом после него стал татарский поэт Габдрахим Утыз Имяни (1754–1834). Он на основе изучения нескольких десятков рукописных списков татарского литературного памятника «Кыйсса-и Йусуф» составил его критический текст и издал в Казани в 1839 г. Это издание имело громадный успех, и оно было издано до 1917 г. более 80 раз. Ни один памятник татарской литературы не сможет по популярности соревноваться с этим изданием. Выдающийся русский востоковед И.Н.Березин (1818–1896) в 1849–1854 гг. издал книгу «Библиотека восточных историков», куда вошел татарский литературно-публицистический труд Кадир Гали бия «Сборник летописей» и др.

Также татарский историк Шигабутдин Марджани подготовил к печати свои отдельные археографические находки для будущих изданий [Мәржани, 1897; 1900]. Ученый-историк Ризаэтдин бин Фахретдин соблюдал это требование при публикации исторических документов [Ризаэтдин, 2006; 2009, 2010].

Во второй половине XIX в. – до 1917 г., во время бурного периода изданий книг в татарских типографиях, не обращали внимания на текстологическую и научную подготовку рукописных материалов. К сожалению, до настоящего времени не составлен учет всех изданных книг татарами. Одно

лишь известно, что по количеству татарская книга к началу XX в. отставала лишь от русских изданий.

На текстологию литературных памятников татарские литературоведы стали обращать внимание уже со времен Г.Тукая. Например, при подготовке большого тома произведений к изданию поэта они старались взять за основу публикации автографа[2].

Однако в вопросах текстологической подготовки древних текстов у татарских литературоведов во второй половине XX в. пока не было общего мнения, но в татарском литературоведении в данном направлении все же наблюдается прогресс. Ученые Миркасым Усманов и Альберт Фатхи на высоком уровне описали средневековые и более поздние образцы литературных и письменных памятников [Усманов, 1979; 1988; 1981; Фәтхи, 1968, № 2].

Более объемистый сборник текстологически подготовленных поэтических произведений также является опытом исследования рукописных источников [XVIII гасыр, 2006].

В последние годы вышли два выпуска описаний, собранных М.И. Ахметзяновым при ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова в 1977–1985 гг. общим количеством 1801 единица рукописей [Ахметзянов, 2011, ч.1, ч.2]. Эти каталоги являются первичными, так как подобные издания должны охватывать всю коллекцию ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ.

В последние годы археограф Раиф Марданов открыл новое направление исследований в своей деятельности. Он стал наиболее ценные свои находки текстологически изучать и издавать отдельными публикациями. В частности, им найдены в последние годы неизвестные поэмы поэта XVII в. Мавля Кулия [Мәүла, 2008], неизвестная поэма поэта и казанского хана Мухаммед Амина [Мөхәммәдъяр Әмин, 2009, 2010], поэма «Нури Содур» поэта XVI в. Мухаммедъяра, нововыявленные рукописи «Кыйсса-и Йусуф» поэта Кул Гали [«Кыйсса-и Йусуф», 2009], новонайденный текст татарского национального дастана «Түләк китабы» [Түләк, 2008] и интересный сборник статей, посвященных итогам экспедиции [Мәрданов, 2010]. Анализ его деятельности показывает, что каждый археограф есть клад для науки. За период своей экспедиционной деятельности – двадцать лет – Раиф Марданов сумел выявить около 3000 рукописей. Среди находок есть особо редкие произведения прошлого.

Исследователь татарских письменных литературных памятников, доктор филологических наук Масгуд Гайнетдинов, изучив одну древнюю рукопись, текстологически и идеологически установил ее авторство. Многие текстологические особенности, поднятые проблемы, дата написания позволили исследователю отнести авторство этой поэмы к казанскому хану Мухаммед-Амину [Мөхәммәт Әмин, 2004].

Необходимо определить, какие ценности в итоге экспедиционных поездок обнаружены за последние 40 лет. У нас пока определенно известно лишь о двух коллекциях Казани, по которым опубликованы результаты археографических поисков:

1. Центр изучения письменного и музыкального наследия татарского народа при ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ;

2. Отдел рукописей и редких книг при Национальной библиотеке Татарстана.

Археографические изыскания все более наталкивают исследователей на личность Мухаммед-Амин хана. Кандидат филологических наук, видный археограф Татарстана Раиф Марданов, изучив два списка одной поэмы, определив ее эстетические и проблематичные мотивы и язык, доказал, что она написана Мухаммед-Амин ханом. Текстологически подготовил и издал ее с подробным вводным словом, критическим анализом текста на основе двух рукописей в виде отдельной книги.

Первое открытие прозаического публицистического труда Мухаммед-Амин хана с указанием автора было

сделано доктором филологических наук Х.Миннегуловым и опубликовано в печати Татарстана [Казан ханы, 2006, 60–62 б]. В последние годы археографы в Московском архиве нашли копию списка ярлыка, выданного Мухаммет Амин ханом в 1516 г. [Казан ханы, 2006, 63 б].

Публикации таких исследований способствуют выявлению новых произведений, установлению имен авторов многих безымянных произведений. Так как многие выявленные рукописи дошли до нас искаженными, без начальных и конечных страниц, с утерей многих листов, татарские текстологи вырабатывают новые приемы исследования фрагментов неизвестных текстов.

Этот вопрос является весьма актуальным, так как, если есть основа, можно восстановить основную проблему, приблизительную дату, языковые и стилевые особенности и, конечно, установить автора. Но прежде всего следует провести текстологический просмотр всех полных идентифицированных по названиям и авторам произведений рукописного характера.

Учитывая эти особенности, была составлена антология татарской поэзии XVIII в., материалы которой были извлечены из разных рукописных сборников. Данное издание послужит определению дат и проблем еще многих стихов в море неизвестности. У нас в этом направлении есть уже добрый опыт в анализах старописьменных текстов. В конце XX в. огромную работу текстологического характера произвел кандидат филологических наук, языковед Ф.С.Фасиев. При работе над критическим текстом поэмы Кул Гали «Кыйсса-и Йусуф» он привлек 161 рукописный текст [Кол Гали, 490 б.] древней поэмы; при подготовке сборников поэтов Габделжаббар Кандали и Акмуллы работал Миркасым Усманов; над сборником стихов Саифа Сараи – Хатиб Миннегулов; над сборником Габдрахима Утыз Имяни – Анвар Шарипов; над хикматами Мавля Кулия – Камил Давлетшин; над поэмами Мухаммедьяра – Шакир Абилов; над текстологией татарских средневековых рассказов – Назиб Исмагилов и др.

Здесь уместно будет сообщить, что литератор и языковед Джавад Алмаз после себя оставил много трудов – в виде словарей поэтов XIV – начала XX в., которые лежат в его личном архиве.

Итак, можно сделать определенные выводы о состоянии археографического материала средневекового периода татарской литературы.

Пока благополучно работают полевые археографические экспедиции от ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ и Казанского федерального университета, научные экспедиции имеют определенные успехи. Имеются хорошо подготовленные археографы с солидным стажем. Однако нужно готовить и молодых ученых, так как есть еще татарские населенные пункты и есть поле для успешной археографической деятельности. Нужно укрепить текстологию средневековой татарской литературы одаренными молодыми учеными. Нужно усилить работу с рукописями. И в Национальной библиотеке, судя по публикациям, с идентификацией рукописей все в порядке. Однако положение рукописных фондов, в которых уже в 1992 г. было собрано 11 тысяч, а теперь почти за 20 лет ежегодных поисков, наверное, добавилось несколько тысяч рукописей. Кто, когда, где их будет описывать? Потому что в два раза увеличилось количество древнего материала. Описание рукописей тюрко-татарского характера активно велось учеными Ленинградского отделения Института востоковедения. Ими были изданы три тома описаний тюркских рукописей (в 1980-х гг.), позже они были сведены в один большой том [Дмитриева, 2002].

В данном каталоге много татарских рукописей, относящихся к татарским авторам и переписанных татарскими переписчиками, однако ученые исходным местом их выявления указывают только Поволжье (это почти от Петербурга до Астрахани, попробуй определи, к кому они относятся).

Уфимские тюркологи академик И.Галяветдинов и кандидат филологических наук Р.Булгаков описали татаро-мусульманские рукописи, собранные во время археографических экспедиций на территории Башкирии [Булгаков, 2009], и маркировали рукописное наследие татарского народа каким-то мифическим существом из космоса. Так, шаг за шагом проводится политика геноцида культурного наследия татарского народа, чтобы будущим поколениям его образ представить в самом дурном виде – грязный, пьяный, косолапый, косоглазый, жестокий, неграмотный. Хотя уже Ленин с досадой писал, что грамотность татар в силу своей письменности выше многих его окружающих народов. Однако, к сожалению, на такой «кривой» позиции стоял и профессор А.Тагирджанов, объявляя татарские персоязычные рукописи таджикскими и персидскими, предоставляя просторы Восточной Европы персам и таджикам [Тагирджанов, 1962].

Описание рукописей дает наглядное понимание объема литературного творчества ученых, писателей и поэтов татарского народа, творивших в раннем и позднем средневековье. Ниже мы приведем неполный список литературных и исторических произведений, сохранившихся в рукописных текстах, собранных лишь в казанских хранилищах: Научная библиотека им. Лобачевского КГУ, Центр изучения письменного и музыкального наследия татарского народа при ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, Отдел рукописей и редких книг Национальной библиотеки РТ, Литературный фонд Государственного национального музея РТ. Новые открытия будут всегда при поступлениях рукописных книг в хранилища. Теперь только в Казани насчитывается более 15 тысяч татарских рукописных книг, среди них еще будет много ценных находок для духовной культуры.

Итак, из приведенного списка выявленных во время археографических экс-

Список авторов и их произведений

1.	Ахмед Ясави	2	52.	Габделмәннан Мөслимов	1
2.	Сулейман Бакргани	13	53.	Рәхимкол Әбүбәкер улы	2
3.	Кул Гали «Кыйсса-и Йусуф»	83	54.	«Кыйссаи Авык»	5
4.	Рабгузи «Кыйсасел-әнбия»	5	55.	«Кыйссаи Сычкан»	3
5.	Махмуд бин Гали «Нәһҗел-фарадис»	1	56.	«Ана белән угыл»	3
6.	Гали «Кисекбаш»	20	57.	Г. Кандалый	4
7.	Хуссам бин Кятиб «Дастане Җөмҗөмә»	11	58.	Шәмсетдин Зәки	2
8.	Лутфи «Гөл вә науруз»	1	59.	Әбелмәних Каргалый	2
9.	Навои «Лисанет-тайар»	1	60.	«Нәсихәт эс-салихин»	2
10.	«Умми Камал китабы»		61.	«Исмәгыйль Бикмухаметов сәяхәтнамәсе»	
11.	Мөхәммәд Чәләби «Мөхәммәдия»		62.	«Мөхәммәд-Әмин сәяхәтнамәсе»	
12.	«Дастане Могъҗизат»	2	63.	«Бахтиярнамә»	2
13.	«Каһарман китабе»	10	64.	«Фәүзеннәҗат» Газизи	3
14.	«Угызнамә»	1	65.	Мөхәммәджан «Ләйлә вә Мәҗнүн»	1
15.	Кыйссаи Сәйет Баттал Газый		66.	Галәветдин Төгәлбәи	1
16.	Әбугалисина «Шифа»	1	67.	К.Насырый «Кырык вәзир»	1
17.	«Китабе Локман хәким»	1	68.	Ф.Халиди «Мең дә бер сәхәр»	1
18.	«Кыйссаи Сәйфелмөлек»		69.	Дастан «Зәркум»	2
19.	Сайяди «Дастане Бабахан»	2	70.	Ә.Курмаши «Бүз егет»	3
20.	«Гашыйкнамә»	1	71.	«Гөлстан» тәрҗемәсе	1
21.	«Түләк китабы»	7	72.	«Хан кызы»	4

22.	«Таһир-Зөһрә» дастаны	6	73.	Яхья бине Сәфәргали	1
23.	«Хурлуга-Һәмра» дастаны	1	74.	«Искәндәр Зөлкарнайин хикәясе»	1
24.	«Бүз егет» дастаны		75.	М.Акмулла	2
25.	«Сәйфелмөлек» дастаны		76.	Һибәтулла Салихов	3
26.	«Дәфтәри Чингиз намә»	7	77.	Г.Кандалый	3
27.	«Кәлилә вә Димнә»	1 (3)	78.	Гали Чокрый	8
28	Мөхәммәд Әмин «Могъҗизнамә»	1	79.	Мәүледел-Нәби	9
29.	Мөхәммәд Әмин «Кыйссаи Мансур»	2	80.	«Дастане күгәрчен»	3
30.	Мөхәммәдъяр «Нуры Содур»	6	81.	Әхмәд бине Хафизетдин «Тарихе Бәрәнгеви»	2
31.	Аднаш Хафиз «Сиражел-колуб»	2	82.	Тәнреколый (энциклоп.)	1
32.	«Хикмәтләр» Мәүлә Колый	6	83.	Һади Максуди «Лөгать»	1
33.	«Кыйссаи Сәкам» дастаны	4	84.	Хәмит Ушмави	2
34.	«Җиһаннамә»	2	85.	Әхмәди «Йосыф вә Зөләха»	1
35.	Табари «Тарих»	1	86.	Суфи Аллаяр «Сөбател-гаҗизин»	12
36.	Мөслими «Таварихе Болгария»	8	87.	Рукопись неполная по истории Хорезма XV в.	1
37.	Т.Ялчыгол «Рисаләи Газизә»	7	88.	«Гыймадәтел-ислам»	1
38.	Кол Мөхәммәд. Әсәрләр	4	89.	«Тутый-намә»	4
39.	Әхмәтҗан Тубыли	3	90.	Мәшраб, шагыйрь	3
40.	Г.Утыз Имәни	3	91.	«Гашыйкнамә»	2
41.	Габдессаләм бине Урай	1	92.	Дастан «Хәсән-Хөсәен»	2
42.	«Калила ва Димна»	3	93.	Төш юрау китабы	10
43.	«Атаклы кыз Тукбикә» дастаны	1	94.	XVIII йөз татар календаре	10
44.	«Илдан белән Гөлдан» дастаны	1	95.	Ф.Хадими. Из истории татарского медресе г. Кустаная	1
45.	«Тимер батыр» дастаны	1	96.	Фатыма-Фәридә шигырьләре	1
46.	Сиддыйк бай, шагырь	1	97.	Тукай, Гафури, Дәрдмәнд шигырьләре	1
47.	Ишнияз бине Ширнияз	1	98.	«Диване Ризаи»	1
48.	«Мәҗмугыл-хикәят»	3	99.	«Кыйссаи Ибраһим»	3
49.	Габди	3	100.	«Хикәят Ибраһим бине Әдһәм»	2
50.	Рәхимкол бине Ислам кол	2	101.	Әхмәд Бидай «Әнвәрел гашыйкыйн»	1
51.	Габделҗәмил Габделмәннан улы		102.	М.Котлыгош сәяхатнамәсе	1

педиций в научных центрах ИЯЛИ и Отдела рукописей и редких книг Национальной библиотеки РТ располагают на сегодняшний день даже большим числом памятников, которые были неизвестны до 1970-х гг. Однако приходится сожалеть, что в таких центрах культуры, как С.-Петербургский университет, и в архиве Института востоковедения не все сохранилось от находок экспедиции Вали Забирова, проведенной в 1934 г. в селениях Заказанья. Сохранились воспоминания очевидцев этой экспедиции, например в селе Ст.Узюм, где была найдена старинная рукопись истории этого села, в которой излагались события даже во время становления Казанского ханства. Эта деревня была в самом деле одним из центров сложения нового государства, там жили родственники и ханы, частично коих сохранились могильные плиты. Также после этой экспедиции исчезла большая родословная книга села Большие Менгеры, где проживали и продолжают жить потомки основателей Казанского ханства. Однако рукописи татарского происхождения исторического характера в фондах Хранилищ Института востоковедения почти отсутствуют.

Литература

Vaticano Turco 102 fol. 58–106.

XVIII гасыр татар әдәбияты. Поэзия. – Казан, 2006.

Абилов Ш. Кыйммәтле кулъязма // Социалистик Татарстан. – 1965. – 21 февраль.

Абилов Ш., Максудова З. Лотфый Идел буйларында // Казан утлары. – 1968. – № 6.

Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. – Алма-Ата, 1971.

Акмулла. Шигырьләр // Төзүче М.Госманов. – Казан, 1981.

Амирханов Хусаин. Таварих-е Булгарийа (Булгарская хроника). – М., 2010.

Артемьев А.И. Исторические рукописи библиотеки Казанского университета // ЖМНП. 1851. № XXV, XXXIII, XCIV. Бобровников А.А. Опись книг и рукописей, хранившихся в архиве имп. Казанского университета на арабском, персидском, турецком, татарском, киргизском, монгольском языках в 1898 г. Казань.

Ахметзянов М. Краткая научная опись рукописей, собранных в июне–августе 1977 г. во время археографической экспедиции по Агрызскому и Тукаевскому районам Республики Татарстан // Эхо веков. – 2000. – № 3/4.

Ахметзянов М. Краткая научная опись рукописей, собранных в июне–июле 1978 г. в ходе археографической экспедиции по Апастовскому, Агрызскому и Арскому районам Республики Татарстан // Эхо веков. – 2001. – № 3–4.

Ахметзянов М. Татарская археография. Отчеты о результатах археографических экспедиций (1972 – 2010 гг.). Часть I. – Казань, 2011.

Ахметзянов М. Татарская археография... Часть 2. – Казань, 2011.

Булгаков Р.М., Галяутдинов И.Г. Описание восточных рукописей Института истории, языка и литературы. – Уфа, 2009.

Булгаков Р.М., Галяутдинов И.Г. Описание восточных рукописей Института истории, языка и литературы. – Уфа, 2009.

Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. – Л., 1983.

Гилязутдинов С.М. Описание рукописей на персидском языке из хранилища Института языка, литературы и искусства. Вып. 1. – Казань, 2002.

Гилязутдинов С.М. Описание рукописей на персидском языке из хранилища Института литературы и искусства. Вып. II. – Казань, 2006.

Гилязутдинов С.М. Описание рукописей на персидском языке из хранилища Института литературы и искусства. Вып. III. – Казань, 2007.

Госманов М. Каурый каләм эзеннән. – Казан, 1994.

Готвальд И.Ф. Описание арабских рукописей, хранящихся в библиотеке Казанского университета // Ученые записки Казанского университета. – 1854. – № 2,4; 1855. – № 4.

Данилов Евгений. Тайна российского сфинкса. – М., 2004.

Дмитриева Л.В. Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук. – М., 2002.

Древнетюркский словарь. – Л., 1969.

Әхмәтҗанов М. Татар кулъязма китабы. – Казан, 2000.

Әхмәтҗанов М. Татар кулъязма китабын өйрәнүгә кереш // Мирас. – 2001. – № 9.

Әхмәтҗанов М. Кулъязма һәм басма татар китаплары битләрендәге мөһерләр тарихыннан // Фән һәм тел. – 2004. – № 4.

Әхмәтҗанов М. Мирасханә: фонд һәм коллекцияләр күрсәткече. – Казан, 2005.

Әхмәтҗанов М., Әхмәтов Р. Кукмара төбәгендә уздырылган экспедицияләр нәтиҗәләре // Восток-Запад: диалог культур Евразии. Кукморский район. Кукмара. Проблема истории и культуры. – Казан, 2005.

Әхмәтҗанов М. «Дәфтәре Чыңгызнамә» китабы кулъязмаларын өйрәнү юлында бер тәҗрибә // Татар әдәбияты текстологиясе мәсьәләләре. (Урта гасырлар – XX йөз башы). – Казан, 2006.

Әхмәтҗанов М. Татар мөһерләре тарихыннан // Фән һәм тел. – 2006. – № 2.

Әхмәтҗанов М. Мәдәни мирасыбыз сакчысы // Мәгариф, археографик эзләнүләр. – Казан, 2009.

Әхмәтҗанов М. Татар археографиясе. Соңгы елларда археографик экспедицияләр вакытында тупланган кулъязмаларның тасвирламалары. Сигезенче кисәк. – Казан, 2011.

Әхмәтҗанов М.И. Табышлы сәфәр. Мариэл республикасының Бәрәнге төбәгендә уздырылан археографик экспедиция нәтиҗәләре // Мәгърифәт. – 2011. – 8 июль.

Жолдасбеков Мырзатай, Сарткожаулы Каржаубай. Атлас орхонских памятников. – Астана, 2006.

Забиров В.А. Предварительное сообщение о работе археографической экспедиции Академии наук // Исторический сборник, № 4. Труды исторической комиссии Академии наук СССР. – М.-Л., 1935.

Зайцев И.В. Арабские, персидские и тюркские рукописи Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова. Каталог. – М., 2006.

Иргизов С.Г. Страницы истории Сафа Кулевского района. – Курган, 2000.

Истанбул: Suleymanie, № Koprülü, 1332/1; № Koprülü 832; Şehid Ali Paşa 1483 (по данным сотрудника факультета Богословии Анкарского университета).

История письма (пер. с немецкого). – М.-СПб., 2002.

Казан ханы Мөхәммәд Әминнең 1506 елда Польша короле Александрга илчесе Хәкимбирде берлә күндергән ярлыгы // Мәңгелеккә аяк басканда: Сәйед Кол Шәриф. – Казан, 2006.

Габделҗаббар Кандалый. Шигырьләр һәм поэмалар. Җыентыкны төзүче, текст һәм фәнни аппаратны хәзерләүче, кереш сүз авторы тарих фәннәре докторы Миркасыйм Усманов. – Казан, 1988.

«Кыйссаи Йосыф» кулъязмалары. – Казан, 2009.

Курбатов Х. Татар теленең алфавит һәм орфография тарихы. – Казан, 1960.

Малов С. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.-Л., 1959.

Марданов Р.Ф. Мәрҗани китапханәсе. – Казан, 2004.

Мәрданов Р. Китапларда милләт язмышлары. – Казан, 2010.

[Мөхәммәт Әмин] Кыйссаи Мансур. – Казан, 2010.

Шиһабетдин Мәрҗани. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. I том. – Казан, 1897; II том. – Казан, 1900.

Мәүла Колый поэмалары. – Казан, 2008.

Миңнуллин Ж., Мәрданов Р. Мирас бөртекләп җыела // Казан утлары. – 2000. – № 9.

Мөхәммәдьярның «Нуры содур» поэмасы. – Казан, 2009.

Мөхәммәт Әмин. Могҗизнамә. – Казан, 2004.

[Мөхәммәт Әмин] Кыйссаи Мансур. – Казан, 2010.

Нуриева Ф.Ш. Борынгы төрки тел. Орхон-Енисей язмалары теле (VII–VIII гасырлар). – Казан, 2007 и др.

Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. – М., 1960.

Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Часть первая. – Уфа, 1956.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153). – М., 1971.

Разяпов В. Просветитель и идеолог, организатор восстания народов Башкирского края, уроженец земли балтачевской Габдулла Галиев Батырша. В библиотеке сохранилось 80 рукописных книг, есть, конечно, печатные привозные мусульманские книги. Б/м, 2005.

Романов Я.С. Краткий очерк истории Научной библиотеки Татарской Республики при Казанском государственном университете 1804–1939. – Казань, 1940.

Рычков П.И. История Оренбургская. – Оренбург, 1896.

Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. I–XI тт. – Ташкент, 1952.

Тагирджанов А.Т. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела библиотеки ЛГУ, т. I. История, биографии, география. – Л., 1962.

Татар әдәбияты тарихы. Алты томда. 1 том. – Казан, 1984.

Трепавлов В. Приключения «Чудес творений» из ханской библиотеки Казани в «либерию» Ивана Грозного // Эхо веков. – 1999. – № ¾.

Түләк китабы. Дастан. – Казан, 2008.

Усманов М.А. Жалованные акты ДжучиеваУлуса XIV–XVI вв. – Казань, 1979.

Фатхиев А.С. Культурно-историческое значение восточных рукописей, поступивших в библиотеку в 1964 – 1965 годах // Альберт Фәтхи. Мәкаләләр һәм истәлекләр. – Казан, 2007.

Фәтхи А. Мәгърифәт төбәкләре һәм әдәби багланышлар // Казан утлары. – 1968. – № 2.

Фәтхиев А.С. Татар әдипләре һәм галимнәренең кулъязмалары. – Казан, 1986.

Ризаэддин Фәхреддин. Асар. I том. Казан, 2006; II том. – Казан, 2009; III–IV том. – Казан, 2010.

Яушев Нәүширван. Алты шәһәр тарихыннан бер парча // Шура, 1916, №16,18; 1917, № 3, 6, 10, 18. Этот интересный и ценный исторический памятник по истории Восточного Туркестана был опубликован на русском языке в 1976 г. М., в серии «Памятники письменности Востока 14».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] По воспоминаниям татаро-башкирского писателя Сайфи Кудаша, записанным М.И. Ахметзяновым.

[2] Эта требовательность соблюдается в стиле работы литературоведа Дж. Валиди. Он при подготовке солидного тома произведения после смерти Г.Тукая в 1914 г. постоянно придерживался этих принципов. Согласно сведениям современников и друзей Дж. Валиди, ученый собрал в своем личном архиве автографы поэта.

Аннотация

История татарской рукописной книги уходит в глубь веков. В древние времена предки татарского народа, участвуя в создании древнетюркских государств, имели письменность, основанную на руническом алфавите VII–VIII вв. Рунические тексты на каменных плитах сохранились до наших дней. Однако тексты, написанные на шелковых тканях, коже и бумаге с древнейшего периода, до наших дней почти не дошли, если не учитывать уникальную книгу толкования снов, составленную в конце IX в. Реликты рунического алфавита сохранились лишь в форме «знамен», использованных татарами в деловых документах в качестве подписей.

Татарская литература начиная с XI в. вплоть до XIX в. существовала в основном в рукописях. Даже популярное произведение Кул Гали «Кыйсса-и Йусуф», судя по исследованиям кандидата филологических наук Ф.С.Фасиева, констатирует, что «по времени составления большая часть датированных списков «Кыйсса-и Йусуф» относится к рубежу XVIII–XIX и начала XX вв.»[*].

В данной работе прослеживается история сбора татарского археографического материала с XVIII до начала XXI в. Уточняются места скопления татарских рукописей, судьбы книжных коллекций и библиотек ученых и медресе XIX – начала XX в. Уделяется внимание деятельности известных татарских археографов, обработке и описанию материалов рукописного наследия татарского народа и приводится список наиболее значимых письменных памятников, находящися в хранилищах г. Казани.

Ключевые слова: рунические надписи, Тюркский каганат, Золотая Орда, татарская рукописная книга, археография, переписчики рукописей, татарские частные библиотеки, Ш.Марджани, С.Вахиди, Н.Яушев, В.Забиров, С.Алишев, М.Усманов, А.Фатхи, Р.Марданов, библиотека им. Лобачевского, чернила, бумага, публикации, описания, экспедиции.

Summary

The history of Tatar manuscripts goes back centuries. In ancient times the ancestors of the Tatar people, participating in the formation of the Ancient states wrote on the basis of runic alphabet of VII–VIII centuries. Runic texts on stone tablets have survived to this day. However, the texts written on silk fabrics, leather and paper, from the earliest period practically did not reach present days, not taking into account the unique interpretation of dreams book compiled at the end of the IX. Relics of the runic alphabet are preserved only in the form of «flags» used by the Tartars in business documents as signatures.

Tatar literature, from the XI century until the XIX century was read mainly in manuscripts. Even the popular product Kul Gali «Kissai Yusuf», according to the study of Ph.D. in Philology

[*] Кул Гали. Кыйсса-и Йусуф (сказание о Йусуфе). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. – С. 491.

F.S.Fasiev, states that «for most of the time of writing, dated lists of «Kissai Yusuf» refers to the XVIII–XIX and early XX centuries».

This paper traces the history of the Tatar archaeographic collecting of the material from the XVIII to the beginning of the XXI century. Places of accumulatuon of Tatar manuscripts, the fate of book collections and libraries of scholars and madrasas of XIX – early XX century are specified. Great attention is paid to the activities of famous Tatar archeographers, processing and material description manuscripts of the Tatar people. The course description and publication of the texts of individual sites and a list of the most important written documents, placed in the vaults of Kazan are briefly covered.

Keywords: runic inscriptions in Turkic Khanate, Golden Horde, Tatar manuscript book, archaeography, census manuscripts, Tatar private libraries, Sh.Mardzhani, S.Vahidi, N.Yaushev, V.Zabirov, S.Alishev, M. Usmanov, A. Fathi, R.Mardanov, Library in the name of Lobachevsky, ink, paper, publications, descriptions, expedition.

УДК 902:911

О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЭКСПЕДИЦИЯХ СОТРУДНИКОВ ИЯЛИ ИМ. Г. ИБРАГИМОВА АН РТ В 2011 г.

***М.И. Ахметзянов**, доктор филологических наук*

Сотрудники Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан ежегодно выезжают в научные археографические, эпиграфические, фольклорные, диалектологические, искусствоведческие, музыкально-фольклористические экспедиции.

В последние годы руководство института стало организовывать комплексные формы экспедиций, с учетом участия специалистов по всем направлениям проблем, исследуемых по плану института. Тем самым облегчается работа исследователей, связанная с транспортом, жильем и питанием. Руководство института заранее договаривается об этих проблемах с главами исследуемого региона.

В 2011 г. в летний период сотрудники Института языка, литературы и искусства совершили три комплексные экспедиции. В июне они обследовали Параньгинский р-н Республики Мари Эль и Кукморский р-н Татарстана, в июле – Стерлибашевский, Федоровский районы и г.Стерлитамак.

В одной публикации невозможно осветить все направления поисков наших сотрудников во время научных экспедиций, т.к. каждый участник предварительно должен анализировать и расшифровать собранные материалы.

В работе археографических экспедиции принимали активное участие ветераны науки Рамазанова Д.Б., Баязитова Ф.С., Ахметзянов М.И., молодые исследователи: Гайнутдинов А., Насибуллина Н., Галимов С., Исмагилов Н., Муллин и другие. Каждый из них по профилю научных интересов собрали богатый источниковедческий материал.

В данном случае невозможно проанализировать материалы всех исследователей. Поэтому поставлена задача осветить находки археографического и эпиграфического характера двух экспедиций в Параньгинский и Стерлибашевский р-ны.

Первая экспедиция работала в Параньгинском районе с 7 по 16 июня 2011 г. За указанные дни нами в археографическом отношении обследованы поселок Параньга, селения Куянкова, Портянур, Ирнур, Мазарбаш, Тоштаял, Хасан, Тат. Китня, Путчара, Купай.

С самого начала экспедиции настроение участников поднялось хорошей организацией транспорта. Дирекция представила участникам экспедиции новый микроавтобус с отличным водителем (опытным и обаятельным человеком – Рустемом). Вопрос общего питания также был хорошо налажен. Более десятка участников экспедиции обеспечивали трехразовым питанием. Данные проблемы также благотворно влияли на настроения ученых.

Нашей работой интересовались также руководители Параньгинского р-на, в частности глава Альфит Габдулхакович Ибраев и др. Нам устроили встречу с учителями татарского языка и литературы школ района, сотрудниками библиотек, любителями татарской литературы, а также местными краеведами. В этой встрече участвовал

сам глава р. А.Г.Ибраев. Наша встреча прошла в очень приятных условиях. Мы подарили библиотекам района наши научные труды – краеведческие, этнографические, фольклорные, исторические словари и др. Наши сотрудники опубликовали несколько статей в районной газете.

Наши выступления и первые научные находки заинтересовали участников этой встречи. Руководство района также было заинтересовано нашими открытиями и намеревалось издать собранные материалы по истории района и культуры отдельным сборником.

Самые крупные населенные пункты, заселенные и основанные татарами, это 9 поселков Параньги, где ныне насчитывается около 7700 человек (большинство татары), далее Портянур (2 хозяйства, 1528 жителей), Куяново, Лажбердино, Ирнур, Мазарбаши, Тоштоял, Хасан, Татарское Китня. Нужно сказать также, что часть татарских малых селений, таких как Тат. Шункир, Яхин, Юань, Тоштаял на грани исчезновения. В некоторых из них лишь 3–4 дома и дачные домики или ряд пустующих и утопающих среди высоких крапивных царств пустые старые дома. По словам местных жителей, из-за отсутствия работы молодежь не остается в деревнях, многие устраиваются на жительство в городах Казань и Йошкар-Ола. Разумеется, в районе еще много марийских и русских населенных пунктов, но проживают и татары (судя по мечетям, которые легко узнаются по высоким минаретам).

Взаимоотношения татар и марийцев в Параньгинском районе добрые. Раньше марийцы Параньгинского региона знали в определенной степени татарский язык, теперь таких случаев не наблюдается. Марийцы с татарами общаются на русском языке. Даже в редких случаях смешанных браков общение проходит на русском языке, дети от смешанных браков не знают родных языков. Отношение марийцев к татарам вообще-то уважительное.

В районном центре на улицах видны плакаты с приветствиями в честь национального праздника марийского и татарского народов – сабан туя. Некоторые мелкие торговые заведения поселка названы татарскими женскими именами.

Строения больших татарских селений выглядят не как заброшенные поселения. У них заборы, ворота, парадные входы в хорошем состоянии. Здесь типичный для татарского строения вид – ворота, фронтоны домов, заборы, столбы, веранды. Наличники окон окрашены в желтый, белый, зеленый, изредка синий и красный цвета. Наличники окон, фронтоны, ворота, веранды, заборы украшены резными узорами антропоморфного животного, растительного, геометрического характера. Особенно заметен национально-декоративный элемент в самом поселке Параньга и крупных татарских селениях.

В районе в с. Алашайка сохранилось здание мечети из камня. Согласно сведениям историка Шигабуддина Марджани мечеть была построена в 1819 г. на средства жителя с. Служилая Ура (Арский р. РТ) Муэмина сына Тагира сына Назира. Жители Алашайки переселились из д. Верхние Айши (современная русско-татарская Айша Высокогорского р-на Татарстана).

В Параньгинском районе мечети есть почти в каждом татарском селении: в Параньгах две каменных мечетей, в Куянкове деревянная мечеть, в Портянурах – двухэтажная новая мечеть, построенная из белого кирпича и т.д.

При каждом селении сохранились и продолжают действовать мусульманские кладбища. В них хранятся старинные, традиционные мусульманские могильные плиты. Мы провели осмотр почти всех татарско-мусульманских кладбищ района и пришли к выводу о том, что на кладбищах не сохранились могильные плиты, установленные ранее 1865 г. (кладбище с. Портянур). Однако этот факт не означает, что до ука-

занного года обычая установки эпитафийных плит не было. Дело в том, что первично в 1930-х гг. и повторно в 1960-х гг. районными властями в законодательном порядке разрушались мусульманские святыни, и из могильных плит построили фундаменты советских учреждений и колхозных ферм. В частности, такое случилось в райцентре Параньга, где были разрушены три старинных кладбища татар-мусульман, на территории которых устроен парк и проложены асфальтированные дорожки. Часть могильных плит, сняв с могил, перевезли на действующее центральное кладбище поселка. Там на внутренней стороне ограды кладбища из них сложили два штабеля могильных плит. Эти образцы памятников своего рода образцы искусства резьбы татарских мастеров по камню и мусульманской каллиграфии – лежат бесхозно, утопая в лесном мусоре и грязи.

Конечно, из этих памятников истории и культуры можно было бы создать музей под открытом небом, установив их на фундаменты с указанием данных о том, что на них написано, чье это искусство, когда и кому они были установлены. Для этого можно было бы огородить угол парка, в более наглядном месте. Так как эти памятники являются наиболее древними письменными документами по истории татарских населенных пунктов Параньгинского района.

Некоторые эпиграфические памятники сохранили очень ценные сведения по истории отдельных фамилий края. Например, для истории татар региона представляет интерес памятник с. Куянкова, поставленный умершему в 1887 г. имаму Фатхулле сыну Бикчантая в возрасте 73 лет. Он был в течение 50 лет имамом с. Куян. С этим родом связана и фамилия Гайнана Нуриевича Курмашева, патриота антифашиста, казненного в 1944 г. 25 августа вместе с Мусой Джалилем в тюрьме Плетцензее. Гайнан Курмаш родился в 1919 г. в д. Куянково. Он после завершения учебы в школе в 1937–1938 гг. работал учителем в этой же школе. Сейчас в Куянковской средней школе, где он учился и работал, установлена мемориальная доска в честь героя-земляка.

По сведениям жителей Куянкова, предки данной фамилии были выходцами из с. Большие Менгеры Атнинского р-на Республики Татарстан. После этого мы стали обращать внимание на фамилию Курмашевых в надписях других могильных плит с. Куянково. И имели некоторый успех. Обнаружили могильную плиту Габдулхая сына Фазуллы Курмашева умершего в возрасте 63 лет 17 июля 1914 г.

На странице 492 Биобиблиографического словаря «Асар» известного татарского историка первой четверти XX века Ризаэддина бин Фахрутдина написано: «Умер. Служил 50 лет имамом в с. Куяни. Хаджи мулла Фатхулла сын Бикчантая сына Кармаша сына Карманая сына Бикаша аль-Куяни в 1887 г., 23 июля, в возрасте 73 лет».

Данная справка дополнила эпитафийную надпись на могильной плите кладбища Куянково. Кроме того, в рукописной родословной книге с. Большие Менегеры, которую я обнаружил еще в 1970 г., содержится история семьи Курмашевых. Предок их Тансар-Тангатар прибыл из Царевококшайского уезда, женился на овдовевшей женщине Гульбустан. У Тансар-Такчатара родились два сына Кармыш и Бурнай. У Кармыша есть сын Биккул, от Биккулы родился Бикчантай. У Бикчантая родились два сына, один из которых отправился в Сибирь, а другой – в солдаты. На этом родословная от Бикчантая в Больших Менгерах прекращается. Этот пробел в истории фамилии дополняют сведении надгробных плит с. Куянково. Оказывается, оба сына Бикчантая из Больших Менгер поселились в с. Куянково. Выходит старший сын Фатхулла родился в 1814 г. в Б.Менгерах, второй сын Фазулла, у него родился сын Габделхай (1851–1914). Сыновья Бикчантая были грамотными, богаты-

ми людьми, знали в совершенстве русский язык, имели какое-то производственное предприятие (по словам старожилов Куянково).

Еще одна эпитафийная надпись указывает на кровные связи жителей Портянура и д. Мамдаль Высокогорского р-на и д. Б.Яки Зеленодольского р-на Республики Татарстан. Содержание эпитафийного текста на могильной плите кладбища Портянура в переводе на русский язык таково:

«Эта могила муллы Мухаммедгали сына Мухаммедьяра сына муллы Хамида сына муллы Ислама сына наставника и учителя муллы Нурмухаммеда, сына Ишмухаммеда баба аль-Мамдали аль-Газани (т.е. казанский).

Мухаммедгали мулла умер в д. Портянурах в 1865 г. Его отец Мухаммедьяр стал имамом в д. Сюрда (ныне Арский р-н Республики Татарстан). Отец Мухаммедьяра Хамид был имамом в с. Юртуш (ныне Высокогорский р-н Республики Татарстан)[1]. Родословная этой фамилии восходит к легендарным личностям Кара гужи и Чура Батыра, живших в Казанском ханстве XV–XVI вв.

Третья эпитафия связывает с. Портянур с фамилией выходца из с. Черемшан (Черемшанский р-н Республики Татарстан). Содержание эпитафийного текста: «В лето 1866 г. 1 октября в скончалась жена имама Мухаммедгали Биби-Латифа дочь муллы Сагдетдина сына муллы Габдрашида сына Чирказа сына Джарджиса аль-Булгари аль-Черемшана».

В предыдущем примере мы упоминали о кончине Мухаммедгали сына Мухаммедьяра из с. Уразлов в 1865 г. Его жена прожила после кончины мужа еще один год. Эта женщина является потомком из Черемшанских татар (Закамье).

Имамы деревень Параньга и Куянково являются потомками родных братьев Хафизетдина и Бурханетдина Хафизетдин (1827–1917) прожил долгую жизнь, был имамом с. Параньга; его брат Бурханетдин (1829–1901) жил в д. Куянково и был там имамом. Их отцом был Насретдин сын Габдессаляма (который служил имамом с. Ташкичу с 1782 г. по 1821 г., вплоть до года своей кончины. Сын Габдессаляма Насретдин родился в 1796 г. и умер в 1868 г., служил имамом в Параньгах. Хазрат Насретдин был мастером на все руки – столяром-плотником, портным, шорником и садоводом. В то же время он писал книги о некоторых мусульманских обрядах.

Сын Насретдина Хафизетдин до 18 лет учился у своего отца и после отправился учиться в Бухару. Он там учился вместе с родным братом Бурханетдином до 1861 года. Затем братья вернулись на родину, и старший из них Хафизетдин, сдав экзамены в 1865 г. в Уфе, получил указ на должность имама. Хафизетдин учился в Бухаре в 1845–1848 гг. вместе с известным татарским историком Шигабутдином Марджани, и общение их продолжалось и после завершения учебы в Бухаре.

Сын Хафизетдина хазрата Ахмед в 1909 г. завершил свою книгу «Тарихе Барангева» («История Барангеви»), посвященную жизни своего отца и его рода. Эта книга уникальное по содержанию сочинение в татарской литературе, посвященное истории одной фамилии. Книга представляет особый интерес как сочинение родословного характера о жизни религиозного деятеля. Она начинается с описания жизни просветителя Рафика сына Таиба Курсави, окончившего медресе в конце XVII в. у известного просветителя последней четверти XVII в. Муртазы сына Кутлугуша ас-Симети. В дальнейшем все представители фамилии Рафика Курсави посвятили себя делу просвещения татарского народа, обучали детей чтению и навыкам письма на татарском и арабском языках.

Во время археографической экспедиции, проведенной в июне 2011 г. в Параньгинском районе мы собрали более ста рукописных и печатных книг из личных библиотек Хафизетдина и Бурха-

нетдина, доставшихся от их прямых наследников. Среди этих книг есть рукописи, переписанные самим Хафизетдином во время учебы в Бухаре.

Сохранилась также довольно запутанная родословная Хафизетдина. Этот документ проясняет кровные связи родства фамилии Хафизетдина с жителями с. Янгулово и Тюнтяри нынешнего Балтасинского р-на Республики Татарстан.

Кроме вышеперечисленных документов нами были обнаружены родословные таблицы Амировых из с. Ст. Менгеры и Гиззатуллиных из с. Татарское Китня.

Эти документы конкретно отражают кровно-родственные связи фамилии селений Параньга и Тат. Китня с жителями татарских населенных пунктов Заказанья Старые Менгеры, Новый Кинерь, поселка Кукмор, Казани и других мест.

В результате археографической и эпиграфической экспедиций по Параньгинскому району мы пришли к следующим выводам.

Собранные материалы освещают историю татар региона с начала XIX в., однако это не значит, что татары появились здесь только в XIX в. Топонимические и гидронимические названия региона дают основания полагать, что здесь довольно четко прослеживаются связи с булгарами, которые были ассимилированы марийским населением в XIII–XIX вв. полностью. Эти выводы подкрепляются наблюдениями антропологического состояния марийского населения Параньгинского района.

В период Казанского ханства Параньгинский район был связующим звеном татарских центров Вятки и Казани. Борьба за свободу и независимость татарского и марийского народов продолжалась еще столетиями в лесах сегодняшней Мари Эл в форме народных восстаний. И некоторые селения Параньгинского района были основаны уже в те далекие времена.

В XIX в. начинаются интенсивные связи татар края с населением Заказанья: усиление брачных связей татар двух регионов, учеба в медресе, торговые операции и миграционные процессы, которые в XX в. особенно усилились.

Вторым регионом археографических экспедиции был избран Стерлибашевский район Приуралья.

Село Стерлибашево с первой четверти XVIII в. стало одним из культурных центров татарского народа. На этих землях в XIII в. кочевало кипчакское племя альбурлук. Его султаном был один из зачинателей древней татарской фамилии Кара бека Бачман султан. У Бачман султана был город-столица Актуба (на месте современного Оренбурга). Актуба упоминается в исторических записках XVIII в. Потомки Бачмана султана и Кара бека в начале XVIII в. вновь стали хозяевами на родине своих древних предков. Основными центрами потомков Кара бека стали селения Стерлибаш, Арслан, Яшерган, Каргала под Оренбургом. Возле Стерлибаша поселились татары из Пензенского края. Ими были основаны селения Бузат, Халикай, Амирово, Балыклы и др. Царское правительство поощряло переселение татар в эти края на пустующие земли кочевых татар. После разгрома Ногайской орды в XVII в. России нужен был плацдарм для наступления на земли казахов, узбеков, киргизов и др. Татарские деревни Стерлибашевского региона в определенной степени выполняли роль сословных казаков на границах русской империи.

Эти татары говорили на родном татарском языке, исповедовали ислам, сохраняя свои культурные традиции. Среди них были те, которые имели древние княжеские фамилии – Арслановы, Апачевы, Тукаевы, Сатиевы, Девлетьяровы, Касимовы, Мамины и др.

Татары сохраняли на новых местах поселения свои древние похоронные обряды. Это особо заметно в располо-

жениях кладбищ. При основании татарских деревень кладбища обычно находились на некотором расстоянии от селения. По мере роста численности населения деревень эта традиция в некоторой степени нарушалась. Например, кладбище села Стерлибашево первоначально было в стороне, на горном склоне. Однако сейчас это кладбище почти с трех сторон окружено улицами поселка. Так, в окружении селения остались некоторые кладбища селений: Бузата, Арслана, Яшерган, Халикая, Амира.

Что касается эпитафийных памятников, то они в количественном отношении сохранились в Стерлибашах, Яшерганах, Татер Арсланах, Халикаях. Кладбища селений огорожены оградами, решетками, невысокими стенами из дикого камня. Раньше татарские кладбища огораживались со всех сторон довольно глубокими канавами, теперь их нет. В селениях порядок могил строятся еще по родовому принципу.

Каменные надгробные эпитафийные памятники в большинстве случаев сохранились со второй половины XIX в. Это относится к кладбищам Стерлибаша, Яшергана, Халикая, Татер Арсланово. Каменных памятников с арабографическими надписями сохранилось мало с первой половины XX в., даже на кладбищах г. Стерлитамака, д. Амирова, Бузата.

Наши поиски проводились в третьей декаде июля. В то время на кладбищах Стерлибаша, Яшергана, Халикая трава была скошена. Особенностью здешних кладбищ являются построенные из дикого камня четырехугольные открытого типа мавзолеи. Некоторые из них сделаны из обработанных (отшлифованных) плит. Такие памятники сохранились в Яшерганах и Стерлибашево.

При изучении эпитафийных памятников мы установили некоторые имена их зодчих. Например, в Яшерганах сохранились каменные плиты с подписями мастеров. Выяснение имен мастеров резьбы по камню важны нам для восстановления истории культуры. Как известно, с времен императора Петра I татарам запрещалось заниматься кузнечными ремеслами, обработкой камня, обработкой металла. В советский период борьбы коммунистов с национальными традициями, многие мастера камнерезчиков были угроблены, в концлагерях Сибири и др. местах. В Яшерганах мы установили имена двоих мастеров резчиков по камню – Сагадата Давлетьярова (1902–1958) и Гарифулла Абдуллина.

На сельском кладбище с. Амирова сохранилась эпитафийная надпись над общей могилой умерших во время голода 1921–1922 гг. Надпись сообщает, что в то время из 2500 жителей села погибло более половины. В одной могиле там похоронили 983, в другой – 150, а в остальных ямах неизвестно. Всего было 17 ям. В дни экспедиции сумели встретиться с преподавателями татарского языка и литературы. Пришли 4 человека. Педагогам подарили словари, методические пособия и издания трудов наших ученых-филологов.

В Стерлибашах побывали в новой мечети. Познакомились с местным имамом. Он был представителем из знатной фамилии Рамеевых – Н.Рамиев. Он рассказывал нам много интересного об истории своей семьи.

В Стерлибашах с XVIII в. известно знаменитое медресе. Там учились и преподавали татарские поэты Габдрахман Утыз Имяни, Шамсетдин Заки, Гали Чукри, Мифтахетдин Акмулла, Мухаммед-Хафиз. Родился и рос здесь славный сын татарского народа Мирсаид Султангалиев.

Здесь ознакомились с краеведческим музеем, созданным на основе большой коллекции по истории села краеведом Махмудовым. Музей обладает богатой экспозицией.

В результате археографической экспедиции по Стерлибашевскому району мы собрали богатый материал по истории культуры татар региона. Обследовали десять татарских кладбищ, ознакомились с историко-этнографическими

могильными памятниками, мавзолеями и эпитафийный текстами. Самый древний письменный памятник региона датируется 1785 г. Однако большинство памятников относятся к второй половине XIX в. и первой половине XX в. Арабографические эпитафии в основном наблюдаются до 1930-х гг. Однако изредка они встречались в Яшерганах – 1958 г., 1989 г.; Стерлибашах – 1943 г.; Хилькаях – 1951 г. Есть редкие случаи надписей на «яналифе» (латиница) – в 1930-х гг. в Яшергане.

Во второй половине XX в. почти исчезают традиционные арабские тексты с мусульманскими атрибутами – символом мусульманской религии – луной со звездой. На многих памятниках стали помещать памятные поэтические строки на татарском языке.

На многих памятниках региона стали появляться фотопортреты, что противоречит шариату.

Эти данные будут полезными при изучении эпитафийной культуры других регионов проживания татар, и часть материалов мы стали уже использовать в своих научных трудах.

Эпитафийные памятники свидетельствуют, что в Стерлибашевском регионе компактно живут татары, сохраняют свой язык и традиционную культуру. Нами собраны также генеалогические, топонимические материалы, также фотоматериалы полевого характера.

Экспедиция у нас прошла удачно, поставленные задачи были решены.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рысмөхәммәд шәҗәрәсе // Әхмәтҗанов М. Татар шәҗәрәләре. Беренче китап. – Казан: Татар. кит. нәшрияте, 1995. – 91–103 б.

Аннотация

В статье освещаются результаты научно-полевых поисков археографических и эпиграфических материалов, проведенных в летний период 2011 г. на территории Республики Мари Эл (Параньгинский район) и Башкортостана (Стерлибашевский район). В ходе экспедиций были обследованы 20 татарско-мусульманских кладбищ и 15 татарских селений. Были обнаружены эпиграфические памятники, эпитафийные тексты, которые имеют большое значение для изучения этнической и культурной истории татарского народа.

Кроме того, в общей сложности собрано около ста рукописных книг, документов на татарском, арабском и персидском языках, значение которых для исследователей истории литературы, философии, просвещения и религии неоспоримо.

Ключевые слова: археографические и эпиграфические находки, генеалогические связи предков татар региона с районами Татарстана.

Summary

The article highlights the results of scientific and field searches of archaeographic and epigraphic materials, conducted in summer 2011 on the territory of the republics of Mari El (Paranginskiy district) and Bashkortostan (Sterlibashevsky district). During the expeditions 20 Tatar-Muslim cemeteries and 15 Tatar settlements were examined. Epigraphic monuments, epitaph texts which meaning is valuable for the study of ethnic and cultural history of the Tatar people were discovered.

A total of about a hundred of manuscripts, documents in the Tatar, Arabic and Persian languages are collected, values of which for the researchers of the history of literature, philosophy, education and religion are undeniable.

Keywords: archeografic and epigraphic finds, genealogical connection with the ancestors of the Tatars in the districts of Tatarstan.

УДК 81'373

ИНВЕКТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ТВОРЧЕСТВЕ М. МАГДЕЕВА

***Д.К. Вахитова**, аспирант*

В настоящее время ни в одном обществе, от самого примитивного до наиболее цивилизованного, не наблюдается никаких признаков сокращения инвективного словоупотребления. При этом, однако, не существует ни одного современного общества, которое не пыталось бы бороться со словоупотреблением такого рода.

На сегодняшний день существует огромное количество подходов к определению сути инвективной лексики со стороны педагогов, юристов, психологов, лингвистов и т.д. «Словарь иностранных слов» (1992) определяет инвективу следующим образом: «Инвектива (лат. invectiva (oratio) бранная речь) – резкое выступление против кого-либо, чего-либо, обличение, оскорбительная речь». С лингвистической точки зрения В.И. Жельвис определяет инвективную лексику как раздел общенациональной лексики, который, с одной стороны, некодифицирован (не разрешен к использованию в лингвокультурной ситуации), а в крайней своей части даже категорически запрещен (табуирован); с другой стороны, он должен быть известен всем носителям языка в данной социальной подгруппе [2;11].

Внутри инвективной лексики целесообразно различать единицы, относящиеся к: а) литературному языку (представляющиеся резко негативными, оскорбляющими оценками); б) «внелитературной» сфере языка, в которой сосредоточены наиболее грубые лексико-фразеологические единицы, в первую очередь обсценная лексика и грубые жаргонизмы, как негативная, бранная оценка человека, его поведения, действий и т.д.

Классифицировать инвективные средства можно несколькими способами. Вполне возможна и продуктивна структурно-языковая, функциональная классификация. Безусловно, также интересна классификация инвективных обращений, предложенная В.И. Карасиком. Остановимся более подробно на тематической классификации, разработанной В.И. Жельвисом. Разумеется, инвективные темы многочисленны и разнообразны, и некоторые из них популярны практически в любой культуре. Наиболее охотно используются инвективы, основанные на всевозможных метафорических и метонимических переносах. Прежде всего, это названия животных, частей тела, неодушевленных предметов, профессий, физических и умственных недостатков, имена собственные, а также названия, взятые из растительного мира. Некоторые инвективные единицы могут употребляться в прямом смысле, а также междометно.

По мнению В.И. Жельвиса, одной из важнейших особенностей всякой инвективной лексики является ее устная форма существования. Резкость и недопустимость инвективы стремительно возрастает, если из устной речи она проникает в печать. В данном случае речь не идет о том, печатать или не печатать инвективы, а о том, должны ли инвективы в речи литературного персонажа в количественном отношении соответствовать реальности, или же автору достаточно привести

лишь некоторое количество инвективных единиц для создания необходимого впечатления [1, с.66].

Следует отметить, что данный вопрос достаточно непрост. С одной стороны, убедительным кажется мнение, что насыщенная инвективами речь литературного персонажа не может быть передана иначе как с помощью употребляемого этим персонажем в реальной жизни словаря, в противном случае пришлось бы говорить об отходе автора от отображаемой им действительности. Но, как правило, в художественном тексте речь персонажа представляется не целиком, не как естественный речевой поток, а выборочно, для передачи наиболее существенного, с точки зрения автора.

В произведениях известного татарского писателя Мухаммета Магдеева речь литературных героев максимально приближена к естественному речевому потоку, при этом он не прибегает к постоянному употреблению инвективной лексики. В данной статье мы более подробно остановимся на использовании инвективной лексики в таких произведениях М.Магдеева, как «Мы – дети сорок первого года», «Фронтовики», «Горький опыт», «Человек уходит – песня остается».

На основе тематической классификации инвективных лексических единиц, разработанной В.И. Жельвисом, в произведениях М.Магдеева мы можем выделить множество подгрупп.

Следует отметить, что в его произведениях среди всех инвективных единиц преобладают зоовокативы: *мөгезле* – рогатый, *сарык көтүе* – стадо баранов, *калай әтәч* – жестяной петушок, *уҗым бозаулары* – телята на озимых, *мамыксыз торна* – журавль бесперый, *шыксыз үрдәк баласы* –гадкий утенок, *ахмак бозау* – глупый теленок, *ахмак сыер* – тупая корова, *бозау булма* – не будь теленком, *юньсез хайван* – непутевая скотина и др. Зоовокативы характерны для всех без исключения языков, являя собой классический пример униресалии. При помощи таких ассоциаций инвектант обвиняет оппонента в наличии определенного отрицательного качества, которое национальная традиция приписывает тому или иному животному. Однако наиболее популярными зоосравнениями являются сочетания со словом *эт* – собака, а также *дуңгыз*– свинья: *Ах, дуңгыз малай* – Ах, поросенок!; *Эт тә халык инде* – Ну и собаки же народ. *Эт җан* – собачья душа; *Чык әле монда, эттән туган нәрсә* – Ну-ка, выйди сюда, сукин сын! [4; 111] и др. Данные вокативы также могут приобретать не уничижительный, а комплиментарный смысл. Примеры такого использования достаточно часто встречаются в повести «Мы – дети сорок первого года»: *Шәп җырлый, дуңгыз малай…* – Здорово поет, поросенок; *Ну, эттә инде, собакы! Ничек чын күңелдән җырлый!* – Ну и хват, собака! Как искренне поет!», а также в произведении «Горький опыт»: ... *дуңгыз диләр безнең авылда яратып та* – свиньей называют в нашей деревне и любя [3, с.249]. Следует подчеркнуть, что слова *собака* и *свинья* пользуются популярностью в составе инвективных идиом в большинстве языков мира.

Что касается инвектив, связанных с растительным миром, они используются автором крайне редко: *Син әле тал чыбыгы* – Ты пока еще ивовый пруток [4 с.313].

Богохульства как элемент инвективной стратегии М.Магдеев также использует достаточно часто. В данном аспекте мы можем выделить три вокатива: *шайтан, каһәр, чукынган* и их производные. В.И. Жельвис выделяет семь подргупп богохульств. В произведениях М.Магдеева встречаются название дьявола, ада, вообще сил зла: *шайтаным, теленә шайтан текергән, шайтан алгыры, шайтан белсен, алтынчы дәрес – әҗәл* и т.д., всевозможные проклятия, прозвища и т.п.: *шайтан алсын, каһәр суксын* и *чукынчык, чукынган кыз, җаныңны каһәрләдем*. С именем Бога встречается только одна идиома: *Алланың ачы каһәре суккыры!*

Обширнейшую группу инвектив составляют заимствования из русского языка. М.Магдеев использует заимствования различного характера, например, богохульства: *Ә, чуртым, Мәрсүрә укытучымыни ул!* – Черт возьми, разве Масрура учитель! эпитеты с ярко выраженной негативной окраской: *Валетдинов, ужасный кеше син!* – Валетдинов, ты ужасный человек!; *противный*; *кот несчастный*; *Нәрсә, тотылдыңмы, бессовестный!* – Ну что, попался, бессовестный! и т.п. Кроме того, часты примеры употребления в качестве уничижительных средств названий профессий и занятий в переносном значении: *колхозник*; *шпион бит син* – ты же шпион; *гестапо агенты* – агент гестапо; *экзекутор*; *карагыз, карагыз теге клоунны* – смотрите, смотрите на этого клоуна; слов, содержащих в своем значении отрицательную экспрессивную оценку чьей-либо личности *маразматиклар* – маразматики; *хулиган малайлар* – мальчишки-хулиганы; *разгильдяй*; *оятсыз нахал* – бессовестный нахал; *мәгънәсез идиот* – бестолковый идиот; *язва*; *гад*; слова и выражения, напрямую обозначающие социально осуждаемое поведение или деятельность: *бездельник*; *синең кебек подоноклар!* – такие подонкикак ты!; *бетле бандитлар* – вшивые бандиты; *ул чистый жулик бит* – он же чистый жулик и т.п. Как правило, заимствованные инвективные единицы включаются автором в речь литературного героя для придания эпизоду наибольшего накала, экспрессивности, будто они сами по себе вырываются с языка героя под давлением эмоций, когда он находится на таком эмоциональном пике, что ему представляется трудным подобрать соответствующие слова на своем родном языке.

В романе «Фронтовики» один из главных героев Гата, ввиду особенностей своей профессии, довольно часто использует инвективную лексику из терминологии морского флота: *Полундра*; *Юеш фитильләр сез* «Эх вы, мокрые фитили» и т.п., что наиболее ярко раскрывает глубину данного персонажа.

Во многих произведениях М. Магдеева так или иначе затрагивается тема войны. А поскольку большинство героев автора являются истинно народными персонажами, в их рассуждениях на военные и политические темы неизбежны вкрапления бытовой инвективной лексики: *Шул усакка асылыныр Муссолини капкорсак* –На этой осине повесится пузатый Муссолини; *Гитлерның җанын фәлән итим* – Гитлера в душу так-растак; *Дөньяда фашист дигән эт чылбырдан ычкынган, ә ул – бик хәтәр эт* – В мире собака по прозвищу фашист сорвалась с цепи, а это – очень страшная собака; *Фашист армиясе бик кабахәт армия ул* – Фашистская армия это очень подлая армия и др.

М.Магдеев также заимствует инвективные единицы из фольклора:

Аклы ситса күлмәгемнең
Якалары шулкавай.
Ярың булса бисталкауай
Талкавайлар гатауай.

(«Мы – дети сорок первого года») [6; 107].

Большое количество инвектив может быть использовано в междометном смысле. Одно из главных отличий от прочих употреблений инвективы – безадресантность. Следовательно, они не преследуют цели прежде всего понизить социальный статус оппонента или оскорбить его другим способом. Оппонента порой может вообще не быть, и инвектива в таком случае звучит «в пространство» и превращается в простое эмоциональное восклицание [2; 84]. В качестве таких средств М.Магдеев достаточно часто использует инвективные выражения *ачуым килмәгәе, пычагым*: *Сарык итенә лимон суы сибәләр, имеш, ачуым килмәгәе!* – Баранину они лимонным соком поливают, видите ли!; *Без үзебезчә план корган булабыз: өйләнгәч, бер-беребезне туйдан кал-*

дырмаска (калдырмассың, пычагым: без морзалармыни, андый вәгъдәле, төгәл тәрбия безгә каян килсен!) – Мы по-своему строим планы: будем жениться, обязательно пригласим друг друга на свадьбу (пригласишь, как бы не так: что мы, дворяне что ли, откуда у нас такая верность слову и безукоризненное воспитание! Таким образом, инвектива междометного типа вовсе не ставит целью произвести впечатление своим содержанием, хотя оно может быть достаточно эмоционально насыщенным само по себе в силу шокирующего нарушения социального табу. Ее задача – наметить эмоцию, сообщить собеседнику намерение нарушить табу, и этого оказывается вполне достаточно для создания впечатления эмоциональной нагруженности высказываения.

В настоящее время существует принципиальная возможность сосуществования в одном инвективном словоупотреблении двух значений, положительного и отрицательного [2; 95]. В произведениях М.Магдеева зачастую слова, как правило, используемые в положительном значении, приобретают негативную окраску: *Эләктеңме, малакаем!* – А-а, попался, сынок!; *Тукта, туганкай, тукта* – Нет, ты погоди, родной, погоди! и наоборот, уничижительные – с положительной коннотацией: *Шпион, чык инде, җаным, кайда син, ник күренмисең?* – Шпион, выходи, пожалуйста, дорогой, где ты, почему не показываешься?; *Чык инде, тотыл инде, җанкаем!* – Выйди, пожалуйста, поймайся, пожалуйста, дорогой. Из этого следует очень важный вывод: для эмоциональной лексики возможно противоречивое смешение в одном употреблении, скажем, отрицательно заряженного качества и положительного свойства, и наоборот.

В романе М.Магдеева «Фронтовики» инвективная лексика встречается даже в описании природы: *каен – җиңел акыллы агач* – береза – легкомысленное дерево; *диңгез – рәхимсез* – море безжалостно и т.п.

Для описания литературных героев и их поступков писатель прибегает к использованию глаголов с «осуждающей» семантикой или даже с прямой негативной оценкой: *халык алдында җәбеп төшмә* – не раскисай перед народом; *тәмам тилертте бит безне* – совсем заморочил же нас; *Не смей сез хәзер теш ыржайтырга* – Вы не смейте сейчас зубы скалить; *күземнән югал* – вон с глаз моих; *нох айн маль, нох айн маль дип желегебезне суырдың* – до мозга костей достал своим нох айн маль, нох айн маль и т.д.; а также слов, содержащих в своем значении экспрессивную оценку поступков, черт характера, деятельности, личности персонажа: *Ах, син, тишек борын!* – Эх ты, нос – две дырки!; *теле зәһәр зәһәрен ..., ну яратам* – язык у нее ядовитый, конечно..., но люблю; *явызлар да соң инде китап авторлары – ач калгырлары* – ну и злодеи же эти авторы книг – чтоб им голодными остаться; *менә җәбегәнлек, менә малайлык* – вот слюнтяйство, вот мальчишество; *Син бик сыек бит әле* – Ты же совсем еще жидкий; *әрәмтамак* – дармоед; *юньсез* – беспутный; *кара эчле* – коварный (букв. с черным нутром); *усал* – злой; *явыз* – вредный; *хәерче тиле* – нищий дурак; *имансыз* – безбожник; *хәйләкәр* – хитрец; *кабахәт* – подлец и т.п.

Ввиду того что в произведении «Горький опыт» отражается автобиография писателя, М.Магдеев использует метафоричные инвективные выражения и в свой адрес: *Мин – ноль икән, тузан бөртеге икән* –Оказывается, я – ноль, я – пылинка.

Таким образом, проанализировав инвективные слова и выражения в произведениях выдающегося татарского писателя М.Магдеева, мы можем сказать, что использованная им инвектива достаточно ярко отражает тематическую классификацию, разработанную В.И.Жельвисом, следовательно его классификация является удобной для описания и систематизации этого лексического слоя.

Литература

1. *Жельвис В.И.* Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия: Учеб. пособие / В.И. Жельвис. – Ярославль: ЯГПИ им. К.Д.Ушинского, 1990. – 81 с.

2. *Жельвис В.И.* Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В.И. Жельвис. – М.: Ладомир, 2001. – 349 с.

3. *Мәһдиев М.С.* Ачы тәҗрибә: Истәлекләр. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1993. – 384 б.

4. *Мәһдиев М.С.* Фронтовиклар: Роман. Икенче басма. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1988. – 340 б.

5. *Мәһдиев М.С.* Кеше китә – җыры кала. Казан утлары. – Казань, 1978. – №11. – С. 7–70.

6. *Мәһдиев М.С.* Сайланма әсәрләр. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2009.

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема употребления инвективной лексики в художественной литературе, в частности в творчестве выдающегося татарского писателя М. Магдеева. В качестве элементов инвективной стратегии М. Магдеев достаточно часто прибегает к использованию богохульств и заимствований из русского языка. Однако в его произведениях среди всех инвективных единиц преобладают зоосравнения, тем самым подтверждается тот факт, что в татарском языке инвективная лексика с элементом – зоовокативом является наиболее многочисленной.

Ключевые слова: инвективные единицы, зоосравнения, заимствования, художественная литература.

Summary

The article deals with the problem of using invective words in fiction, in works of the outstanding Tatar writer M.Magdeev in particular. As the elements of invective strategy M.Magdeev often resorts to blasphemy and borrowings from the Russian language. However, zoocomparisons prevail among all of the invective units in his works, thus confirming the fact that invective units with zooelement are the most numerous in the Tatar language.

Keywords: invective units, zoocomparisons, borrowings, fiction.

УДК 7.07

ТАЛАНТЛИВЫЙ ДРАМАТУРГ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

***Г.И. Каюмова**, кандидат филологических наук*

Один из ведущих драматургов нашей современности Ризван Хамид на литературную арену выходит в конце 70-х гг. прошлого века. Он успешно работает в различных жанрах драматургии. Ризван Хамид создал более 30 сценических произведений, большинство из них с огромным успехом шло на сценах Татарского академического театра, Татарского театра драмы и комедии им. К. Тинчурина, Альметьевского, Мензелинского, Челнинского татарских драматических театров. Его первая серьезная работа – драма «Синең урыныңа кайттым» («Охота на волка», перевод Ю. Эдлиса, 1978) – была удостоена Республиканской премии им. М. Джалиля (1984).

В целом драмы Ризвана Хамида можно назвать «семейными драмами». В них изображаются разные взаимоотношения членов семьи, в ходе которых внутренние переживания персонажей раскрываются наиболее глубоко и впечатляюще. Они отражают общественно-социальные явления, происходящие в стране. Столкновения характеров на этой основе полны драматизма. Герои отличаются твердостью характера, принципиальностью, настойчивостью, старательностью, терпеливостью, душевной стойкостью. Суровость – доминирующая черта характера персонажей Ризвана Хамида, объединяющая все другие. Например, именно суровость – качество, определяющее сущность характера Хабировых в пьесе «Синең урыныңа кайттым» («Охота на волка»), проявляющееся в их образе жизни, во взаимоотношениях не только членов семьи, но и в отношениях к другим. В этой семье старик Магнави – самый уважаемый человек. Его можно назвать «умудренным опытом аксакалом». В чем же проявляется суровость такого благородного, честного и сдержанного человека? Его поколение основало колхозы. Во время Великой Отечественной войны оно проявило мужество и на фронте, и в тылу. Именно в эти суровые годы Магнави Хабиров руководил колхозом и, конечно, оставаться всегда терпеливым, уравновешенным было невозможно. Вместе со строгостью была необходима и суровость. Но Магнави всегда в итоге остается Человеком с большой буквы. В пьесе «Китэм инде» («Под знаком Марса», перевод В. Розова, 1983; удостоена Республиканской премии им. М. Джалиля, 1984) под знаком бога войны прошла долгая жизнь двух семей. События в пьесе вроде бы касаются судеб только конкретных людей, проживающих в небольшой деревне, но в сущности идет серьезный разговор о нравственности, жизненных ценностях. Пьеса охватывает события с 1930-х до 1970–1980-х гг. прошлого столетия. В деревне Аксаковка идет коллективизация. С кровью и болью ломается старое и утверждается новое. Многое зависит от тех, кому доверены судьбы людей. Состояние длительной вражды Инсафетдина и Нурахмета явилось результатом не только личных передряг, но и результатом драматических следствий исторических событий. В основе вражды лежат историко-социальные причины. Мысли и мечты этих двух друзей были благородными: оба служили одной идее – построить счастливое будущее. Нурахмет – бывший председа-

тель колхоза, сторонник собственных волевых решений. Хотя жил он в целом для людей, но в период своего руководства колхозом принес им и много страданий. Этот упрямый, со стойким характером герой считал, что править жизнью и людьми можно только через железные законы, так и поступал. Инсафетдин же стремился прежде всего опираться на инициативу самих людей. Он хотел заступиться за кулака, который, по его мнению, разбогател честным трудом. Но его обвинили за якобы политическую близорукость и посадили. Таким образом, один верил людям, другой – своему классовому чутью, но в итоге оба оказались в чем-то неправы и расплачивались за это муками совести, долголетней неприязнью друг к другу. В конфликте произведения отображаются тенденции и противоречия развития общества, присущие той эпохе, в частности, противоречие между благородной, светлой мечтой людей и жестокой действительностью. На основании главного конфликта вырастают и личные коллизии. Именно таковы истоки конфликта Нурахмета и Инсафетдина. Таковы они и у молодых героев пьесы, которые недовольны современной, то есть социалистической действительностью, что проявляется через их слова и поступки. В пьесе «Айсберг» поднимается тема производства, которая стала очень популярной в 1970–1980 гг. Драма толкает на размышления о сущности демократических изменений, происходящих в обществе. Через отношение героев к своей профессии драматург раскрывает их общественно-нравственное лицо, жизненные позиции, формирование которых происходило под влиянием действительности. Особенности характеров персонажей проявляются через их отношение к работе. Такие персонажи, как Троянкер Вячеслав Семенович, Ничичейко Константин Сергеевич, Архипов Игнатий Николаевич, занимающие руководящие посты, раскрываются в пьесе как аферисты, люди, злоупотребляющие должностными обязанностями, пренебрегающие государственными интересами, не останавливающиеся ни перед чем в достижении своих корыстных целей, во имя собственных интересов. Название пьесы имеет общественно-символическое значение. Айсберг – это только та видимая часть разоблачаемых преступлений, совершаемых людьми, а большая часть их остаётся под водой. В драме «Майның унбишләрендә» («В мае пятнадцатого») Ризван Хамид обращается к теме судьбы татарской деревни, утраты связей человека с «родными корнями». В основе пьесы – традиционный для татарской литературы этого периода конфликт поколений: всю свою жизнь проживший в деревне старик Варис не находит понимания со стороны занимающего ответственную должность сына Закуана, который равнодушен к тревогам своего отца за судьбу родной деревни. В пьесе «Җиде бажа» («Семь свояков») он освещает дела председателей, которые в разное время правили колхозом в посёлке, где проживают главный герой и его семья. Через характеры и взаимоотношения персонажей Ризван Хамид обнажает не только человеческие качества людей, но и общественные пороки той эпохи.

В драматургии Ризвана Хамида женские образы играют значимую роль. С помощью тонких психологических штрихов он раскрывает духовный мир женщин, пути формирования их характера. В пьесах «Олы юлның тузаны» («Пыль на большой дороге»), «Каен җиле» («Дуновение ветра березы») автор создает образы одиноких, оставленных детьми матерей. В характерах данных персонажей инвариантной оказываются такие черты, как терпеливость и интровертированность, что является характерной особенностью психологии татарской женщины. Показательна в этом плане драма «Диде кардәш» («Сказал родня…»), героиня которой смогла пожертвовать своим счастьем во имя любви. Сложные коллизии в судьбах персонажей обнаруживаются и в пьесах «Кайтыр идем» («Вернулся бы», «Над обрывом» – перевод Ю. Эд-

лиса, 1979), «Пыяла кыз» («Стеклянная девушка»), «Язмышлар хәл ителгәндә» («Когда решаются судьбы») и др. В них показаны драматические изломы в судьбах героинь, оказывающихся в силу различных обстоятельств в одиночестве. В пьесе «Курчак туе» («Кукольная свадьба», в соавторстве с М. Гилязовым; по произведениям Г. Исхаки «Кәләпүшче кыз» – «Тюбетейщица», «Ике йөз елдан соң инкыйраз» – «Исчезновение через двести лет») проблему судьбы женщин Ризван Хамид освещает на фоне событий начала XX века, когда их жизнь была подобна безвольной судьбе кукол. Освещая женские судьбы, Ризван Хамид поднимает одну из важнейших традиционных проблем. В их судьбах отражается и общественно-нравственное положение страны, поэтому борьба за женское счастье уподобляется борьбе за счастье народа.

В 1991–1992 гг. Ризван Хамид создал для многосерийного телевизионного фильма киносценарий «Тукай» о великом татарском поэте Г. Тукае. Опираясь на народный эпос «Идегей» и на исторические факты, драматург в соавторстве с Р. Мингалимовым написал одноименную драму для художественного фильма. В ней авторы освещают жизнь предков, стремясь сохранить верность исторической правде. Образ Идегея занимает центральное место в произведении, характер героя дается в развитии. Он предстает как масштабная, легендарно-героическая личность, раскрывается как умный, мудрый человек, настоящий борец за свободу и независимость своего народа, за справедливость. Идегей от всей души помогает Тохтамышу в сплочении народа, несмотря на то, что тот недооценивает его. Все поступки героя показывают, что он уважает и почитает каноны предков, и самое главное – он борется не ради трона, а ради благополучия страны. В основу исторической драмы Ризвана Хамида «Хан кызы» («Ханская дочь») положены реальные события периода 1551–1953 гг. Опираясь на мифы и легенды о смерти царицы Казанского ханства Сююмбике, а также используя исторические факты, автор творит неомиф, отражающий трагическую судьбу правительницы. В пьесе «Сююмбике» – возвышенно-трагический образ, придающий философскую направленность в определении судьбы татар; сильная, волевая личность. Сююмбике – чувствительная мать, страстно любящая своего ребенка, в то же время она – строгий и серьезный политический деятель, трезво относящийся к делу правления. Она также – мать нации, всем сердцем любящая свою страну, всей душой переживающая за будущее своего народа и этим заслужившая уважение. Все это усиливает социально-политическую, нравственно-этическую ценность данного образа. В трагической судьбе правительницы большую роль играет мотив предательства. Это проявляется со стороны самых близких и надежных людей царицы. Второй мотив в создании трагедии – мотив равнодушия: равнодушие жителей Казани к жизни Сююмбике, что является равнодушием и к своей жизни, так как гибель правительницы – это и трагедия народа.

В творчестве Ризвана Хамида прослеживается сочетание традиционных и нетрадиционных современных приемов, форм-средств. Автор не дает совершенно новую информацию о жизни, а известные для читателя жизненные явления раскрывает по-новому, с помощью новых художественных средств. Это особенно свойственно его драмам: «Ике сәгать – бер гомер» («Два часа и вся жизнь», перевод А. Тура, 1986), где автор на фоне взаимоотношений отца и сына воспроизводит картину войны как чуждую естественному ходу жизни человечества: Советский солдат Махмут Ветреный берет в плен немецкого офицера Фрида Тиля. Как выясняется, Махмут оказывается его собственным отцом. Сталкивая сына с отцом, находящихся в противоположных лагерях, автор подвергает их суровому испытанию. Через их взаимоотношения показывается, насколько жестоким являет-

ся чувство вражды, порожденное войной. В душе героев идет борьба между чувством верности Отчизне и родственным чувством. Увидев из окна приближающихся к хижине немецких солдат, Махмут начинает стрелять. Но спасая отца, офицер Фрид Тиль погибает от рук своих же. Мстя за смерть сына, погибает и Махмут. До последнего и отец, и сын остаются верными своей совести, и в то же время оба борются за жизнь друг друга; в пьесах «Көзнең соңгы яфраклары» («Поздние листья осени»), «Ирем китте войнага» («Муж ушел воевать»), раскрываются трагедийные стороны сегодняшней безжалостной жизни. В первой автор нашел оригинальную ситуацию для изображения судьбы девушки Гульназа, опозоренной бессовестными людьми, но которые между тем носят маску порядочности: собственный брат насилует ее. В последней, являющейся продолжением предыдущей пьесы, девушка по имени Сагия оказалось в таком же положении, как Гульназа. Она когда-то тоже была опорочена тем же человеком, что и Гульназа. Узнав о том, что девушка живет в доме любимого ею человека Гофрана, который отличается порядочностью, искренностью, за которого Сагия когда-то не решилась выйти замуж, и, услышав от нее, что отец ее будущего ребенка именно он, решила отомстить. Девушка с помощью гипноза усыпляет будущую мать и, околдовывая, намеревается остановить ее беременность. У народов Китая существует такая традиция: ребенка, находящегося еще в утробе матери, подготавливают к жизни, рассказывая ему о разных сторонах жизни, о его роде. Героиня пьесы Сагия тоже рассказывает будущему ребенку сначала о хороших сторонах жизни, а затем – о плохих. По ее рассказу понимается то, что ребенок, рожденный на свет без отца, подвергается унижению, оскорблению; для матери, подарившей жизнь такому ребенку, это является большим грехом; люди за это ее осуждают и никогда не прощают. Ребенок, видимо, пугается жестокостей жизни и не появляется на свет, всасываясь обратно в организм матери. В качестве доказательства этого абсурдного явления драматург приводит похожие на него примеры из жизни животных, подтвержденные наукой. Это новый взгляд на концепцию личности, на место человека в мире. Это пример тому, что нравственная деградация ассоциируется с исчезновением личности.

В комедийных произведениях Ризван Хамид ищет различные формы и находит оригинальные комические и сатирические приёмы и средства, чтобы донести до читателя и зрителя актуальность поднятых им проблем. В них он показывает девальвацию нравственно-моральных ценностей среди людей. Например, в сатирической комедии «Иске йорт кешеләре» («Жители старого дома», «Домик с колоннами» – перевод Л. Виноградова, 1982) стрелы сатиры автора устремлены на такие уродливые стороны современной жизни, как ненасытность, алчность, тщеславие, завистливость, бессовестность, лицемерие. В трагифарсе «Тигезәкләр» («Рабы – не мы») он критикует тех, кто, поверив в пустячные слова, наносит большой вред окружающим; разоблачает такие принижающие человека качества, как высокомерие, «психология рабства». Драматург, обращаясь к средствам комедии-фарса, поднимает проблему нравственной девальвации по отношению к таким святым чувствам, как любовь, верность, доверительные взаимоотношения между людьми. Проблема родного языка преподносится со своеобразной художественностью в комедии «Чабаталы чәүчәләк» («Беспокойный в лаптях»). В трагифарсе «Җанкай улы Җанкыяр» («Сын Джанкая Джанкыяр») автор раскрывает причины, которые могут привести к исчезновению татарского народа как нации. Сатирические герои Ризвана Хамида как личности – ярко выраженные характеры. Их индивидуальность и неповторимость свидетельствуют о мастерстве писателя как сатирика.

Трагедия «Актамырлар иле» («Страна Белых корней») является одним из лучших произведений Ризвана Хамида, она о философии жизни и смерти, о роли старшего поколения в будущей судьбе молодых, о судьбе нации. Эти проблемы раскрываются через образ старика Муштари и его семьи, через смерть младенца, который должен был продолжить род, через образ единственного внука, который должен сохранить национальный дух, но который носит крест, отрекаясь тем самым от своей веры, своего языка; через эзопов язык в ней освещается проблема смешанных браков и др. В этих сценических произведениях имеют место гипербола, гротеск, абсурдные явления, особенно характерные трагифарсу, фантастике. В них наблюдаются и признаки модернизма (сочетание метафизики, образов-мифологем, символико-метафорического подтекста, сказочности). В раскрытии некоторых сторон реальной действительности Ризван Хамид пользуется условными ситуациями. Этим произведениям также характерны такие явления постмодернизма, как игра, ирония, пародия, явления фрагментарности и др.

Ризван Хамид пишет пьесы и для детей («Айдарның авыр көне» – «Трудный день Айдара», «Тәбе» – «Мышеловка» и др.). Он также является автором фантастических и исторических рассказов и повестей («Он узнал…», «Заблудший мурза», перевод Ф. Хрумкина; «НЛО» и др.), пишет публицистические статьи, где освещаются актуальные проблемы действительности.

Разоблачая отрицательные, безобразные явления, встречающиеся в жизни, в характерах людей, выводя на сцену героев прошлого и настоящего, отличающихся духовно-нравственным совершенством, драматург отстаивает свой эстетический идеал. Его пьесы переведены на русский, украинский, грузинский, киргизский, башкирский, латышский, чувашский, кабардинский и др. языки.

Литература

1. *Илялова И.* Под знаком судьбы (Под знаком Марса) / И. Илялова // Советская Татария. – 1983. – 22 апреля.

2. *Золотарев Е. С.* Поднимаясь над бытом с мыслями о бытие // Золотое двадцатилетие. Очерки / Е. С. Золотарев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. – С. 70–80.

3. *Әхмәдуллин А.* Офыклар киңәйгәндә. Әдәби тәнкыйть мәкаләләре / А. Әхмәдуллин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. – 108б.

Аннотация

В статье дается краткий обзор богатого творческого наследия одного из ведущих драматургов нашей современности Ризвана Хамида. Раскрывается его творческий талант, как человека успешно работающего в различных жанрах драматургии, дается общая оценка его драматическим произведениям (драмам, в том числе историческим драмам, комедиям, трагедии и т.д.), освещаются актуальные проблемы действительности, выдвинутые автором на общее обозрение, выявляются основные идеи произведений, которые драматург хотел донести до читателей и зрителей.

Ключевые слова: Ризван Хамид, конфликт, характер, личность, художественные средства.

Summary

This article is about the creative work of one of the leading playwrights of our days Rizvan Khamid. He is the author of 30 or even more plays. The total appraisal to his dramatic writings is given, the topical problems of the reality, the author's main ideas are shown in this article.

Keywords: Rizwan Hamid, conflict, character, personality, artistic means.

УДК 78.08:801.81

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ТРУДАМ ВЕЛИКИХ (К 175-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА В.В. РАДЛОВА)

***Ф.С. Сайфулина**, доктор филологических наук, профессор*

В этом году весь тюркологический мир широко отмечает 175-летие со дня рождения известного тюрколога – ученого с мировым именем, академика Василия Васильевича (Фридрих Вильгельм) Радлова (1837–1918), ознаменовавшего целую эпоху в истории мировой тюркологии. Он один из немногих тюркологов, кто оставил после себя многоаспектные фундаментальные труды, касающиеся сопоставительного исследования языков тюркских народов. Научное наследие ученого поражает своим размахом и глубиной.

Увидевший свет в канун юбилея академика четвертый том его многотомного труда «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной сибири и дзунгарской степи». (Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар) (Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. – 519 с.) является одним из юбилейных мероприятий, посвященных увековечению имени ученого, данью памяти великого тюрколога и особым событием в современной тюркологии. Первым шагом в этом направлении является проведенная 17 января – в день рождения ученого – кафедрой истории татарского языка и тюркского языкознания Института филологии и искусств Казанского (Приволжского) федерального университета итоговая конференция, посвященная изучению научной деятельности академика В.В Радлова, посвятившего себя столь трудной миссии – сбору, записи и сопоставительному изучению всей многогранности и богатства языка тюркских народов. Следующим же шагом в пропаганде научных трудов академика стала международная научно-практическая Интернет-конференция «В.В. Радлов и духовная культура тюркских народов» с участием многочисленных ученых из России и зарубежных стран. Поистине интересным событием стало участие на данной конференции правнука именитого ученого – доктора химических наук, члена-корреспондента Академии наук РТ В.П. Барабанова, выступавшего с докладом «Семья Радловых».

Составителем данного великолепного издания и идейным вдохновителем его выхода в свет является доктор филологических наук, ученый, внесший огромный вклад в современное языкознание и диалектологию, исследование различных аспектов татарского языка, профессор отделения татарской филологии Института филологии и искусств К(П)ФУ Фарит Юсупович Юсупов.

«Изучению творческого наследия В.В. Радлова в тюркологической литературе посвящено большое количество научных статей и биографических очерков, дающих представление о той или иной стороне его многогранного творчества, о различных периодах жизни и деятельности, в то же время, как ни странно, жизнь замечательного тюрколога до сих пор остается почти совершенно неизвестной», – пишет составитель в своей объемной вводной статье к книге «В.В. Радлов – выдающийся тюрколог России» (с.5–28). Здесь автор статьи, задаваясь целью ознакомления широкой аудитории с деятельностью великого ученого, прослежи-

вает все вехи его жизни и научной деятельности, дает краткую характеристику основным трудам, высоко оценивая их значение в мировой тюркологии, тем самым составляя полную картину многогранного, многочисленного научного наследия В.В. Радлова, составляющего основополагающее значение в научной тюркологии.

Подробно анализируя алтайский период научной деятельности ученого, который начинается с 1859 г., Ф.Ю. Юсупов приходит к мысли о том, что именно на Алтае В.В. Радлов сформировался как тюрколог, глубоко интересовавшийся диалектологией, лексикографией, лексикологией, сравнительной и исторической фонетикой, грамматикой тюркских языков, этнографией и археологией, фольклором и историей народов Алтая и Западной Сибири. Здесь собран богатейший фольклорный материал для дальнейшего изучения и анализа.

С зимы 1872 г., с официального назначения В.В. Радлова инспектором татарских, башкирских и киргизских школ Казанского учебного округа, начинается казанский период его деятельности. Первое пособие ученого «Билик», составленное для младших школьников, а также следующая книга «Хисаблык» представляющий собой курс арифметики, связан также с этой деятельностью.

Именно здесь В.В. Радлов увлекается общей лингвистикой, именно в Казани он пишет обобщающие работы по ранее собранному материалу, которые известны под названиями «Образцы народного творчества...» и «Из Сибири». «Перед языкознанием стоит задача исследовать человеческий язык с его действующими силами и найти законы, которые управляют языковыми явлениями. Это возможно тогда, когда исходят из разговорного языка. Только исследование живых языков в их тончайших диалектальных нюансах и различиях, которые мы в состоянии наблюдать в речи отдельных индивидуумов, позволяет нам дать картину того, как общенародный язык... развивается». – Это основной подход ученого к исследованию тюркских языков, который определенным образом ставился им уже в начале научной деятельности и который сподвигнул молодого ученого на долгие годы общения с простым народом – носителем языка, и записям услышанного. Результатом такой целенаправленной кропотливой работы стали многотомные записи фольклорных материалов по всем живым тюркским языкам, которые позже стали объектом пристального анализа тюрколога.

Важную роль в его дальнейшей научной деятельности сыграли члены Казанской лингвистической школы под руководством выдающегося языковеда И.А. Бодуэна де Куртенэ. Под их влиянием был написан поистине эпохальный труд В.В. Радлова «Фонетика северных тюркских наречий», изданный на немецком языке в Германии.

С избрания в 1884 г. В.В. Радлова ординарным академиком Императорской Академии наук по части истории и древностей азиатских народов начинается новый, петербургский период ученого, который также ознаменовался масштабными исследованиями и многочисленными научными трудами. Здесь ученый продолжает интенсивную научную деятельность, о чем говорит издание более 50 научных работ по различным областям тюркологии, но вместе с тем продолжает заниматься научными поездками и экспедициями.

Несмотря на то, что собранный на Алтае материал изучался и издавался ученым в казанский период, в Петербурге он продолжает тщательно систематизировать многочисленные лингвистические фольклорные материалы, уделяя особое внимание сравнительной фонетике и грамматике тюркских языков, диалектологии, лексикологии, а также публикует памятники тюркской письменности, что говорит о богатстве и многообразии языкового материала, собранного им еще в начале научной карьеры.

Обращаясь к высказываниям известных ученых А.Н. Кононова, С.В. Вайнштейна, С.Г. Кляшторного, Л. Штернберга, А.Н. Самойловича, Э.Р. Тенишева и др. о деятельности В.В. Радлова, автор вводного слова подробно анализирует и высоко оценивает его основные научные труды, разностороннюю научную деятельность ученого. Вместе с тем он создает полное представление о ближайшем научном окружении В.В. Радлова. Таким образом, Ф.Ю. Юсупов прослеживает историю формирования и становления тюркологии как науки и научного сообщества XIX века, ознаменовавшегося важными событиями в истории тюркологии в целом и в татароведении в частности.

Вызывает немалый интерес также статья составителя книги «Сибирские татары» (с.29–56), являющаяся обобщением результатов многолетнего труда Ф.Ю. Юсупова, а также итогом многочисленных полевых экспедиций в Западную Сибирь. Здесь автор пишет о сибирских татарах, проживающих в бассейнах реки Обь и ее многочисленных больших и малых притоков – Иртыш, Ишим, Тобол, Чулым, Томь, Ом, Тура, Тавда, Исеть и др., об истории заселения этих просторных земель, государствах, некогда организованных и существовавших на этих обширных территориях, знакомит читателя с укладом жизни и быта сибирско-татарского народа.

«Татарские племена считаются одной из важнейших составляющих в этногенезе сибирских татар. Например, в документе, сообщающем о распространении ислама в Западной Сибири (1394–1395 гг.), отмечается, что в данный период среди сибирских татар были и татарские племена хотанов, ногайцев, кара кипчаков. Народы ханты и манси называют сибирских татар хотанами. В китайских летописях также упоминаются тюркоязычные татарские племена. Позднее татары входили в состав Великого Тюркского, Уйгурского, Кимакского каганатов, являясь одним из главных организационных компонентов этих империй. Во времена Золотой Орды к сибирским татарам присоединились татары с Поволжья и Урала», – рассуждает автор статьи о далекой истории формирования и становления сибирско-татарского народа, который продолжается в течение многих столетий. Особое внимание ученым уделяется истории становления Сибирского ханства, впоследствии оставившего глубокий след в истории сибирских татар. Известно, что в середине XVI в. у сибирских татар было свыше 15 городов. Эти сведения говорят о том, что этот народ находился на более высокой ступени экономического, культурного развития, чем другие народы этого регона. Главным городом Сибирского ханства считалась столица Искер. Сибирское ханство являлось одним из активных торговых центров того времени, куда приезжали купцы из Золотой Орды, Средней Азии, восточных государств. Особое место уделяется в данной статье истории распространения ислама в Сибири и его значению для организации и объединения народа.

С целью восстановления хронологической картины исторического действа на этих обширных территориях профессор Ф.Ю. Юсупов анализирует многочисленные статьи историков и этнографов, таких как Г.Ф. Миллер, В.И. Огородников, С.В. Бахрушин, А.П. Дульзон, И. Фишер, С.К. Патканов, Г. Файзрахманов и др.

Рассмотрение процесса формирования сибирско-татарского народа, его истории дает возможность автору статьи сделать вывод о том, что его состав весьма сложен, многокомпонентен, вследствие чего язык сибирских татар также неоднообразен: в зависимости от территории, окружения и исторических влияний появляются особенности его фонетического и лексического состава. Разное соотношение местных тюркских племен с пришлыми бухарцами и татарами в совокупности с различными факторами, влияющими на этническое и языковое развитие, привели к образованию

особых этнических и территориально-лингвистических групп сибирских татар. Исходя из исторических, этнографических и лингвистических аспектов автор научного труда сибирских татар подразделяет на следующие группы: тоболо-иртышские татары, тобольские татары, тевризские татары, тарские татары, тюменские татары, ишимские татары, заболотные татары, барабинские татары, томские татары, чулымские татары, калмаки, или калмакские татары. Так как составитель данной книги ученый-диалектолог Ф.Ю. Юсупов в течение десятилетий занимался сбором устного народного творчества и фиксацией языковых особенностей сибирских татар, это дает ему возможность вести речь о языковых особенностях отдельных групп сибирских татар, охарактеризовать языковые явления в сравнительно-сопоставительном аспекте. С завидной последовательностью и подробно описаны в статье особенности отдельных говоров, которые составляют пеструю картину языка сибирских татар. Особое место уделяется здесь языковым явлениям тобольских, тевризских, тарских, ишимских, заболотных, барабинских, томских, чулымских, калмакских татар, проживающих на отдаленных друг от друга расстояниях, на больших территориях.

В связи с тем, что в анализируемой книге В.В. Радлова представлены образцы народного творчества тюркских народов, населяющих именно эти территории, данная статья приобретает особую актуальность и научную привлекательность и готовит к восприятию уникального по своему содержанию тома «Образцов... ».

Достойное место занимает включенная в книгу статья «По следам Радлова» (с. 487–498) известного ученого-фольклориста, вышедшего из сибирских татар, Флоры Вагаповны Ахметовой-Урманче, которая вслед за учеными-тюркологами признает, что «Образцы... » в десяти томах, а также «Опыт словаря тюркских наречий» в восьми томах составляют основу всей тюркологии. Обобщая опыт исследования фольклора сибирских татар писателями Н. Исанбетом и М. Садри (1940), известными татарскими фольклористами Х. Ярми (1940, 1967), Ф. Ахметовой, Л. Замалетдиновым, Х. Гатиной, Н. Ибрагимовым, Х. Махмутовым, Ф. Урманчеевым, Н. Хисамовым с 1967 по 1974 г. и позже молодым поколением фольклористов, автор статьи пишет о том, что: «...были предприняты экспедиции в те аулы и селения, где в свое время пребывал В.В.Радлов и осуществил с поразительной точностью записи тех произведений, которые, увы, через сто лет мы уже не застали».

Анализируя этот огромный по своему объему и уникальный по содержанию труд, Ф. Ахметова-Урманче пишет о том, что в этом труде В.В. Радлов поместил 121 произведение фольклора. По современной жанровой классификации в томе 41 сказка, 29 песен и баитов, 23 предания и родословных, 16 дастанов и отрывков из них. Записывая все, что удалось слышать, – «даже отрывки, самые незначительные, из песен и преданий», ученый, быть может, сам того не замечая, фиксирует две существенные особенности татарского фольклора: бытование эпоса-дастанов, лиро-эпоса – баитов и преданий уже тогда в отрывочном виде.

Таким образом, в статье дана характеристика жанрового состава собранного академиком полевого материала, а также сделан подробный анализ отдельных произведений фольклора, особо уделяя внимание в них этнографическим и бытовым деталям из жизни сибирских татар, названия которых сохранились только благодаря данным записям.

Цель данной статьи – представление весьма обширной картины современного состояния фольклора сибирских татар, в частности лирических жанров, в сопоставлении записей современных фольклористов с уникальными фиксациями академика в позапрошлом веке.

Статья Ф.В. Ахметовой-Урманче помогает должным образом оценить

огромный вклад тюрколога В.В. Радлова в татарскую фольклористику.

Особый научный интерес вызывает представленный в конце книги составителем Ф.Ю. Юсуповым наиболее полный хронологический перечень трудов самого В.В. Радлова и литературы о нем.

В этом труде автор представил отрывки из работы академика «Из Сибири», которая считается последней работой казанского периода ученого, где анализируются и делаются выводы по историческим, археологическим и этнографическим материалам, собранным им во время экспедиций по Сибири, Восточному Казахстану, Алтаю и др., где особое место уделяется этногенетическим процессам, относящимся к сложению тюркоязычных народов Южной Сибири, в частности по западносибирским татарам. Данный труд впервые был издан на родине ученого – в Германии в 1884 г. в двух томах на немецком языке.

Бесспорно, главное место представляемого издания занимает книга ***«Образцы народной литературы тюркскихъ племен, живущихъ въ Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В.В. Радловымъ»***, ***часть IY. Наречия барабинцевъ, тарскихъ, тобольскихъ и тюменскихъ татар»*** (с. 57–473). Несомненным достоинством работы является то, что составителем подготовлено к переизданию единственное издание, напечатанное по распоряжению Императорской Академии наук в марте 1872 г. в Санкт-Петербурге, с сохранением всех особенностей академической транскрипции В.В. Радлова, а также технических особенностей издания и рисунка шрифта типографии того столетия.

Данный фундаментальный труд, а также включенная в представляемое издание работа В.В. Радлова «Из Сибири» (отрывки, с. 474–486), как отмечает составитель книги Ф.Ю. Юсупов, «...имеют основополагающее значение для исследований тюркского фольклора» (с. 9).

В самом начале предисловия к этому тому В.В. Радлов пишет: «Образцы народной литературы, помещенные в четвертом томе, записаны из уст татар-магометанъ, живущих по системе реки Оби, Иртыша и Тобола. – Первые из них известны у русских под общим названием Барабинцев, а последние – Тобольских татар. Сами же татары называют первых «Бараба», а последних, по округам, в которых они живут, Тарлык, Тоболлык, Т м ллек».

Здесь же ученый приводит исторические материалы о происхождении татар, проводит некоторые сравнения языка татар в разных населенных пунктах. «Самый типичный говор Барабинцев слышится вблизи Каргатского озера у племени Терене, между тем, как на Иртыше племя Курдак более всех окружающих племен отличается самобытностью своего наречия. ... Северные тюрки Тобольской губернии уже давно магометане; в особенности татары около городов Тары и Тобольска славились издавна ученостью и фанатизмом. Получив свое начало из Бухарии, здесь образовался новый центр ислама, который сильно влияет на северных Киргизов, на Барабинцев и на Телеутов, живущих между Колываном и Томском. Татары Тюменские сделались большею частью торговцами, между тем как значительная часть Тарских и Тобольских татар сделались учителями Киргизов и вместе с тем распространителями магометанства». Вследствие чего, рассуждает ученый, в их языке чувствуется влияние книжной речи, тогда как в отдаленных от центра местностях более сохранился «народный дух» и народный язык более разнообразен. При этом ученый отмечает, что устные творения уже в его время сохранялись лишь как «святые воспоминания молодости того времени, когда народный дух еще давал им смелость открыто восхвалять в песнях и сказках деяния их предков. Нынешнее поколение поет Мухаммадию, хикметы Ахмеда Ясави и Мир Али Шира, хоть содержание их для большинства совершенно непонятно» (с. 67).

Исторические факты о татарах, проживающих на данных территориях, и

диалектных особенностях их языка делают изыскания ученого важным источником не только для фольклористов, но и для историков и диалектологов. Ученый отмечает, что тобольские, тюменские, тарские, барабинские татары исторически более близки к алтайским телеутам, а связи со Средней Азией и Восточной Европой – явления более позднего периода.

Собранный В.В.Радловым фольклорный материал классифицирован по месту их записи: Бараба, Тарлык, Тоболык, Төмәнлек, Тобул халк, Төмәнлекләр, которые включают в себя многие жанры народного поэтического наследия.

Фольклорный материал, собранный академиком, привлекает к себе внимание богатством материалов для исследования культуры, быта, обрядов (кузайтын, кияү типсәү, юктау), обычаев и поверий народа, здесь также упоминаются различные бытовые предметы (четырехугольный деревянный дом, а также шестиугольный, восьмиугольный (түрт мөешле агац өй); музыкальные инструменты (ятаган, саз, най, сорнай, шестидесятиструнная месяцевидная думбра (алтмыш кыллы ай тумбыра); этнографические детали (сахтыян ату – сафьяновые ичиги, сары кәбец – желтая тюбетейка, күк тимер кармак – удочка из синего железа и т.д.), названия обрядов и предметов, используемых при их совершении. К сожалению, по прошествии столетия многие из этих слов исчезли из лексикона народа, равно как и предметы этого действа.

Особо привлекают к себе внимание записанные В.В. Радловым из уст сказителей-татар, живущих в Сибири, самобытные и полные местного колорита варианты дастанов «Идегей», «Алтаин Саин Сөмә», «Ак күбек», «Ястәй Мөңкә», «Межек алып», «Йертөшлек», «Кузы Көрпәч и Баян Сылу», «Купланды», «Камбар», «Таһир-Зөһрә», «Бүз егет», которые являются уникальными образцами древнетюркского эпоса и духовным достоянием ряда тюркских народов. Как отмечается учеными, прозаические сказки и эпические сказания в виде сказок записаны В.В.Радловым довольно полно и сохраняют художественные достоинства жанра. Заметим, однако, что, по словам Ф. Ахметовой-Урманче, через сто лет ни одна из этих сказок не повторилась даже в вариантах. Ученые находили лишь сходные мотивы и образцы. Таким образом, тексты фольклорного материала, записанные в IV томе «Образцов...», дают ценнейший материал не только для изучения развития и угасания фольклора, но и для исследования быта, языка, культуры сибирских татар и заслуженно считаются краеугольным камнем тюркологии.

При анализе данной работы поражает воображение практическая деятельность ученого, избранного «ординарным академиком по части истории и древностей азиатских народов», посвятившего шесть десятилетий исследовательской работы «тюркским племенам» России, который сам фиксировал достоверные языковые факты, выезжая в длительные экспедиции по Алтаю, Туве, Хакасии, Шории, Восточному Казахстану, Киргизии, Узбекистану, Северной Монголии, Сибирским землям, вследствие чего накопил огромный материал по всем живым тюркским языкам, записал множество произведений устного народного творчества из уст самих носителей языка. В дополнение ко всему изучал быт, верования, обряды, историю, записывал этнографические и археологические факты, сам проводил раскопки.

Увидевшее свет в канун юбилея ученого данное издание является знаком искреннего уважения и преклонения татарского народа перед авторитетом великого ученого-тюрколога В.В. Радлова и подтверждением мысли С.Ф. Ольденбурга, не случайно подобранной эпиграфом к вводной статье составителя книги о том, что «люди уходят, но созданное ими остается, а то, что сделано В.В. Радловым за его долгую жизнь, так велико, что память о нем будет свято храниться».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Радлов В.В.* Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи: ксерокопия / В.В. Радлов. – СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1872. – 411 с.

[2] *Ахметова Ф.В.* По следам В.В.Радлова / Ф.В. Ахметова // Сибирские татары. Сборник статей. – Казань: Институт истории АН РТ, 2002. – 240 с.

Аннотация

Данная статья посвящена анализу-презентации переизданного через 140 лет научного труда именитого тюрколога В.В. Радлова, представляющего собой богатейший материал устного народного творчества сибирских татар, собранный ученым в алтайский период его деятельности, и увидевшего свет по случаю юбилея. Данная работа имеет основополагающее значение не только для исследования тюркского фольклора, но также является трудом, имеющим колоссальное значение для тюркологии. В данный сборник составителем – профессором Ф.Ю. Юсуповым – включены также несколько значительных статей, посвященных жизни и деятельности ученого, анализу переизданного труда, а также изучению языка сибирских татар.

Ключевые слова: тюркология, юбилей академика, тюркские языки, сопоставительное исследование, переиздание научного труда.

Summary

This article is devoted to the presentation of scientific work of the outstanding turkologist Radlov V.V., which was reissued in 140 years and represents a wealth of folklore material of the Siberian Tatars, assembled by the scientist in the Altai during his work and saw the light on the occasion of the anniversary. This work is of fundamental importance not only for the study of Turkic folklore, but it is also the work that has great importance for the Turkic study. Professor Yusupov F.Yu., also included several significant articles on the life and work of the scientist, the analysis of the republished work, as well as learning the language of the Siberian Tatars.

Keywords: Turkology, anniversary of the academician, Turkic languages, comparative study, republication of the scientific work.

УДК 321; 323

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ – ВЫСОКОЧТИМЫЙ ПОЭТ НА СЛУЖБЕ ТАТАРСКОЙ НАЦИИ И СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА*

***Михаэль Фридерих**, доктор*

Меньшинство среди татарских интеллектуалов, критически относящееся к Тукаю, представляло другую точку зрения. Они не оспаривали популярности и успеха Тукая, но считали, что все это в наименьшей степени зависело от качества его стихов и статей. Галимджан Ибрагимов, ведущий представитель этой группы, заявлял, что Тукай вполне осознанно подталкивался и «раскручивался» татарскими издателями. В 1913 г. он писал: «Нельзя на все смотреть детскими глазами. Очень большая наивность – думать, что почет, который писатель или поэт имеет в народе и печати, всегда связан с его талантом. Связи, положение, часто какой-либо интерес или интриги могут оказать здесь очень большое влияние, и поднять до небес самые скромные способности. И не только среди татар, не сведущих в поэзии или морали, но и в культурном арабском мире полно примеров подобного». После такого общего, но недвусмысленного замечания, Г.Ибрагимов переходит к Тукаю: «Положение и связи очень вовремя подоспели на помощь Тукаеву»[1]. Большинство татарских критиков категорически возражало такой точке зрения[2].

Причина непризнания этой критической позиции состоит, на мой взгляд, прежде всего не в том, что Галимджан Ибрагимов не признавал особой роли творчества Тукая и ставил его в один ряд с другими татарскими поэтами, писавшими в том же стиле и на те же темы, что и Тукай[3]. Позиция Г.Ибрагимова отвергалась в большей степени потому, что он отказывал народу в способности признать великого, в его понимании, поэта. Оспаривая мысль, что признание поэта со стороны «народа» автоматически делает его великим поэтом, Г.Ибрагимов представлял точку зрения, которая не была распространена ни в период национального пробуждения до Октябрьской революции, ни в советское время.

Одним из первых в 1920-е годы выступил против мнения Галимджана Ибрагимова Фатхи Бурнаш. В 1922 г. он определил его аргументы и представления как направленные «против революционного, массового и коллективного искусства»[4]. Ни в 1922 г., ни позднее Ф.Бурнаш не причислялся к «ультралевым» татарским критикам, он больше считался «правым». Поэтому его характеристика Г.Ибрагимова очень ясно показывает, что позиция, ставящая под вопрос важную роль «народа» (неважно при этом как он дефинируется) в определении величия поэта, являлась дискуссионной как для «правых националистов», так и для «левых социалистов».

Хотел ли сам Тукай тесного общения с народом, сознательно ли он писал «по-народному», или же он гораздо охотнее стал бы «интеллектуальным» поэтом как Дэрдменд или Сагит Рамиев, но это было невозможно для него из-за отсутствия образования, и ему не оставалось иной возможно-

* Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. – 2011, № 2–4.; 2012, № 1.

сти, как размышлять о традициях своего народа и произрастать на народной литературе – все это для Ф.Бурнаша неожиданно представляется несущественным. Учитываться может только результат: Тукай и народ были едины и останутся таковыми в будущем[5]. В 1923 г. эта позиция фактически стала официальной по отношению к Тукаю. На собрании, посвященном 1-ой годовщине со дня смерти Тукая 16 апреля 1923 г. в Казани народный комиссар просвещения Татарстана Бурундуков отметил, что Тукай почитается как «народный поэт татар»[6]. Любовь поэта к народу почти всю советскую эпоху оставалась главнейшим моментом, который рассматривался критиками как решающий для популярности и успеха Тукая.

Два пункта отличали советскую критику от критики 1910-х годов: во-первых, больше не упоминался «татаризм» Тукая; во-вторых, понятие «народ» было наполнено новым содержанием. С начала 1920-х годов более не говорилось о любви Тукая к «своему» народу: подобная формулировка имела слишком много национального, слишком мало классового оттенка. На ее место была поставлена любовь Тукая к «народу», что грамматически звучало как обобщение, идеологически являлось уточнением. Хотя вообще-то ни один из дореволюционных критиков на отмечал, что Тукай в своих стихах представлял интересы «реакционных» светских и духовных религиозных кругов татарского общества (капиталистов, землевладельцев, ишанов). И все же «народ Тукая», как он виделся этим критикам, был очень большим. Они дефинировали его с национально-религиозной точки зрения: «народ Тукая» – это мусульмане Российской империи, или же татары, – разницу между ними часто не проводили ни Тукай, ни критики, а также с точки зрения мировоззрения: к «народу Тукая» относились те, кто сетовал, что мусульмане/татары отстают, и выступал за прогресс и лучшее будущее для них. Поскольку «прогресс» и «лучшее будущее» определялись не совсем точно – и не обязательно с политико-идеологической позиции[7], то круг тех личностей, которых можно отнести к сторонникам подобных взглядов, был достаточно велик. И он не охватывался только категориями социалистической классовой идеологии.

Однако советские татарские критики дефинировали «народ» именно в этих идеологических категориях. Религия и национальность не играла более никакой роли для определения тех, кто входил в состав «народа». «Народ» приравнивался теперь к «эксплуатируемым», «рабочим и крестьянам», «трудящимся». Считать себя представителем народа могло означать только одно – бороться против угнетения, за свободу и социализм[8].

Во второй половине 1920-х годов была предпринята попытка, по меньшей мере, внешняя, объявить Тукая не только «народным», но задним числом и «пролетарским» поэтом. В 1927 г., при обсуждении второй книги стихов футуристического поэта Аделя Кутуя[9] Хайрутдин Вали сопоставил это новое течение в татарской литературе с творчеством Г.Тукая: «Поскольку задача пролетарских поэтов – создание стиля, понятного миллионам людей, то молодые поэты не должны идти по пути Кутуя, и чтобы быть понятными народу, они не должны отдаляться от народной поэзии. Тукай вошел в сложную и широкую массу рабочих и крестьян. Его читали. Его понимали. Причина этого: он создавал свои стихи на основе народной поэзии. Действительно, чтобы быть понятным миллионам, нужно и брать все из среды этих миллионов!»[10] Хотя высказывания Х.Вали и звучат «ортодоксально-социалистически», можно усомниться, действительно ли его взгялды были ортодоксальными, потому что он, хотя и говорит о «рабочее-крестьянских массах», ни словом не упоминает их идеологию. Требуемая им «понятность для миллионов» также не является «социали-

стической ценностью». Здесь, пожалуй, важна не масса, а само такое обращение. Если учитывать те позиции, которые Х.Вали занимал в других своих публикациях[11], то, на мой взгляд, здесь мы имеем дело с попыткой ортодоксально-социалистическим голосом защитить Тукая от все усиливавшейся к концу 1920-х гг. «ультралевой» критики.

На протяжении всей истории татарской литературы «ультралевые» были теми, кто не почитал Тукая как народного поэта. Они заявляли, что пора, наконец, покончить со всякими пустыми разговорами о «народе» и «массе» – это «понятия, которые растягиваются как сырая кожа»[12]. Вместо них, необходимо было употреблять такие определения как «такой-то общественный слой» или «такой-то класс». По мнению Ф.Сайфи-Казанлы (ноябрь 1929 г.), Тукая нельзя без всяких корректур и без условий определять как народного поэта[13]. В своем творчестве он, прежде всего, отразил «культурную борьбу в высших слоях татарского населения», но «ничего не оставил заметного о жизни крестьян, составлявших 99% татарского народа»[14]. И в тех редких случаях, когда Тукай в своих стихах обращался к низшим, угнетенным слоям татарского народа, очень легко заметить, что он не только не понимал их ситуацию и их проблемы, но и не представлял перспективы, как можно достичь улучшения или решения[15]. В 1931 г. Афзал Шамов заявлял, что Тукай происходил из мелкой буржуазии и потому в своих произведениях предпочтение отдавал именно проблемам этого класса[16]. Так, критика со стороны «ультралевых» и состояла в бесконечном повторении ничего не значащих фраз, точно так же, как и партия постоянно подчеркивала свое представительство народа[17]. Как было показано выше, аргументы «ультралевых» критиков не были опровергнуты с помощью контраргументов, они очень просто были объявлены «неверными», а они сами были осуждены и большей частью расстреляны как враги народа и контрреволюционеры.

С конца 1930-х гг. Габдулла Тукай был вновь реабилитирован и признан как народный поэт, а значит и борец за социализм. В начале 1940 г. об этом писал Ф.Абдрахманов: «[Тукай] умер, так и не увидев зарю великого Октября. Но народ не забыл Тукая, который всем своим творчеством служил для того, чтобы эта заря взошла».[18] То, что имеющаяся вера Тукая в народ и любовь, которую за это дарил ему сам народ, являлись важнейшими характеристиками для «народного поэта», татарские критики послевоенного времени охотно доказывали цитатами из известных русских авторов. Гали Халит успешно нашел для этого «основателя социалистического реализма» Максима Горького (1868–1936) и «отца социалистической литературной критики Николая Добролюбова (1836–1861). У Горького Г.Халит цитировал фразу: «Народ – это единственный и нескончаемый источник всех духовных ценностей»[19]. А то, что Н.Добролюбов сказал о русском поэте Кольцове очень точно подходило и для Тукая: «Он жил жизнью народа, мог понимать горе и радость этой жизни и сумел рассказать об этом»[20]. Конечно, не случайно, что такое «русское обоснование» народности татарина Тукая очень охотно и часто приводилось критиками в конце 1940–1950-е гг.[21], так как это были годы, когда величие «национальных» героев измерялось тем, как он был близок (естественно, недосягаемым) русским образцам[22]. С 1960-х годов в случае с Тукаем «русское обоснование» не выводилось на сцену, однако рассмотрение его связи с народом не только не ослабело, а наоборот, еще более усилилось.

В этом пункте, в оценке отношения «Тукай-народ», не было никаких противостоящих друг другу позиций. Все те противоречия, которые можно видеть между «старыми» и «новыми» критиками во всех аспектах дискуссии о Габдулле Тукае, отсутствовали в де-

батах на тему «Тукай и народ». Даже татарские эмигранты, проживающие в Турции, соглашались по этому пункту со своими советскими соплеменниками. «Старый», верный партии советский критик Р.Нафиков, например, писал в 1966 г.: «Тукай черпает силы из души народа»[23]. Надир Девлет, татарский эмигрант, констатировал в 1971 г.: «Точно так же, как башня Сююмбике является символом независимости для казанцев, Тукай является литературным символом татарского народа»[24]. Скорее «либеральный» советский татарский поэт и писатель Сибгат Хаким в 1975 г. высказал точку зрения, что «все пережитое Тукаем напоминает тяжелую судьбу татарского народа»[25]. Это очень напоминает реплику татарского эмигранта Хусаина Габдуша, высказанную только за два года до этого: «Судьба Тукая была едина с судьбой его народа»[26]. Подводя итоги изучения, а также, быть может, даже невольно, заглядывая в перспективу Борис Антонов и Люция Валиева начали свое введение к путеводителю по музею Тукая в Кырлае следующими словами: «Тукай – сотни тысяч людей с огромной гордостью и священной любовью упоминают это имя (…) С каждым годом Габдулла Тукай становится все величественнее, и на службе народу он сверкает как маяк, равного которого еще не было в татарском мире»[27].

Эта формулировка, на мой взгляд, показывает совершенно ясно: для всех татарских критиков Тукай и народ не отделимы друг от друга. Невозможно представить Тукая без народа, а без Тукая татарский народ потерял бы свою главную фигуру для идентификации. Как «Тукай», так и «народ» в этом уравнении являются обязательными.

2.2. Читатели Тукая

Информация о том, кто был читателем произведений Габдуллы Тукая и какие из его стихотворений особенно высоко ценились среди читателей, довольно скудна. Об этом нет никакой статистики, и, насколько мне известно, об этом не проводились специальные опросы[28].

Данных о популярности Тукая в то время, когда он жил в Уральске (до осени 1907 г.), и его стихи публиковались только в тамошних газетах и журналах, очень мало. Учитель по имени Ризван Ибрагимов сообщал о случае, свидетелем которого он стал в мае 1906 г.: в вагоне третьего класса в поезде недалеко от Иркутска какой-то татарин читал вслух журнал «Әлгасарелҗәдит» (Уральск). Ехавшие в том же вагоне татары прервали свое излюбленное занятие – игру в карты – и с любопытством начали слушать читающего. Когда он закончил, они высказались, что им более всего понравилось стихотворение Габдуллы Тукая «Мөридләр каберстанындин бер аваз»[29]. Мне представляется довольно сомнительным, делать из этого небольшого сообщения вывод, что стихи Тукая уже в 1906–1907 гг. были очень любимы и широко распространены[30].

Большинство как тогдашних, так и позднейших источников показывают, что историю успеха Тукая можно начинать с его переселения в Казань.[31] Оценивая первый сборник стихов Габдуллы Тукая[32], вышедший в Казани в конце 1907 г., Фатых Амирхан рекомендовал всем «любителям литературы и всем шакирдам внимательно прочитать его»[33]. Очень многие публикации в 1907–1914 гг. подтверждают, что прогрессивно мыслящая татарская молодежь с воодушевлением воспринимала стихи Тукая и являлась наиболее прилежным его читателем. Примечательно, что в них особенно подчеркивается, что молодого поэта высоко почитали также девушки и женщины[34].

Очень коротко хочу здесь упомянуть, что отношение женщин к русскому поэту Михаилу Лермонтову, с которым в советское время часто и охотно сравнивали Тукая, было очень почтительным и уважительным. Наблюдение Александра Дюма, сделанное им

во время путешествия по России, вполне может быть применено для характеристики отношения женщин к Тукаю: «Русские с таким воодушевлением и почетом относятся к Пушкину и Лермонтову, женщины в особенности ко второму, с каким народы с бедной поэтической традицией относятся к первым поэтам, которые подчинили их язык ритму»[35]. Русские женщины особенно очарованы теми стихами Лермонтова, которые отмечены «глубокой грустью и печалью»[36]. Именно это качество (по-татарски – «моң») определяет и стихи Тукая. И Тукаю мастерски удавалось передать это чувство, что признавал и самый его главный критик Галимджан Ибрагимов[37].

Поэтому вовсе не удивительно, когда среди стихов, которые, по сведениям тогдашних источников, находили самый большой отклик в среде татарской молодежи, практически нет ни одного, которые тогда или позднее, в советское время, по своему содержанию представлялись бы политически наиболее ценными. При жизни Тукая наиболее популярными произведениями Тукая являлись, во-первых, его переработки татарского фольклора, как например, «Шүрәле» или «Су анасы», или же стихи, имеющие фольклорный оттенок («Пар ат», «Туган тел», «Туган илемә»); во-вторых, стихи, полные сомнений и печали, в которых он сетует на низость и бренность мира (как например, стихи в сборнике «Күңел җимешләре», изданном в 1911 г.); в-третьих, произведения, в которых поэт, совершенно в духе джадидистов высмеивает отсталость и суеверия населения, как например, «Печән базары яхуд яңа Кисекбаш» или упоминавшееся выше стихотворение «Мөридләр каберстанындин бер аваз»[38].

Хотя резонанс стихотворений Тукая среди татарской молодежи и учителей был велик, об его личности и его жизни было известно очень мало. В докладе по поводу 5-й годовщины со дня смерти Тукая Шакир Мухаммедьяров описывал, что же знали (или не знали) грамотные татары о раннем Тукае: «Они [грамотные татары] и не знали, что Тукай – больной, бедный парень, который набирает буквы в этом городе Уральске, но из-за исходящего из его стихов высокого духа, он представлялся не как 18-летний шакирд, а быть может 40–50-летний многоопытный старейшина, волосы которого поседели из-за переживаний за свою нацию»[39]. То, что вопросы: Как живет Тукай? Где он живет? Кто его друзья? Кто его родители? Откуда он происхождением? – мало занимали и интересовали татарскую общественность подтверждал и Габдулбари Баттал в статье, написанной по поводу кончины Тукая: «Жизнь Тукаева была тяжелой, печальной, бедной, полной забот и болезней. Но основная масса нации толком ничего не знала об этом. Как живет Тукай? Где живет? С кем дружит? Чей он сын? Откуда он родом? Этого особенно и не допытываются. Но его стихи любит каждый представитель нации, читает их с большой радостью и интересом»[40]. Похоже, что для большинства татар, интересовавшихся Тукаем, по крайней мере до его кончины в апреле 1913 г., единственным источником информации об его личности оставалась его автобиография «Исемдә калганнар», опубликованная в 1909 г. и описывающая раннее детство поэта[41].

Есть только отдельные сообщения о современниках Тукая, которые его не читали или же противостояли тому воодушевлению, с которым воспринимала Тукая молодежь. В своей рецензии на сборник Тукая «Күңел җимешләре» (1911 г.) журналист Кабир Бакир отмечал, что большинство читателей религиозно-консервативной газеты «Нур», выходившей в Санкт-Петербурге, и в которой он сам работал, не читает стихов Тукая. Отвергали поэта представители духовенства и часть стариков в деревнях[42]. Эту же мысль о представителях духовенства привел весной 1913 г. и Захит Нуркин. Он услышал «от одного наше-

го известного и уважаемого хазрата»: «Испортились времена… Казанская молодежь чуть ли не преклоняется перед каким-то мальчишкой-певцом – Тукаем»[43]. 11 апреля 1913 г. в газете «Кояш» сообщалось, что старики в деревнях еще ничего не слышали о Тукае. Когда автор рассказал им, что был Тукай, что он написал, тогда «понимающая» (аңлы) часть стариков отметила, что смерть поэта явилась потерей для всех татар. Но «непонимающие» (аңсызлар) имели совершенно иное мнение: «Хорошо, что он умер. Мир успокоился. Одним безбожником стало меньше». Поскольку Тукай во многих своих стихотворениях критиковал шарлатанов, рядящихся в религиозные одеяния, насмехался над необразованными и неспособными муллами, легко понять, почему традиционно-религиозная часть населения была настроена враждебно по отношению к нему. И все же удивляет, что в тогдашней прессе еще один слой татарского общества представляется как дружески настроенный по отношению к Тукаю, как ищущий его расположения – это предприниматели и фабриканты. Понятно, что для издателей имелся здесь чисто коммерческий интерес. Но в 1914 г. Махмуд Фуад очень ясно и обоснованно подтвердил, что и татарские «капиталисты» ценили Тукая, и в качестве примера назвал приглашение, посланное Тукаю промышленником Хасаном Акчуриным. Хотя Тукай чувствовал себя несколько неуютно на приемах, организованных в его честь, но затем свыкся и наслаждался беззаботной салонной жизнью – выше уже говорилось об этом.

На вопросы, насколько широко было известно творчество Тукая при его жизни и кто тогда являлся его читателем, нет однозначного ответа. Ясно устанавливается лишь одно – какая часть населения в тогдашней татарской прессе никогда не упоминается в качестве читателей Тукая – это, как принято было в социалистической терминологии, «трудящиеся», «рабочие и крестьяне». Конечно, число татарских рабочих было невелико, но они были в Казани, а также в Москве и Санкт-Петербурге, городах, где издавались самые разные татарские газеты и журналы. Когда в прессе сообщалось о читателях Тукая в деревнях, практически не упоминались крестьяне, а большей частью деревенские «интеллектуалы» (шакирды и учителя). Эти наблюдения, однако, не означают, что татарские рабочие и крестьяне не читали произведений Тукая, они только показывают, что об этом отсутствуют конкретные сведения.

Только одна часть татарского населения, как было показано выше, всегда явственно упоминалась в качестве читателей Тукая – прогрессивно настроенная татарская молодежь. Что же определяло ее прогрессивность, это никогда не объяснялось точно – или же потому, что не имелось ясных и разделяемых всеми представлений об этом; или же потому, что это казалось само собой разумеющимся и не требовало никаких объяснений. Последнее должно нас подвести к наблюдению, что речь шла о джадидистских представлениях. Стоит упомянуть, что тогдашние татарские интеллектуалы и критики не приписывали социалистического мышления ни молодежи, в целом, ни Тукаю, в отдельности. Причиной популярности Тукая у татарских читателей для его современников совершенно очевидно не являлось его включение в борьбу за социализм, о чем говорилось уже позднее.

С начала 20-х гг., как было показано выше, усилились идеологические дискуссии вокруг Тукая и его творчества. И вопрос об его читателях не остался незатронутым. Те критики, которые хотели понимать Тукая как представителя гуманистического мировоззрения, заявляли, что Тукай понимается не как «классовый поэт», а как «народный поэт»[44]. Тукая читали не какие-то определенные круги татарского населения, а весь народ. Но, по меньшей мере, на словах эти критики не зашли

так далеко, как Шакир Мухаммедьяров, который уже весной 1918 г. заявил: «И старый, и молодой, и богатый, и бедный, и шакирд, и девушка – все находят для себя что-то нужное в его сокровищнице»[45]. Но и утверждение Ахмета Гумарова 1923 г. о том, что «начиная с ученика в школе до интеллигента, способного рассуждать о самых сложных проблемах жизни, все с любовью и удовольствием читают бессмертные произведения Тукая»[46], показывает такой круг читателей Тукая, который вряд ли можно идентифицировать с социалистической дефиницией «народа».

Второе течение внутри татарской интеллигенции, которое критически относилось к Тукаю, правда, не оспаривало того, что произведения Тукая широко распространены и популярны среди населения, но заявляло, что особый резонанс получили, в первую очередь, его «плохие» стихи. Под таковыми понимались такие произведения, как «Шүрәле» и «Юаныч»: «Земледельцы получили удовольствие, читая такие стихи Тукаева, отражающие естественную народную жизнь, как «Шүрәле» и «Юаныч» и им подобные, а не «Беренче хәбәр» или «Көзге җилләр». Тукай при этом отмечался как «автор красивых баллад, положивший в лирическую форму народные суеверия и предрассудки»[47]. «Хорошие» стихи, вроде «Беренче хәбәр» или «Көзге җилләр» остались неизвестными народу и не могли быть поняты, по меньшей мере, крестьянским населением, потому что «на них оказывали влияние не поэзия и литература, а старые муллы»[48]. Причину «неверного» понимания Тукая эти критики видели не собственно в его творчестве, не в преднамеренном искажении его читателями, а в сильном влиянии, которым пользовалась небольшая группа «реакционных элементов», прежде всего, «представителей консервативного духовенства», препятствовавшая «правильному» развитию сознания народа.

Из короткого периода конца 1920-х – начала 1930-х годов, когда «ультралевые» позиции определяли татарскую литературную критику и когда Тукай оказался под сильным обстрелом с ее стороны, мне неизвестна ни одна конкретная точка зрения о тех, кто читал Тукая при его жизни. Но совершенно точно известно, кто в этот период считался «нечитателем» поэта. После того как Тукай, а вместе с ним и все дореволюционное прошлое были объявлены если не вредными, то бесполезными для современности, логично было принять, что самым лучшим является вообще не читать его стихи. В конце 1929 г. Ф.Сайфи-Казанлы высказался так: «Стихи Тукая совершенно не годятся для татарской рабочей молодежи, воспитывающейся в идеологии пролетариата и с энтузиазмом социалистического строительства»[49].

Уничтожение в период сталинской «большой чистки» нигилистических «ультралевых» критиков, которые так оценивали прошлое, вернуло с 1936 г. Тукая в репертуар массового чтения. И весной 1936 г. Фатхи Бурнаш уже мог констатировать: «Масса рабочих и крестьян с большой любовью читает и изучает стихи Тукая, и Тукай является одним из самых любимых поэтов советского народа»[50]. Почему Тукай и какой Тукай был особенно любим народом, в 1938 г. установил очень ясно Ф.Габдрахманов: «Следует понимать: народ полюбил Тукая не за религиозность, которая порой проявлялась в его творчестве, не за «национальное чувство» или пессимистические мотивы, а полюбил за резкую критику капиталистического строя, воспевание нужд угнетенного народа, свободы народа»[51]. Это высказывание коротко и прямо ведет к другому стереотипному заявлению, которое активно повторялось с 1938 г., а именно, что Тукай получил известность, настоящую известность только в советское время. По моим данным, впервые подобное было высказано 15 апреля 1938 г. в редакционной статье газеты

«Кызыл Татарстан», написанной по поводу 25 годовщины со дня смерти Тукая. И аргументация в данном случае весьма примечательна: «Широкая популярность Тукая началась только после Великой Октябрьской социалистической революции. Его творчество превратилось в гордость миллионов трудящихся. В нашей стране, в которой процветает социалистическая по содержанию, национальная по форме культура, народное творчество поднимается до таких высот. Габдулла Тукай – наш поэт. Только Советская власть воспринимает самое лучшее наследие, сохранившееся в народе, и поднимает его. И такой подъем наследия невозможен ни в одной стране, кроме страны, которой руководит великий вождь человечества Сталин. Наоборот, культурное богатство, собиравшееся тысячелетиями, сжигают на кострах в странах, где правят фашисты»[52].

Автор этих величественных слов проводит полноценную параллель: творчество Тукая идентично с «творчеством» народа, одно невозможно отделить от другого, они составляют единое целое. И логично из этого проистекает, что творчество Тукая поднялось только тогда, когда поднялся народ. А всего, чего достиг народ, он достиг благодаря руководству Сталина, который тем самым превращается в «духовного наставника» Тукая. Понятно, что такое сравнение очень и очень условно, но в данном случае невольно напрашивается сравнение со «святой троицей»…

То, что позиции процитированной статьи практически лишены какой-либо исторической основы, не требует лишнего упоминания. Только, похоже, что советская действительность, в которой жил автор, не затуманила полностью его картину: публичные сожжения книг, которые он совершенно правомерно относит к фашистам, имели место и в социалистическом Советском Союзе в 1937–1938 гг.[53]

25 годовщина со дня смерти Тукая, в апреле 1938 г., дала прекрасную возможность популяризировать поэта и его творчество именно в вышеуказанном понимании. Партийно-идеологическое руководство теперь определенно взяло в свои руки представление Тукая: партийные комитеты назначали докладчиков, которые в апреле 1938 г. выступали в школах, университетах, фабриках и цехах: «Товарищи, назначенные парткомами, провели беседы на заводах и в цехах, чтобы глубоко познакомить рабочих с творчеством и жизнью Тукая»[54]. 7 апреля 1938 г., в связи с 25-й годовщиной со дня смерти поэта, началась и пропаганда Тукая через радио. На протяжении всей последующей недели каждый день в эфире звучали стихи Тукая[55].

Результаты такой пропагандистской активности отражались в сообщениях и письмах читателей, публиковавшихся в татарской прессе, и в них говорилось, что спрос на произведения Тукая в библиотеках и книжных магазинах настолько возрос, что он не удовлетворяется полностью, и поэтому должны издаваться новые и новые тиражи его книг[56]. Но жалобы на недостаток имеющихся изданий Тукая, которые уже активно звучали и во второй половине 1920-х гг.[57], можно рассматривать как «палку о двух концах». Они должны были показать, что Тукай в высшей степени любимый и ценимый поэт, произведения которого, как и раньше, читаются очень охотно. Одновременно этим заявлялось, что народ очень хорошо знает его стихи, но возникает вопрос, из каких же изданий татары знали Тукая, если этих изданий не хватало или не было? Правда, татарские критики никогда такого вопроса не ставили, и потому на него и не было ответа.

С середины 1940-х гг. Габдулла Тукай был твердо признан как поэт татарского народа. Такие идеологические термины, как «трудящиеся», «рабочие» или «массы» при определении круга читателей поэта при его жизни применялись теперь все

реже и реже. И на место определяемого по-социалистически народа заступил досоциалистический «весь народ». И такое представление было близко тому, которое фактически главенствовало до конца 1910-х гг. Начало такой реинтерпретации положил Мухаммед Гайнуллин в статье «Тукай һәм халык иҗаты», опубликованной в декабре 1945 г. в журнале «Совет әдәбияты». Он писал: «Мы не ошибемся, если скажем, что в свое время не было ни одного человека, который что-либо не взял бы из творчества Тукая. От младенцев в колыбели до белобородых стариков-трудящихся…»[58]. Даже если М.Гайнуллин и не имел этого в виду, но все же его высказывание можно интерпретировать так, что и татарская буржуазия, издатели, промышленники, духовенство (по меньшей мере, прогрессивно мыслящая его часть) принадлежали к числу читателей и поклонников Тукая и находили в его творчестве свои собственные идеалы и восприятие мира.

Заявление о том, что творчество Тукая сопровождает каждого татарина от колыбели до могилы, стало стереотипным, когда говорилось о значении Тукая в жизни татар[59]. И при этом не играло роли, говорится ли о прошлом, настоящем или будущем, и не имело значения, какова была политико-идеологическая точка зрения того, кто высказывал такую мысль. Габдулла Тукай представлялся как незаменимая составная частью, а порой даже фундамент татарской жизни и татарского самосознания. Имя Тукая не только стало синонимом слова «поэт», как это отметил башкирский автор С.Агиш в 1956 г.[60] Татарский эмигрант Надир Девлет, проживающий в Турции, даже назвал его «символом нашего народа»[61]. А советский татарский поэт Сибгат Хаким в 1975 г. позволил себе бросить взгляд в будущее: «Тукай – это поэт, который равно будет почитаться всеми поколениями. И он сопровождает тебя с самого дня рождения до конца жизни. (…) Короче говоря, наш народ не живет ни одного дня без Тукая»[62].

Такие бессодержательные фразы ясно показывают, что, по сути, речь здесь не идет о реальном человеке Тукае и его творчестве. Обращение к Тукаю все более очевидно и явственно приобретает агиографический характер, «который проявляется в создании деиндивидуализированной, иератической личности»[63]. И это все более и более скрывало рациональную оценку. Она не была востребована. Согласие с ней или же отказ от нее являлись лишь вопросом веры.

2.3. Состояние занятий Тукаем[64]

«За последние пять лет из всех наших писателей Габдулла Тукай, несомненно, был самым упоминаемым, о котором было написано более всего воспоминаний. Каждый год, в начале апреля, в годовщину его кончины о нем пишутся большие статьи, а некоторые газеты и журналы полностью посвящают ему свои номера»[65]. Когда издатель Шахар Шараф в апреле 1918 г. так определил состояние занятий Тукаем и его творчеством, он сделал из этого следующий вывод: «И нет, однако, большой необходимости объяснять Тукая народу. И уже весь народ признал его как татарского поэта».

Мне не известно, разделяли ли мнение Ш.Шарафа о том, что о Тукае и его творчестве сказано и написано уже достаточно, его современники, татарские критики и интеллектуалы дооктябрьского времени. Но твердо устанавливается, что в советское время такую точку зрения не представлял никто. Советские татарские критики постоянно повторяли, что Габдулла Тукай исследован и изучен недостаточно. Постоянное повторение недостатков и недочетов в занятии поэтом и его творчеством напоминало пустой ритуал, когда содержательная сила высказывания чаще всего является очень скудной.

В 1923 г. Галимджан Нигмати выразился еще конкретнее: «Не будет неуместным, если на пятом году Октября, когда наступила очередь и для литературных дискуссий, мы, марксисты, исходя из своих позиций – с социальной стороны, начнем давать оценку творчеству поэта»[66]. Очевидно, однако, что предложение Нигмати осталось не услышанным. Хотя в 1926 г. Махмут Будайли заявил, что Фатхи Бурнашу в предисловии к вышедшему в том же году сборнику произведений Тукая удалась «марксистская» (!) и «объективная» критика[67], это заявление вызвало резкую реакцию, когда по праву было обращено внимание на то, что «объективная» и «марксистская» не совместимы друг с другом[68]. В 1928 г., через пять лет после того как Г.Нигмати в первый раз заметил отсутствие обоснованной критики Тукая и призвал своих коллег изменить такое положение, он был вынужден констатировать, что реально все еще ничего не изменилось: «Сегодня исполнилось 15 лет со дня смерти этого великого поэта. Но у нас до сих пор Тукай по-настоящему не изучается, ему не дана полная оценка»[69].

Мне не известны точки зрения «ультралевых» критиков, доминировавших в литературно-идеологических дискуссиях первой половины 1930-х годов, относительно состояния изучения Габдуллы Тукая. Но можно вполне уверенно полагать, что они, обрушив острую критику на поэта и его творчество и отметив его ненужность для современности, оценивали всю критику, звучавшую в его адрес как недостаточную.

С 40-х гг. достаточно спокойно вернулись к позициям 20-х годов. Отмечалось, что Тукай изучался и изучается явно не достаточно, что исследование его творчества является одной из неотложных задач, которой должны посвятить себя Институт языка и литературы и Союз писателей[70]. В 1954 г. Р.Нафиков сетовал на то, что тема «революционной деятельности» Тукая, «несмотря на ее значимость и актуальность, до настоящего дня еще не разработана»[71]. Для писателя Габдрахмана Абсалямова, отмеченного в 1959 г. Тукаевской премией, не только тема, указанная Р.Нафиковым, оказалась не разработанной – в том же, 1954 г., что и Р.Нафиков, он критиковал шаблонность, с которой до того времени изучалось творчество Тукая: «Понятно, что для раскрытия величия Тукая в стандартных и дежурных статьях ценности с гулькин нос. Пора отказываться от общих статей о народном поэте, написанных путем компиляции. Тукая следует изучать конкретно»[72]. С таким же надрывом выступал и Гумер Баширов, председатель Союза писателей Татарстана. В декабре 1954 г. на втором съезде советских писателей в Москве он отмечал общие недостатки в татарской литературе и критике и заявил: «Даже титан татарской литературы и культуры не изучен надлежащим образом. Монографии, статьи, диссертации и т.п., написанные об его богатом и многостороннем творчестве, в большинстве своем написаны в очень общем характере. И авторы этих трудов до сих пор не ушли дальше повторения общеизвестных фактов в различных вариациях»[73]. Такое состояние, по-видимому, продолжало сохраняться, потому что в 1961 г. Хасан Туфан писал: «Тукай – это поэт, глубокий, широкий и сложный, как море. И мы до сих пор еще по-настоящему не узнали его»[74]. В том же году эту мысль подтвердили как Хасан Хайри, так и повторно Гумер Баширов[75]. В 1966 г. полностью (на словах) согласился с Хасаном Хайри Ибрагим Нуруллин, который в иных ситуациях всегда резко критиковал его. Несмотря на то, что о Тукае исписаны уже тонны бумаги (батманлап), по его мнению, «уровень нашего знания о жизни и творчестве великого поэта все еще не достаточен (…) Совершенно не удовлетворительны ни изучение личности Тукая, ни исследование его творчества»[76].

Эти десятилетиями повторявшиеся признания о недостатках и недочетах в изучении Габдуллы Тукая практически оставались бессодержательными. Слышны были только жалобы и сетования, не было никаких необходимых инициатив, конструктивных и конкретных предложений, в каком направлении должно продвигаться исследование, какие вопросы должны быть затронуты и изучены? И точно так же не было попыток выяснить причины имеющихся недостатков. На мой взгляд, основание для этого было следующим: поскольку критики вскрывали (собственные) ошибки, они как бы принимали на себя все возможную критику. Такой способ самокритика был, таким образом, своего рода самозащитой. И эту функцию такая самокритики могла играть только в том случае, если она была оборонительной, т.е. она никак не конкретизировалась требованиями, что же следует делать дальше.

Критика неудовлетворительного состояния изучения личности и творчества Тукая была точно такой же общей и безличностной, как и вся дискуссия о нем самом. В обоих случаях речь шла не о реальной личности и имеющемся творчестве, а о пробелах, которые можно было бы заполнять меняющимся содержанием.

3. Pro и Contra: представление отдельных тем

В этом разделе я хотел бы рассмотреть две темы, которые играли важную роль в дискуссии вокруг Тукая – «религия» и «нация». И здесь речь не пойдет о том, какую позицию занимал поэт по отношению к этим темам в своей жизни или творчестве – Габдулла Тукай не был поэтом, который незыблемо занимал и защищал однажды выбранную позицию. Похоже, что этот факт многие из татарских критиков воспринимали с трудом. Из позиций, которые поэт занимал в то или иное время, они выбирали те, которые подходили под их собственное видение. А эта «собственная» картина при этом очень часто определялась политико-идеологическими течениями той или иной эпохи. Элементы, не вписывавшиеся в картину, либо просто-напросто не упоминались, либо искажались. Таким подходом критики наполняли видение Тукая удивительными контрастами, что даже не соответствовало действительности. Полярные интерпретации и оценки, когда иная точка зрения или оценка уже совсем не воспринималась, создавали впечатление, что сам Габдулла Тукай представлял экстремальные, очень противоречивые позиции. Однако в реальности Тукай не поддерживал никаких экстремальных позиций, которые приписывали ему критики. Его различные и меняющиеся взгляды, которые он отражал на бумаге в своих стихах и статьях, являются, на мой взгляд, в большей степени отражением «неидеологического» духа, если можно применить такую нейтральную формулировку. Поддержал бы такой подход сам Тукай, делало ли это ему честь – другой вопрос, на который я не хотел бы отвечать.

Хотя критики и приводили различные цитаты из Тукая, чтобы подтвердить правильность своего представления, все-таки похоже, что для них, в первую очередь, речь шла не о самом поэте, а скорее, об актуальных вопросах современности или же, в отдельных случаях, исключительно о собственной персоне и ее репутации как ведущей фигуре какого-либо литературно-политического течения. Поэтому их высказывания об отношении Тукая к «религии» и «нации» меньше говорят о поэте и его творчестве, и больше о времени, в которое они были сделаны.

Темы «религия» и «нация» взяты лишь в качестве примера, они могут пониматься как показательные, как определенный образец обхождения с творчеством Тукая. Периодизация этих высказываний, в целом, совпадает с той, которая приводится при рас-

смотрении высказываний о мировоззрении Тукая.

3.1. «Религия»: вера или атеизм

В жизни «татар»[77] на рубеже 19–20 вв. религия играла важную роль. Ислам не только имел большое, основополагающее значение для самосознания «татар», он служил также разделительной линией с русскими и давал «татарам» уверенность в том, что они являются частью «уммы», объединения всех мусульман.

В последние 15–20 лет 19 в. росло число тех, кто выражал неудовлетворение реально существовавшим исламом и высказывал это открыто. Их критика была направлена, в первую очередь, против закостенелых структур в школьном образовании. Они придерживались мнения, что прежние методы преподавания не достаточны для нового времени и потому требовали «новых методов» (ысулы җәдит). Однако они не ограничили свою критику только школьным образованием, определяемым религией, а распространили ее и дальше, на весь «старый порядок». Поскольку они постоянно заявляли о необходимости «обновления» и требовали его, их движение получило название «джадидизма» (җәдидчелек), а сами представители этого течения определялись как «джадидисты» (җәдидчеләр). Их противники, сторонники прежнего порядка, назывались ими «кадимче».

В связи с борьбой джадидистов следует отметить два момента. Во-первых, они не требовали отказаться от религии, они не являлись материалистами или атеистами. Они стремились больше к тому, чтобы религия была «очищена» от различных «пороков», как например, от дурного влияния ишанов, суфиев и прочих «шарлатанов». Они боролись против фальсифицированной религии, за истинную, чистую и первоначальную веру. Во-вторых, джадидизм не начертал на своих знаменах никаких национальных (в западном смысле) требований. В программе джадидистов не встречается этнически дефинированная нация. Их действия являлись наднациональными, они являлись просветителями в лучшем смысле этого слова[78].

Габдулла Тукай написал много стихотворений, в которых он, полностью в джадидистском духе, критиковал различные «пороки» религии. Большинство этих произведений носят сатирический характер, в них он издевается над разного рода «религиозными шарлатанами», высмеивает невежество многих «кадимче» и более или менее оригинальными словами описывает бездну, которая лежала между претензиями кадимистов быть защитниками религии и их нерелигиозным образом жизни. Такие стихи характерны для раннего творчества Тукая, большинство из них были написаны в Уральске или же почти сразу же после его переезда в Казань осенью 1907 г. Наряду с сатирическими он писал также «серьезные» стихи на религиозные темы. В них он выражает свои поиски и стремление быть ближе к Богу. Число таких стихов, которые были написаны после 1909 г., правда, не больше числа сатирических.

Подавляющее большинство тогдашних критиков, писавших о творчестве Тукая в татарской прессе, полны восхвалений сатирических стихов Тукая, направленных против кадимистов. То, что эти стихи пользовались большим спросом, показывает, что они были популярны не только в узком слое интеллектуалов[79]. Хотя его «серьезные» религиозные стихи получали меньше внимания со стороны критиков, однако, если они упоминались, то только как удачные и оценивались положительно. Так, например, Галимджан Ибрагимов, в иных ситуациях мало говоривший хорошего о творчестве Тукая, назвал «истинной поэзией» стихотворения «Күңел» и «Вакты гаҗезем»[80]. В 1914 г. Г.Рафики назвал в качестве стихов, «освещающих наши души божественным светом»

– «Васыятем», «Мигъраҗ», «Кадер кич», «Ана догасы» и «Аллаһ тәбарәк вә тәгалә»[81]. Кроме «Ана догасы», в советское время ни одно из названных стихотворений не было включено в сборники Тукая[82]. Тем не менее, за эти стихи он резко критиковался в 1920-1930-е годы[83].

До начала 20-х гг. в Татарстане не проводились кампании против мусульманской религии. Только с 1923 г. начались нападки на ислам[84], который, как утверждалось, пытался в ходе новой экономической политики вновь вернуть свое влияние[85]. Как в Казани, так и в Москве татары основали объединения и кружки, целью которых стала борьба с исламом[86]. После того как Академический центр при Народном комиссариате образования Татарской АССР весной 1923 г. принял решение о написании антирелигиозных книг[87], с 1924 г. начали появляться публикации соответствующего содержания[88]. С августа 1925 г. в Москве началось издание антирелигиозного ежемесячного журнала «Фән һәм дин», который возглавил Галиасгар Гафуров (Чыгтай), бывший мулла из Самарской губернии. С середины 1932 до конца 1937 гг. журнал издавался под названием «Сугышчан алласызлар».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Ибраһимов Г.* Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. – 75 б.

[2] См., например: Кәрәм Г. Габдулла Тукаев // Аң. – 03.04.1914. – № 7. – 130–133 б.

[3] *Ибраһимов Г.* Татар шагыйрьләре. – 65 б.

[4] *Бурнаш Ф.* Татар шигырьләрендә иҗтимагый моңнар. Тукай үлүенә 9 ел тулу мөнәсәбәте белән // Татарстан хәбәрләре. – 17.04.1922. – № 87 (464)

5 *Шунда ук.*

6 Тукайга хәтирә кичәсе // Татарстан. – 18.04.1923. – № 79 (744).

[7] Очевидно, что в 1910-е годы многие татарские интеллектуалы связывали прогресс и лучшее будущее с техническим развитием. Например, медресе «Хусаиния» в Оренбурге, одно из известных учебных заведений, где преподавание велось по «новому методу», называлось «заводом нравственности и воспитания (Дин вә мәгыйшәт. – 13.11.1909. – № 45. – 794 б.). Ризаэтдин Фахретдинов представлял в 1910 г, как будет выглядеть Каргалинская слобода к своему 200-летию – к 1949 г.: трамваи и автомобили, электрическое освещение улиц, связь, телеграммы, телефон и «еще много разных удивительных вещей, кроме этого» (Фәхретдин Р. Әхмәт бай. – Оренбург, 1910. – 11 б.). Галимджан Ибрагимов в 1915 г. попытался дать общее представление: «Прогресс – это значит разрушение старого образа жизни и создание новых условий, которые отвечали бы новым потребностям» (Аң. – 1915. – № 20. – 357 б.)

[8] Один из первых примеров подобного объяснения успеха Г.Тукая – это редакционная статья, появившаяся в газете «Татарстан» по поводу 10-годовщимны со дня смерти поэта (Ун ел тулганда // Татарстан. – 15.04.1923. – № 77 (742).

[9] *Кутуй Г.* Кайнар көннәр. Хикәя, шигырь һәм поэмалар җыентыгы. – Казан,1927.

[10] *Вәли Х.* Футурист шагыйрь //Безнең юл. – 1927. – № 11. – 31 б.

[11] См., например: *Вәли Х.* Безнең матбугат ничек үсә? // Безнең юл. – 1927. – № 2. – 21–25 б.

[12] Выражение Гумара Галиева в его критической заметке относительно сборника Габдуллы Тукая, подготовленного Фатхи Бурнашем (Галиев Г. Г.Тукай шигырьләре // Кызыл Татарстан. – 29.08.1926. – № 195 (1658)

[13] *Сәйфи-Казанлы Ф.* Габдулла Тукай әсәрләренең иҗтимагый һәм сәяси йөзе // Габдулла Тукай әсәрләре. Икенче том. – Казан, 1930. – XXXII б.

[14] *Шунда ук.* – XXXIII б.

[15] Кави Наджми доказывал эту мысль в 1928 г. на примере стихотворения Тукая «Эштән чыгарылган татар кызына» (было опубликовано в «Яшен» 24 июня 1909 г.) (Нәҗми К. Әдәбиятыбызда марксизм тәнкыйте һәм Галимҗан // Нәҗми К. Әсәрләр. Дүрт томда. – Т. 4: Әдәби публицистик мәкаләләр һәм очерклар, хатлар / Ред. Н. Гыйззәтуллин, Т.Нәҗметдинов. – Казан, 1984. – 61–62 б.). В 1931 г. Ф.Сайфи-

Казанлы продемонстрировал неспособность Тукая к «правильному» политическому анализу на примере стихотворений «Бичара Бибиҗиһан» (опубликовано в «Әл-ислах» 27 мая 1908 г.) и «Мәҗрух указ» («Ялт-Йолт» от 15 марта 1910 г.) (Сәйфи-Казанлы Ф. Г.Тукай әсәрләрендә пародия, сатира, ирония һәм юмор // Г.Тукай әсәрләре. – Т.3. – Казан, 1931. – XXII, XXV б.)

[16] *Шамов А.* Фольклор мәсьәләләре // Яңалиф. – 1931. – № 8/9. – 63 б.

[17] Очень пластично это представлялось, например, в сообщении о праздновании 60-летия со дня рождения Г.Тукая. У могилы поэта собрались представители партии, комсомола, советов, общественных организаций, предприятий и учреждений, а также гости из соседних республик, писатели, поэты, ученые, композиторы, деятели искусства и студенты. Сообщение заканчивалось словами: «Вот с таким уважением народ [!] вспомнил своего любимого поэта» (СӘ. – 1946. – № 6. – 120 б.)

[18] *Абдрахманов Ф.* Тукай һәм балалар әдәбияты // СӘ. – 1940. – № 1/2. – 165 б.

[19] *Халит Г.* Габдулла Тукай (1886-1913) // Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 1. / Ред. Х. Хисмәтуллин; Я.Агишев. – Казан. 1955. – XXV б.

[20] *Шунда ук.* – XXIV б. Ну и конечно именно поэтому вряд ли могло быть случайностью, что первое опубликованное стихотворение Тукая являлось переводом стихотворения Кольцова.

[21] См., например: *Нәҗми К.* Халык шагыйре. Габдулла Тукайның тууына 60 ел тулу уңае белән // Нәҗми К. Әсәрләр. Дүрт томда.. – Т. 4: Әдәби публицистик мәкаләләр һәм очерклар, хатлар / Ред. Н. Гыйззәтуллин, Т.Нәҗметдинов. – Казан, 1984. – 173 б.

[22] Подобное развитие усилилось во времена Брежнева, когда «гибридный советский человек» превратился в идеал для представления о «национальных» героях. См.: Collias, Karen A.: Making Soviet Citizens: Patriotic and Internationalist Education in the Formation of a Soviet State Identity, in: Soviet Nationality Policies. Ruling Ethnic Groups in the USSR. Eds. Henry R. Huttenbach, London 1990, S. 82–85.

[23] *Нәфиков Р.* Габдулла Тукай биографиясен өйрәнүнең кайбер мәсьәләләре // КУ. – 1966. – № 8. – 122 б.

[24] Devlet, Nadir: Kazan Türkleri ve Abdullah Tukaj, in: Kazan 1971 (3), S. 6.

[25] *Хәким С.* Габдулла Тукай – Шагыйрьгә 90 яшь тулу уңае белән . – Казан, 1975. – 10 б.

[26] Gabduš, Hüsejin: Neden ben küčük „apuš“ değil kos-koğaman „Tuqaj“ oldum?, in: Kazan 1973 (10), S. 41.

[27] *Антонов Б.; Вәлиева Л.* Габдулла Тукайның әдәби-мемориаль музее. – Казан, 1984. – 3 б.

[28] Во время моего пребывания в Казани, в конце 1993 г., я провел опрос среди татарских студентов, обучающихся в Казанском университете и педагогическом институте по специальностям «татарская литература» и «татарская история». Большая часть из 36 вопросов анкеты касалась татарского национального сам осознания и татарской литературы. Конечно, мой опрос не является полностью репрезентативным (я получил ровно 100 заполненных анкет), но, на мой взгляд, я могу выделить основные моменты. То, что мне представляется важным в ответах о популярности произведений Тукая, я буду приводить далее с пометкой «Опрос Казань – 93».

[29] *Ибраһимов Р.* Сибирия татарлары карашында мәрхүм Габдулла әфәнде Тукаев // Тормыш. – 02.04.1914. – № 49. Указанное стихотворение было опубликовано в 4 номере журнала «Әлгасрел-җәдит» 15 апреля 1906 г.

[30] Одним из немногих и первых тогдашних татарских авторов, которые заявляли, что Тукай уже самым первым своим стихотворением, опубликованным в «Фикер» 26 ноября 1905 г. «сумел завоевать любовь очень многих людей», был Ибрагим Биккулов (Биккулов И. Габдулла әфәнде Тукаев // Сибирия. – 07.04.1913. – № 96).

[31] См.: Сәгъди Г. Габдулла Тукаев // Вакыт. – 03.02.1909. – № 427; Мөхәммәдъяров Ш. Тукай кем?. – М., 1918. – 14 б.; Лаисов Н. Габдулла Тукай. – Казан, 1985. – 66 б. Октябрьгә кадәрге татар театры / Ред. Һ.Мәхмүтов, И.Илялова, Б.Гыйззәт. – Казан, 1988. – 62 б.

[32] Габдулла Тукаев шигырьләре (Шигырьләр көтепханәсеннән 3-нче дәфтәр). – Казан, 1907.

[33] *Әмирхан Ф.* Габдулла Тукаев шигырьләре // Әл-ислах. – 03.12.1907. – № 9.

[34] См., например: Вакыт. – 03.02.1909. – № 427; 03.04.1913. – № 1170; Кояш. – 11.04.1913. – № 93; Ил. – 27.04.1914. – № 25.

[35] Dumas, Alexander: Reise durch Rußland. Berlin (Ost) 1978, S. 447.

[36] Ibid., S. 448.

[37] *Ибраһимов Г.* Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. – 65 б.

[38] См., например: *Әмирхан Ф.* Печән базары // әл-ислах. – 24.11.1908. – № 52; Бәкер К. Күңел җимешләре // нур. – 15.04.1911. – № 230; Вәлиди Ж. Габдулла Тукаев // Вакыт. – 06.04.1913. – № 1172; Баттал Г. Габдулла Тукаев: Искә төшерү //Кояш. – 17.04.1913. – № 98; Ибраһимов Р. Сибирия татарлары карашында мәрхүм Габдулла әфәнде Тукаев // Тормыш. – 02.04.1914. – № 49; Зәбиров Х. Шагыйрьнең онытылмас образы // КУ. – 1976. – №4. – 125–127 б. Мой опрос в Казани подвердил сохраняющуюся популярность этих стихотворений. На вопрос о любимом стихотворении Тукая студенты ответили так: 1. Шүрәле (61 человек); 2. Туган тел (47); 3. Пар ат (40); 4. Су анасы. На 7 месте находится политическое стихотворение «Сорыкортларга» (однако, со значительным отставанием от названных, его упомянули только 9 отвечавших на вопросы).

[39] *Мөхәммәдъяров Ш.* Тукай кем?. – М., 1918. – 14 б.

[40] *Баттал Г.* Габдулла Тукаев: Искә төшерү //Кояш. – 17.04.1913. – № 98.

[41] *Гомдә.* Габдулла әфәнде Тукаев хәзрәтләре // Сибирия . – 05.04.1913. – № 95.

[42] *Бәкер К.* Күңел җимешләре. // Нур. 15.04.1911. –№ 230.

[43] *Нуркин З.* Җырчы малай // Кояш. – 02.04.1913. – № 377.

[44] *Рәмзи Ш.* Тукай һәм яшьләр // Татарстан. – 15.04.1923. – № 77 (742).

[45] *Мөхәммәдъяров Ш.* Тукай кем?. – М., 1918. – 15 б.

[46] *Гомәров Ә.* Тукай хакында // Татарстан. – 06.04.1923 – № 72 (737).

[47] *Нигъмәти Г.* Габдулла Тукаев: Үлүенә ун ел тулу мөнәсәбәте белән // Юлдаш. – 1923. – № 3(12). – 1923. – 75 б. Не совсем ясно, имел ли в виду Г.Нигмати стихотворение «Юаныч», опубликованное в «Бәянелхак» 24 июля 1907 г. или же сборник стихов, изданный под этим названием в 1908 г.? В 1930 г. и Гумар Тулумбайский выразил убеждение в том, что при жизни Тукая особенной известностью и любовью среди населения пользовались его фольклористические произведения (Толымбайский Г. Тукай һәм халык әдәбияты (Тукайның “Халык әдәбияты” һәм “Халык моңнары” әсәре белән). – Казан, 1930. – 21 б.)

[48] *Шунда ук.*

[49] *Сәйфи-Казанлы Ф.* Габдулла Тукай әсәрләренең иҗтимагый һәм сәяси йөзе // Габдулла Тукай әсәрләре. Икенче том. – Казан, 1930. – III б.

[50] *Бурнаш Ф.* Талант юлы // СӘ. – 1936. – № 5. – 59 б.

[51] *Габдрахманов Ф.* Г.Тукай сайланма әсәрләренең сүз башы турында // СӘ. – 1938. – № 4. – 78 б.

[52] Халыкның мактаулы шагыйре // Кызыл Татарстан. – 15.04.1938. –№ 86 (5287).

[53] Dewhurst, Martin; Farrell, Robert: The Soviet Censorship, Metuchen (New Jersey) 1973, S. 27.

[54] Кызыл Татарстан. – 10.04.1938. – № 82 (5283) (редакционная статья). Доклады о Тукае были прочитаны и на фабриках в Москве, где работали татары: Кызыл Татарстан. – 17.04.1938. –№ 88 (5289). О подобных мероприятиях в школах и университетах см.: Кызыл Татарстан . – 06.04.1938. – № 79 (5280); 08.04.1938 – № 80 (5281).

[55] Кызыл Татарстан. – 10.04.1938. – № 82 (5283).

[56] *Шунда ук.* – 12.04.1938. –№ 84 (5285); 17.04.1938. – № 88 (5289).

[57] В августе 1926 г. Махмут Будайли говорил не только о нехватке, но и о полном отсутствии произведений Тукая в книжной торговле (Бөдәйли М. Г.Тукай шигырьләре мәҗмүгасы // Кызыл Татарстан. – 25.08. 1926. – № 191 (1654). Газета «Эшче» 31 марта 1928 г. подтвердила это сообщение.

[58] *Гайнуллин М.* Тукай һәм халык иҗаты // СӘ. – 1945. – № 12. – 63 б.

[59] Devlet, Nadir: Kazan Türkleri ve Abdullah Tukaj, in: Kazan 1971 (3), S. 10; Хәким С. Габдулла Тукай – Шагыйрьгә 90 яшь тулу уңае белән. – Казан, 1975. – 7 б.

[60] *Агиш С.* Г.Тукай – безнең замандашыбыз // Кызыл таң. – 26.04.1956. – № 98 (7719).

[61] Devlet, Nadir: Kazan Türkleri ve Abdullah Tukaj, S. 10.

[62] *Хәким С.* Габдулла Тукай – Шагыйрьгә 90 яшь тулу уңае белән. – 7 б.

[63] Groys, Boris: Gesamtkunstwerk Stalin. Die gespaltene Kultur in der Sowjetunion 1917-1985, München, Wien 1988, S. 55. В данном случае высказывание относилось к созданию «прогрессивных» авторов и героев в сталинскую эпоху. На мой взгляд, такие характеристики вполне применимы и к изучению и представлению о Тукае в послесталинское время.

[64] Автор применяет в данном случае немецкое слово «Beschäftigung», которое я и перевожу дословно как «занятие, деятельность», что в выражении «занятие поэтом и его творчеством» звучит не очень литературно. (Прим. переводчика)

[65] *Шәраф Ш.* Габдулла Тукай хакында бәгъзе хәтирәләрем // Укытучы. – 1918. – № 4. – 93 б.

[66] *Нигъмәти Г.* Габдулла Тукаев: Үлүенә ун ел тулу мөнәсәбәте белән // Юлдаш. – 1923. – № 3 (12). – 64 б.

[67] *Бөдәйли М.* Г.Тукай шигырьләре мәҗмүгасы // Кызыл Татарстан. – 25.08. 1926. – № 191 (1654)

[68] См., например: Шамов А. Ике китап турында // Эшче. – 31.03.1928. – № 65 (1306).

[69] *Нигъмәти Г.* Шагыйрь Габдулла Тукай үлүгә унбиш ел тулды // Кызыл Татарстан. – 15.04.1928. – № 88 (2151).

[70] Габдулла Тукай – татар әдәбиятының язы // СӘ. – 1945. – № 3/4. – 46 б.

[71] *Нәфиков Р.* Г.Тукайның Уральскида эшчеләр белән аралашуы // СӘ. – 1954. – № 10. – 107 б.

[72] *Әпсәләмов Г.* Сугышчан тәнкыйть өчен // СӘ. – 1954. – № 6. – 81 б.

[73] *Бәширов Г.* Безнең бурычлар: Язучылар җыелышында сөйләнгән докладка нигезләнеп язылды // СӘ. – 1955. – № 3. – 107 б.

[74] *Туфан Х.* Киләчәктә яшәүче // СӘ. – 1961. – № 4. – 49 б.

[75] *Хәйри Х.* Тукай традииясе һәм совет поэзиясе // СӘ. – 1961. – № 11. – 132 б.; Бәширов Г. Даһи Тукай, остаз Тукай // СӘ. – 1961. – № 4. – 35 б.

[76] *Нуруллин И.* Шагыйрьне өйрәнү юлында // КУ. – 1966. – № 3. – 121, 127 б.

[77] Слово «татары» взято в кавычки потому, что до начала 20 в. еще не имелось национально охарактеризованного татарского самосознания. Дискуссия о «татарской нации» (понимаемой в западном смысле) началась только в конце первой декады 20 в., хотя уже была заметна в конце 19 в. в работах Каюма Насыри , оставшихся, правда, незамеченными тогдашней «татарской» общественностью (см. также вводную часть раздела «Развитие языка Габдуллы Тукая»).

[78] О джадидизме и джадидистах см., например, превосходные работы Едварда Лаззерини, упомянутые в списке литературы.

[79] Самым известным и, на мой взгляд, самым лучшим примером сатирических стихов Тукая является поэма «Печән базары яхуд Яңа Кисекбаш». Она появилась отдельным изданием в ноябре 1908 г.. Первый тираж составил 4000 экземпляров и был распродан в течение одного месяца (Шәраф Г. Тукай тугырысында истә калганнар // Аң. – 1913. – № 7. Цит. по: Такташ турында истәлекләр. – 113 б.). Второй тираж, в том же объеме, появился в декабре 1908 г., также был распродан в течение нескольких месяцев (Хәким С. Габдулла Тукай – Шагыйрьгә 90 яшь тулу уңае белән. – Казан, 1975. – 10 б.). Так что это сочинение имело и коммерческий успех, который до того времени не встречался в татарской литературе (Лаисов Н. Габдулла Тукай. – Казан, 1985. – 69 б.)

[80] Ибраһимов Г. Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. – 100 б.

[81] Рәфикый Г. Тукайны тәхәттүр // Аң. – 1914. – № 7. – 144 б.

[82] Насколько мне известно, и в постсоветском Татарстане опубликовано только стихотворение «Кадер кич» (Гайнетдинов М. Тукайның «адашкан» шигырьләре // КУ. – 1991. – № 4. – 147 б.)

[83] См.: Магис (=Максут М.). Сынган кылычлар һәм каргалар белән былбыллар турында // Безнең юл. – 1928. –№ 5. – 18–23 б.; Чыгтай Г. Бөтен ислам дине «гыйлемлекләре» бары да «Иман шарты» рамкасында // Фән һәм дин. – 1929. – № 22 (85). – 7 б.; Сәйфи-Казанлы Ф. Габдулла Тукай әсәрләренең иҗтимагый һәм сәяси йөзе // Габдулла Тукай әсәрләре. Икенче том. – Казан, 1930. – XXXI-XXXII б.

[84] Одной из первых татарских публикаций, появившихся в советское время на тему ислама, стала работа Мирсаида Султангалиева «Мөселманнар арасында дингә каршы көрәш методлары» (1921 г.) Уже в 1923 г. она подверглась критике со стороны Галимджана Ибрагимова за то, что она в реальности выступает не против, а за ислам, потому что она подчеркивает, прежде всего, позитивную роль ислама в культурном развитии татар за последние 10–15 лет (Ибраһимов Г. Ислам тирәсендә // Безнең байрак. – 06.10.1923. – № 32). См. об этом: Сәгадиев А. Солтангалиев һәм Советлар Россиясенең милли сәясәте // КУ. – 1991. – № 4. – 158–173 б.

[85] *Ибраһимов Г.* Китаплар арасында // Безнең юл. – 1925. – № 1 (цит. по: Ибраһимов Г. Әсәрләр. – Т. 6: Публицистика (1907–1932) /Ред. Р.Гайнанов. – Казан, 1986. – 394 б.

[86] Например, «Дин белән көрәш кабинеты» в Казанском университете и «Дәхриләр оешмасы» в Москве.

[87] *Ибраһимов Г.* Ислам тирәсендә // Безнең байрак. – 06.10.1923. – № 32.

[88] Например: Диннәрнең килеп чыгышы. – Казан, 1924; Исламның сыйнфый нигезләре. – Казан, 1925; Конов М. Мөхәммәт һәм аның төп теләге. – Казан, 1925; Чыгтай Г. Мин нидән динсезләндем. – М, 1925; Сәйфи-Казанлы Ф. Татар дине. – Казан, 1926; Хәким Н. Исламның килеп чыгышы. – Казан, 1926 и др. Библиографические данные взяты мной из издания: Ибраһимов Г. Әсәрләр. – Т. 6: Публицистика (1907-1932) / Ред. Р.Гайнанов. – Казан, 1986. – 394–395 б.

Аннотация

Данная публикация – перевод одной из глав книги немецкого ученого-тюрколога Михаэля Фридериха «Габдулла Тукай – высокочтимый поэт на службе татарской нации и советского социализма», изданной в Висбадене в 1998 г. Автор поставил себе целью выяснить, как интерпретировались сам поэт и его творчество в разное время, как он «использовался» в разной политической и идеологической ситуации, как его творчество и личность фактически были поставлены на службу самым различным политическим воззрениям. При этом реально получалось так, что сам поэт как бы оставался на втором плане. Проанализировав многочисленные публикации ученых и журналистов, М.Фридерих сделал достаточно оригинальные наблюдения и выводы.

Ключевые слова: Тукай и мировая литература, Тукай и русская литература, мировоззрение Тукая, идеологическая интерпретация Тукая.

Summary

This publication represents the translation of the chapter from the book «Gabdoullah Tukay – highly honoured poet in service of the Tatar nation and Soviet socialism» by the German turkologist Michael Friederich which was published in Wiesbaden in 1998. The aim of the author was to find out how the poet and his creative activity were interpreted in different periods and used in political and ideological situations and finally how his creative activity and personality were put in service of various political views. However, it turned out that the poet was left in the background. Having analyzed numerous publications of scientists and journalists, Friderikh made original observations and conclusions.

Key words: Tukay and world literature, Tukay and Russian literature, Tukay's worldview, ideological interpretation of Tukay.

УДК 7.072.2

П.М. ДУЛЬСКИЙ, П.Е. КОРНИЛОВ – ПЕРВЫЕ ИСКУССТВОВЕДЫ ТАТАРСТАНА

***О.Л. Улемнова**, кандидат искусствоведения*

Основы изучения истории искусства в Казанском крае были заложены в XIX в. на кафедре теории и истории изящных искусств Казанского императорского университета (открыта в 1863 г.), где работали известные российские историки искусства В.К. Мальмберг, Д.В. Айналов, Б.П. Денике и др. Область их интересов охватывала преимущественно историю искусства античности и эпохи Возрождения, что связано с классической направленностью университетского образования. Изучение истории и культуры Востока в Казанском университете имеет еще более глубокие корни и связано с Восточным разрядом – первым востоковедческим учреждением в России, открытым при университете в 1807 г. и ориентированным, в первую очередь, на изучение восточных языков (в 1855 г. был переведен в Петербург). В Казани изучались тюркологические и исламоведческие вопросы (Ш. Марджани, К. Насыри, Г.С. Саблуков, И.Ф. Готвальд, Н.И. Ильминский, Н.Ф. Катанов и др.); собирались и изучались археологические древности Волжской Булгарии (А.Ф. Лихачев, С.М. Шпилевский, И.Н. Березин и др.).

XX век ознаменовался повышенным интересом к изобразительному искусству и архитектуре собственного региона как в их историческом аспекте, так и с точки зрения изучения современного художественного процесса, творчества выдающихся художников и архитекторов, связанных в той или иной степени с Казанью и Казанской губернией, советским Татарстаном. Целенаправленная деятельность и значительные достижения 1920–1930-х гг. в развитии изобразительного искусства, искусствоведения и музейного дела в Татарстане связаны с именами казанских искусствоведов П.М. Дульского[1] и П.Е. Корнилова[2].

Деятельность Дульского как художника, педагога, историка и критика искусства, корреспондента журнала «Старые годы», организатора художественных выставок, началась еще в 1910-е гг., тогда же определилась основная сфера его научных интересов – история изобразительного искусства и архитектуры Казани, современная книжная графика.

В 1919 г. Дульский был избран по конкурсу хранителем художественного отдела Казанского городского музея[3], вошел в состав губернского подотдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при отделе Наркомпроса и активно приступил к пополнению художественного собрания музея[4].

Процессу национализации частных собраний, сокровищ закрываемых монастырей и храмов казанский подотдел по делам музеев (как и многие другие подобные организации по всей России) придавал, по мере возможности, упорядоченный и последовательный характер. Это позволило спасти от уничтожения в пылу революции и Гражданской войны большое количество художественных и культурных ценностей, которые поступили на хранение в музей. Тесный контакт с Государственным музейным фондом (Москва), лич-

ные дружеские отношения П.М. Дульского с И.Э. Грабарем позволили в 1920–1930-е гг. значительно расширить музейное собрание, восполнив лакуны в коллекции русского искусства XIX в. произведениями выдающихся живописцев И. Айвазовского, А. Боголюбова, А. Саврасова, В. Поленова, В. Серова и др., сформировать представительную коллекцию русского авангарда (В. Кандинский, Р. Фальк, П. Кончаловский, М. Ларионов, Н. Гончарова, А. Куприн и др.) и др. Происходили поступления отдельных произведений западноевропейской живописи, значительно пополнился фонд западноевропейской гравюры. Одним из приоритетов собирательской деятельности музея стало формирование коллекции современного искусства Татарстана.

В рамках художественного отдела были выделены новые подразделения: отдел древнерусского искусства, кабинет гравюр, созданием которых занимался П. Корнилов, в 1921 г. поступивший на работу в музей по приглашению П. Дульского.

Собирательская деятельность Дульского и Корнилова сопровождалась основательным изучением как отдельных произведений, так и творчества выдающихся художников, представленных в музее, цельных художественных пластов отечественного и местного искусства.

Это изучение во многом шло для Дульского и Корнилова в параллельных направлениях, в то же время у каждого складывались и свои пристрастия в искусстве. К любому из их трудов применимо слово «впервые». Многое из написанного ими не потеряло актуальности и сегодня.

Наиболее ценны для нас труды Дульского о малоизвестных для широкой общественности, но значимых в искусстве Казанского края, художниках XIX века: Льве Крюкове, Эдуарде Турнерелли, Карле Барду[5] и др.

Перу Дульского принадлежит первая монография о выдающемся русском художнике, уроженце Казани Николае Фешине[6], чье творчество на стыке художественных стилей и направлений после его эмиграции в Америку в 1923 г. стало достоянием двух стран.

Неизменный интерес питал Дульский к истории казанской архитектуры, издав несколько трудов по этой теме: «Классицизм в казанском зодчестве» (1920), «Барокко в Казани» (1927). Обзорный характер этих работ искупается полнотой представленного материала, обширным иллюстративным рядом, неизменно высоким полиграфическим уровнем изданий.

Ряд трудов, освещающих широкий круг вопросов, касающихся истории и современного состояния искусства книги и книжной графики в России, определяет еще одно важное направление искусствоведческой мысли Дульского. В работе «Иллюстрация в детской книге» (1925)[7] раскрывается феномен расцвета художественного оформления детской книги в России в нач. XX в. Другой труд Дульского «Книга и ее художественная внешность (в связи с казанским книгопечатанием)» (1921) рассказывает об истории книгопечатания в Казани в XIX в. и особенностях художественного оформления казанских изданий на русском и татарском языках. В обоих случаях автор не ограничивается заявленной тематикой, а включает изучаемый феномен в контекст мирового искусства книги и истории книгопечатания.

С середины 1920-х гг. Дульский занимался углубленным изучением татарского искусства – древнего и современного, народного и профессионального. Названия трудов говорят о широте проблем, рассматриваемых автором: «Искусство казанских татар» (1925), «Искусство Татреспублики за годы революции» (1928), «Казанский каллиграф Али Махмудов» (1930), «Оформление татарской книги за революционный период» (1930). Интерес к искусству книги и здесь проявляется очень явно, что вызвано не только личными пристрастиями автора, но и значительностью художественного явления.

Татарская книга 1920-х гг., в которой соединились вековые арабографические традиции с авангардными новациями XX века, активно представлялась на российских (Москва) и международных (Париж, Лион, Нью-Йорк, Чикаго, Филадельфия, Лос-Анджелес) выставках 1920–1930-х гг. и вызывала живой интерес в России и за рубежом. Публикации Дульского об этом феномене в зарубежных журналах[8] подогревали этот интерес.

Корнилов также изучал в первую очередь художников и архитекторов Казани, иногда проводя исследования параллельно со своим наставником (например, творчества архитектора М. Коринфского)[9], или самостоятельно (например, творчества А.Н. Раковича)[10], обращаясь к первоисточникам, к архивным (государственным и частным) фондам Казани, Москвы, Петрограда. Труды Корнилова выделялись тщательностью исследования и строгостью научных выводов.

Как заведующий кабинетом гравюр Казанского городского музея, Корнилов впервые для Казани выработал научные основы хранения, экспонирования и каталогизации гравюр, опубликовал первую опись собрания современной и старинной гравюры русского отдела, включающего работы столичных и казанских мастеров[11].

Корнилов привел в порядок и описал собрание художественных произведений Казанских мастерских (бывшей Художественной школы), восстановил историю его формирования, отметив цели и задачи, направленные на организацию учебного процесса[12].

В Казани Корнилов преимущественно сосредоточивает свое внимание на современных ему художественных процессах, происходящих в русском искусстве, испытывая особую склонность к графике, – казанский плакат[13], казанские художественные издания 1910–1920-х гг.[14], экслибрисы[15] и др. Связанный дружескими отношениями с молодыми казанскими художниками-графиками 1920-х гг., организовавшими при Казанских художественных мастерских графический коллектив «Всадник»[16], Корнилов стал историографом «Всадника», организатором выставок членов коллектива (Н. Шикалова и М. Андреевской в 1921, И. Плещинского в 1924), автором биографии председателя коллектива Н. Шикалова[17], хранителем творческого наследия рано ушедших из жизни Шикалова и Андреевской.

Творческая деятельность «Всадника», самого яркого художественного явления в Казани в первой половине 1920-х гг., широко освещалась Дульским[18], а также московскими критиками и искусствоведами на страницах казанской прессы («Казанский музейный вестник», «Казанский библиофил»), в центральных журналах («Печать и революция», «Среди коллекционеров», «Книга и революция», «Гравюра и книга»).

Широкая издательская деятельность, осуществлявшаяся Дульским и Корниловым на базе Центрального музея Татарской Республики, фиксировала результаты их научных исследований и выставочной деятельности. По инициативе Дульского в Казани в 1920–1924 гг. издавался «Казанский музейный вестник» – первый в России специализированный журнал, посвященный музейным вопросам, на страницах которого печатались ведущие ученые и специалисты музейного дела Казани (Б. Адлер, М. Худяков и др.), России (Б. Денике, В. Адарюков, А. Анисимов и др.). Помимо статей по разным видам искусства и аспектам музейной работы в журнале были рубрики: Библиография, Хроника (музейной и научной жизни Татарстана и России), Официальный отдел (публикующий различные правительственные постановления, касающиеся музейной деятельности), Рецензии (на местные и центральные издания).

При участии Дульского в 1921–1922 гг. издавался журнал «Казанский библиофил», также привлекавший ведущих специалистов книжного дела и библиофилов России. Важной сторо-

ной деятельности обоих журналов являлся их открытый характер, не ограничивающийся только местной проблематикой, но освещающий проблемы и процессы в соответствующих сферах в России и, что еще более показательно, – за рубежом.

Дульский придавал большое значение художественному оформлению изданий, привлекая к этому ведущих местных и столичных художников: А. Платунова выполнила эскиз обложки и три виньетки для «Казанского музейного вестника», В. Фалилеев – обложку и заставки для разделов (в технике линогравюры) в журнале «Казанский библиофил».

Организованная Корниловым и Дульским летом 1922 г. выставка «Современная русская графика» положила начало выставочной деятельности Казанского музея (которая стала регулярной с 1924 г.), направленной на популяризацию графического искусства. При устройстве этих выставок Дульский работал с московскими графиками, Корнилов отвечал за ленинградское направление [Дульский, 1927, с. 29].

Экспонентами выставок стали ведущие мастера русской советской графики: В. Фаворский, А. Остроумова-Лебедева, П. Шиллинговский, Г. Верейский, А. Кравченко, К. Кругликова, Д. Митрохин, Н. Куприянов, А. Гончаров, В. Замирайло, С. Лобанов, И. Рерберг, Г. Лукомский, Н. Пискарев, И. Соколов, а также казанские графики и живописцы: И. Плещинский, В. Вильковиская. Проводились выставки рисунков и акварелей живописцев К. Богаевского, К. Юона, А. Пластова и др. Уделялось внимание (по мере возможности) экспонированию зарубежной графики: в 1928 г. совместно с Государственной Академией художественных наук была устроена выставка работ выдающегося немецкого графика Кэте Кольвиц; позже, в 1934 г., была проведена выставка «Революционная графика в странах капитала», познакомившая казанцев с творчеством Г. Гроссса, Б. Уица и др.

Исторический срез русской живописи, графики и архитектуры раскрывался в экспозициях И.И. Шишкина, В.Г. Худякова, М.И. Бочарова, архитекторов А. Григорьева, М. Коринфского.

Как справедливо писал Дульский, помимо культурно-просветительной роли этих выставок за ними надо признать еще заслугу в научном отношении. Выставочная работа носила исследовательский характер, выставки подытожили и осветили целый ряд тем и периодов в искусстве, разработка которых в дальнейшем благодаря этому значительно облегчилась [Дульский, 1927, с. 21]. Для таких художников, как В. Фаворский, С. Лобанов, В. Замирайло и др., казанские выставки становились первыми персональными, широко представляя творчество этих мастеров.

Всего за период с 1922 по 1929 г. было проведено 30 графических выставок, каждая из которых сопровождалась афишей и пригласительным билетом, прекрасно изданным каталогом. Каталоги были иллюстрированы, причем часто оригинальными оттисками гравюр. Статьи в каталогах Дульский и Корнилов писали сами, а также привлекали столичных искусствоведов, среди авторов: А. Сидоров, П. Эттингер, Э. Голлербах, Н. Машковцев, В. Адарюков, А. Федоров-Давыдов, А. Аристова и другие. Дульский оставил детальный обзор и анализ этой выставочной деятельности в двух статьях, опубликованных в бюллетенях Центрального музея [Дульский, 1927, с.21–23; Дульский, 1929, с.34–39].

Все выставочные каталоги отличались единством полиграфического оформления, широким использованием иллюстраций, как репродукционного характера, так и печатавшихся с авторских досок. Сейчас все они являются библиографической редкостью и предметом пристального внимания собирателей.

Все эти каталоги и другая разнообразная художественная, искусствоведческая и музейная продукция издавались на базе Полиграфической школы

имени А.В. Луначарского (1922–1940) в Казани, где Дульский преподавал графику и полиграфию и осуществлял художественное руководство и наблюдение за изданиями [Дульский, 1928, с.44–52].

В Полиграфической школе размещали свои заказы не только издательства и учреждения Татарстана, но и Москвы. Перечень изданий Полиграфшколы, «отмеченных печатью внешнего оформления», составленный П.Е. Корниловым в 1928 г., содержит 75 наименований (в том числе и на татарском языке) [Корнилов, 1928, с.60–65].

Художественное оформление книг Полиграфшколы строилось преимущественно на приемах акцидентного набора, которым пользовался и сам Дульский, выступая в 1920–1930-е гг. как художник книги. Он оформил и собственную книгу, посвященную вопросам современной советской производственной графики, найдя меткое выражение для того, что мы сейчас называем графическим дизайном: «Актуальная графика» (1935). В. Кричевский, включивший ее в свой двухтомный труд «Типографика в терминах и образах», отметил: «Удивительно, но факт: это первая, последняя и, наверное, самая неизвестная русская книга на столь широкую (без жанровых сужений) тему. В 1935 г. такая вещь могла появиться только на правах рукописи, в ничтожно малом тираже (издана тиражом 200 экз. – *О.У.*) и в провинции» [Кричевский, 2000, с. 84].

Вся сознательная жизнь и творческая деятельность Дульского были связаны с Казанью. Во многом благодаря ему в 1930-е гг. поддерживалось искусство графики в Татарстане, центр развития которой по сути переместился из Казанского художественного училища в Казанский институт инженеров коммунального строительства, где в 1930–1940-е Дульский создал и возглавил кафедру истории искусства, кабинет графики и содействовал графическому образованию и творчеству студентов-архитекторов.

Дульский принимал активное участие в создании Союза художников Татарстана и был первым председателем его правления (1936–1938). Являлся членом Союза архитекторов СССР и, очевидно, во многом благодаря его усилиям деятельность Татарского отделения Союза архитекторов была очень активной. В 1930-е гг. регулярно проводились заседания секции теории и истории архитектуры, конференции, юбилейные вечера и, что особенно важно, выставки архитектурных проектов и рисунков архитекторов прошлых эпох (Базоли, Григорьев), современных архитекторов России (А. Рухлядев), Татарстана (И. Гайнутдинов), студентов архитектурного отделения КИИКСа (1934). Так, традиция графических выставок 1920-х нашла свое продолжение в 1930–1940-е гг.

Корнилов перешагнул границы казанского искусствознания. В 1930-е гг. он изучал искусство Востока в экспедициях по древним городам Средней Азии (по результатам которых опубликовал в Казани несколько трудов)[19], в 1930–1932 гг. работал заместителем директора по научной части Государственного музея в Бухаре. В 1935 г. участвовал в III Конгрессе по Иранскому искусству и археологии [Ключевская, 1996, с. 55]. С 1932 г. Корнилов жил в Ленинграде. В 1932–1954 гг. он возглавлял отдел графики Государственного Русского музея, в 1934–1938 гг. заведовал кабинетом графики Всероссийской Академии художеств, в 1944–1959 гг. преподавал на факультете теории и истории искусств Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, в 1959–1974 гг. заведовал кафедрой истории искусств Высшего художественно-промышленного училища им. В. Мухиной. Труды Корнилова, посвященные русской живописи и графике[20], являются ценным вкладом в отечественное искусствоведение.

Корнилов был не только исследователем, но и страстным собирателем. Его собрание графики русских советских художников (включавшее не-

сколько тысяч листов) было крупнейшим в Ленинграде и содержало большой раздел казанской графики. Казанская тема оставалась в сфере его интересов на протяжении всей жизни: до последних своих дней он писал воспоминания о художественной жизни и художниках Казани, работал над словарем казанских художников, который сейчас готовится нами к изданию.

Таким образом, трудно переоценить роль первых казанских искусствоведов советского периода Дульского и Корнилова. Универсализм их личностей, раскрывшийся в научно-исследовательской, музейной, выставочной, издательской деятельности, сделал Казань и Татарстан одним из ведущих в 1920-е гг. центров развития искусствоведения и музейного дела, способствовал развитию изобразительного искусства России. Многочисленные исследования Дульского и Корнилова заложили базу для изучения основных направлений изобразительного искусства и архитектуры Казанской губернии и советского Татарстана, выявив приоритетные пласты русского и татарского, профессионального и народного искусства. Сформированные ими направления комплектования и развития художественных коллекций Центрального музея ТАССР до сих пор лежат в основе деятельности Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан, образованного в 1959 г. на базе Художественного отдела Центрального музея Татарской Республики. Богатые личные архивы Дульского и Корнилова, хранящиеся в музеях Казани и Петербурга, являются ценными источниками по истории изобразительного искусства и архитектуры Казанской губернии и советского Татарстана, свидетельствами не просто современников, но непосредственных участников художественного процесса. Активная выставочная и издательская деятельность, инициированная в Казани Дульским и Корниловым в 1920–1930-е гг., являлась стимулирующим фактором развития искусства республики. Участие Дульского и Корнилова в организации и отборе экспонатов для российских и международных выставок, их статьи в российских и иностранных журналах, вся их интенсивная издательская деятельность обеспечивали высокий уровень презентации искусства и искусствоведения Татарстана.

Литература

1. АРХУМАС: Казанский авангард 1920-х гг.: Каталог выставки. Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан, галерея «Арт-Диваж» / авт.-сост. И. Галеев, О. Улемнова. – М., 2005. – 167 с.: цв. ил.

2. *Дульский П.М.* Выставки Центрального музея ТССР / П.М. Дульский // Материалы Центрального музея ТССР. – Казань, 1927. – С. 21–23.

3. *Дульский, П.М.* Роль графики в школах печатного дела / П.М. Дульский // Полиграфическая школа ФЗУ им. А.В. Луначарского ТССР. – Казань, 1928. – С. 44–52.

4. *Дульский, П.М.* Выставки и новые приобретения Центрального музея Т.С.С.Р. / П.М. Дульский // Материалы Центрального музея ТССР. Вып. 2. – Казань, 1929. – С. 34–39.

5. *Корнилов П.Е.* Материалы к библиографии современных изданий, выпущенных Полиграфшколой в Казани / П.Е. Корнилов // Полиграфическая школа ФЗУ им. А.В. Луначарского ТССР. – Казань, 1928. – С. 60–65.

6. *Кричевский В.Г.* Типографика в терминах и образах. – В 2-х т. – Том. 2. 158 образов / В.Г. Кричевский. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 158 с.

7. *Ключевская Е.П.* Знать прошлое, дабы строить настоящее... / Е.П. Ключевская // Татарстан. – 1996. – № 12. – С. 51–55.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Петр Максимилианович Дульский (1879, Оргеев, Бессарабия (ныне – Молдова) – 1956, Казань) – искусствовед, художник, педагог, музейный деятель, учился в Одесской рисовальной школе (1895–1898), окончил граверное отделение Казанской художественной школы (1899–1904), историко-филологический факультет Казанского университета (1915–1919), кандидат искусствоведения (1938), заслуженный деятель искусств ТАССР (1940).

[2] Петр Евгеньевич Корнилов (1896, Симбирск (ныне – Ульяновск) – 1981, Ленинград (ныне – Санкт-Петербург) – искусствовед, музейный деятель, коллекционер. Учился в Московском межевом институте (1915–1917), на отделении археологии и истории искусств факультета общественных наук Ленинградского университета (1922–1925). Кандидат искусствоведения (1939), профессор (1964).

[3] С 1920 г. – Центральный музей ТАССР (ЦМТР), с 2001 г. – Национальный музей РТ (НМ РТ).

[4] В основе музейного собрания лежала коллекция западноевропейского и русского искусства казанского дворянина А.Ф. Лихачева, переданная в дар городу в 1891 г. и ставшая основой городского музея, открытого в 1895 г.

[5] П.М. Дульский. Лев Крюков (Материалы к истории миниатюры в России). – Казань: Издание автора, 1923; он же. Э.П. Турнерелли: очерк. – Казань, 1924; он же. Карл Вильгельм Барду // Среди коллекционеров. – № 7–10. – 1923. – С. 14–20.

[6] П.М. Дульский. Н. Фешин. – Казань, 1921.

[7] 1-е издание: П.М. Дульский. Современная иллюстрация в детской книге // Труды и протоколы педагогического Общества при Казанском университете. Т. III. – Казань, 1916. – С. 156–188.

[8] Dulski P. «Die Neugestaltung des tatarischen Buches in Kasan» // Gebrauchsgraphik. – 1929. – № 2. – С. 50–55; Dulski P.: «Chez les tartares de Kazan» // La Renaissance. 1929. – № 3.

[9] П.Е. Корнилов. М.П. Коринфский в Арзамасе и Симбирске // Архитектор Михаил Петрович Коринфский. 1788 – 1851: сборник статей. – Казань, 1928. – С. 23–39; там же на с. 6–10 статья П. Дульского «Архитектор Коринфский».

[10] П.Е. Корнилов. А.Н. Ракович (1815 – 1866 гг.). Материалы к словарю казанских художников. – Казань, 1926.

[11] Корнилов П.Е. Кабинет гравюр Казанского музея // Казанский музейный вестник. – 1922. – № 4. – С. 145–171.

[12] Корнилов П.Е. Собрание художественных произведений Казанских мастерских. – Казань, 1927.

[13] Корнилов П.Е. Казанский плакат: Каталог выставки. Центральный музей ТССР. – Казань, 1929.

[14] Корнилов П.Е. Художественные издания Казани за 10 лет (1917–1927 г.г.) // Труды Общества изучения Татарстана. – Казань, 1930. – С. 79–84.

[15] П.Е. Корнилов П.Е. Русский книжный знак: Каталог выставки. Кабинет гравюр Казанского музея. – Казань, 1923.

[16] Графический коллектив «Всадник» – одно из немногих в России начала 1920-х гг. художественных объединений, ставивших перед собой задачу развития гравюры как самостоятельного искусства. В 1920–1924 гг. группа провела 2 выставки, издала более 20 малотиражных изданий, среди которых 4 одноименных графических альманаха, персональные альбомы гравюр, книги с авторскими гравюрами. В состав коллектива входили: И.Н. Плещинский, Н.С. Шикалов, К.К. Чеботарев, А.Г. Платунова, С.С. Федотов и др. [АРХУМАС, 2005, с.13–15].

[17] Корнилов П.Е. Материалы к словарю казанских граверов. Н.С. Шикалов. Казанский государственный художественно-технический институт. – Казань,1923.

[18] П.М. Дульский. Казанские современные графики //Гравюра и книга. – 1925. – № 1–2 . – С. 30 – 44; и др.

[19] «Изучение искусства Средней Азии», 1930; «Узгент и его памятники», 1931.

[20] «Арзамасская школа живописи», 1949; «Офорт в России XVII–XX веков», 1953.

Аннотация

В статье раскрывается роль первых искусствоведов Татарстана советского периода П.М.Дульского и П.Е.Корнилова в становлении и развитии искусствоведения, музееведения, изобразительного искусства, книгоиздания и полиграфии, художественного выставочного процесса в Казани в 1920–1930-е гг. Их многочисленные научные исследования заложили базу для изучения основных направлений изобразительного искусства и архитектуры Казанской губернии и советского Татарстана, выявив приоритетные пласты русского и татарского, профессионального и народного искусства. Их многогранная деятельность превратила Казань в один из ведущих художественных и музейных центров России 1920-х гг.

Ключевые слова: искусствоведение, музееведение, изобразительное искусство, художественные выставки, книгоиздание и полиграфия.

Summary

This article deals with the role of the first critics of Tatarstan of the Soviet period P.M.Dulsky P.E.Kornilov in the development of art history, museum studies, fine arts, publishing and printing, art exhibition process in Kazan in the 1920s and 30s. Their numerous scientific studies laid the foundation for the study of the main directions of the fine arts and architecture of the Kazan province and Soviet Tatarstan, identifying priority strata of Russian and Tatar, professional and folk art. Their multi-sided activities turned Kazan into one of the leading art museums and centers in Russia of the 1920s.

Keywords: art history, museology, art, art exhibitions, book publishing and printing.

УДК 81(091)

В.В. РАДЛОВ – ОСНОВОПОЛОЖНИК РОССИЙСКОЙ ТЮРКОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

***Ф.Ю. Юсупов**, доктор филологических наук, профессор*

Люди уходят, но созданное ими остается, а то, что сделано В.В. Радловым за его долгую жизнь, так велико, что память о нем будет свято храниться.

С.Ф. Ольденбург

XIX в. ознаменовался важными событиями в истории татароведения: были изданы первая «Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованная» (СПб., 1801) и его же «Грамматика турецкого и арабского языков» (СПб., 1804). Затем за названной грамматикой последовали другие учебные пособия по татарскому языку, составителями которых были Н.Б. Атнометов, И. Хальфин, А. Троянский.

Начинается преподавание тюркских языков в Казанском университете (с 1812 г. – Ибрагим Хальфин, с 1826 г. – А.К. Казембек). Появляется ряд учебных пособий по тюркским языкам, среди которых особое место занимает «Грамматика турецко-татарского языка» А.К. Казембека (Казань, 1839, 1846), которая стала основным учебником по изучению турецкого и татарского языков как в России, так и в европейских университетах[1].

В 60-х гг. XIX в. начинается научно-исследовательская деятельность всемирно известного тюрколога Василия Васильевича Радлова. Несмотря на то, что каждый из таких ученых, как Н.Ф. Катанов, И.Н. Березин, О.Н. Бётлингк, Н.И. Ашмарин и др., внес ощутимый вклад в дело становления и развития русской тюркологии, эпоха, в которой протекала их научная деятельность, была названа радловской эпохой в истории мировой тюркологии.

В.В. Радлов в течение своей шестидесятилетней научной деятельности охватил все области тюркологии: диалектографию и диалектологию, лексикографию и лексикологию, сравнительную и историческую фонетику и грамматику тюркских языков, текстологию и издание тюркской письменности на руническом, уйгурском, арабском алфавитах, тюркский фольклор, этнографию, историю, археологию.

Изучению творческого наследия В.В. Радлова в тюркологической литературе посвящено большое количество научных статей и биографических очерков, дающих представление о той или иной стороне его многогранного творчества, о различных периодах жизни и деятельности, в то же время, как это ни странно, жизнь замечательного тюрколога до сих пор осталась почти совершенно неизвестной.

В.В. Радлов родился в 1837 г. в Берлине. После окончания гимназии в 1854 г. поступил на философский факультет Берлинского университета. Первоначально увлекался теологией, но вскоре заинтересовался сравнительно-историческим языкознанием.

В то время в Галле лекции читал Август Потт, выдающийся ученый в обла-

сти сравнительного языкознания, фонетики, основоположник научной этимологии. Молодой студент Радлов без колебаний уезжает туда, чтобы в течение двух семестров слушать лекции этого ученого, оказавшиеся столь полезными для последующих научных изысканий Радлова. Вернувшись в Берлин, он продолжает углубленные занятия по филологии. Немалую роль в формировании его последующих научных взглядов сыграл преподававший тогда в Берлинском университете прославленный географ и историк Карл Риттер. Но особое влияние на развитие научных интересов Радлова и желание посвятить себя ориенталистике оказал В. Шотт, у которого он занимался многими восточными языками – монгольским, татарским, маньчжурским, китайским и т.д., новейшими теориями и проблемами урало-алтаистики[2]. Но если под влиянием занятий у Шотта Радлов решил стать ориенталистом, то концепции К. Риттера в значительной мере повлияли на формирование его исторических и этнографических взглядов.

Интерес к малоизвестным в ту пору народам азиатской части России возник у Радлова еще в студенческие годы, когда обнаружилось стремление к исследованиям в области сравнительного языкознания. Еще студентом он изучил одну из классических работ О. Бётлингка по тюркологии «Грамматика якутского языка». Эта книга произвела на него глубокое впечатление.

Постепенно у Радлова складывается твердое решение посвятить себя изучению языков, истории и культуры народов тюркского Востока. Но для этого необходимо было поехать в Россию, т.к. в 1854 г. в Петербургском университете был организован восточный факультет, где и работал О. Бётлингк. И именно там снаряжались научные экспедиции по изучению Востока.

Приехав летом 1858 г. в Петербург с рекомендательным письмом Шотта, Радлов для получения прочных и глубоких знаний по языкам собирался поступить на восточный факультет, но затем отказался от своего намерения и приступил к самостоятельным занятиям в библиотеке Азиатского музея. Радлов ищет возможности непосредственного общения с носителями тюркских языков. Именно с этой целью он пытается попасть в экспедицию Русского географического общества, во главе которой стоял Ф.Б. Шмидт, и отправиться в Амурский край для изучения тунгусских народов. Однако по неизвестным причинам Радлову не удается принять участие в этой экспедиции.

Тогда П.К. Мейендорф, бывший посол России в Берлине, предлагает ему место учителя немецкого и латинского языков в Барнаульском горном училище. Это позволило бы Радлову изучать языки Алтая непосредственно в языковой среде. 11 мая 1859 г. он принял присягу на верность и подданство России, и с этого дня *Фридрих Вильгельм Радлов* стал *Василием Васильевичем Радловым*. 14 мая 1859 г. он получил официальное назначение в Барнаул. При этом Радловым было поставлено непременное условие, чтобы во время летних отпусков он мог совершать экспедиционные поездки по Алтайскому краю. Для этих целей ему были обещаны правительственные субсидии в течение пяти лет. Он без колебаний принимает это предложение и, сдав необходимый экзамен на звание учителя гимназии, отправляется в Барнаул.

Крупные академические экспедиции XVIII в., экспедиции Русского Географического общества, образованного в 1845 г., фактически создали первую этнографическую карту азиатской части России, на которой ко времени приезда В.В. Радлова в Барнаул обширные области Южной Сибири оставались еще белым пятном.

Приехав на Алтай, Радлов почти сразу же намечает для себя план решения лингвистических и этнографических задач, включающий изучение языков местного тюркоязычного населения, собирание образцов его фольклора, знакомство с бытом местного населения, с памятниками истории края. Он счел не-

обходимым изучить живую тюркскую речь, и вскоре при содействии местного губернатора один из алтайских зайсанов (местных администраторов) присылает ему прекрасного знатока алтайского языка Якова Тонжана, которого будущий великий тюрколог считает своим учителем. Радлов начал целеустремленное изучение местных тюркских языков, фольклора и истории. Днем он преподавал в окружном горном училище, а по вечерам занимался с информантом. В течение зимы 1860–1861 г. он достаточно продвинулся в освоении разговорной речи и уже мог общаться с местными жителями во время ежегодных летних поездок.

Первое путешествие на Алтай Радлов совершает уже летом 1860 г., взяв с собой молодую жену, только что приехавшую к нему из Берлина, и алтайца Якова Тонжана.

В последующие годы В.В. Радлов уделяет большое внимание исследованию не только алтайцев, но и живших на сопредельных с Алтаем территориях тюркоязычных народов Южной Сибири, Средней и Центральной Азии.

Научные результаты своих путешествий Радлов начал публиковать еще во время пребывания на Алтае. В 1861–1863 гг. на немецком языке были изданы его «Письма из Алтая», в 1863–1864 гг. он публикует свои «Наблюдения над киргизами» (казахами. – Ф.Ю.). Вскоре увидели свет написанные по-немецки статьи В.В. Радлова «Путешествие через Алтай к Телецкому озеру и Абакану» (1865), «Долина Тли в Центральной Азии и ее жители», «Этнографический обзор тюркских племен Сибири и Монголии» (1883).

Среди этнографических вопросов В.В. Радлов особое внимание уделял выявлению родового состава тюркских народностей, так как считал, вслед за Кастреном, что изучение родового состава того или иного народа может служить важнейшим источником для выяснения его происхождения.

В результате этих исследований В.В. Радловым была опубликована великолепная сводка (В.В. Радлов. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии (1883[2]; Иркутск. 1929), посвященная этническому составу тюркских племен Сибири и Монголии. Эта работа В.В. Радлова, сравнительно небольшая по объему, содержащая исключительно ценные выводы по этногенезу тюркских народов, явилась крупным событием в тюркологии и этнографии. В ней были приведены новые сведения по обширной группе тюркских народов от тофаларов в Сибири до узбеков в Средней Азии.

О барабинских, тарских, тюменских и тобольских татарах В.В. Радлов пишет, что все эти тюркские племена – близкие родственники алтайских телеутов, только их язык претерпел некоторые изменения под влиянием тюрков Средней Азии. «Татары, которые проживают на среднем Иртыше и его притоках, Таре, Тоболе, Ишиме, представляют смешанный народ из сибирских татар с пришельцами из Средней Азии и Восточной России. В соответствии с их происхождением, их язык представляет комплекс особенностей и наречей...Все эти этнические группы – близкие родственники алтайских телеутов»[3].

Всего за период своего пребывания на Алтае Радлов совершил десять ежегодных поездок к алтайцам, телеутам, шорцам, кумандинцам, тувинцам, казахам, киргизам, абаканским татарам (хакасам), западно-сибирским татарам, китайцам. Кроме того, с 1866 г. он начал публиковать результаты своих исследований. В этом же году вышел первый том его знаменитого труда «Образцы народной литературы тюркских племен...», второй том вышел в 1868 г., а третий — в 1878 г. В.В. Радлов много лет посвятил собиранию образцов народной поэзии алтайцев, барабинских, тюменских, тобольских татар, казахов, киргизов, уйгуров, крымских татар и других тюркоязычных народов России. Его фундаментальные труды «Aus Sibirien» и «Образцы народной литературы тюркских племен...» имеют осно-

вополагающее значение для исследований тюркского фольклора.

К концу алтайского периода научной деятельности В.В. Радлова выходят из печати четыре тома «Образцов народной литературы тюркских племен...». В «Образцах...» и некоторых других работах В.В. Радлова содержится материал, по которому можно воссоздать структурный и жанровый состав тюркского фольклора.

Материалы по тюркской народной литературе увидели свет в десятитомном издании «Образцы народной литературы тюркских племен...» (СПб., 1866–1907); первые семь томов собраны Радловым, материалы трех последних томов – Куношом, Катановым, Мошковым), которые, по выражению А.Н. Самойловича, «являются первой серией капитальных трудов Радлова по возведению фундамента тюркологии[4]».

К концу алтайского периода для В.В. Радлова наступила пора синтеза накопленного материала. Многочисленные и разнообразные материалы, собранные им во время почти двадцатилетнего пребывания на Алтае, позднее были систематизированы, изучены и изданы.

Так, в третьем томе «Образцов...» фольклорист находит записанные и опубликованные В.В. Радловым тексты казахского фольклора: пословицы и поговорки, благопожелания, свадебные песни, состязательные песни, эпические сказания «Ер Саин», «Ер Таргын», «Козы Корпеш и Баян Сулу», «Едиге»...

Особо хочется отметить публикацию В.В. Радлова «Козы Корпес и Баян Сулу». Это высокопоэтическое народное сказание получило весьма широкое распространение среди тюркоязычных народов: «Козы-Корпеш и Баян Сулу» – у ичкинских, сафакульских тобольских, барабинских татар, казахов, «Козын Эркеш» – у алтайцев, «Куз-Курпяч» у башкир, «Бозы Корпеш» – у уйгуров.

Разумеется, это сказание у разных народов имеет свои отличия и в сюжете, и в трактовке образов персонажей, и в лексическом оформлении. Однако ведущие мотивы при этом являются общими, традиционными.

Изучение и дальнейшие поиски вариантов «Козы-Корпеш и Баян Сулу» у татар и других тюркских народов продолжались и после издания «Образцов...». До последнего времени, например, татарским фольклористам удается находить все новые и новые варианты и версии этого сказания.

Опубликованный В.В. Радловым вариант «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» при его сопоставлении с вариантами других соседних тюркских народов позволяет выдвинуть ряд предположений об их исходной сказочной основе[5].

IV том «Образцов...» вбирает в себя 121 произведение устного народного творчества, записанное непосредственно в местах проживания указанных групп татар: по современной классификации 41 сказка, 29 песен и баитов, которые составляют 680 поэтических строк, 23 предания и родословных, 16 дастанов и отрывки из этих исчезающих уже в те времена уникального жанра тюркского фольклора. Впервые им отмечено бытование среди сибирских татар дастанов и близких к ним лиро-эпосабаитов[6]. В.В. Радлову удается записать также один из многочисленных вариантов дастана «Идегей», общих для многих тюркских языков из уст сказителей, живущих в барабинских степях, считавшейся колыбелью для многих тюркских народов, в котором дается яркое представление об исторических личностях Золотой Орды конца XIV – начала XV века: Идегее, Тамерлане, Токтомыше. Многие тюркские народы благодарны Радлову за то, что именно благодаря записям, сделанным им в то время стали известны уникальные образцы древнетюркского эпоса «Ак күбек», «Межек Алып», «Йертөшлек» и др. Общетюркскими можно счтатаь также «Кузы Курпя и Баян Сылу», «Камбар», «Тахир-Зухра», «Бүз егет». Варианты этих произведений устного народного творчества сибирских татар сохранились также и у других соседних тюркских народов, в

частности, у алтайцев, якутов, ногайцев, хакасов.

Особое место среди произведений устного народного творчества сибирских татар занимают песни. Из 29 песен 10 («Атулы батыр», «Кучум», «Сәет», «Ак бога», «Әбел Касым») являются историческими, 8 – любовными, а также бытовыми лирическими песнями, 5 названы В.В. Радловым баитами и т.д. В лирических песнях повествуется о любви к девушке, к молодой жене, к девушке из другого рода или народа (из иштяков). Само слово «песня» В.В. Радлов применяет так, как оно употребляется у сибирских татар «йыр». Это характерные для всех тюрков четверостишия (такмак) – строфы, связанные между собой не столько сюжетом, сколько мелодией.

Фольклористами Татарстана в 1967–1974 гг. были предприняты специальные экспедиции в те аулы и селения, где в свое время В.В. Радлов осуществил записи произведений. Они не застали многих деревень, расположенных в Барабинской степи, которые указаны у В.В. Радлова лишь по названию рек и озер. К сожалению, как показывают материалы экспедиций, проведенных татарскими фольклористами через сто лет по маршруту В.В. Радлова, ни одно из произведений, записанных гениальным исследователем, не сохранилось даже в вариантах, в самом лучшем случае лишь незначительные отрывки из них, и они не являются идентичными вариантам, зафиксированным В.В. Радловым. Тем не менее, как отмечает известный татарский фольклорист Ф.В. Ахметова-Урманче, образцы устного народного творчества, опубликованные в IV томе «Образцов...» дают ценнейший материал не только для изучения развития и угасания фольклора, но и для изучения быта, языка, культуры сибирских татар[7].

Несмотря на некоторые неточности «Образцов...» В.В. Радлова, данный труд не только в прошлом столетии, но и в наши дни остается одним из важных источников изучения тюркских языков и фольклора.

Важную роль играют «Образцы...» и в изучении младописьменных тюркских языков, не имеющих или же имеющих в совершенно незначительном количестве письменные памятники, способные служить фактическим материалом для лингвистических исследований в диахроническом плане, которые составили «целую энциклопедию» совершенно новых данных по тюркской лингвистике, этнографии, географии и археологии Западной Сибири[8].

Помимо исследований языка и фольклора В. В. Радлов занимался также археологическими раскопками на Алтае, в Барабинской и Киргизской степях, Минусинской котловине, различных районах Средней Азии. С 1863 г. по 1869 г. при его участии было раскопано около 150 курганов.

Именно на Алтае В.В. Радлов сформировался как тюрколог, глубоко интересовавшийся диалектологией, лексикографией, лексикологией, сравнительной и исторической фонетикой, грамматикой тюркских языков, этнографией и археологией, фольклором и историей народов Алтая и Западной Сибири.

К концу алтайского периода для В.В. Радлова наступила пора синтеза накопленного материала. Многочисленные и разнообразные материалы, собранные им во время почти двадцатилетнего пребывания на Алтае, позднее были систематизированы и изданы.

В 1871 г. В.В. Радлов отправляется в Санкт-Петербург для выяснения своей дальнейшей судьбы в Барнауле, а также продления контракта по продолжению дальнейших научных экспедиций.

Остановившись по пути в Казани, он неожиданно для себя, при содействии известного востоковеда и инспектора русских школ для крещеных татар профессора духовной академии Н.И. Ильминского, получил приглашение занять место инспектора татарских, башкирских, киргизских мусульманских школ. В.В. Радлов был уверен, что в Казани продолжит свои научные изыскания, сумеет ближе познакомиться

с языком и особенностями быта казанских татар и других народов Поволжья.

Зимой 1872 г. происходит официальное назначение В.В. Радлова инспектором татарских, башкирских, киргизских школ Казанского учебного округа.

Получив официальное разрешение, В.В. Радлов выезжает в крупные центры Западной Европы, активно готовится к своей будущей педагогической деятельности: посещает школы, беседует с педагогами, изучает методы преподавания, учебники и учебные пособия.

До этого времени не существовало русско-инородческих школ для некрещеных татар. В Санкт-Петербурге и Казани В.В. Радлов сталкивается с бездействием и неоказанием содействия в просвещении инородцев. Противодействие оказывало и мусульманское население: не хотели отдавать своих детей в школу из-за боязни обращения учеников в православие. Поэтому изначально Радлову пришлось начинать дело без школ, учителей и учеников.

Он понимал, что в первую очередь нужны педагоги, которые смогли бы взять в свои руки дело обучения детей татар-мусульман. Согласно «Положению» татарские учительские школы «имели целью подготовку сведущих и опытных учителей в начальные училища татар». Первая из школ в г. Уфе должна была готовить педагогов для Казанского учебного округа, вторая – создавалась в г. Симферополе в Одесском учебном округе в центре компактного проживания крымских татар. Несколько позднее, в 1876 г., была открыта аналогичная школа в Казани[9]. Создаваемые школы причислялись к средним учебным заведениям с четырехлетним сроком обучения и пользовались правами, аналогичными прогимназии. Выпускники данных образовательных учреждений могли приниматься в очередной класс гимназии без вступительных экзаменов. Лица, успешно окончившие школу, становились учителями начальных татарских училищ и должны были отработать в этой должности не менее шести лет.

Сначала В.В. Радлов решил для подготовки кадров создать учительский коллектив. Для привлечения симпатий местного населения требовались учителя из татар. Но нашелся только один человек, который был некогда помощником муллы, он и был принят как классный наставник. Затем удалось найти еще троих, которые в будущем стали известными татарскими просветителями: Абдул (Габдел) Каюмов, Ахмаров, Терегулов. Л. Штернберг приводит следующие сведения о каждом из них.

Абдул Каюмов, известный издатель татарской книги и составитель русско-татарских календарей[10].

Ш. Ахмеров (его полное имя Шабгаз-Гарей Измайлович Ахмеров) родился в семье обер-офицера в 1852 г. Учился в 1-й Казанской гимназии, в 1873–1878 гг. – действительный студент историко-филологического факультета, с 1878 г. – учитель русского языка Казанской татарской учительской школы, впоследствии – инспектор Татарской учительской школы.

И. Терегулов, ветеринарный врач, преподавал в Татарской учительской школе естественные науки. Возможно, его полное имя Ибрагим Валиуллович Терегулов, обучавшийся в Казанском университете в 1878–1879 и 1887 гг.[11] учитель естествознания, педагогики.

Первым инспектором Татарской учительской школы В. Радлов назначает преподавателя татарского языка Гали Махмудова, сам руководит учебным отделом. Для работы в Татарской учительской школе В.В. Радлов привлекает почти весь интеллектуальный потенциал города Казани того времени.

Ш. Марджани – известный татарский историк, религиозный деятель, вел занятия по исламу. Каюм Насыйров – известный татарский просветитель, читал лекции по методике преподавания и вел педагогическую практику студентов. Кроме того, в школе работали ученые Казанского университета П.Ф. Ломоносов, Л.М. Любимов, П.В. Траубенберг, С.А. Волберг, Д.Н. Адо, М. Г. Лексин, В.А. Богоро-

дицкий, М.А. Васильев, А.Н. Анастасиев и другие.

Школа привлекала татарскую молодежь еще и тем, что давала льготы по военной службе.

В.В. Радлов для приобщения к «европейским знаниям» использует западную методику обучения.

Большую трудность создавало и то, что специально для мусульманских школ совершенно не были подготовлены ни учебники, ни программы, ни учебные пособия. В связи с этим с 1872 г. по 1879 г. В.В. Радлов подготовил и издал в Казани три отвечающих требованиям своего времени учебника для мусульманских школ.

«Билик» («Знание») – первое пособие, составленное для младших школьников, вышло в типографии Казанского университета в 1872 г. и состояло из 6 разделов: нравоучительные рассказы, рассказы о фауне, флоре и минералах, притчи, статьи по естествознанию, астрономии, географии, русской истории. В последний раздел включены рассказы об Ольге, Олеге, Ярославе, Владимире Мономахе, об основании Москвы, Иване Грозном, Борисе Годунове, Минине и Пожарском, Иване Сусанине, о Петре I и Екатерине II. Это пособие ставит своей целью научить школьников читать, писать и говорить на татарском литературном языке. Кроме того, оно нацелено дать детям религиозно-нравственное воспитание. Несмотря на эти положительные стороны учебника, из-за страха влияния христианства, татарские медресе отказались использовать его в учебном процессе. Известный татарский поэт Габдулла Тукай при составлении пособия «Уроки национальной литературы в школах» (Казань, 1910) широко использовал положительный опыт В.В. Радлова по составлению учебных пособий для национальных школ. По его примеру, поэт в свой учебник включает рассказы о выдающихся личностях татарского народа, об истории Казанского ханства, Иване Грозном, кончине последней царицы Сююмбике и т.д.

Вторая книга В.В. Радлова «Хисаблык» представляет собой курс арифметики, третья – «Грамматика русского языка, составленная для татар Восточной России». Она издана в Казанской типографии в 1873 г. О качестве и особенностях данных учебников Н. Ильминский писал следующее: «книги ... написаны на татарском языке, чисто народном, лишь с незначительной прибавкой некоторых арабских слов, сделавшихся уже общеизвестными для всех магометан благодаря широко распространенной в народе магометанской грамотности, и притом с правильною орфографией, а не по местному народному произношению; алфавит открыл этим книгам доступ во все магометанские селения не только ближайших к Казани губерний, но и отдаленных местностей Сибири; им предстоит обширный круг читателей»[12]. Наряду с созданием учебников, В.В. Радлов, чтоб привлечь симпатии мусульман, всеми силами старался придать Учительской школе строго религиозный характер. Для поступающих в школу был строго установлен экзамен по мусульманскому богословию. На это Министерство народного просвещения заявило, что «вступительные экзамены по богословию временная мера и что правительство никакого значения не придает мусульманскому знанию»[13].

Казанская татарская учительская школа с 1876 г. по 1917 г., за 41 год своего существования, подготовила более 600 учителей русского языка. Ее выпускники успешно трудились во многих отраслях народного хозяйства Казанской губернии и Татарской автономной республики. Среди них известные профессора Музаффар Муштари, Хамид Муштари, Гилем Камай, Фатих Мухаммадияров, известные татарские языковеды Мухутдин Курбангалиев, Мухаметхан Фазлуллин, Гыйбад Алпаров; Гаяз Исхаки, классик татарской литературы; Гафур Кулахметов; первый татарский пролетарский писатель Хусаин Ямашев; известный татарский журналист Галимзян Сайфутдинов, орга-

низатор татарской пролетарской газеты «Урал»; Мансур Музаффаров, известный татарский композитор; Карим Хакимов, дипломат, и многие другие видные деятели Татарстана.

Вместе с подготовкой кадров для школ В.В. Радлов первым в истории татарского народа пытался открыть женские учебные заведения, однако столкнулся с большими трудностями: невозможно было найти ни учительницы, ни здания для школ. Лишь спустя 4 года Радлов, наконец, нашел учительницу, которая согласилась открыть школу в своем доме. Пришло 7 учениц из бедной среды. Но министерство решило, что ради 7 татарских девиц не стоит тратиться на школу, и, таким образом, первый опыт женского образования среди татар потерпел неудачу. Однако именно благодаря работе В.В. Радлова был сделан важный шаг в развитии татарского просвещения: впервые была заложена основа женского образования.

В год переселения Радлова в Казань (1872) в свет вышел IV том «Образцов...» (наречия барабинских, тобольских, тюменских татар), но этот труд был закончен в Барнауле и до 1882 г., кроме некоторых выше приведенных учебников для татар, не было опубликовано ни одной работы.

В.В. Радлов два года изучал новые направления в философии позитивизма, занимался изучением тюркских языков Поволжья.

В течение всего казанского периода В.В. Радлов изучал тюркские языки Поволжья, участвовал в деятельности Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Казанском университете.

В Казани В.В. Радлов увлекается общей лингвистикой. Его деятельность, а также собранные на Алтае материалы подтолкнули его на поиски закономерностей развития тюркских языков. Именно в эти годы в Казанском университете преподавал и руководил теоретическим кружком языковедов выдающийся И.А. Бодуэн де Куртенэ. Активным участником этого кружка, ставшего основой для казанской лингвистической школы, был и В.В. Радлов, что сыграло важную роль в его дальнейшей деятельности. После того как И.А. Бодуэн де Куртенэ в 1883 г. перевелся в Дерптский университет (г. Тарту), казанским лингвистическим кружком наряду с Н.В. Крушевским, В.А. Богородицким руководил и В.В. Радлов. Влияние Бодуэна де Куртенэ и его школы на В.В. Радлова несомненно. Как известно, Бодуэн де Куртенэ и его окружение казанских младограмматистов придавали большое значение исследованию живых языков. Бодуэн де Куртенэ писал следующее по этому поводу: «Только лингвист, изучивши всесторонне живой язык, может позволять себе делать предположение об особенностях языков умерших. Изучение языков живых должно предшествовать исследованию языков исчезнувших» (Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М., 1963). Эти идеи импонировали В.В. Радлову и побуждали его к деятельности в духе Казанского кружка.

Первые обобщающие работы по ранее собранному материалу были написаны им именно в казанский период. Наличие в распоряжении В.В. Радлова огромного фактического материала почти по всем тюркским языкам позволило ему перейти к синтетическому обобщению своих наблюдений над фонетическим, грамматическим строем тюркских языков. Участие в работе лингвистического кружка, знакомство с трудами и теоретическими рассуждениями членов этого кружка, увлечение вопросами общего языкознания, споры по разным вопросам теории языка и побудили В.В. Радлова ускорить обобщение собранного лингвистического материала. Под большим влиянием казанских лингвистов был написан знаменитый труд В.В. Радлова, опубликованный в Лейпциге на немецком языке «Фонетика северных тюркских наречий» (Ч. I. Лейпциг, 1982), а в следующем году вышла вторая часть. В.В. Радлов рассматривает свою работу как про-

должение известного труда О. Бётлингка. Многие современники эту книгу В. Радлова называли трудом эпохальным. В строго продуманном порядке он дает изложение вокальной и консонантной систем более двадцати тюркских языков по материалам, большая часть которых добыта им самим. Центральное место в системе вокализма В.В. Радлов отводит гармонии гласных[14]. Вот что сказал его современник Л. Штернберг по поводу издания этой книги: «Труд этот первый и единственный пока в науке опыт статистики и динамики тюркской фонетики...вызвал самые сочувственные отзывы таких авторитетов, как Мейшер, Габленц, Техмер, Бодуэн де Куртенэ[15]...».

Касаясь генезиса гармонии гласных в тюркских языках, В.В. Радлов вслед за Бодуэном де Куртенэ развивает мысль о морфологическом пути ее развития. В вопросе о количественной характеристике гласных он высказал мнение в противовес О. Бётлингку об отсутствии в тюркских языках первичных долгих гласных. В разделе, посвященном тюркскому консонантизму, В.В. Радлов впервые высказал свои соображения относительно консонантизма древнеуйгурского языка, положив в его основу «алтайскую» (или южносибирскую) систему согласных. Впоследствии эту систему он применил для транскрипции «Кутадгу билиг».

Если в «Фонетике северных тюркских наречий» нет даже намека на понятие фонемы, то в работе «Die Lautalternation und ihre Bedeutung fűr die Sprachentwickelung, belegt durch Beispiele aus den Tűrksprachen» В.В. Радлов подошел очень близко к пониманию фонемы. Дух и идейное устремление казанской школы нашли в этой статье наиболее полное воплощение. В.В. Радлов упоминает в ней «языковедческий» кружок под эгидой Бодуэна де Куртенэ и работу Н.В. Крушевского «Über die Lautanwechselung (Казань, 1881). Работа Н.В. Крушевского явилась образцом, которому В.В. Радлов в общих чертах следовал. «Перед языкознанием, – пишет он, – стоит задача исследовать человеческий язык с его действующими силами и найти законы, которые управляют языковыми явлениями. Это возможно тогда, когда исходят из разговорного языка. Только исследование живых языков в их тончайших диалектальных нюансах и различиях, которые мы в состоянии наблюдать в речи отдельных индивидуумов, позволяют нам дать картину того, как общенародный язык... развивается» (W. Radloff. Die Lautalternation und ihre Bedeutung fűr die Sprachentwickelung, belegt durch Beispiele aus den Tűrksprachen»[16]. По его словам, изменение звуков в каждом языке происходит постепенно, но непрестанно. Причинами непроизвольных звуковых перемен, по Радлову, являются: 1) комбинаторные условия, 2) позиционные условия, 3) ударение. Эти условия, по утверждению представителей казанской лингвистической школы, соответствуют понятию «реализация фонем». В результате «комбинаторных перемен» наступают чередования, которые В.В. Радлов вслед за Бодуэном де Куртенэ называет дивергенцией, а чередующиеся слова – дивергентами: ак-агар, йап –йабыл и т.д[17]. Те чередования, которые нельзя объяснить ни физическими причинами, ни комбинаторными условиями, В.В. Радлов, как и Н. В. Крушевский, называет корреляцией, а чередующиеся звуки – коррелянтами: начальное *й-ж* в татарских диалектах. Здесь наметился подход к пониманию фонемы, идущей также от Бодуэна де Куртенэ, который позитивную функцию фонем ставил выше смыслоразличительной.

Для истории татарского языка является небезынтересным объяснение природы соответствия *ä-i*. В.В. Радлов обосновывает невозможность данного соответствия в языке с гомогенной системой: в разговорном языке колебания *ä-i* возможны у одного и того же лица, если оно владеет не только одним, но и другим диалектом; в случае письменного языка колебания *ä-i* объясняются или влиянием литературного языка, или воздействием языка переписчи-

ка, или неустойчивостью орфографии адаптированной письменности (орхонские памятники), в остальных случаях *ä-i* не имеет места[18].

В истории тюркологии «Фонетика северных тюркских наречий» В.В. Радлова всегда будет определяться как первая попытка, первый значительный шаг в сравнительном изучении тюркских языков в плане сравнительного изучения фонетических явлений.

В казанский период была написана В.В. Радловым работа «О языке куманов...» В ней рассматриваются основные вопросы фонетики кипчакского языка по памятнику «Codex Cumanicus». Она явилась первым начинанием ученого в исследовании древних письменных памятников тюркоязычных народов. В дальнейшем язык этих памятников станет одним из основных предметов его научных изысканий.

Радлов анализирует гласные исследуемого текста с учетом возможных искажений текста, обусловленных особенностями вокализма. Это позволяет ему выделить в куманском языке классическую для тюркских языков гласную систему, свойственную многим тюркским языкам: гласные заднего ряда: а, о, ы, у; гласные переднего ряда: ä, ö, i, e. В результате исследований он приходит к заключению, что этот язык ближе всего к волжским наречиям, в особенности к наречию мишарей.

Последней работой казанского периода В.В. Радлова принято считать «Aus Sibirien», в которой резюмируются материалы по археологии, истории и этнографии, собранные во время путешествий по Южной Сибири, Восточному Казахстану, Алтаю и т.д. Значительное место в «Aus Sibirien» и других трудах В.В. Радлова отведено этногенетическим процессам, относящимся к сложению тюркоязычных народов Южной Сибири. В частности, в ней с большей полнотой приведены материалы по западносибирским татарам, но исключен раздел о других татарских группах европейской части России и Крыма. Опущены краткие данные о казанских татарах и башкирах, включавшие главным образом сведения о численности и расселении. Внесены и некоторые другие частные изменения[19].

Этот труд Радлова выходит в свет в Германии в 1884 г. на немецком языке в двух томах под общим названием «Из Сибири».

В конце 1884 г. Н.И. Ильминский, член-корреспондент Императорской Академии наук с 1870 г., получил приглашение баллотироваться в академики Императорской Академии наук, но отказался по личным обстоятельствам и рекомендовал вместо себя кандидатуру В.В. Радлова. Не исключено, что одним из мотивов Ильминского, консерватора и сторонника Победоносцева, было недовольство растущим влиянием Радлова в Казани. Академия согласилась[20] с этим предложением, и 7 ноября 1884 г. В.В. Радлов был избран ординарным академиком Императорской Академии наук по части истории и древностей азиатских народов.

В Петербурге В.В. Радлов интенсивно ведет дальнейшие исследования тюркских языков и культур, издает более 50 работ по различным областям тюркологии, продолжает заниматься научными поездками и экспедициями. В 1886 г. В.В. Радлов совершил поездку в Крым с целью изучения языка крымских татар, в 1887 г. – в Литву и Волынь для изучения языка караимов. Он продолжает тщательно систематизировать многочисленные лингвистические и фольклорные материалы, собранные на Алтае, уделяя особое внимание сравнительной фонетике и грамматике тюркских языков, лексикологии, лексикографии, диалектологии, а также изучению и публикации памятников тюркской письменности[21].

К петербургскому периоду В. Радлова относятся также такие работы, как «К истории тюркской системы гласных», «Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам».

В первой работе обосновывается положение о классической восьмичленной системе тюркского вокализма и его

основных особенностях. В работе, посвященной якутскому языку, В. Радлов пытается определить его происхождение. В результате был выявлен смешанный характер якутского языка, т.е. в историческом развитии этого языка немаловажную роль сыграли монгольские и тюркские языки Сибири.

В Петербурге В.В. Радлов продолжает работу по составлению словаря тюркских языков. «Приступив в 1859 году к исследованию тюркских наречий собственного Алтая, – писал В.В. Радлов в предисловии к «Опыту словаря...», – я с самого начала стал собирать не только произведения народного творчества, но и, по возможности, объемистый лексический материал, который позднее был дополнен материалами, извлеченными из различных тюркских словарей. Так возник знаменитый «Опыт словаря тюркских наречий» (СПб., 1893–1911).

«Опыт словаря...» был задуман как часть одного общего исследования по сравнительному изучению тюркских языков, которое по замыслу автора должно было состоять из трех частей: текстов словаря и сравнительной грамматики. Из задуманных трех частей осталась не завершенной только третья – грамматика. Благодаря целенаправленности всей работы в словаре нашли свое воплощение морфологические, фонетические и прочие взгляды и идеи В.В. Радлова[22].

Как известно, в результате своих путешествий В.В. Радлов накопил большое количество материала, в том числе по лексике тюркских языков. Он постоянно пополнял и совершенствовал словарный запас сначала в Барнауле, затем в Казани и Петербурге. Первый список слов, куда в основном вошел материал диалектов алтайского языка, был составлен В.В. Радловым в 1859–1860 гг. Позднее этот материал был дополнен лексикой киргизского и казахского, хакасского и уйгурского языков и в 1864 г. был представлен в первом варианте вместе с первым томом «Образцов народной литературы тюркских племен...». В нем был использован материал примерно сорока тюркских языков и наречий, а также богатый материал древних письменных памятников, который был собран В.В. Радловым.

Радлов начал подготовку к изданию словаря. В первоначальную редакцию рукописи словаря внес некоторую корректуру академик А. Шифнер. Затем были включены новые слова – материалы, собранные Н. Ильминским, алтайскими миссионерами и взятые из словаря И. Гиганова. Впоследствии в словарь вошли слова из тюркских языков Поволжья, словарей А. Троянского («Словарь российско-татарский»), «Алтайской грамматики», «Джагатайских этюдов» Г. Вамбери, «Сравнительного словаря» Л. Будагова и «Турецко-арабско-персидского словаря» Ценкера. В результате трехкратной редакции первый том «Опыта словаря тюркских наречий» был издан только в 1888 г., последний, четвертый том, в 1911 г.

Высокую оценку словарю дали современники В.В. Радлова – Н. Катанов, А. Самойлович и другие. Теперь большинство современных национальных словарей составляются с учетом словаря этого выдающегося тюрколога.

Словарь также содержит ценный материал для изучения особенностей развития тюркской лексики. Именно такая значимость словаря обусловила его переиздание в 1963 г. в СССР.

На основе русской академической транскрипции В.В. Радловым была выработана особая система транскрипции, которая включает в себя 17 знаков для гласных и 34 знака для согласных звуков. Кроме того, введены специальные знаки для обозначения долготы, краткости (или беглости), пропуска гласного, зияния, полного закрытия голосовой щели между двумя согласными. Это давало возможность В.В. Радлову отразить основные произносительные варианты фонем в отдельных языках. Указанная система транскрипции позволяла отразить фонетические, графические, диахронические и прочие варианты этимологически тождественных слов в разных языках, наречиях и диалектах[23].

Большие исследования провел В.В. Радлов и в области памятников древнетюркской письменности.

В 1889 г. действительный член Русского географического общества Н. Ядринцев в долине реки Орхон, на территории Монголии, обнаружил большие надгробные каменные плиты с таинственными надписями.

В 1890 г. по следам русского ученого в Монголию отправляется финская археологическая экспедиция. После этого в 1891 г. Российская Академия наук отправляет на Орхон экспедицию под руководством академика В.В. Радлова. Результаты русской и финской экспедиций дали возможность ученым всего мира попытаться расшифровать эти таинственные надписи. С этого же года под редакцией В.В. Радлова начинает выходить «Атлас древностей Монголии», включающий в себя описание и репродукции большого количества орхонских и енисейских надписей. Вскоре появляются три выпуска «Древнетюркских надписей Монголии», содержащие описание и объяснение знаков рунического алфавита, текст, транскрипцию и перевод надписей в честь Кюль-Тегина[24]. В комментариях к изданиям надписей он предлагает возможные варианты чтения и перевода отдельных слов и фраз, приводит доказательства предпочтительного толкования текста.

В.В. Радлов подчеркивал наличие значительного расхождения между енисейским и орхонским алфавитами и, исходя из этого, а также принимая во внимание отсутствие на территории между рекой Хануй и хребтом Тану-Ола каких-либо рунических надписей, делал вывод о параллельном и независимом друг от друга развитии названных алфавитов[25].

К расшифровке надписей в честь Куль-Тегина приступили В.В. Радлов и датский ученый В. Томсен. В.В. Радлов расшифровал 11 знаков из таинственных надписей, а В.Томсен нашел ключ ко всему алфавиту. Это произошло 26 ноября 1893 г. Через месяц после опубликования алфавита великий тюрколог готовит первый пробный перевод памятника в честь Кюль-Тегина, в 1894 г. издается перевод памятника в честь Могилана, брата Кюль-Тегина. При написании 3-го издания «Древнетюркских надписей Монголии» помощь ученому оказали П. Мелиоранский и В. Бартольд.

В течение последующих 5 лет В.В. Радлов издает еще 3 выпуска «Древнетюркских надписей Монголии», посвященных Ильтерес-кагану и его жене Ильбиге-катун.

Таким образом, в XX в. памятники орхоно-енисейской письменности издавались в Дании, Турции, Финляндии, Германии, Монголии, Польше. В нашей стране памятники орхоно-енисейской письменности были переизданы в 1952 г. С.Е. Маловым.

Важной областью лингвистического исследования рунических надписей для В.В. Радлова являлись древнетюркские диалекты. Проблеме диалектных различий посвящены разделы в издании «Die alttürkischen Inschriften Mongolei». В.В. Радлов неоднократно отмечал важность и значительность размеров смещения древнетюркских диалектов, рассматривая данный процесс как основную причину, обусловившую смешанный характер современных тюркских языков. Итогом кропотливых изысканий явилось создание классификации древних диалектов[26].

Данные, полученные в результате исследования руники, были использованы В.В. Радловым в статьях о тюркских гласных, лексика рунических надписей вошла в «Опыт словаря тюркских наречий», печатание которого началось в 1888 г.

В интересах расширения базы для сравнительно-исторического изучения фонетики и грамматики тюркских языков В.В. Радлов после дешифровки и перевода основных памятников рунической письменности подводит итог этой трудоемкой работы изданием завершающей книги «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei/Neue Folge»

(СПб., 1897), в которой содержатся краткое изложение фонетики, морфологии, синтаксиса, текст в русской академической транскрипции, перевод и словарь[27].

Его работы по руническим и уйгурским памятникам «Einleitende Gendanken zur Untersuchung der Alttürkischen Dialekte» (1911) – «Вводные мысли к изучению древнетюркских диалектов» имеют особое значение для понимания многих проблем истории тюркоязычных народов. Статья «Alttürkischen Dialekte» («Древнетюркские диалекты» (1911) представляет собой последнее по времени предпринятое В.В. Радловым краткое описание грамматики некоторых памятников рунической и уйгурской письменности; здесь же была сделана попытка представить классификацию древнетюркских диалектов (языков), которая до сих пор не заменена ничем иным[28].

И до Радлова в тюркологии было много хороших работ, главным образом по отдельным тюркским языкам. Первые попытки сравнительного анализа отдельных фактов грамматики тюркских языков намечаются уже в трудах И. Гиганова (1801), А. Казем-бека (1839, 1846) и в «Грамматике алтайского языка» О.Н. Бётлингка (1869). Трудами же В.В. Радлова тюркология в целом во всех ее основных филологических и лингвистических разделах поднялась на новую ступень, приобрела новое качество, чему способствовало, в первую очередь, введение В.В. Радловым в научный обиход нового фактического материала, почерпнутого из сокровищницы почти всех тюркских языков, создание общетюркского словаря, изучение фонетики и грамматики многих живых тюркских языков и почти всех основных памятников рунической, значительного количества памятников уйгурской и отчасти арабской письменности и, может быть, самое главное – утверждение сравнительно-исторического метода в тюркологии[29].

До конца Х1Х в. было известно лишь о небольшом количестве древнеуйгурских памятников, но благодаря таким русским ученым, как Д. Клеменц, С. Малов, С. Ольденбург, Н. Пржевальский и другим, в конце XIX и в начале XX в. были открыты новые уникальные памятники и, таким образом, началось становление уйгуристики – новой отрасли тюркологии.

Пионером уйгуристики стал В.В. Радлов. Еще будучи инспектором школ Казанского учебного округа, В.В. Радлов познакомился с памятником уйгурской письменности – сочинением Юсуфа Баласагунского «Кутадку билик» («Кутадгу билиг»). В 1889 г. он публикует статью «Ярлыки Тохтамыша и Тимура-Кутлуга», в 1890 г. начинает издавать «Кутадгу билиг», в 1891 г. выходит его 2-е издание. Была подготовлена к печати и каирская рукопись «Кутадгу билиг» в 2-х частях (соответственно 1900 и 1910 г.

В 1899 г. публикуются два юридических документа и два буддийских фрагмента из материалов экспедиции Д. Клеменца. В 1909 г. издается «Покаянная молитва манихейца». В 1910 г. В.В. Радлов подготавливает к печати уйгурскую версию буддийской сутры «Демаставедстик» (1911 г.), уйгурский перевод 25-й главы китайской версии сутры «Лотос истинного закона». С 1913 г. начинается выпуск отдельных частей сутры «Золотой блеск» (Алтун ярук). В 1904 г. В.В. Радлов завершил работу над «Памятниками уйгурского языка» из 128 фрагментов, но эта работа была опубликована лишь в 1928 г. С. Маловым[31].

Несмотря на отдельные недостатки, работы В.В. Радлова в области уйгуристики сохранили свое основополагающее значение для современной тюркологии.

16 марта 1894 г. В.В. Радлов избирается директором Музея антропологии и этнографии. С целью изучения музейного дела он выезжает в командировку на Запад. Он посетил музеи Стокгольма, Берлина, Копенгагена, Гамбурга, Берлина, Кёльна и др. Вернувшись из командировки, В.В. Радлов проводит

работу по упорядочению коллекции, добивается расширения музея и увеличения штата научных работников. Перед музеем ставилась задача не только изучения культуры России, но и эволюции мировой, общечеловеческой культуры. При В.В. Радлове значительно пополнилась коллекция и начал издаваться «Сборник музея антропологии и этнографии». В 1902 г. он принимается за организацию библиотеки при музее, подарив ей свое обширное книжное собрание. С 1903 г. В. Радлов возглавил русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии при Международном комитете.

В.В. Радлов принимал деятельное участие в работе многочисленных организаций: Императорского Русского географического общества, Общества русских ориенталистов, Императорского общества востоковедения, возглавил правление Общества изучения Сибири.

Зарубежные научные ассоциации, общества, университеты почитали за честь считать В.В. Радлова своим почетным членом. Он был удостоен многочисленных русских и зарубежных наград. В 1912 г. научная общественность России широко отметила 75-летие выдающегося ученого.

В.В. Радлов скончался 12 мая 1918 г. и был похоронен на лютеранской части Смоленского кладбища в Санкт-Петербурге. Как было отмечено в некрологе, «в лице Василия Васильевича Радлова русская наука потеряла одного из самых блестящих своих представителей».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кононов А.Н.* В.В. Радлов и отечественная тюркология // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1972. – С. 9.

[2] *Кононов А.Н.* В.В. Радлов и отечественная тюркология // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1972. – С. 9.

[3] *Вайнштейн С.В.* В.В. Радлов и его труд «Из Сибири» // В.В. Радлов. Сибири. – М., 1989. – С. 641.

[4] *Вайнштейн С.И., Кляшторный С.Г.* В.В. Радлов и историко-этнографическое изучение тюркских языков // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1971. – С. 22.

[5] *Вайнштейн С.В.* Указ. раб., там же.

[6] *Радлов В.В.* Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. – Иркутск, 1923. – С. 232.

[7] *Самойлович А.Н.* Радлов как турколог // Революция и национальности. – 1937. – № 2. – С. 79–81.

[8] *Сельченко М.С.* В.В. Радлов и изучение тюркского фольклора // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1971. – С. 16–19.

[9] *Әхмәтова-Урманче Ф.В.* Татар дастаны. Казан: Раннур, 2002. – 211-212: *Сайфулина Ф.С.* Формирование и развитие татарской литературы тюменского региона. Тюмень: Виктор Бук, 2007. – С. 17.

[10] *Ахметова-Урманче Ф.В.* По следам В.В. Радлова // Фәнни эзләнүләр юлында. – Казан: Фикер, 2000. – С. 205.

[11] *Штернберг Л.* Из жизни и деятельности В.В. Радлова // Живая старина. – СПб., 1909. – Т. XVIII. – Вып. II-III. – С. 15.

[12] *Биккенин Рафаэль.* Мухаммед-Сафа Биккенин и Василий Васильевич Радлов: из истории первого в Казанской губернии татарского начального училища // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2006. – № 1.

[13] *Штернберг Л.* Из жизни и деятельности В.В. Радлова. – СПб., 1910. – С. XIX.

[14] *Михайлова С.* Казанский университет в духовной культуре народов Востока России. – Казань: Изд-во КГУ.

[15] *Хусаинов К.* В.В. Радлов и казахский язык. – Алма-Ата, 1981. – С. 29.

[16] *Горохов В.М.* Реакционная школьная политика царизма в отношении татар в Поволжье. – Казань, 1941; *Эфиров А.Ф.* Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири. – М., 1948.

[17] *Тенишев Э.Р.* В.В. Радлов – фонетист и грамматист // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1971. С. 37.

[18] *Штернберг Л.* Из жизни и деятельности В.В. Радлова. – СПб., 1910. – С. 19.

[19] *Тенишев Э.Р.* В.В. Радлов – фонетист и грамматист // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1971. – С. 37.

[20] *Тенишев Э.Р.* Указ. работа. – С. 38.

[21] *Тенишев Э.Р.* Там же.

[22] *Вайнштейн С.В., Кляшторный С.Г.* В.В. Радлов и историко-этнографическое изучение тюркских народов // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1971. – С. 22–23.

[23] *Решетов А.М.* Академик В.В. Радлов, востоковед и музеевед (основные этапы деятельности) // Радловские чтения-2002. Материалы годичной сессии. – СПб., 2002. – С. 95–101.

[24] *Вайнштейн С.В.* В.В. Радлов и его труд «Из Сибири» // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1971. – С. 650.

[25] *Тугушева Ю.Л.* В.В. Радлов – лексикограф и лексиколог // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1971. – С. 43.

[26] *Тугушева Ю.Л.* В.В. Радлов – лексикограф и лексиколог // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1971. – С. 44–48.

[27] *Щербак А.М.* В.В. Радлов и изучение памятников рунической письменности // Тюркологический сборник. –М.: Наука, 1971. – С. 56–57.

[28] *Щербак А.М.* Указ раб., стр. 59.

[29] *Щербак А.М.* В.В. Радлов и изучение памятников рунической письменности // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1971. – С. 62.

[30] *Кононов А.Н.* В.В. Радлов и отечественная тюркология // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1971. – С. 11.

[31] *Кононов А.Н.* Там же.

[32] *Кононов А.Н.* Там же.

[33] *Насилов Д.М.* В.В. Радлов и изучение древнеуйгурских памятников // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1972. – С. 64–101.

Аннотация

Статья посвящена 175-летнему юбилею выдающегося тюрколога В.В Радлова. В ней описываются основные этапы жизни и научной деятельности ученого с мировым именем, посвятившего свою жизнь научному исследованию духовной культуры тюркских народов России и сопредельных стран. В работе уделяется большое внимание казанскому периоду деятельности В.В. Радлова, а также его роли в исследовании языка и фольклора сибирских татар.

Ключевые слова: Радлов, алтайский период жизни, казанский период, образцы народной литературы, тюркские племена, рунические письменности, сравнительная фонетика тюркских языков, орхонская экспедиция.

Summary

The article is devoted to the 175th anniversary of the outstanding scientist Radlov V.V.. It describes the main stages of life and work of the scientist who devoted all his life to the scientific study of the spiritual culture of the Turkic peoples of Russia and adjacent countries. We paid great attention to Kazan period of Radlov's activity, as well as his role in the study of language and folklore of the Siberian Tatars.

Keywords: Radlov, Altai period of life, Kazan period, samples of folk literature, the Turkic tribes, runic alphabet, Comparative Phonetics of Turkic languages, Orkhon Expedition.

УДК 025.32

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ТРУДОВ В. В. РАДЛОВА И ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМ*

(*Составитель* ***Ф.Ю. Юсупов***)

I. ТРУДЫ В. В. РАДЛОВА

Über den Einfluss der Religion auf die Völker Asiens. Dissertation, [Jena, 1858].

Briefe aus dem Altai. – AWKR. – 1–3. XX. – 1861. – С. 556–597; 4–5. – AWKR. – XXI. – 1862. С. 179–223; 6–7. – AWKR. – XXI. – С. 641–662; 7–9. – AWKR. – XXII. – 1863. – С. 1–46. –1 табл. – 1 карта. [Рец.: G. Helmersen, Bemerkungen zu Herrn Radloffs Briefen aus dem Altai. – AWKR. – XXIV. – 1865. – С. 515–526].

Kurzer Bericht über eine auf Kosten des Kabinetts Sr. Kaiserlichen Majestät unternommene Reise in den Altai im Sommer des Jahres 1861 von Dr. Wilhelm Radloff. (Lu le 12. dec. 1862). – BAIS. – 1863. – V. – стлб. 534–537 = MelR. – 1863. – IV. – 3. – С. 333–338 = MelR. – 1872. – IV. – С. 333–338. [Рец.: MPGA. – 1863. С. 235–237].

Kurzer Bericht über eine im Sommer 1862 unternommene Reise in die östliche Kirgisen-Steppe. (Lu le 28 août 1863). – BAIS. – 1863. – VI. – стлб. 415–420. – MelR. – 1863. – IV. – 3. – С. 359–367? = MelR. – 1872. – IV. С. 359–367.

Observations sur les Kirghis. – JA, ser. 6. – 1863. – II. – С. 309–328. [Рец.: MPGA. – 1864. – С. 280].

Beobachtungen über die Kirgisen. – MPGA. – 1864. С. 163–168. Bericht über eine im Sommer 1863 unternommene Reise in den östlichen Altai. (Lu le 25 août 1864),– BAIS, 1865, VIII, стлб. 25–32. – MeilR, 1865, IV, 4, стр. 453–462. – MelR. – 1872. – IV. – С. 453–462.

Reise durch den Altai, nach dem Telezker See und dem Abakan//AWKR. – XXIII. – 1865. – С. 1–55, 218–316.

Über die Formen der gebundenen Rede bei den altaischen Tataren. – ZVS. – 1866. – IV. – С. 85–114.

Das Ili-Thal in Hoch-Asien und seine Bewohner. – MPGA. – 1866. – С. 88–97, 250–264.

Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. I отделение. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В. В. Радловым, ч. I. Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. – СПб., 1866, XXIV, [I], 418 стр. То же. Пер. на нем. яз.: Die Sprachen der türkischen Stämme Süd-Sibiriens und der Dsungarischen Steppe, von Dr. W. Radloff, I. Abtheilung. Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, gesammelt und übersetzt

---

* В основу данной библиографии положены ранее опубликованные библиографии трудов В.В. Радлова, составленные К. Г. Залеманом (в книгах: «Ко дню семидесятилетия В.В. Радлова». – СПб., 1907. – С. 3–25; «75-летний юбилей дня рождения академика В.В. Радлова». – СПб., 1912. – С. 5–8), а также список его трудов в кн.: «Материалы для биографического словаря действительных членов Имп. Академии наук». II. – Пг., 1917. – С. 121–136; и библиография, составленная Ахмедом Темиром (см.«Oriens».– 1955. – VIII. – 1. – С. 51–93), а также Н.А. Дулиной // Тюркологический сборник. 1971. –М.: Наука, 1972.

von Dr. W. Radloff, T. I. Die Dialecte des eigentlichen Altai: der Altajer, Teleuten, Lebed-Tataren, Schoren und Sojonen, St.-Pbg., 1866. – XVI, 434 стр. [Рец.: Rho. K[öh1er], – LZ, 1867, стлб. 634–636; F. Liebrecht. – GGA, 1868, стр. 105–117;

W. Bang, Altaische Streiflichter? Louvain, 1910; B. Jülg,–ZDMG, 1869, XXIII, стр. 321–326; Вербицкий. – ТГВ, 1867, №№ 18–20, 22, 23].

Die Bergnomaden des Altai,– «Globus», 1867, XI (1: стр. 248–250; 2: стр. 276–279).

Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. I отделение. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Собраны В.В. Радловым, ч. II. Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызылское и чулымское (кюэрик). – СПб., 1868, XXI, 712 стр. То же. Пер. на нем. яз.: Die Sprachen der türkischen Stämme Süd-Sibiriens und der Dsungarischen Steppe von Dr. W. Radloff. I. Abtheilung. Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff, T. II. Die Abakan-Dialecte (der Sagaische, Koibalische, Katschinzische), der Kysyl-Dialecte und der Tscholym-Dialect (Küarik), St.-Pbg., 1868, XII, [1], 720, [1] стр. [См.: С. Е. Малов, Ф. А. Фиельструп К изучению турецких абаканских наречий//ЗКВ, 1928, III, стр. 289-304; F. Köprülü,Abakan Türkleri. – «Türk Amaci», I, Istanbul, 1942, стр. 204–208. Рец.: Rho. Kö[hler]. – LZ, 1869, стлб. 73–74; F.Liebrecht. – GGA, 1868, стр. 1653–1663; о I и II: B. Jülg,– ZDMG, 1869, XXIII, стр. 321–326; K. H. Menges. – CAJ, 1970, XIV, 1–3, стр. 237 – 240].

Письма г-на Радлова в Географическое общество во время поездки его в Туркестанский край//ИРГО, 1868, IV, отд. 2, стр. 324–327.

Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1869 г.//ИРГО, 1870, VI, стр. 96–100.

Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. I отделение. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В. В. Радловым, ч. III. Киргизское наречие. – СПб., 1870, XXVI, 776, [2] стр. То же. Пер. на нем. яз.: Die Sprachen der türkischen Stämme Süd-Sibiriens und der Dsungarischen Steppe von Dr. W. Radloff. I. Abtheilung. Proben der Volkslitteratur der türkischen Stamme Süd-Sibiriens, gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff, T. III. Kirgisische Mundarten, St. – Pbg., 1870, XXVII, 856 стр. [Рец.: Rho. K[öh1er]. – LZ, 1870, стлб. 1397–1399; A. Inan, Radloff' un Proben'leri üzerine bazı düzeltmeler. – DTCFD, 1944, II, стр. 488–490].

Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность// ЗРГО по отд. статистики, 1871, II, стр. 593–637.

Die Hausthiere der Kirgisen. – ZE, 1871, III, стр. 285–313.

Das mittlere Serafschanthal. – ZGE, 1871, VI, стр. 401–439, 497–526. [Рец.: MPGA, 1872, XVIII, стр. 235].

Skizzen aus Sibirien. – KZ, 18.I и 30.I.1872.

Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. I отделение. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В.В. Радловым, ч. IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. – СПб., 1872, XV, [1], 411 стр. То же. Пер. на нем. яз.: Die Sprachen der türkischen Stämme Süd-Sibiriens und der Dsungarischen Steppe von Dr. W. Radloff. I. Abtheilung. Proben der Volkslitteratur der türkischen Stamme Süd-Sibiriens, gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff, T. IV. Die Mundarten der Barabiner, Taraer, Toboler und Tümenischen Tataren, St.-Pbg., 1872, XVI, [1] 512 стр. [Рец.: A. Pavet de Coureille, – ser. 7, 1874, IV, стр. 259–295; M. B., –MLA, 1872, LXXXI, стр. 528–529; W. Bang, Turkologische Epikrisen, Heidelberg, 1910].

Учебник немецкого языка по методе Лувье, составленный В. Радловым. Элементарный курс. Год первый. – СПб., 1872, 43 с.; Год второй. –СПб., 1872, 59 с.; Грамматика русского языка, составленная для татар Восточной России, ч. I, Этимология. – Казань, 1873, [3]; III, 114 стр. [Рец.: Н. Ильминский//ЖМНП, 1873,CLXVII, май, отд. 2, стр. 370–374; В. Смирнов//там же, 1877, CLXXXIX, янв., отд. 2, стр. 1–25].

Nachrichten über den Aufstand in der Iliprovinz in den Jahren 1863–1866. – RR, 1873, II, стр. 209–230.

Очерки Сибири//НВ, 1874, № 2, [2(14) .I.] и № 8 [9(21) .I].

Анализ болгарских числительных имен//А. Куник и В. Розен, Известия аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. 1 – СПб., 1878 (ЗАН, XXXII, прил. 2). С. 138–146.

Средняя Зерафшанская долина. – ЗРГО по отд. этногр., 1880, VI. С. 1–92, 1 карта.

Die Lautalternation und ihre Bedeutung für die Sprachentwickelung, belegt durch Beispiele aus den Türksprachen,– «Verhandlungen des V. Internationalen Orientalisten-Congresses, gehalten zu Berlin im September, 1881», Berlin, 1882, II, 2. (IV. Ostasiatische Sektion), стр. 54–70, [Рец.: W. B a n g, Türkologische Epikrisen, Heidelberg, 1910. Стр. 5].

Die alten Gräber in Sibirien. (Vortrag 17.VI.1882). – ZE, 1882, XIV. C. 430–432. Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. Erster Theil, Phonetik der nördlichen Türksprachen, Leipzig, 1883, X. 318 стр. (H. 1. Vocale, XX, 99 стр., Leipzig, 1882; H. 2. Consonanten, стр. XXI–XL, 101–318, Leipzig, 1883). [Рец.: F. Techme r, – IZ, I, 1, 1884, стр. 481–484; W. B a n g, Turkologische Epikrisen, стр. 20, 24, 29; его же, Altaische Streiflichter? Louvain, 1910; В. Д. Смирнов – ЖМНП, 1884, CCXXXVI, нояб. отд. 2. С. 76–106; П. Мелиоранский, Турецкие наречия и литературы. – ЭСБЕ, С. 67, 159–168; W. Kotwicz Travaux de W. Radloff relatifs â la langue mandchoue. – RO, 1938, XIV. C. 103–112].Ethnographische Űebersicht der Türkenstämme Sibiriens und der Mongolei, Leipzig, 1883, 29 стр. Отд. отт. из: Phonetik der nördlichen Türksprachen C. XXI–XL. [Рец.: Ed. Sachau,– VGE, 1884, XI, стр. 61-64; Virchow. – ZE, 1884, XVI, стр. 101; «Tijdschrift van het Könink. Nederlandsch Aardrijkskundig Genootschap», sér 2, Amsterdam, 1884, I, стр. 228–230].

Lesen und Lesenlernen. – IZ, I, 2, 1884, стр. 355–376.

Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten. Erster Band mit farbigem Titelbilde und 15 Illustrationstafeln; anderer Band mit einer Karte und 16 Illustrationstafeln, Leipzig, 1884, Bd I: VI, 536 стр. И Bd II: II, 488 стр. [Рец.: K i r chho f f. –MPGA, XXXI, 1885, стр. 148–149, № 134; W. T o m a s c h e k,-DLZ 1885, V I , стлб. 687–688; G. G e r l a n d. – GJb., 1887 XI, стр. 477–478; PRGS, NS, 1885, VII, стр. 196].

О языке куманов по поводу издания Куманского словаря. (Читано 13 сентября 1883 г.). – СПб., 1884 (ЗАН, XLVIII, прил. № 4), 53 стр.

Пер. с татарск. яз.: «Очерк истории Болгарского и Казанского царств» муллы Шихабуддина Багауддинова//«Труды Четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года», I. – Казань, 1884, отд. II, стр. 40–50, 51–58. То же, в подлиннике на татарск. яз. (См. также: «Известия о занятиях Четвертого археологического съезда в Казани». – Казань. – 1877. – С. 157).

Zur Sprache der Komanen. – IZ, I, 1, 1884, стр. 377–382; II, 1, 1885. С. 13–42.

Das Schamanenthum und sein Kultus, eine Untersuchung von Dr. W. Radloff, Leipzig, 1885, 67 с. Отд. отт. из: Aus Sibirien, II. С. 1–76.

Наречия северных тюркских племен. I отделение. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Собраны В. В. Радловым, ч. V. Наречие дикокаменных кирги-

зов. – СПб., 1885, [5], XXVI, 599 с. То же. Пер. на нем. яз.: Die Sprachen der nördlichen türkischen Stämme von Dr. W. Radloff. I. Abtheilung. Proben der Volkslitteratur der nördlichen türkischen Stämme, gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff, T. V. Der Dialect der Kara-Kirgisen, St. – Pbg., 1885, [5], XXVIII, 603 стр. [Рец.: В. Р[озен]. – ЗВОРАО, 1887. I. С. 230–236; Pavet de Courteille, – JA, sér. 8, 1887. X. C. 350 – 362; Techmer,-IZ, 1887. III. 1. C. 365; E. Kuhn,-LBOPh, 1886. III. C. 113–116].

Bericht über die Ausgabe des Sprachmaterials des Codex Comanicus. (Lu le 25.II/9.III. 1886), -MelA, 1886. IX. 2. C. 87–92=BAIS. – 1887. – XXXI. – стлб. – 121–124 = MelA, 1888. IX. C. 87–92.

Vorbemerkung zu: Castren's koibalisch-deutsches Wörterverzeichnis und Sprachproben des koibalischen Dialects. Neu transcribiert von N. Katanoff. (Lu le 11/23. III. 1886)//MelA, 1886. IX. 2. C. 97–99; BAIS, 1886. XXXI, стлб. 138 – 140; MelA, 1888. IX. C. 97–99.

Bericht über die kurdischen Sprachsammlungen des Prof. Albert Socin. (Lu le 1/13.IV.1886).// BAIS. – 1886. – XXX стлб. 523 – 525;//MelA, 1886, IX. 2. – C. 93–96 ; 1888. – IX. – C. 93–96.

Beiträge und Bemerkungen. – в кн.: «Syrische Grabinschriften aus Semiretschie», hrsg. u. erkl. von D. Chwolson. Mit einer Tafel. (Presente le 1.IV. 1886), St.-Pbg., 1886 (MA, ser. VII, XXXIV, № 4), стр. 5–19.

Наречия северных тюркских племен. I отделение. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Собраны В. В. Радловым, ч. VI. Наречие таранчей. – СПб., 1886, [3], VI, [2], 211 стр. То же. Пер. на нем. яз.: Die Sprachen der nördlichen türkischen Stämme von Dr. W. Radloff. I. Abtheilung. Proben der Volkslitteratur der nördlichen türkischen Stämme, gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff, T. VI. Der Dialect der Tarantschi, St.-Pbg., 1886, [3], VI, [2], стр. 272. [Рец.: T e c h m e r,– İZ, IV, 1, 1889, стр. 291–292; о V и VI: W. Sch[ott]. – DLZ, 1887, VIII, стлб. 784–785; о I и VI: W. Bang, Altaische Streiflichter? Louvain, 1910; его же, Zur Geschichte der Gutturale im Osttürkischen, Berlin, 1915; W. Bang und J. Marquart, Osttürkische Dialektstudien. – AKGW, XIII, 1, 1914. – C. 276].

Vorläufiger Bericht über eine wissenschaftliche Reise in die Krym im Jahre 1886. (Lu le 3/15.III.1887). – BAIS, 1887. – XXXI, стлб. 544–550 = MelA. – 1887. – IX.– 3. – C. 261–270 = MelA. – 1888. – IX. – C. 216–270.

Bericht über zwei von N. Katanoff eingereichte Beiträge zur Erforschung des Sagai-Dialectes. (Lu le 3/15.III.1887),– BAIS, 1887, XXXI, стлб. 550–554 = MelA. – 1887. – IX. – 3. – C. 271–275 = MelA. – 1888. – IX. – C. 271–275.

Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии. Пер. с нем., Томск. – 1887, 26 стр.

Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus. Manuscript der Bibliothek der Marcus-Kirche in Venedıg nach der Ausgabe des Grafen Kuun (Budapest, 1880). (Lu le 25.II.1886), St.-Pbg., 1887 (MA, ser. VII, XXXV, »6), ü9], 132 стр. [Рец.: Kuu n. – SAIG. – 1889. – III. – C. 192–199; 1890, IV. – C. 236–251; W. Bang, Schriften Ujb. – 1934. – XIV. – C. 7 – 8].

Отзыв о рукописи Н. П. Припузова: «Сведения для изучения этнографии Якутского округа, собранные по программе Имп. Русского Географического об- щества».– ИРГО. – 1888. – XXIII. – С. 767–769.

Bericht über eine Reise zu den Karaimen der Westlichen Gouvernements. (Lu le 18/30.VIII. 1887)// BAIS. –1888. – XXXII. –стлб. 173–182; MelA. – 1888. – IX. 4. –C. 403–416; MelA. –1888. –XI. – C. 403–416.

Der Bericht des Herrn Professor Chwolson über die in dem Gebiete von 500

Semiretschie aufgefundenen syrischen Grabinschriften. (Lu le 8/20.III. 1888) // BAIS. – 1888. –XXXII, стлб. 464–465;

MelA. – 1888. – IX. –4. – С. 595–597 = MelA. –1888. – IX. –С. 595–597.

В.В. Радлов, А. А. Куник. Отзыв о работе П. Голубовского «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX–XIII вв.». Киев, 1884: «Отчет о двадцать девятом присуждении наград графа Уварова», СПб., 1888 (ЗАН, LIX, прил. № 1). – С. 31–36.

В. Радлов, В. Васильев, К. Залеман. Записка об общелингвистической азбуке, составленной по образцу «осетинской азбуки» акад. А. Шёгрена, на основании русских букв. – СПб., 1888, 39, [37] стр. [Напечатано в кол-ве 100 экз.].

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 1. – СПб., 1888, XVIII стр. 320 стлб. [Предисловие на рус. и нем. яз.].

Сибирские древности, I, вып. 1. – СПб., 1888 (МАР, № 3), [3], IV, 40, 19 стр. с илл., 1 карта, 6 л. табл. [Рец.: Syz. – IAE, II, 1889. – С. 239–240; Д. К л еменц. – ИВСО РГО. – 1890. – XXI, 2. – С. 69–71].

Предложение о командировке Н. Ф. Катанова//ИРГО. – 1889. –XXIV. – С. 422, 468–469.

Разбор надписей надгробных камней, найденных в 1886 году внутри текии Шах Али Хана в Касимове//ЗАН, 1889. – LXI. – С. 1–8, 2 л. табл.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 2, 3. – СПб., 1889, стлб. 321–640, 641–960.

Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // ЗВОРАО, 1889. – III. – С. 1–40, 1 табл. Рец.: В. Вербицкий.Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. – Казань, 1884, IV, 494 стр.//ЗВОРАО. – 1889. – III. – С. 138–141.

W. Radloff und C. Salemann, Bericht über die Abhandlung des Herrn Nik. Anderson «Wandlungen der anlautenden dentalen Spirans im Ostjakischen, ein Beitrag zur ugrofinnischen Lautlehre». (Lu le 18/30.IV 1889). – BAIS. – NS. – 1890, I (XXXIII). – С. 197–199 = MelA. – 1890. – X, 1. – С. 1–3.

Über alttürkische Dialekte, 1. Die seldschukischen Verse im Rebâb-Nâmeh. (Lu le 22.VIII.1889). –BAIS, NS, 1890, I (XXXIII), стр. 291–351 = MelA. – 1890. – X, 1. – С. 17–77.

Das türkische Sprachmaterial der im Gebiete von Semiretschie aufgefundenen syrischen Grabinschriften. – С. 138–157. Прил. к: Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semiretschie, hrsg. u. erkl. von D. Chwolson. (Lu le 8.III. – 1888). –СПб., 1890 (MA, ser. VII, XXXVII, № 8).

Кудатку Билик. Факсимиле уйгурской рукописи императорской и королевской придворной библиотеки в Вене. Изд. по поручению имп. С.-Петербургской Академии наук В.В. Радловым. Kudatku Bilik. Facsimile der uigurischen Handschrift der K.K. Hofbibliothek in Wien. Im Auftrage der K. Ak. d. W. hrsg. von Dr. W. Radloff. – СПб., 1890, III, XIII, 200, стр. I [Предисловие на нем. и рус. яз.].

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 4. – СПб., 1890, стлб. 961–1280.

Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Balasagun. T. I. Der Text in Transcription hrsg. von Dr. W. Radloff. -St.-Pbg., 1891, I, XCIII, стр. 252., 2 л. табл.

Сибирские древности, I, вып. 2. – СПб., 1891 (МАР, № 5), III, стр. 41–80. с илл., прил.– стр. 21–52, 8 л. табл.

Титулы и имена уйгурских ханов// ЗВОРАО, 1891, V, стр. 265–270.

Eine neue Methode zur Herstellung von Abklatschen von Steininschriften. (Lu le 18.II.1892). –MelA. – 1892. – X, 2. – С. 257–270 = BAIS. – NS. – 1894. – III (XXXV). – С. 153–166.

Über eine neu aufgefundene uigurische Inschrift. (Lu le 15.IV. 1892). –MelA. – 1892. – X, 2. – С. 387–389. – BAIS. – NS. – 1894. – III (XXXV). – С. 327–329.

Предварительный отчет о результатах снаряженной с высочайшего соизволения Императорскою Академи-

ею наук экспедиции для археологического исследования бассейна реки Орхона. С приложениями. – СПб., 1892 (СТОЭ, I), стр. 1–12, прил. – стр. 13–113.

Dr. W. Radloff's Vorläufiger Bericht über die Resultate der mit allerhöchster Genehmigung von der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften ausgerüsteten Expedition zur archäologischen Erforschung des Orchon-Beckens. Aus dem Russischen übers. von O. Haller. (Lu le 29.IV.1892). – MelA, 1892, X, 2. – C. 392–406. – BAIS. – NS. – 1894. – III (XXXV). – C. 353–398. (См.: Radloffs Untersuchung des Orchon-Beckens. – «Globus».– 1893. – LXIV. – 5. – C. 69– 72). [Рец.: Heger. –MAG. – 1892. – XXII. – C. 222–224 (здесь же и об «Атласе»)].

Атлас древностей Монголии. Издан по поручению Имп. Академии наук В. В. Радловым. – СПб., 1892 («Труды Орхонской экспедиции», [вып. 1]), [2, 8, 3, 8] стр. 70 л. табл. [Рец.: K.Grotenfeld//«Valvoja». – Helsingfors, 1892 стр. 631–638//«Археологические известия и заметки, издаваемые Имп. Московским Археологическим обществом». -М., 1893, I, стр. 131-133.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 5. – СПб., 1892, стлб. 1281–1600.

Атлас древностей Монголии. Издан по поручению имп. Академии наук В. В. Радловым. – СПб., 1893//«Труды Орхонской экспедиции». Вып. 2 [12, 1, 12], стр., 18 л. табл., 2 карты.

Aus Sibirien. Lose Blatter aus meinem Tagebuche, 2. Ausgabe, Bd I–II. –Leipzig. –1893. – VII. – 536, 489 стр., 31 л. илл.

К вопросу об уйгурах. (Из предисловия к изданию Кудатку-Билика). – СПб., 1893 (ЗАН, 1893, LXXII, прил. № 2), I, стр. 130.

О новом способе приготовления эстампажей с надписей на камнях.– ЗВОРАО, 1893, VII, стр. 169–181.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte. T. I. Гласные. – СПб., 1893, стр. XVIII., 1914 стлб., 1, стр. 66. [Рец.: вып. 1–8: H. W[inkle]r. – LZ. – 1898. – XLIX. – C. 96–97; W. Bang. Turkologische Epikrisen. – Heidelberg, 1910; вып. 2–3: Катанов. – ИВСО РГО. – 1892. – XXIII. – № 3. – С. 83–86].

Сибирские древности, I. Вып. 3. – СПб., 1894 (МАР, № 15), [3], стр. 81–132 с илл., прил, стр. 53–146. – С. [1], XIX, 8 л. табл.

Note preliminaire sur l'inscription de Kiu-Yong Koan. (Suite) Troisieme partie. Les inscriptions ouigours,– JA, ser. 9. 1894, IV, стр. 546–550.

Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, I. Die Denkmäler von Koscho-Zaidam. Text, Transcription und Übersetzung, St.-Pbg., 1894, стр. 1–83; II. Die Denkmäler von Koscho-Zaidam. Glossar, Index und die chinesischen Inschriften, übers. von W. P. Wassilijew. -St.-Pbg. – 1894. – C. 83–174, [2] стр. [Рец.: Н. Веселовский,Орхонские открытия//ЖМНП, 1894, CCXCII, апр., отд. IV, стр. 59–72; V. Thomsen, Dechifrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Ienissei, notice preliminaire. – Copenhague, 1894].

Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, III. Verbesserungen, Zusätze und Bemerkungen zu den Denkmälern von Koscho-Zaidam, die übrigen Denkmäler des Orchon-Beckens und die Denkmäler im Flussgebiete des Jenissei. –St.-Pbg., 1895. – C. 175–460.Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. – St.-Pbg. – 1895, XI. – 460 стр. [Рец.: K. G r o t e n f e l d. – «Valvoja». –Helsingfors. – 1896. – C. 240–248; G. S c h l e g e l. –TP. – VI. – 1895. – C. 516–525].

Инструкция для собирания этнографических предметов, относящихся до быта киргизов степного генерал-губернаторства. – СПб., 1895, 10 стр.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 7 (1). – СПб., 1895, 320 стлб.

Сибирские древности. Из путевых записок по Сибири. Пер. с нем. А. А. Бобринского. –СПб., 1896, 70 стр., XI л. табл.

Наречия северных тюркских племен. I отделение. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Собраны В. В. Радловым, ч. VII. Наречия Крымского полуострова. – СПб., 1896. – XVIII. – 08, 527 стр. [Рец.:А.Самойлович.О материалах Радлова по народной словесности крымских татар и караимов. – ЗКОЕЛП. – VI. –1916. – С. 1–7].

Атлас древностей Монголии. Издан по поручению Имп. Академии наук В. В. Радловым. – СПб., 1896//«Труды Орхонской экспедиции», вып. 3), [1, 4] стр., 22 л. табл.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 8(2). – СПб., 1896, стлб. 321–640.

Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. Nebst einer Abhandlung von W. Barthold. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. -St.-Pbg., 1897, VII, 181, 1 стр. Anhang: 1–36 стр. [Рец.: H. W[i n k l e]r. –LZ, 1898, стлб. 159–161; W. Bang, Köktürkisches.–WZKM, 1897, XI, стр. 198–200; J. Mar quart, Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. – Leipzig. – 1898. – VII. – 112 стр.; W, Bang. – TP. – VIII. – 1897. – C. 533–539; его же, Zu den köktürkischen Inschriften. –TP. – IX. – 1898. – C. 117–141; его же, Zur Erklärung der köktürkischen Inschriften.– WZKM. – 1898. – XII. – C. 34–54].

В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме. – СПб., 1897 (СТОЭ, IV), III, 45 стр., 7 л. табл.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 9 (3). – СПб., 1897, 641–960 стлб.

Eine neu aufgefundene alttürkische Inschrift. Vorläufiger Bericht. (Vorgelegt am 12.XI.1897). – ИАН, сер. V, 1898, VIII, № 1, стр. 71–76.

Zum Kudatku Bilik. – ZDMG, 1898, LII, стр. 152.

Zum Kudatku Bilik. Aus einem Brief des Herrn W. Radloff in St.-Petersburg. -DMG, 1898, LII, стр.289.

Über eine in Kairo aufgefundene zweite Handschrift des Kudatku-Bilik. (Vorgelegt am 26.VIII.1898). – ИАН. – сер. V. – 1898. – IX. – № 4. – C. 309–319.

Опыт Словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 10(4), 11(5). – СПб., 1898, стлб. 961–1280, 1281–1600.

Разбор древнетюркской надписи на камне, найденном на урочище Аиртамой в Кенкольской волости Аулиеатинского уезда,– ЗВОРАО, 1899, XI, стр. 85–86.

Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Zweite Folge: W. Radloff, Die Inschrift des Tonjukuk; E. Hirth, Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk; W. Barthold,

Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. -St.-Pbg., 1899, (Radloff): VI, XXIV, 122; (Hirth): 1–140; (Barthold): 1–29, 1, стр. [Рец.: E. H. Parker. – EHR. – 1901. – XV. – C. 149–152; L. N[ocentini],- SAIG, 1899, XII, стр. 242; E. H. Parker, Progress in Old Turkish discoveries. – Ch. R., 1899, XXIV, стр. 21–38; В. Бартольд, Новые исследования об орхонских надписях. – ЖМНП. – 1899. – CCCXXV, окт., отд. I. – C. 231–250].

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, т. II. Согласные: k, к, k, g, г, (f), x, h. – СПб., 1899, 1814 стлб., 64 стр. [Рец.: R.N. Cust. – JRAS. – NS. – 1891. – XXII. – C. 342; W. Bang, Turkologische Epikrisen -Heidelberg, 1910].

Altuigurische Sprachproben aus Turfan. – в кн.: «Nachrichten über die von der Kaiserl. Akademie der Wiss. zu St.-Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan», H. 1. – St. – Pbg. – 1899: D. Klementz, Turfan und seine Alterthümer. – C. 1–53; W. Radloff, Altuigurische... C. 55–83.

Наречия тюркских племен. I отделение. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым, ч. VIII. Наречия османские. Тексты собраны И. Куношем. – СПб., 1899, [3], XLII, 588 стр. (Рец.: LOL, 1900, XI, стр. 125].

Атлас древностей Монголии. Издан по поручению Имп. Академии наук В. В.Радловым. – СПб., 1899 («Труды Орхонской экспедиции», вып.4), [2, 2] стр., 14 л. табл.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып.

13 (1). – СПб., 1900, 320 стлб.

Реферат: Исследование д-ра Гирта о родословной Аттилы//ЗВОРАО, 1901, XIII, стр. XX – XI.

Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems. (Vorgelegt am 29.XI.1900). – ИАН, сер. V. – 1901. – XIV. – № 4. – С. 425–462.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 14(2). – СПб., 1901, стлб. 321–640.

Türkisch, II. – в кн.: «Marksteine aus der Weltliteratur in Originalschriften», hrsg. von Joh. Baensch-Drugulin. – Leipzig, 1902 (из «Kudatku Bilik»).– С. 94–108.

Сибирские древности, II, вып. 1. – СПб., 1902 (МАР, № 24), III, 38 стр., 6 л. табл., 11 л. илл.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 15(3). – СПб., 1902, стлб. 641–960.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 16, 17 (4, 5). – СПб., 1903, стлб. 961–1280, 1281–1600.

Наречия тюркских племен. I отделение. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым, ч. X. Наречия бессарабских гагаузов. Тексты собраны и переведены В. Мошковым (с двумя прибавлениями). – СПб., 1904, X, XXXII, 343, 23, 114 стр. То же. Пер. на рус. яз. – СПб., 1904, X, 346 стр.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte T. III. – СПб., 1905, 2203 стлб, 98 стр. [Рец.: Э. А. Ум аров, К истории одного фразеологизма из словаря В. В. Радлова//СТ. – 1970. – № 1. – С. 84–86].

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 19(1). – СПб., 1905, стлб. 1–320.

Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen. – СПб., 1906 (ЗАН, сер. VIII, VII, № 7), 35 стр.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 20(2). – СПб., 1906, стлб. 321–639.

Ein uigurischer Text aus dem XII. Jahrhundert. – ИАН. – сер. VI. – 1907. – I, № 11. – С. 377–394. [Рец.: В. И. – ЖС. – 1907. – XVI. – 3. – С. 41].

Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым, ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. Тексты. – СПб., 1907, VI, XXXII, 668. XLVIII стр. То же. Пер. на рус. яз. – СПб, 1907, XXV, 659 стр. [Рец.: Самойлович]. –ЖС. – 1908. – XVII. – 2. – С. 252–253; Э. П(екарский]. – ЭО. – 1907. – № 4. – С. 138; Э. П[екарский]. –«Сибирские вопросы». – СПб., 1908. – № 17–18. – С. 87–88].

Отчет о командировке для обозрения этнографических музеев (Доложено на заседании истор.-филол. отд-ния 31.X.1907)//ИАН. – сер. VI. – 1907. – I. – № 17. – С. 743–748. Рец.: Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка, составленный (1882–1907) при ближайшем участии прот. Д. Д. Попова и В. М. Ионова, вып. I. – СПб., 1907. – ЖС. – 1907. – XVI. – 4. – С. 63–65.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 21 (3). – СПб., 1907, стлб. 641–960.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 22(4). – СПб., 1908, стлб. 961 – 1280.

Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. (Lu le 15/28.XI.1906). – St. – Pbg.: 1908 (ЗАН, сер. VIII, VIII, № 7), 86 стр. [Рец.:

С[амойлович]. – ЖС. – 1908. – XVII. – 2. – С. 254–255].

Die vorislamitischen Schriftarten der Türken und ihr Verhältniss zu der Sprache derselben. – ИАН. – сер. VI. – 1908. – II. –№ 10. – С. 834–856.

В. Радлов, К. Залеман, С. Ольденбург. [Записка об ученых трудах Ч. Р. Лэнмана]. – ИАН, сер. VI. – 1908. – II. – № 1. – С. 34–35.

В. Радлов, К. Залеман, С. Ольденбург. [Записка об ученых трудах А. Грюнведеля]//ИАН. – сер. VI. – 1909. – III. – № 2. – С. 122.

В. Радлов и другие. Записка об ученых трудах проф. Николая Яковлевича Марра//ИАН. – сер. VI. – 1909. – III. – №11. – С. 721–732.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 23(5). – СПб., 1909, стлб. 1281–1600.

Uigurische Schriftstücke in Text und Übersetzung. Anhang,– в кн.: «Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902–1903 von A. Grünwedel». –ABAW. 1909, XXIV, 1, стр. 181–195.

Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer. Hrsg. und übers. von W. Radloff. -St.-Pbg., 1909, VI, 51 стр., facs [Рец.: E. C[havannes]. – TP. – X. – 1909. – С. 718–719; A._C[амойлови]ч. –ЖС. – 1910. – XIX. – 1–2 стр. 167–170].

Alttürkische Studien (I). – ИАН. – сер. VI. – 1909. – III. – № 18. – С. 1213–1220. [Рец.: A. Le Coq,Köktürkisches ausTurfan. – SPAW– 1909. – С. 1047–1064, 4 л. табл.; A. Le C o q. Ein christliches und ein manichäisches Manuscript fragment in türkischer Sprache aus Turfan. –SPAW. – 1909. – С. 1202–1218, 2 л. табл.].

Alttürkische Studien, II//ИАН, сер. VI, 1910, IV, № 3, стр. 217–228.

Alttürkische Studien, III. Ein Fragment in türkischer Runenschrift. – ИАН, сер. VI. – 1910. – IV. – № 13. – С. 1025–1036.

Tisastvustik, ein in türkischer Sprache bearbeitetes buddhistisches Sûtra, I. Transscription und Übersetzung von W. Radloff; II. Bemerkungen zu den Brahmîglossen des Tisastvustik-Manuscripts (Mus. As. Kr. VII) von Stael-Holstein. – St. – Pbg., 1910 (Bibliotheca Buddhica XII), (II), VIII, 143 стр., 2 л. табл. [Рец.: F. W. K. Müller Uigurica. II. – Berlin. – 1910. – С. 96–99; A. C[амойлови]ч//ЖС. – 1910. – XIX. – 1–2. – С. 170–171].

П. К. Коковцов, П. Никитин, В. Радлов, К. Залеман, Н. Марр. [Записка об ученых трудах проф. Гвиди]//ИАН. – сер. VI. – 1910. – IV. – № 1. – С. 37–40.

Уйгурские фрагменты, открытые в Восточном Туркестане//ЗВОРАО. – 1910. – XIX. – С. XIX–XX.

Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bâlasagun, T. II. Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo hrsg. von Dr. W. Radloff. –St. – Pbg, 1910 XXIV, 560 стр.

Kuan-si-im Pusar. Eine türkische Übersetzung des XXV. Kapitels der chînesischen Ausgabe des Saddharmapundarika. Hrsg. und übers. von W. Radloff. Mit vier Beilagen und zwei Tafeln. -St.-Pbg., 1911 (Bibliotheca Buddhica, XIV), (2), VIII, 119 стр., 2 л. табл. [Рец.: F. W. K. M ü 11 e r, Uigurica, II. –Berlin. – 1910. – С. 99].

Nachträge zum Chuastuanit (Chuastuanvt), dem Bussgebete der Manichäer (Hörer). – ИАН. – сер. VI. – 1911. – V. – № 12. – С. 867–896. [Рец.: A. Le Coq, Türkische Manichaica aus Chotscho, I. – APAW, 1912, 61 стр.]. Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 24(6) – СПб., 1911, стлб. 1601–2230, 107 стр.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, т. IV. ц, ц, з, с, з, ш, ж, ж, п, б, ф, в, м. – СПб., 1911, 2230 стлб., [1], 107, [1] стр.

Alttürkische Studien, IV. Einleitende Gedanken zur Untersuchung der alttürkischen Dialekte (mit einer Schrifttafel). – ИАН. – сер. VI. – 1911. – V. – № 5. – С. 305–326.

Alttürkische Studien, V. Die alttürkischen Dialekte//ИАН. – сер. VI. – 1911, (V). – № 6. – С. 427–452.

Alttürkische Studien, VI //ИАН, сер. VI, 1912, [VI], № 12, стр. 747–778.

Турфанские тексты в лингвистическом отношении//ЗВОРАО, 1913, XXI, стр. XIV–XVI.

Suvarnaprabhasa (Сутра золотого блеска). Текст уйгурской редакции. Издали В. В. Радлов и С. Е. Малов. – СПб. – Пг., 1913–1917 (Bibliotheca Buddhica, XVII), XV, 723 стр.

Uigurische Sprachdenkmäler. Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov hrsg. Памятники уйгурского языка. Материалы, изданные после смерти автора с дополнениями С. Е. Малова. – Leningrad, 1928, VIII, 305 стр., 3 л. табл.

Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Пер. с нем. Н. Н. Козьмина. – Иркутск, 1929.

Suvarnaprabhâsa. (Das Goldglanz-Sutra). Aus dem Uigurischen ins Deutsche übers. von Dr. W. Radloff. Nach dem Tode des Übersetzers mit Einleitung von S. Malov hrsg., I–III. – Leningrad, 1930 (Bibliotheca Buddhica XXVII), II, 256 стр.

Versuch eines Wörterbuches der Turk-Dialecte, Bd 1–4. – Gravenhage, I960.

Опыт словаря тюркских наречий, т. 1–4. – М., 1963 (перепечатано с изд.: СПб., 1893–1911).

II. ЛИТЕРАТУРА О В.В. РАДЛОВЕ

Радлов Василий Васильевич//Библиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период/ под ред. А.Н. Кононова. – М.: Наука, 1974.

Русский энциклопедический словарь, изд. И. Н. Березиным. Отд. 4, т. I. –СПб., 1875. – С. 32.

Meyers Konversations-Lexikon, 4. Aufl., XIII. – Leipzig, 1889, стр. 543.

История полувековой деятельности Имп. Русского Географического общества. 1845–1895. Составил по поручению Совета Имп. Русского Географического общества вице-председатель общества П. П. Семенов при содействии действ. члена А. А. Достоевского, ч. I, отд. 1–3. – СПб., 1896, стр. 166, 179, 263, 294, 295–298, 464, 485, 551, 966, 968, 1189, 1190, 1262.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, XXVI (51). 1899, стр. 92–93.

Энциклопедический словарь / под ред. М. М. Филиппова, III. – СПб., 1901, стлб. 2810–2811.

Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, III. – СПб., 1902, стлб. 893.

Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат, XXXV, М., [б. г.], стлб. 444–446.

Большая энциклопедия / под ред. С.Н. Южакова, XVI. – СПб., 1904. – С. 98.

Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова – СПб., 1907, 111 стр. с илл. (стр. 3–25: К. Г. Залеман. Труды В. В. Радлова в хронологическом порядке).

Музей антропологии и этнографии Имп. Академии наук в период 12-летнего управления В. В. Радлова. 1894–1906. Сост. Л. Я. Штернбергом, С. Ф. Ольденбургом, Б. Ф. Адлером, Е. Л. Петри, Ю. В. Людевигом, Е. М. Романовой, в кн.: «Ко дню семидесятилетия В. В. Радлова». – СПб. – 1907. – С. 27–109 с илл.

Шесть адресов, поднесенных В. В. Радлову в день пятидесятилетия его ученой деятельности//ЖС. – 1909. – XVIII вып. 2–3. – С. XXVI–XXXIII.

Л. Я. Штернберг. Из жизни и деятельности Василия Васильевича Радлова (берлинский, алтайский и казанский периоды)//ЖС. – 1909. – XVIII. – вып. 2–3. – С. I–XXV, портр.

Л.Я. Штернберг. Из жизни и деятельности В.В. Радлова (берлинский, алтайский, казанский периоды). – СПб., 1910, XXXIII, с.

V. Gordlevski, Radloff. – «Türk Derneği». -İstanbul, 1909, № 3, стр. 76–80.

V. Gordlevski, Vasili Radlof. – «Çukiç». Orenburg, 1909.

К.Г. Залеман. Труды В. В. Радлова в хронологическом порядке)//75-летний юбилей дня рождения акад. Василия Васильевича Радлова. 1837 г. 5 января 1912 г.; СПб., 1912, 35 стр. с илл., 1 портр., стр. 5–8:

С.Е. Малов. Юбилей академика В.В. Радлова // «Камско-Волжская речь», Казань, 5.1.1912, № 4.

А.Н. Самойлович. В. В. Радлов как тюрколог//«Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО». –1912. – XV. – I. – С. 23–33.

Türkologlardan V. V. Radlof ve Wilhelm Tomsen//«Turk Yurdu». – İstanbul. – 1912. – № 6. – С. 171–177.

Материалы для биографического словаря действительных членов Имп. Академии наук, ч. 2. – М., Пг., 1917, стр. 121–136 (список трудов). Ко дню восьмидесятилетия академика В. В. Радлова (1837–1917),– «Сборник Музея антропологии и этнографии», V, 1. – Пг., 1918, X, 400 стр.

В.В. Бартольд. Памяти В. В. Радлова. 1837–1918// ИРГО, 1918, LIV, 1, стр. 164–189.

С.Ф. Ольденбург. Василий Васильевич Радлов. 5 января 1837–1918, 29 апреля/12 мая. Некролог//«Азиатский сборник. Из «Известий Российской Академии наук». Новая серия. – Пг., 1918, [I], стр. 1233–1236, 1 портр.

То же // ИРАН, сер. VI, 1918, XII, стр. 1233–1236.

B. Munkâcsi. Radloff Vilmos (1837–1918) // «Budapesti Szemle». – 1918. – № 176. – С. 425–461.

А.Н.Самойлович. Радлов как тюрколог (Речь, произнесенная в публичном заседании РАН 12 мая 1919 г.)//«Новый Восток». – 1922. – № 2. – С. 707–712.

Enciclopedia Italiana, XXVIII. – Roma. – 1935. – С. 731–732. Памяти великого тюрколога академика В.В. Радлова (К столетию со дня рождения: 1837–1937) // «Революция и национальности».– 1937. – № 2. – С. 79–81.

W. Kotwicz. Travaux de W. Radloff relatifs â la langue manchoue//Roznik orientalstyczny. – 1939. – XIV. – С. 103–112.

Большая Советская энциклопедия, XLVIII. – М., 1941, стлб. 81–82.

Şükrü Akkaya. Radloffun hayatı ve eserleri. – Ankara, 1952.

Ahmet Temir. Leben und Schaffen von Friedrich Wilhelm Radloff (1837 – 1918). Ein Beitrag zur Geschichte der Türkologie//«Oriens», Leiden, 1955,

VIII, № 1, стр. 51–93. (Библиография трудов В. В. Радлова. – С. 71–87, литература о нем. – С. 70–71).

Флора Ахметова. По следам В.В. Радлова // Фәнни эзләнүләр юлында.–Казан: Фикер нәшрияте. – 2000. – С. 205–218.

О.Э. Ливотова. Основная литература об Азиатском музее Института востоковедения АН СССР (1776–1954)// ОИРВ, сб. 2. – М., 1956. – С. 502–503.

История исторической науки в СССР, дооктябрьский период. Библиография. –М., 1965. – С. 616–617.

О.Э. Ливотова, В.Б. Португаль. Востоковедение в изданиях Академии наук. 1726–1917. Библиография. – М., 1966. – №№ 1338–1386.

В.А. Гордлевский. Памяти В.В. Радлова (1837–1918). Избранные сочинения т. IV. – М., 1968. – С. 371–372.

Х.Х Ярмухаметов. В.В. Радлов и изучение татарского фольклора//Тезисы докладов итоговой научной сессии за 1972 год. – Казань. – 1973. – С.81–83.

* * *

А.А. Захаров. Материалы по археологии Сибири. Раскопки В.В. Радлова в 1865 г.// Труды Государственного Исторического музея. Вып. I, 1926.

* * *

Н.А. Дулина. Хронологический перечень трудов В.В. Радлова и литература о нем// Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1972.

С.И. Вайнштейн. В.В. Радлов и его труд «Из Сибири»: Страницы из дневника. – М., 1989.

С.И. Вайнштейн, С.Г. Кляшторный. В.В. Радлов и историко-этнографическое изучение тюркских языков // Тюркологический сборник. –М.: Наука. – 1972. – С. 20 – 31.

Г.Ф. Благова. В.В. Радлов и изучение тюркской топонимии Сибири // Развитие методов топонимических исследований. – М., 1979; те же. В.В. Радлов и изучение тюркской топонимии в аспекте современных топони- мических проблем//Тюркологический сборник. –М.: Наука. – 1972. – С. 102 – 131.

В. Г. Гузев. Тюркологическая конференция памяти В.В. Радлова//Тюркологический сборник. – М.: Наука. – 1972. – С. 7–15.

А.Н. Кононов. В.В. Радлов и отечественная тюркология // Тюркологический сборник. – М.: Наука. – 1971

А.Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. – М.: Наука, 1972.

Д.М. Насилов. В.В.Радлов и изучение древнеуйгурских памятников// Тюркологический сборник. – М.: Наука. – 1971. –С. 64 – 101.

М.С. Сильченко. В.В. Радлов и изучение тюркского фольклора// Тюркологический сборник. – М.: Наука. – 1972. – С. 16 – 19.

Э.Р. Тенишев. В.В. Радлов – фонетист и грамматист// Тюркологический сборник. – М.: Наука. – 1972. – С. 32 – 41.

П.В. Траубенберг. Татарская учительская школа. – Казань, 1890.

Л.Ю.Тугушева. В.В.Радлов – лексикограф и лексиколог// Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1972. – С. 42–53.

А.М.Щербак. В.В. Радлов и изучение памятников рунической письменности // Тюркологический сборник. –М.: Наука. – 1972.

Я.И. Ханбеков. Основные направления педагогической мысли татарского народа XI–XXв.в.: В 2-х т. (Дисс. д-ра пед. наук). – М., 1968.

С.М. Михайлова. Казанский университет в духовной культуре народов Востока России. – Казань: Изд.-во КГУ, 1991. С. 360.

К.Ш. Хусаинов. В.В. Радлов и казахский язык. – Алма-Ата: Наука. – 1981. –С. 172.

А.Н. Кононов. Тюркское языкознание в Ленинграде (1917–1967). – М., 1970.

А.Н. Кононов. Изучение тюркских языков в России. – М., 1970.

А. Решетов. Академик В.В. Радлов, востоковед и музеевед (Основные этапы деятельности) // Радловские чтения. – 2002. Материалы годичной сессии. – СПб, 2002. – С. 95–101.

В.М. Горохов. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья. – Казань, 1941.

М.А. Демин. Первооткрыватели древностей. – Барнаул, 1989.

Д.В. Кацюба. Алтайская духовная миссия. – Кемерово, 1998.

С. Каташ. Предтечи алтаистики. – Барнаул, 1998, №1.

Очерки по истории русского востоковедения. – М.: Институт Востоковедения АН СССР, 1953.

А.Ф. Эфиров. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири. – М., 1948.

Рафаэль Биккенин. Мухаммед-Сафа Биккенин и Василий Васильевич Радлов: из истории первого в Казанской губернии татарского начального училища // Гасырлар авазы // Эхо веков. – 2006. – № 1.

Вәли Хаҗиев. Талантлы тюрколог // Мирас. – 2000. – № 4

Л.Ш. Җамалетдинов. Академик Радлов архивындагы татар әкиятләре // Фән һәм тел. – 2007. – № 1.

УДК 7.072.2

РЕЦЕНЗИЯ НА V ТОМ «ИСТОРИИ БАШКИРСКОГО НАРОДА»
(гл. ред. М.М. Кульшарипов. – Уфа: Гилем, 2010. – 468 с.)[1]

***А.Ю.Хабутдинов**, доктор исторических наук, профессор*

Постсоветский период стал эпохой создания историй народов бывшего СССР, когда данные нарративы превратились в важнейшие инструменты обеспечения легитимности статуса этого народа, его прав на этническую территорию и государственный статус. Следует отметить, что данный процесс создания этногосударственных историй носит универсальный характер в мировом масштабе[2]. Их современный расцвет на постсоветском пространстве обусловлен также развитием национальных историографий, впервые получивших возможность не оглядываться на указания центра. При этом создается собственная теоретическая концепция, не учитывающая как современные научные теории, так и труд предшественников в общегосударственной и национальной (этнической) историографии. Для V тома «Истории башкирского народа» характерно, что практически все авторы этого труда башкирские ученые. К сожалению, в работе не указано место работы авторов, что затрудняет их локализацию. Но среди специалистов извне Башкортостана можно отметить только оренбургского ученого К.А. Моргунова, соавтора раздела «Оренбургские башкиры». Характерно, что редколлегию V тома (в отличие от предыдущих) составляют только уфимские ученые-башкиры. В качестве рецензентов присутствуют представители Уфы, Екатеринбурга и Йошкар-Олы. Работу достаточно сложно анализировать чисто технически, так как в ней отсутствует формальное деление на пронумерованные разделы (главы) и параграфы, поэтому мы будем указывать номера страниц.

Сам V том посвящен периоду 1900–1940 гг. Конечно, авторы труда имеют право сами выбирать хронологическое деление, однако если такое нестандартное членение выбрано, то, вероятно, стоит его аргументировать. В предисловии главный редактор (научный руководитель) издания М.М. Кульшарипов указывает на «войны и революции начала XX в... С другой стороны, именно в 20–30-е гг. XX в. были заложены основы движения башкирского общества в новом направлении» (с. 5). Далее говорится о том, что «авторы предприняли попытку преодолеть искажения истории башкирского народа, особенно национального движения начала XX в. и образования Башкирской АССР» (с. 5). Такой подход тем более понятен, если мы обратимся к проблематике и выводам ключевых работ М.М. Кульшарипова «З. Валиди и образование БАССР» (1917–1920) (Уфа, 1992), «Башкирское национальное движение (1917–1921) (Уфа, 2000)[3].

В историографическом обзоре М.М. Кульшарипов однозначно указывает: «в настоящем обзоре представляется лишь историография башкирского национального движения и образования Башкирской автономии, потому что именно эти ключевые проблемы истории башкирского народа первой половины XX века находятся в центре внимания нашего исследования» (с. 7). Однако неизбежно возникает вопрос, почему верхней границей исследования являются не 1920–1921 гг., как

в предыдущих работах М.М. Кульшарипова, а 1940-й год. Ответ на этот вопрос мы постарались дать в предыдущем абзаце, его дают и в заключении тома. Постараемся и мы определиться с теми работами, которые концептуально (и притом достаточно комплиментарно для сторонников башкирской автономии) дали обзор истории башкир, прежде всего периода революций 1917 гг., Гражданской войны и создания Башкирской республики. М.М. Кульшарипов в своем историографическом обзоре указывает в качестве первой работы, «где были затронуты вопросы башкирского национального движения, была богатая фактическим материалом книга С. Атнагулова» (с.7). Действительно, «Башкирия» С. Атнагулова и с нашей точки зрения сохранила свое значение как анализ достаточно беспристрастного участника событий. В историографическом обзоре парадоксально другое. Упоминая целый ряд работ Б.Х. Юлдашбаева, М.М. Кульшарипов не указывает на его фундаментальный труд «История формирования башкирской нации (дооктябрьский период)» (Уфа, 1972). Именно этот труд стал ключевым источником для легитимации отдельной башкирской нации, обладающей своей государственностью.

Действительно, общая логика V тома «Истории башкирского народа» сконцентрирована вокруг легитимации образования «Малой», а затем «Большой Башкирии» и упрочения этнотерриториальной республики в своих границах путем «подготовки национальных кадров, коренизации государственного аппарата» (с. 301–312), развития «культуры башкирского народа» (с. 313–374) через школу (с. 319–324), формирование научных кадров (с. 324–331), литературы (с. 332–341), языковое строительство (с. 341–351) и т.п. В целом мы видим здесь пример конструктивистского подхода к созданию этноистории.

Авторы V тома «Истории башкирского народа» обошли таким образом целый ряд вопросов, касающихся этносословного и языкового развития мусульман Волго-Уральского региона, в целом, и башкир, в частности. Первым и самым принципиальным является: составляли ли башкиры на рубеже XIX–XX вв. нацию (как считал Б.Х. Юлдашбаев) или народ? Второй: как известно, подданные Российской империи официально делились не по национальному, а по сословному признаку, который указывался во всех документах, причем границы башкирского этноса и башкирского сословия не всегда совпадали. Третий: вопрос языка. Четвертый: вопрос роли религии – ислама.

Постараемся дать ответы на трактовку этих вопросов в данном издании по мере изложения в нем материала. Первый раздел называется «Башкирский народ в 1900–1917 гг.», и в нем отсутствует блок, посвященный теории нации. По мнению Д. Шейфера[4], о чьих трудах указывается на с. 14, «в начале 1917 г. Башкирское национальное движение было еще в стадии А[5], т.е. выработки национальной культуры образованной элитой»[6]. В заключение своей диссертации Д. Шейфер приходит к выводу: «Выживание этнических групп или наций требует четко определенных пограничных маркеров, которые пережили десятилетия или столетия, или которые могут быть заменены новыми маркерами. Трудность для башкирской национальной идентичности заключалась в том, что до, во время и после революции эти различные черты плохо служили отделению башкир от возникающей татарской нации... Крайняя взаимопроникаемость татаро-башкирской этнической границы, особенно в Западном Башкортостане, не только усложняла разрешение территориального вопроса в начале 1920-х гг., но и давала уверенность тем, кто считал татар и башкир единым народом.

Башкирское движение, связанное с Валидовым, никогда окончательно не решило этих вопросов»[7]. Д. Шейфер подчеркивает, что А.-З. Валиди стремился к объединению тюрок-мусульман России: «Валидов публико-

вал «башкирские» газеты на татарском языке», стремился вовлечь татар в свое движение[8].

М. Кульшарипов считает, что Д. Шейфер «выразил несогласие с существующим в зарубежной историографии мнением, что башкирское национальное движение было организовано волей и стараниями З. Валиди» (с. 14). Идеи Д. Шейфера на самом деле глубже. Он указывает на роль А.-З. Валиди именно как теоретика, определившего модель автономии, превратившего средневековое движение за сохранение земель башкир-вотчинников в модерное движение за создание этногосударственности, отличной от татар. Д. Шейфер указывает: «Валидову потому и удалось определить башкирскую идентичность, что он не полагался на небольшие лингвистические различия; башкирская идентичность основывалась на особенностях, ясно отличавших башкир от... татар: кочевое прошлое, история восстания против русской власти, корпоративные права на землю, полуавтономная окружная система, Башкирское Войско. Если эти элементы башкирского партикуляризма отмирали... это только убеждало башкирских сепаратистов в том, что их нация находится в опасности. Значение, которое придавал Валидов чертам, ясно отличавшим башкир от татар, соответствует наблюдениям Фредрика Барта о значении «пограничных маркеров» при определении этнической и национальной идентичности. Подчеркивать небольшие различия в родственных группах для националиста зачастую гораздо важнее, чем без конца говорить о глубоких различиях, отделяющих земляка от явного чужака»[9].

Д. Шейфер, высоко оцениваемый М. Кульшариповым (с. 14), говорит о неопределенности ситуации рубежа 1910–1920-х гг.: «сейчас после семи десятилетий национального конструирования в Татарской и Башкирской республиках мы можем говорить с уверенностью о существовании двух отдельных, отличающихся наций... Если бы события пошли по другому пути,... то Россия сейчас могла бы иметь Татаро-Башкирскую республику или Идель-Урал Штат или вообще не имела бы национальных республик»[10].

Действительно, опрокидывание настоящего в прошлое стало большой проблемой для ученых не только в Уфе. По сути, этот подход в башкирской историографии четко сформулирован еще Б.Х. Юлдашбаевым в 1972 г. Он так отвечает на вопрос относительно «татар и башкир, о степени их различия и общности: одну ли нацию они составляют или две разные, на одном языке они говорят или на двух разных. Ныне не подлежит сомнению самостоятельная национальность башкир и их языка»[11]. Следует отметить более тонкий подход Б.Х. Юлдашбаева. Он понимал, что термин «нация» (он оперирует и понятием «миллет»[12]) гораздо более адекватно отражает претензии на отличие от татар, в качестве особой государственной и политической единицы.

Фактически дискуссия о принадлежности к башкирам (к этнической границе с татарами) затрагивается в 5-м томе только при анализе результатов переписей в 1897–1926 гг. (с. 15–19). С этого подраздела открывается раздел первый «Башкирский народ в 1900–1917 гг.». Авторы фактически идут следом за С. Атнагуловым. Он указывает, что в 4 уездах Уфимской губернии (Уфимский, Златоустовский, Бирский, Белебеевский) количество татар составляло 9,96%, в 1920 г. оно увеличилось до 49,36%[13]. Исследуем методику анализа этих цифр у С. Атнагулова и в 5-м томе, так как они являются ключевым «яблоком раздора» между учеными Уфы и Казани. В 5-м томе не приводится разбивка по уездам, которая показывает абсолютное большинство татар в Бирском и Белебеевском уездах в 1920 г.[14]. Именно о никогда не проведенном референдуме в этих уездах говорится в Декрете Президиума ВЦИК РСФСР и СНК РСФСР о создании АТССР от 27 мая 1920 г. С. Атнагулов задает вопрос: «Куда девались башкиры

и откуда появились татары... башкиры очутились среди татар. Причины этого явления следующие: до 1917 года и первое время после революции существовал такой взгляд, что считаться башкиром более выгодно, так как возможно возвращение башкирских земель прежним хозяевам башкирам. А уже в 1920 г. и в последующих годах имя башкира было скомпрометировано валидовской авантюрой»[15]. Изданный в 1925 г. труд С. Атнагулова, правда, не дает ответа на вопрос, почему в 1926 г. уже в составе «Большой Башкирии» численность татар вновь возросла. В 5-м томе вначале указывается, что «людские потери башкирского народа за 1917–1923 гг. дошли до 700 тыс. чел.», т.е. соответственно таблице 1 численность башкир сократилась с ~1,5 млн. до 734454 человек. Даже с учетом Гражданской войны и голода начала 1920-х гг. трудно не признать эти цифры не соответствующими реальности. Таких потерь населения в этом регионе не было. Авторы 5-го тома сами отмечают рост численности татар в регионе в 1897–1926 гг. в 2,5 раза (с. 17–18). Правда, далее они говорят о росте числа татар «за счет мишарей, тептярей, определенной части башкир, поменявшей свою национальную принадлежность из-за изменения социально-экономического и общественно-политического положения башкирского народа после Октября 1917 г. (Декрет о земле, объявление башкир «контрреволюционным народом» (с. 18). Однако в реальности советский режим в центре не только торпедировал татарский проект единой мусульманской территориальной автономии, но и передал «Малой Башкирии» практически всю Уфимскую губернию в 1922 г.

В целом в 5-м томе преобладает презумпция правильности деятельности лично А.-З. Валиди и возглавляемого им крыла автономистов (особенно на с. 82–184). Любые другие варианты рассматриваются только в отрицательном контексте. Особенно большое внимание уделяется установлению максимального барьера между башкирами и татарами. Причем, если судить по списку периодических изданий (с. 451–452), за татарами отрицается наличие даже собственной печати. Все татароязычные издания помечены как на «языке тюрки», включая орган башкирских автономистов газету «Башкорт». Наоборот, газета «Йэш коммунист» (1920 г.) помечена как «на башкирском языке». Дело доходит до внутренних противоречий: газета «Урал» на с. 37 называется изданием «на татарском языке», а на с. 451 на языке «тюрки». Существование образования на татарском языке отрицается и на с. 319 (опять язык «тюрки»)[16]. Наоборот, Б.Х. Юлдашбаев утверждает, что «через Акмуллу и Уметбаева татарский литературный язык еще в конце XIX в. заменил у башкир арабизированное тюрки мусульманских писателей XIX в. ... башкирские писатели сочиняли на татарском языке»[17]. С. Атнагулов указывает: «До революции было только несколько миссионерских брошюр на башкирском языке, напечатанных русским шрифтом. Учеба детей башкир велась на татарском языке. Иначе говоря, башкиры даже не имели своей азбуки»[18]. При этом Р.З. Алмаев в «советской школе довоенного периода» указывает: «Заметное уменьшение численности башкир в составе населения Башкортостана в 20–30-е гг. XX в. и соответственно увеличение числа татар происходили прежде всего за счет «отатаривания» первых через обучение детей и молодежи в школах. Постепенно башкирские дети отрывались от своего родного языка, истории, культуры, обычаев» (с. 372). Положительным моментом является тот факт, что здесь (в отличие от данных раздела «Башкирский народ в 1900–1917 гг.») указывается на то, что эти люди выжили, отрицательным (для автора 5-го тома) то, что при этом они определили свою этническую идентичность как татары. Но если С. Атнагулов и Б. Юлдашбаев говорят о национальной школе и литературе мусульман Приуралья как татароязычной, то где же сохранялась идентичность башкир? В русско-башкирских

школах с русскоязычными или кириллографичскими учебниками? М. Фархшатов прямо говорит, что «власти навязывали школам для башкир ассимиляторские политико-педагогические цели». Однако тут же заявляет об их положительной роли (с. 314). Следует напомнить, что термин «отатаривание» прямо взят из арсенала Н. Ильминского, стремившегося расколоть народы Волго-Уральского региона по этноплеменному признаку.

Вспоминая Н. Ильминского, трудно не вспомнить сына его ближайшего соратника – В.Ульянова-Ленина – и бывшего тбилисского семинариста И. Джугашвили-Сталина. В историографии давно ведется дискуссия об искренности политики большевиков при разработке проекта Татаро-Башкирской республики (ТБСР). Следует отметить, что в западной историографии и историографии татарской превалирует мнение, что Положение о ТБСР от 22 марта 1918 г.[19] было всего лишь уловкой, направленной на недопущение создания Идель-Урал Штата. Но этому тезису не хватало источников. Однако в 2010 г. в книге «Образование чувашской автономии» приводятся воспоминания И. Макимова-Кошкинского, участника совещания о создании ТБСР, прошедшего 13–18 апреля в Москве. Он утверждает, что в присутствии М. Вахитова, М. Султан-Галиева, представителя чувашей Д. Эльменя и неназванного представителя башкир И. Сталин заявил:

«Если не хотите войти в Татаро-Башкирскую республику... то создавайте свои Автономные Советские республики...

Д.С. Эльмень: У нас для столицы пригодного города даже нет.

Сталин: Насчет столицы не надо печалиться, создадим новый город»[20].

Естественно, что в период Гражданской войны и последовавшего за ней голода новую столицу создать было невозможно. Однако в целом просматривается алгоритм, по которому Малой Башкирии передали Стерлитамак, а затем Уфу.

Парадоксальным является отсутствие сколь-либо детального анализа религиозного фактора. При этом Уфа является резиденцией Оренбургского духовного собрания, трансформированного в 1917 г. в Диния Назараты милли Идаре, а в 1920-е гг. – в Центральное духовное управление мусульман России. Вначале в составе правительства Башкирской автономии, а затем самостоятельно действовало Башкирское духовное управление мусульман. Кажется, авторы тома решили довести до конца размежевание татар и башкир, российской уммы, не проанализировав ее общие духовные структуры.

В заключение хотелось бы остановиться на научной базе исследования. Своеобразный подход проявляется в почти полном отсутствии источников на арабском шрифте. Кроме малого количества периодики это ряд статей А.-З. Валиди по частным вопросам, «Гани-бай» и труд М. Бикчентаева по мусульманской системе образования в Оренбургской губернии. Из трудов других улемов и общественных деятелей присутствует ссылка только на «Булгарские и казанские тюрки» Р. Фахретдина в современном казанском издании. В списке литературы литература на иностранных языках ограничивается 6 работами (из них 2 – А.-З. Валиди). Тот же Д. Шейфер цитируется по журнальному уфимскому изданию.

Данное исследование может быть подвергнуто более детальному анализу. Мы постарались дать ответы на вопросы, изложенные в начале рецензии. При этом мы постарались осветить данную проблематику, используя труды тех авторов, к которым комплиментарно относятся сами авторы 5-го тома «Истории башкирского народа». В целом данный труд представляет собой добротное комплексное исследование, направленное на доказательство заранее выдвинутых тезисов. Так, в заключении, во многом по аналогии с введением, М. Кульшарипов указывает: «Активное национально-государственное

строительство в крае в 20–30-х гг. (образование в 1922 г. Большой Башкирии на основе слияния Уфимской губернии с Малой Башкирией, разработка и принятие первых конституций республики) заложило прочную основу для позитивного развития национальной государственности башкир» (с. 427). Поэтому «историю любого народа в период форсированного строительства социализма нельзя показывать только в негативном плане» (с. 428). В итоге 5-й том «Истории башкирского народа» представляет этноисторию победителей. Вероятно, что он дает лучшее понимание современного состояния башкирской элиты Башкортостана (как указывают о подобных случаях Э. Смит и Э. Кедури[21]), чем о предмете исследования. Вероятно, это скорее является правилом, а не исключением на постсоветском пространстве, и не только на нем.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дата подписания в печать указана как 31.01.2011.

[2] См. *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. – М., 2010; *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. – М., 2001 (особенно глава «Ангел истории»); *Смит Э.* Национализм и модернизм. – М., 2004 (особенно анализ «Религии нации» и «Религии истории» на с. 215–216).

[3] См. с. 9–10 (раздел «Историографический обзор).

[4] Называемый в 5-м томе Шефером.

[5] Согласно теории М. Хроха. См. *Hroch M.* Social preconditions of national revival in Europe: A comparative analysis of the social compos of patrioyic groups among smaller European nations. — Cambridge, 1985; The formation of national elites: Comparative studies on governments and non-dominant ethnic groups in Europe. – Vol. VI. – Dartmouth, 1992.

[6] Schafer A. Building nations and building states: The Tatar-Bashkir question in revolutionary Russia: 1917–1920. – Ph. Dis.-University of Michigan, 1995. – P. 7.

[7] *Schafer A.* Building nations and building states: The Tatar-Bashkir question in revolutionary Russia: 1917-1920.-Ph. Dis.-University of Michigan, 1995. – Pp. 448–449.

[8] *Schafer A.* Building nations and building states: The Tatar-Bashkir question in revolutionary Russia: 1917–1920. – Ph. Dis.-University of Michigan, 1995. – Pp. 456–457.

[9] *Шейфер Д.Э.* Местная политика и рождение Республики Башкортостан, 1919–1920 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 209–210.

[10] *Schafer A.* Building nations and building states: The Tatar-Bashkir question in revolutionary Russia: 1917 – 1920. – Ph. Dis.-University of Michigan, 1995. – Pp. 456–457.

[11] *Юлдашбаев Б.Х.* История формирования башкирской нации (дооктябрьский период). – Уфа, 1972. – С. 322.

[12] *Юлдашбаев Б.Х.* История формирования башкирской нации (дооктябрьский период). – Уфа, 1972. – С. 285.

[13] *Атнагулов С.* Башкирия. – М.;Л.: Госиздат, 1925. – С. 82.

[14] *Атнагулов С.* Башкирия. – М.; Л.: Госиздат, 1925. – С. 82–83.

[15] Там же. – С. 83.

[16] См. подраздел «Просвещение в 1900–1917 гг.», созданный М.Н. Фархшатовым.

[17] *Юлдашбаев Б.Х.* История формирования башкирской нации (дооктябрьский период). – Уфа, 1972. – С. 285.

[18] *Атнагулов С.* Башкирия. – М.; Л.: Госиздат, 1925. – С. 82.

[19] Кстати, с самого начала юридически ничтожное, так как Наркомат по делам национальностей РСФСР не имел права принимать законодательные акты. Наоборот, Декрет о создании Башкирской автономии от 20 марта 1919г., подписанный председателем СНК РСФСР В. Ульяновым-Лениным и и.о. председателя ВЦИК РСФСР М. Владимирским, был законным актом (см. с. 150).

[20] Цит. по: *Иванов В., Клементьев В.* Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы. – Чебоксары. 2010. – С.40. Авторы здесь цитируют чувашеязычный источник, изданный в журнале «Ялав» (1960, № 4, с. 20).

[21] *Смит Э.* Национализм и модернизм. – М., 2004. – С. 212–219.

Аннотация

В данной рецензии анализируется том V «Истории башкирского народа» (1900–1940). Он представляет собой преимущественно историю создания и эволюции Башкирской автономии в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: этноистория, история национальной государственности башкир, национальная автономия.

Summary

This review deals with the analysis of the volume V of «History of the Bashkir people» (1900-1940). It is primarily the story of creation and evolution of Bashkir autonomy in the 1920-1930-ies.

Keywords: ethnohistory, the history of national statehood Bashkir national autonomy.

ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

1 марта 2012 г. состоялось очередное заседание президиума Академии наук Республики Татарстан. На повестке дня было два главных вопроса: работа над Уставом Академии наук РТ и проект Положения о порядке формирования перечня научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, претендующих на финансирование за счет средств бюджета Республики Татарстан, и финансирования указанных работ.

* * *

12 марта Академию наук Татарстана посетили представители делегации ОАО «Газпром», приехавшей в республику с рабочим визитом.

Делегация ОАО «Газпром» во главе с начальником департамента по добыче газа, газового конденсата и нефти В.В.Черепановым находилась в Татарстане 12–13 марта. В первый день приезда заместитель начальника Департамента Н.А.Гафаров и группа специалистов «Газпрома» встретились с учеными Академии наук Татарстана. На встрече присутствовали президент Академии А.М.Мазгаров, академик Ю.Ф.Гортышов, члены-корреспонденты А.Ш.Зиятдинов, И.Ш.Хуснутдинов и другие. Были обсуждены вопросы сотрудничества АН РТ и Департамента, достигнута договоренность о возможности ведения совместных проектов в области нефти и газа.

* * *

16 марта 2012 г. Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, Министерство образования и науки РТ, Исполком Зеленодольского муниципального района РТ, Управление образования ИК ЗМР РТ провели региональную научно-практическую конференцию «Славные страницы истории Отечества» для учащихся 8–11 классов, посвященную сразу нескольким знаменательным датам – Году Российской истории, 200-летию победы в Отечественной войне 1812 г., 400-летию освобождения Москвы ополчением К.Минина и Д.Пожарского и избранию на царство Михаила Романова, 80-летию г. Зеленодольска.

На конференции обсуждались следующие проблемы:

– Вклад народов Поволжья и Приуралья в победу в Отечественной войне 1812 г.;

– Отечественная война 1812 г. в литературе и устном народном творчестве;

– Участие народов Поволжья и Приуралья в ополчении К.Минина и Д. Пожарского 1612 г. и Земском Соборе 1613 г.;

– История Зеленодольска в истории моей семьи;

– «Я лиру посвятил народу своему» – выдающиеся деятели культуры Зеленодольска;

– Педагогические, трудовые и научные династии земли Зеленодольской;

– Проекты: «Это наш город и нам в нем жить».

* * *

16–17 марта 2012 г. в малом зале Академии наук Татарстана прошла Международная научная конференция «Социально-политический строй средневековых тюрко-татарских государств».

На третьей по счету научной конференции, посвященной истории и культуре средневековых тюрко-татарских государств, принимали участие ученые из Симферополя, Астаны, Лейпцига, Йоэнсуу (Финляндия), Москвы, Санкт-Петербурга,

Рязани, Омска, Кургана, Краснодара, Перми, Челябинска, Тобольска и Казани. На пяти сессиях форума «Крымское ханство», «Сибирский юрт», «Политико-правовые аспекты истории тюрко-татарских государств», «Казанское ханство» и «Социально-экономические аспекты жизнедеятельности средневековых тюрко-татарских государств» прозвучало 33 доклада историков, текстологов, археологов и архивистов. Выступили ведущие специалисты, занимающиеся данной проблематикой, – научные сотрудники Института Российской истории РАН А.В.Виноградов и А.В.Малов, Института востоковедения РАН И.В.Зайцев, Государственного Эрмитажа М.Г. Крамаровский, Крымского филиала Института археологии Национальной академии наук Украины С.Г.Бочаров, зам. декана исторического факультета Курганского государственного университета Д.Н.Маслюженко, доцент филиала Московского психолого-социального университета г. Рязани А.В.Беляков, большая группа казанских историков и др.

В рамках научного мероприятия также состоялись круглый стол на тему «Московское государство и позднезолотоордынские тюрко-татарские государства: история взаимоотношений» и научный семинар «Проблемы и перспективы изучения истории и культуры позднезолотоордынских государств».

По итогам конференции была принята резолюция, в которой участники предложили включать в тематику казанских конференций проблемы становления и развития Великого княжества Литовского и Московского государства как интегральной части позднезолотоордынского мира, рассмотреть возможности подготовки и издания сборников статей, очерков и коллективных монографий, посвященных военному делу, городам и городскому населению, культурному взаимодействию, картографии позднезолотоордынских татарских государств и Московского государства, а также в дальнейшем организовывать конференции этого цикла с ориентиром на написание в будущем коллективных монографий по истории каждого средневекового тюрко-татарского образования.

* * *

21 марта в средней школе п. г. т. Балтаси состоялась Республиканская научно-практическая конференция «Шаги в науку – 2012» для учащихся 7–11 классов. В конференции приняла участие большая делегация ученых Академии наук Татарстана во главе с вице-президентом академии Д.Ш.Сулеймановым.

Работа школьного научного форума проходила в 8 секциях, в каждой из которой председательствовал авторитетный ученый. В роли экспертов научных докладов школьников выступили: по техническому творчеству – Д.Ш.Сулейманов, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, профессор КФУ, зав. кафедрой математической лингвистики и информационных систем в филологии ИФИ КФУ; по химии – И.Ш.Хуснутдинов, член-корреспондент АН РТ, профессор; по биологии – Л.К.Мухаметзянова, главный специалист АН РТ, канд. биол. наук, член жюри республиканской олимпиады по экологии; по математике – А.Ф.Галимянов, зав. каф. информационных систем КФУ, канд. физ.-мат.н., доцент КФУ, член жюри Поволжской научно-практической конференции им. Н.И. Лобачевского; по физике и астрономии – Р.Г. Яхин, начальник научно-организационного отдела АН РТ, доктор физ.-мат. наук, профессор КНИТУ-КАИ; по географии и экологии – Н.М.Биктимиров, канд.геогр.наук, доцент КФУ; по информационным технологиям – Р.М.Хадиев, старший преп. каф. теоретической кибернетики Института вычислительной математики и информационных систем КФУ, член жюри Российской олимпиады по информатике; по истории и краеведению – И.К.Загидуллин, зав. отделом Института истории АН РТ, доктор ист. наук.

После подведения итогов конференции лучшие из докладчиков получили из рук ученых почетные дипломы и памятные подарки.

* * *

22 марта в Академии наук Татарстана состоялось первое совещание российской стороны Оргкомитета Российско-Британского симпозиума «Горизонты науки». Симпозиум планируется провести в Казани в октябре 2012 г.

Идея проведения такого мероприятия родилась после поездки в ноябре 2011 г. президента Академии наук Татарстана А.М.Мазгарова в Лондон, в рамках которого Ахмет Мазгарович встретился с вице-президентом Королевской академии наук Великобритании господином Мартином Поляковым. Во время встречи была достигнута договоренность о сотрудничестве двух академий. Впоследствии из Великобритании было послано письмо с предложением провести совместный симпозиум на базе Академии наук РТ, адресованное Президенту Татарстана Р.Н.Минниханову. Рустам Нургалеевич воспринял предложение с интересом и выразил одобрение.

Уже с начала 2012 г. началась работа по подготовке к российско-британскому симпозиуму «Горизонты науки». Двусторонний симпозиум будет проходить с участием британских (50%) и российских ученых (50%). На междисциплинарном симпозиуме планируется обсудить самые актуальные проблемы 8 областей науки: астрономии, биологии, химии, наук о Земле, математики, молекулярной биологии, нейробиологии и физики. Принять участие в нем могут молодые ученые (не старше 45 лет). Цель симпозиума – обмен новыми идеями в области научных исследований.

Были утверждены с обеих сторон оргкомитеты. В состав оргкомитета с российской стороны вошли: президент АН РТ А.М.Мазгаров, академик РАН и почетный член АН РТ, директор Института океанологии РАН Р.И.Нигматуллин, вице-президент АН РТ, академик РАН и АН РТ, директор Казанского физико-технического института РАН К.М.Салихов, академик РАН и АН РТ А.И. Коновалов, академик АН РТ О.Н.Ильинская, академик-секретарь АН РТ, академик Н.А.Сахибуллин, президент КазНЦ РАН, академик РАН О.Г.Синяшин, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, директор НИИ прикладной семиотики АН РТ Д.Ш.Сулейманов. Российской стороне оргкомитета в ближайшее время предстоит определиться с кандидатурами участников симпозиума и тематикой докладов, с которыми молодые представители российской науки выступят на сессиях симпозиума.

* * *

1 апреля 2012 г. стартовал VIII конкурс «Пятьдесят лучших инновационных идей для Республики Татарстан». Прием, регистрацию и предварительную экспертизу проектов осуществляют Академия наук Татарстана и Представительства Инвестиционно-венчурного фонда РТ. Заявки принимаются до 15 октября.

В издательстве «Фэн» Академии наук Татарстана вышла в свет книга, которую так давно ждали специалисты, – коллективная монография «Региональный рынок интеллектуальной собственности». Ее авторы – член-корреспондент АН РТ В.В.Хоменко, начальник научно-инновационного отдела АН РТ В.А.Арсланов и старший научный сотрудник лаборатории БНК при кафедре биохимии КФУ И.С.Газизов.

Монография представляет собой одно из первых изданий, посвященных формированию рынка интеллектуальной собственности в России. Главная ценность книги – она содержит как теоретические, так и практические оценки современного состояния и перспектив развития этого нового направления организации российской экономики. В ней проанализированы и обобщены теоретические подходы в отношении понимания природы и содержания интеллектуального продукта, формирования и использования прав собственности на него в процессе рыноч-

ного обращения. Особое внимание авторы уделили анализу условий и направлений создания региональной рыночной инфраструктуры коммерческих операций с объектами интеллектуальной собственности.

В данной монографии представлена авторская концепция формирования регионального рынка интеллектуальной собственности. Читателям предлагается также проект Концепции формирования и развития интеллектуальной собственности, подготовленный в рамках принятых решений Правительства РТ коллективом специалистов АПН РТ, Министерства образования и науки РТ, ведущих университетов и коммерческих организаций, работающих в данной сфере. Инициаторы разработки Концепции открыты к дальнейшему диалогу с заинтересованными специалистами и организациями в обсуждении настоящей проблемы.

* * *

4 апреля состоялось очередное заседание президиума Академии наук Республики Татарстан. На повестке дня были три главных вопроса: деятельность Совета общества изобретателей и рационализаторов РТ; подведение итогов конкурса республиканских молодежных научных грантов и премий на 2012 г.; объявление конкурса на соискание именных премий Академии наук РТ Х.М.Муштари, Г.Х.Камая, А.Д.Адо в 2012 г.

Объявлен конкурс на соискание именных премий Академии наук РТ Х.М. Муштари, Г.Х.Камая, А.Д.Адо в 2012 г.

Премия им. Х.М.Муштари присуждается за лучшие работы в области математики, механики и технических наук; премия им. Г.Х.Камая – за лучшие работы в области химии; премия им. А.Д.Адо – за лучшие работы в области аллергологии, иммунологии и общей патологии.

Подведены итоги конкурса молодежных научных грантов и республиканских научных премий, объявленного Комитетом по присуждению грантов и премий Республики Татарстан при президиуме АН РТ для государственной поддержки молодых ученых.

Всего было подано на конкурс 189 заявок, из которых 140 соответствовали требованиям конкурса (108 – гранты, 32 – премии).

Наибольшее количество заявок поступило из Казанского (Приволжского) федерального университета (52), Исследовательского центра проблем энергетики КазНЦ РАН (7), КНИТУ-КАИ им. А.Н.Туполева и КГАСУ (по 6). Представленные на конкурс заявки были распределены по 13 экспертным комиссиям, в которых экспертизу проводили 26 независимых экспертов. Определены 32 победителя.

* * *

Кеву Минуллиновичу Салихову, вице-президенту АН РТ, директору Казанского физико-технического института РАН, действительному члену РАН и АН РТ вручена Брукеровская премия 2012 г. Международная Брукеровская премия присуждается Королевским обществом химии Великобритании в знак признания выдающихся заслуг в науке. Она вручается с 1986 г. Нынешняя награда – 27-я по счету и вторая, которая за всю историю существования этой премии вручена ученому из России.

* * *

По решению заседания Ульяновского регионального отделения Академии наук Республики Татарстан от 20 марта 2012 г., председателем президиума УРО АН РТ с 3 апреля 2012 г. стал член-корреспондент академии Константин Константинович Васильев.

* * *

Республика Татарстан и Исламская Республика Иран продолжат развитие отношений в научной и образовательной сферах. Об этом шла речь 17 апреля на встре-

че Президента Республики Татарстан Рустама Минниханова с советником Президента Ирана, руководителем Центра инновационного и технологического сотрудничества Президента Ирана Хамидрезой Амириния. Также 16 и 17 апреля в Академии наук Татарстана состоялось первое совместное заседание Центра по инновационному и технологическому сотрудничеству и ученых АН РТ.

Делегация представителей научных кругов Исламской Республики Иран находилась в Казани с рабочим визитом. 16 апреля гости посетили технопарк в сфере высоких технологий – ИТ-парк и были впечатлены увиденным. Особенный интерес иранцев вызвал проект «Электронное Правительство Республики Татарстан», а также ряд других наработок в сфере информационных технологий. Президент РТ Рустам Минниханов, приветствуя делегацию Исламской Республики Иран во главе с руководителем Центра инновационного и технологического сотрудничества Президента Ирана Хамидрезой Амириния, поблагодарил руководство Ирана за теплый прием, оказанный татарстанцам во время рабочей поездки в Иран в декабре 2011 г. Он отметил, что все объекты, увиденные в рамках той поездки, оставили у него хорошие впечатления. Особенно глава Татарстана был поражен объемами газохимического комплекса, который возводится в Иране, а также тем, как динамично развиваются наука и образование в стране в целом. Рустам Минниханов отметил, что сегодня в Иране идет диверсификация экономики, развиваются такие направления, как нанотехнологии, биотехнологии, ракетостроение и др. Кроме того, руководство страны уделяет внимание повышению социального статуса ученых, инвестициям в науку. Нам известно, что в Иране в 2006 г. была разработана и утверждена Стратегия развития нанотехнологии на ближайшее десятилетие, сказал Рустам Минниханов, в этом документе поставлена задача – вывести Иран на уровень 15 ведущих стран мира по нанотехнологиям.

Нам необходимо взаимовыгодно использовать научный и промышленный потенциал друг друга, заявил Рустам Минниханов, обмениваться опытом. По его словам, сегодня видна позитивная динамика в отношениях Татарстана и Ирана в рамках российско-иранского сотрудничества, и ее важно сохранить. Мы заинтересованы в сотрудничестве с Ираном в таких областях, как нефтехимия, научные исследования, образование, сказал Рустам Минниханов. Кроме того, он считает, что важно организовать прямое авиасообщение между Казанью и Ираном.

Рустам Минниханов выразил надежду на то, что в мае в столицу Татарстан прибудет руководство провинции Восточный Азербайджан (Исламская Республика Иран) для участия в международном саммите исламского бизнеса и финансов KazanSummit.

Руководитель Центра инновационного и технологического сотрудничества Президента Ирана Хамидреза Амириния, в свою очередь, сообщил, что сегодня активно налаживаются отношения с Академией наук РТ и ее президентом Ахметом Мазгаровым. У наших отношений есть высокий потенциал развития в науке и технологиях, заявил он. Взаимодействие предполагается организовать по пяти направлениям: нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии, нефтегазохимия, промышленное оборудование.

Хамидреза Амириния, в частности, высоко оценил фундаментальные исследования, которые проводит сегодня Казанский физико-технический институт им. Завойского.

Он также сообщил, что в области промышленного оборудования наиболее актуальным представляется сотрудничество в сфере компрессоростроения. Уже сегодня мы готовы приобрести десять комплектов компрессоров, сказал он, далее есть возможность сотрудничать в области сервисного обслуживания компрессоров и совместной разработки нового компрессорного оборудования.

Рустам Минниханов и Хамидреза Амириния обсудили также возможности создания совместного Фонда науки и технологий. Иранская сторона выразила готовность вложить в новую структуру порядка 1 млн. долларов США. Президент Татарстана со своей стороны подтвердил намерения относительно создания Фонда науки и технологий.

«Нам нужен результат, – сказал он. – И наши интересы в области науки надо объединять». Рустам Минниханов заверил, что Академия наук РТ будет продолжать привлекать для сотрудничества с Ираном все заинтересованные структуры.

Хамидреза Амириния в ходе встречи пригласил Рустама Минниханова еще раз посетить Исламскую Республику Иран, поблагодарил за прием, оказанный делегации Ирана в Казани.

* * *

Подведены итоги конкурса на соискание студенческих премий АН РТ имени профессора Ш.Т.Хабибуллина 2012 г.

Решено присудить премии АН РТ следующим студентам, прибывшим из Средней Азии для обучения в вузах г. Казани:

1. **ФАХУРТДИНОВУ Фариду Нагимовичу** – студенту 5 курса Казанского государственного архитектурно-строительного университета

2. **САТАЕВОЙ Диляре Алиевне** – студентке 5 курса Казанского (Приволжского) федерального университета

3. **АХАТОВОЙ Лилии Эдуардовне** – студентке 4 курса Казанского (Приволжского) федерального университета

4. **ЗАРЕЦКОМУ Василию Николаевичу** – студенту 4 курса Казанского национального исследовательского технологического университета

5. **СМАКОВОЙ Лилии Ильдаровне** – студентке 4 курса Казанского государственного энергетического университета.

* * *

17 апреля 2012 г. состоялась Международная научно-практическая конференция «Наследие Г.Ибрагимова и тюркский мир», посвященная 125-летию со дня рождения классика татарской литературы Галимджана Ибрагимова. Организаторы – Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан и Министерство культуры РТ.

На конференции обсуждались вопросы художественного и литературного наследия Г.Ибрагимова, его роль в развитии татарской истории, национального образования и ряд других проблем. В научном форуме приняли участие известные литературоведы, историки, филологи, сотрудники музеев, писатели Татарстана, Турции, Казахстана, Каракалпакстана, Азербайджана, Украины, Пятигорска, Уфы, городов Поволжья.

* * *

18 апреля 2012 г. состоялось заседание Совета по реализации законодательства о языках Республики Татарстан при Кабинете Министров Республики Татарстан под председательством Премьер-министра Республики Татарстан И.Ш.Халикова. На заседании выступил президент Академии наук Татарстана А.М.Мазгаров с отчетом АН РТ по выполнению Государственной программы Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004–2013 гг.

* * *

24–25 апреля 2012 г. в Большом зале Академии наук РТ состоялся Форум «Семья и общество: грани взаимодействия» некоммерческих организаций Приволжского фе-

дерального округа, оказывающих содействие в решении социальных проблем в сфере поддержки института семьи.

Организаторы форума – Благотворительный фонд «АК БАРС СОЗИДАНИЕ» при поддержке Общественной палаты Республики Татарстан, Академии наук Республики Татарстан, Центра развития общественных инициатив — Ассоциации «Служение» и при финансовой поддержке Министерства экономического развития РФ.

Основной целью форума является содействие объединению ресурсов НКО ПФО в решении социальных проблем в сфере поддержки института семьи.

В рамках форума состоялось обсуждение по следующим тематическим направлениям:

— Вариативные модели социального партнерства общественных организаций, органов власти, бизнес-структур, СМИ в сфере защиты интересов семьи;

— Модели и алгоритмы постинтернатного сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;

— Роль средств массовой информации в социальной поддержке института семьи;

— Добровольчество в семейной сфере: ценности, стратегии, технологии;

— Родительство в современном обществе: мода, традиция или ответственность?;

— Раннее материнство: «за» и «против»;

— Отцовство в современной России: социальные ожидания и проблемы;

— Механизмы поддержки семей, воспитывающих особых детей, создание стартовых возможностей для их становления;

— Гражданские технологии как форма реализации общественного контроля;

— Критерии и индикаторы социальной поддержки молодой семьи;

— Социальная защита детей в полной и неполной семье, неполная семья и талантливые дети;

— Трудоустройство молодых отцов и матерей как социальная проблема;

— Социальное жилье для молодых семей в современной России;

— Карьера и семья: рыночные и нерыночные ориентиры;

— Здоровье семьи — здоровье общества.

* * *

24–25 апреля 2012 г. в Казани состоялась Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Советское общество и советский человек: мифы и реальность». Организаторы – Кабинет Министров Республики Татарстан, Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Татарстана, Институт Татарской энциклопедии АН РТ, Казанский государственный архитектурно-строительный университет.

Основные проблемы, обсуждавшиеся на конференции:

1. Эволюция советского общества.
2. Мир советского человека.
3. Эмансипация общественного сознания в послевоенный период.
4. Основные тенденции развития отечественной культуры в советский период.
5. Власть и культура.
6. Социально-экономическое развитие СССР: достижения и нереализованные возможности.

Объявляется конкурс на соискание стипендий Академии наук Республики Татарстан для студентов вузов на осенне-зимний семестр 2012/2013 учебного года.

Хронику событий подготовил
Отдел по связям с общественностью
и СМИ АН РТ

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»

§ 1. Организация рецензирования

1.1. Все научные статьи, поступившие в редакцию (с учетом всех *требований к авторам*, включая наличие одной рецензии), подлежат обязательному дополнительному рецензированию.

1.2. Ответственный секретарь определяет соответствие поступившей рукописи статьи профилю журнала, требованиям к ее оформлению.

1.3. Член редколлегии, курирующий одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00), направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

1.4. Ответственность за качество рецензий и своевременность проведения рецензирования рукописей статей возлагается на члена редколлегии, курирующего одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00).

1.5. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются заместителем главного редактора или членом редколлегии, курирующим одно из научных направлений.

1.6. Требования к содержанию рецензии: см. § 2.

1.7. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

1.8. Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензенты обязаны знать о том, что направленные им рукописи являются интеллектуальной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи статьи.

1.9. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, заместитель главного редактора направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование тому же рецензенту, который сделал критические замечания.

1.10. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

1.11. Наличие положительной рецензия не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается главным редактором, заместителем главного редактора или ответственным секретарем. Не допускаются к публикации: а) статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, авторы которых отказываются от технической доработки статей; б) статьи, авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументированно не опровергают их.

1.12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции «Научного Татарстана» в течение трех лет.

§ 2. Требования к содержанию рецензии

2.1. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную, аргументированную его оценку и четко обоснованные рекомендации.

2.2. В рецензии особое внимание необходимо уделить освещению следующих вопросов.

• Анализ актуальности темы и научного уровня статьи.

• Соответствие содержания статьи ее названию.

• Оценка подготовленности статьи к публикации в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи.

• Научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки.

• Адекватность и рациональность объема статьи в целом и отдельных ее элементов (текста, иллюстративного материала, библиографических ссылок). Целесообразность помещения в статье иллюстративного материала и его соответствие излагаемой теме.

• Место рецензируемой рукописи в историографии: не дублирует ли она работы других авторов или ранее напечатанные труды данного автора (как в целом, так и частично).

• Допущенные автором фактологические неточности и ошибки.

2.3. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

2.4. В заключительной части рецензии должны содержаться обоснованные выводы о статье в целом и четкая, недвусмысленная рекомендация о целесообразности либо нецелесообразности ее публикации.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки). При подаче материалов в редакцию вы должны учесть следующие наши требования (в противном случае статьи будут отклонены без рассмотрения):

– необходимо наличие распечатанного на бумаге текста (2 экз.) и его электронного варианта (шрифт Times New Roman, размер шрифта 14-й, междустрочный пробел полуторный, одно из полей – не менее 2 см, обязательная нумерация страниц) объемом не более 1 авторского листа (40 тысяч знаков), без иллюстраций, с указанием УДК, ключевых слов на русском и английском языках и короткой аннотацией на русском и английском языках, примечаниями (ссылки необходимо указывать в тексте сплошной надстрочной нумерацией «1, 2, 3 и т.д.», а сами примечания размещать в конце текста; Ф.И.О. авторов цитируемых материалов выделяются курсивом) или списком литературы (в конце текста строго в алфавитном порядке, Ф.И.О. авторов выделяются курсивом), сведениями об авторе/авторах (Ф.И.О. полностью, год рождения, данные об оконченном вузе, ученая степень и занимаемая должность, тематика и общее число опубликованных работ, контактная информация);

– необходимо наличие одной рецензии на статью доктора либо кандидата наук (научные направления 07.00.00, 10.00.00, 12.00.00);

– необходима ксерокопия квитанции о подписке на журнал.

При соблюдении вами указанных требований редакция журнала в обязательном порядке направит поступившие материалы на дополнительное независимое рецензирование, после чего будет принято решение об их публикации или отказе в публикации.

Адрес редакции: *420111, Казань, ул. Баумана, 20*
Телефоны: *292-40-34 (гл. редактор), 292-84-82 (зам. гл. редактора),*
292-15-64 (ответ. секретарь)
Факс: *292-02-72 (обязательно указать – «для редакции «НТ»)*
e-mail: anrt@rambler.ru *(обязательно указать – «для редакции «НТ»)*

С наилучшими пожеланиями
и с надеждой на плодотворное сотрудничество

Редакция журнала «Научный Татарстан»

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

ПОДПИСКА НА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН» ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПО КАТАЛОГУ «ПОЧТА РОССИИ», ИНДЕКС 15615.

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ ОБЛЕГЧИТ ВАШЕ ОБЩЕНИЕ С РЕДАКЦИЕЙ НА ПРЕДМЕТ ПУБЛИКАЦИИ ВАШИХ МАТЕРИАЛОВ!